

ISSN 2077-4885

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Исторические и психолого-педагогические науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 25

В 4 частях

Часть 1

Минск
РИВШ
2025

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по историческим и психолого-педагогическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 27 декабря 2024 г.)

Редакционная коллегия:
пред. редкол. д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсёнок*;
д-р филос. наук доц. *И. Н. Сидоренко*; д-р ист. наук проф. *О. Г. Служка*;
д-р ист. наук доц. *А. В. Мартынюк*; д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Четет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*;
д-р полит. наук проф. *С. В. Решетников*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьёв*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. М. Бароўская

Институт гісторыі, Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск

V. Borovskaya

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 94 (476:4-470)“1923/1924”

АСАБЛІВАСЦІ ЗАКЛЮЧЭННЯ САВЕЦКА-ПОЛЬСКОЙ КОНСУЛЬСКОЙ КАНВЕНЦЫІ ДЛЯ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ ў 1923–1924 ГГ.

FEATURES OF THE CONCLUSION OF THE SOVIET-POLISH CONSULAR CONVENTION FOR SOVIET BELARUS IN 1923–1924

У артыкуле за кошт прыцягнення шырокага кола архіўных крыніц, якія ўпершыню ўводзяцца ў навуковы зварот, выкарыстанне спецыяльна-гістарычных метадаў, прыняцця гістарызму і аб'ектыўнасці робіцца выснова, што праблема натыфікацыі Польшчай працэса стварэння СССР у 1923 г. і заключэння савецка-польскай консульскай канвенцыі 1924 г. адбывалася ў надзвычай складаных умовах. Гэта тлумачыцца жаданнем польскага кіраўніцтва ў атрыманні дадатковых ільгот, у выглядзе пашырэння свайго дыпламатычнага прадстаўніцтва, за кошт юрыдычнага прызнання новай дзяржавы.

Ключавыя словы: Рыжскі дагавор; БССР; Польшча; консульская канвенцыя; стварэнне СССР.

In the article due to the involvement of a wide range of archival sources, which are introduced into scientific circulation for the first time, the use of special historical methods, the principles of historicism and objectivity, the conclusion is made that the problem of Poland's notification of the process of creation of the USSR in 1923 and conclusions of the Soviet-Polish consular convention of 1924 took place in extremely difficult conditions. This is explained by the desire of the Polish leadership to receive additional benefits, in the form of expanding its diplomatic representation, at the expense of legal recognition of the new state.

Keywords: Riga Treaty; BSSR; Poland; consular convention; creation of the USSR.

Падпісанне Рыжскага мірнага дагавора паміж савецкімі рэспублікамі і Польшчай у сакавіку 1921 г. заклала пачатак новага этапу ў развіцці двухбаковых савецка-польскіх адносін. Пытанне заключэння савецка-польскай канвенцыі ў 1924 г. знайшло сваё асвятленне на старонках даследаванняў савецка-польскіх адносін міжваеннага перыяду. У айчыннай гістарыяграфіі неабходна адзначыць працы М. М. Мезгі [1], В. М. Цынкевіча [2], У. Е. Снапкоўскага [3], у польскай – У. Скуры [4], М. Корната і В. Матэрскага [5], расійскай – А. В. Бабенка [6]. Аднак, на жаль, у згаданых напрацоўках не было разгледжана пытанне часу з'яўлення дыпламатычнага

прадстаўніцтва Польшчы ў Мінску, якое знаходзілася ў цеснай узаема сувязі з працэсам заключэння савецка-польскай консульскай канвенцыі. Даследаванне вопыту ўзаемаадносін паміж дзяржавамі з рознымі грамадска-палітычнымі і культурна-канфесійнымі сістэмамі, паміж уладай і этнічнымі групамі, на розных этапах гісторыі Беларусі, у тым ліку і ў міжваенны адрэзак часу, мае значны практычны вынік. Асноўнымі крыніцамі па праблеме сталі матэрыялы Архіва знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі, Архіва актаў новых у Варшаве. Большасць архіўных матэрыялаў упершыню ўводзіцца ў навуковы зварот.

Падпісанне савецка-польскіх канвенцый было прадугледжана ўмовамі Рыжскага мірнага дагавора. Аднак абодва бакі не ставілі гэта пытанне ў разрад першачарговых, імкнучыся адцягнуць іх падрыхтоўку на як мага позні час, ставячы ў залежнасць ад агульнага працэсу выканання рыжскіх дамоўленасцей (у першую чаргу матэрыяльных абавязкаў). У выніку справа заключэння двухбаковых канвенцый была адсунута на сярэдзіну-канец 1923 г. і стала адной з умоваў юрыдычнага прызнання польскім бокам новага дзяржаўнага федэратыўнага ўтварэння – СССР. Калі заключэнне санітарнай (7 лютага 1923 г.), паштова-тэлеграфнай канвенцый (24 мая 1923 г.) тлумачылася практычнай неабходнасцю, то консульская канвенцыя стала сапраўдным двухбаковым кампрамісам.

20 лютага 1923 г. у лісце Р. Кноля, паўнамоцнага прадстаўніка Польшчы ў РСФСР, да С. Залёўскага, рэферэнта Усходняга аддзела Міністэрства замежных спраў (МЗС) Польшчы, адзначалася, што падчас сустрэчы ў Народным камісарыяце замежных спраў (НКЗС) РСФСР была ўзнята праблема заключэння консульскай канвенцыі паміж бакамі аб спрыяльнасці моманту для лагоднага яе вырашэння [7, s. 306–308]. 10 чэрвеня 1923 г. у мемарандуме Усходняга аддзела МЗС Польшчы, паданага міністру замежных спраў Польшчы па пытаннях, звязаных з выкананнем Рыжскага мірнага дагавора, выказваецца жаданне пераўтварэння органаў, адказных за рэпатрыяцыю і аптацыю, у консульскія. У мемарандуме адзначалася, што “без валодання ў Мінску памяшкання, якое б карысталася сапраўднай недагтыкальнасцю, немагчыма там ажыццяўленне ніякай інфармацыйнай, палітычнай ці вайскавой дзейнасці, працы, якая ў нармальных умовах можа мець вельмі важнае значэнне” [7, s. 347–348]. Усходні аддзел МЗС Польшчы ўносіў прапанову аб акрэдытаванні пасла ў Маскве і пры беларускім урадзе і стварэнні пасольства Польшчы ў Мінску, у якім з-за адсутнічаючага пасла (які адначасова з’яўляецца паслом у Маскве і Тыфлісе), быў бы заменены ў рангу паверанага ў справах (chargé d’affaires), дыпламатычным супрацоўнікам у рангу легацыйнага сакратара. Пры гэтым пасольстве можна было б, пасля акрэдытавання, утварыць консульскі аддзел, які (незалежна ад канвенцыі) мог бы пераняць аптацыйныя справы, а ў будучым і спадчыну рэпатрыяцыі. Плануемая змена

ў Мінску магла выклікаць дадатковыя крэдыты ў суме 500–600 долараў штомесяц, без уліку аднаразовага ўстановачнага крэдыту.

3 ліпеня 1923 г. Р. Кноль звяртаўся да міністра замежных спраў Польшчы з выказваннем намеру аб накіраванні ў Маскву дырэктара Усходняга аддзела МЗС Польшчы Ю. Бабінскага і яго намесніка Ю. Збьшэўскага з мэтай сустрэчы 21 чэрвеня 1923 г. з прадстаўнікамі НКЗС СССР па пытанні абмеркавання ўмоваў заключэння консульскай канвенцыі [7, s. 366–367]. Савецкае кіраўніцтва выказала лагодна адносна гэтай польскай прапановы. Новы паўнамоцны прадстаўнік СССР у Польшчы Л. Л. Абаленскі валодаў паўнамоцтвамі па заключэнні гэтай дамовы. Аднак МЗС Польшчы ў першую чаргу хацеў выкарыстаць факт падрыхтоўкі консульскай канвенцыі як умову поўнага выканання ўмоў Рыжскага мірнага дагавора (у першую чаргу арт. 13, актывізацыя працы змешанай разліковай камісіі, выдача неабходных архіўных дакументаў для гэтай справы). У выніку Савет Міністраў Польшчы ўпаўнаважыў 15 сакавіка 1923 г. міністра замежных спраў на заключэнне консульскай канвенцыі з «Расіяй і Украінай». 21 ліпеня 1923 г. павінны былі адбыцца перагаворы па гэтым пытанні: ад савецкага боку – І. Л. Лорэнц (старшыня), І. А. Пергамент, член разліковай камісіі; ад польскага боку – Ю. Бабінскі (старшыня), Ю. Пазнаньскі, Я. Яблоньскі [7, s. 373–375]. Пытанне ўтварэння ў Мінску філіяла пасольства Польшчы ў Маскве было вырашана адмоўна.

17 ліпеня 1923 г. у тэлегране паўнамоцнага прадстаўніка Польшчы ў Маскве Р. Кноля міністру замежных спраў Польшчы паведамлялася аб накіраванні ноты 16 ліпеня 1923 г. ад прадстаўніка БССР у РСФСР (СССР) М. І. Мароза аб уступленні БССР у СССР. Так, 25 ліпеня 1923 г. у нататцы міністра замежных спраў Польшчы адносна пытання стварэння СССР указвалася, што ў польскага кіраўніцтва ўзнікаюць апасенні, што новапаўсталая дзяржава можа адмовіцца ад выканання міжнародных дагавораў, падпісаных толькі “часткай саюзнай дзяржавы”, “новая канстытуцыя ў сваёй аснове абмяжоўвае незалежнасць Украіны і Беларусі, якая была гарантавана II арт. Рыжскага дагавора як Польшчай, так і РСФСР. Аднак польскі ўрад не можа не прызнаць СССР, бо гэта б азначала адмовіцца ад выканання Рыжскага мірнага дагавора і разарванне дыпламатычных адносін [7, s. 382–383]. У разважаннях Р. Кноля, накіраваных да міністра замежных спраў Польшчы 6 жніўня 1923 г., указвалася на магчымасць прызнання дэ-юрэ СССР, з захаваннем некаторых умоваў адносна незалежнасці УССР і БССР, разам з утварэннем у Маскве прадстаўніцтва ў рангу пасольства. Прадугледжвалася безумоўнае выкананне Рыжскага дагавора, утварэнне консульстваў у Харкаве, Мінску, Тыфлісе [7, s. 387–388]. У канцы ліпеня – пачатку жніўня адбыўся шэраг сустрэч Л. Л. Абаленскага, паўнамоцнага прадстаўніка РСФСР (СССР) у Польшчы з намеснікам міністра замежных спраў Польшчы Г. Страсбургерам па пытанні юрыдычнага прызнання СССР. Аналагічным парадкам адбываліся сустрэчы Р. Кноля з Г. В. Чычэрыным.

19 жніўня 1923 г. адбылася другая сустрэча Г. Страсбургера з Л. Л. Абаленскім. Пытанне натыфікацыі стварэння СССР з боку Польшчы выклікала затрымкі ў працы змешаных камісій, паграбавала распаўсюджвання ўмоў дагавора на ўсё складаючыя часткі СССР, у тым ліку на тыя, з якімі не былі ўсталяваны дыпламатычныя адносіны [7, s. 395–396]. 31 жніўня 1923 г. польскі ўрад зацвердзіў прызнанне СССР пры прыняцці наступных умоваў: 1) Рыжскі мірны дагавор, усе дамовы і канвенцыі, заключаныя паміж польскім урадам і ўрадамі РСФСР, УССР, БССР захоўваюць сваю юрыдычную моц і будуць ва ўсёй сваёй шырыні выкананы ўрадам Саюза; 2) польскі ўрад утварае ў Харкаве, Тыфлісе і Мінску, пры ўпаўнаважаных НКЗС СССР аддзяленні пасольства Польшчы ў Маскве [7, s. 403–404].

13 верасня 1923 г. Польшча атрымала ў адказ ноту ўрада СССР, у якой нота з польскімі прапановамі расцэнвалася як спроба перагляду Рыжскага дагавора, што магло выклікаць адпаведныя крокі па яго пераглядзе і з боку СССР. Пазіцыя Польшчы ў справе прызнання СССР змянілася са зменай міністра замежных спраў. 13 снежня польскі ўрад прыняў да ведама натыфікацыю аб стварэнні СССР. У ночце ў адказ СССР «у мэтах далейшага афармлення сяброўскіх адносін» прадставіў польскаму ўраду, незалежна ад падлягаючай заключэнню консульскай канвенцыі, права неадкладнага адкрыцця генеральных консульстваў у Харкаве і Мінску і пагадзіўся на працяг тэрмінаў аптацыі польскага грамадзянства [7, s. 408].

2 кастрычніка 1923 г. міністр замежных спраў Польшчы М. Сейда накіраваў тэлеграму да Р. Кноля з інструкцыямі да далейшых перагавораў з прадстаўнікамі НКЗС СССР. У ёй былі ўнесены значныя змены ў пункт адносна ўтварэння аддзяленняў пасольства Польшчы ў Харкаве, Мінску, Тыфлісе. У выніку польскі бок пагадзіўся на адкрыццё ў гэтых гарадах Генеральных консульстваў, пры ўмове заключэння консульскай канвенцыі. Консульства былі як філіі пасольства Польшчы, польскі пасол мог накіраваць любога супрацоўніка для замяшчэння асноўнага супрацоўніка, прадугледжвалася гарантаванне права дыпламатычнай недатыкальнасці, будынка, супрацоўнікаў, выкарыстанне шыфру, абарона дыпламатычных кур'ераў [7, s. 414].

Пытанне адкрыцця консульскіх аддзелаў у Харкаве, Мінску, Тыфлісе сутыкалася з праблемай пошуку адпаведных памяшканняў. Перагаворы аб падпісанні консульскай канвенцыі пачаліся ў Маскве 21 сакавіка 1924 г. Польскі бок быў прадстаўлены Л. Дароўскім і начальнікам аддзела ў Консульскім дэпартаменце МЗС Польшчы К. Пазнаньскім. З савецкага боку – член Калегіі НКЗС В. Л. Коп, начальнік аддзела балтыйскіх краін і Польшчы НКЗС Б. Я. Штэйн. Таксама былі далучаны эксперты і іншыя спецыялісты.

Перагаворы па заключэнні консульскай канвенцыі пачаліся ў Маскве 21 сакавіка 1924 г. Пацяпленне ў савецка-польскіх адносінах, якое пачалося

пасля фарміравання ў снежні 1923 г. ураду У. Грабскага, а таксама прызначэння новага пасла Л. Дароўскага ў Маскву, садзейнічала паспяховым перагаворам. Канвенцыя была падпісана 18 ліпеня 1924 г. Прадугледжвалася, акрамя існуючых прадстаўніцтваў у Харкаве і Мінску, стварэнне консульстваў у Ленінградзе, Кіеве, Хабарайску і Тыфлісе. Для супрацоўнікаў консульстваў ствараўся новы тып імунітэту. Канвенцыя набыла моц у красавіку 1926 г. Пры гэтым пры яе разглядзе ў польскім сейме частка дэпутатаў Беларускага пасольскага клуба выступіла супраць ратыфікацыі, разглядаючы яе як вынік Рыжскага міру. У гэтым жа годзе консульства ў Мінску было пераўтворана ў Генеральнае консульства (хоць беларускія ўлады называлі яго генеральным з самага пачатку). 25 сакавіка 1924 г. Я. Карчэўскі быў зацверджаны НКЗС СССР Генеральным консулам Польскай Рэспублікі ў г. Мінску з консульскай акругай на ўсю тэрыторыю БССР. 26 красавіка 1924 г. упаўнаважаны НКЗС пры ўрадзе БССР М. Ітві разаслаў паведамленне аб гэтым народным камісарыятам БССР з тлумачэннем, што Я. Карчэўскі мае права зносіцца праз упраўленне ўпаўнаважанага НКЗС СССР з савецкімі ўстановамі па справах генконсульства; перапіска генконсульства, канцылярыя і архіў з’яўляюцца недатыкальнымі; генеральны консул мае ўсе правы ў адпаведнасці з дыпкарткай НКЗС.

У 1924 г. у Мінску было адкрыта польскае консульства. Да стварэння консульства яго функцыі часткова выконвала аддзяленне Змешанай камісіі па рэпатрыяцыі. Нягледзячы на адсутнасць суседскага ўзаемадаверу, БССР і Польшча ўсё ж былі вымушаны стварыць практычныя механізмы выканання дагаворных палажэнняў па мірным уладкаванні, арганізаваць рэпатрыяцыю шматлікіх ахвяр ваенных дзеянняў, развіваць дагаворна-прававую базу для вырашэння непазбежных памежных і міждзяржаўных праблем. Дзякуючы свайму геаграфічнаму становішчу і статусу ўдзельніка Рыжскага мірнага дагавора, БССР з’яўлялася выканаўцам (хоць і фармальным) шэрагу савецка-польскіх канвенцый, якія датычылі забеспячэння консульскіх паслуг, міжнародных, медыка-санітарных, мерапрыемстваў, перамяшчэння асоб, грузаў, паштова-тэлеграфнай карэспандэнцыі.

Пытанне аб арганізацыі польскага прадстаўніцтва ў БССР было канчаткова вырашана толькі пасля стварэння СССР. 13 мая 1923 г. на нарадзе прадстаўнікоў саюзных рэспублік у НКЗС РСФСР аб стварэнні СССР адзначалася, што ў сувязі са стварэннем СССР дзейнасць замежных місій у рэспубліках спыніцца да атрымання консуламі новых экзекватур ужо ад НКЗС СССР. Пасля зацвярджэння 6 ліпеня 1923 г. сесіяй ЦВК СССР Дэкларацыі і Дагавора аб стварэнні СССР у паўнамоцнае прадстаўніцтва БССР у Маскве быў накіраваны тэкст натыфікацыі аб уваходжанні БССР у склад СССР з даручэннем перадаць яго паўнамоцным прадстаўнікам Польшчы і Германіі, з якімі Беларусь знаходзіцца ў адносінах дэ-юрэ, а таксама Эстоніі, Літве, Латвіі, з якімі Беларусь ўсталявала адносіны дэ-факта.

Адпаведная нота была перададзена 16 ліпеня паверанаму ў справах Польшчы ў РСФСР Р. Кнолю. 21 ліпеня НКЗС БССР перадаў аналагічную ноту ў прадстаўніцтва польскай дэлегацыі ў Змешанай камісіі па рэпатрыяцыі. 12 верасня Старшыня ЦВК і СНК, народны камісар замежных спраў А. Р. Чарвякоў распаўсюдзіў заяву аб перадачы ўраду СССР паўнамоцтваў БССР на вядзенне ўсіх міжнародных спраў. З 15 верасня 1923 г. Паўнамоцнае прадстаўніцтва БССР пры ўрадзе СССР спыніла консульскую працу і перадало незавершаныя справы з НКЗС СССР.

Консульства Польшчы ў Мінску інфармавала свае ўлады аб палітыцы БССР, становішчы масцовых палякаў, аказвала праз Расійскае таварыства Чырвонага Крыжа і напрамую дапамогу арыштаваным і дабрачынную дапамогу мясцовым палякам. У снежні 1928 г. упаўнаважаны НКЗС СССР пры ўрадзе БССР А. Ф. Ульянаў у лісце калегіі НКЗС СССР Б. Стаманякаву адзначаў спробы ўзмацнення кантактаў польскага генеральнага консула ў БССР Т. Янкоўскага з інтэлігенцыяй Беларусі (просьбы консула дазволіць азнаёміцца з дзейнасцю БАН, Дзяржаўнага музея, бібліятэкі) і лічыў неабходным ізаляваць консульства ад такіх кантактаў, абмежаваўшы іх афіцыйнымі. Консульства ў Мінску працавала да канца 1930-х гг. У другой палове 1920-х гг. консулам быў Т. Янкоўскі, з 1930 г. яго змяніў Я. Гайдзінскі.

Па Палажэнні аб дыпламатычных і консульскіх прадстаўніцтвах замежных дзяржаў на тэрыторыі СССР 1925 г. консулы прызначаліся па ўзгадненні з урадам БССР. У жніўні 1937 г. былі зачынены генеральныя консульствы ў Тбілісі і Харкаве, у СССР прадстаўніцтвы Польшчы захоўваліся ў Мінску і Кіеве, консульства ў Ленінградзе і пасольства і генеральнае консульства ў Маскве.

У жніўні 1926 г. пастановай ЦВК і СНК СССР быў зацверджаны жорсткі парадак зносін саюзных рэспублік з урадавымі ўстановамі і службовымі асобамі замежных дзяржаў. Усе зносіны, акрамя культурнага і бытавога характару, адбываліся праз упаўнаважанага НКЗС СССР у БССР. Пісьмовыя звароты замежнага прадстаўніцтва па пытаннях палітычнага і дзяржаўна-эканамічнага значэння неабходна было тэрмінова пераслаць на адрас НКЗС СССР разам з матэрыяламі па пытанні. За парушэнні прадугледжвалася крымінальная і дысцыплінарная адказнасць.

Такім чынам, пытанне заключэння савецка-польскай консульскай канвенцыі, падпісанне якой прадугледжвалася ўмовамі Рыжскага мірнага дагавора, знаходзілася ў цеснай узаемасувязі з агульным станам двухбаковых адносін. Таму пад уплывам крызісных момантаў узаемаадносін паміж Польшчай і СССР падрыхтоўка канвенцыі адкладвалася на нявызначаны тэрмін. Хоць праблематыка, якую павінны былі рэгламентаваць гэтыя міжнародна-прававыя акты, была вельмі надзённай, без іх вырашэння адбывалася замаруджанне многіх міграцыйных, гандлёвых і лагістычных працэсаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Мезга, Н. Н.* Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины / Н. Н. Мезга. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 229 с.
2. *Цынкевіч, В.* Праблема рэпатрыяцыі бежанцаў і адкрыццё польскага консульства ў Мінску (1921–1924 гг.) / В. Цынкевіч // Беларуский журнал международного права и международных отношений. – 2001. – № 3. – С. 76–83.
3. *Снапкоўскі, У. Е.* Беларуска-польскія адносіны (1918–1989 гг.): Даследаванні, дакументы, ілюстрацыі і карты / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск: «Энцыклапедыкс», 2013. – 334 с.
4. *Skóra, W.* Służba konsularna Drugiej Rzeczypospolitej. Organizacja, kadry i działalność / W. Skóra. – Warszawa, 2006. – 410 s.
5. *Kornat, M.* Między pokojem a wojną. Szkice o dyplomacji polskiej lat 1918–1945 / M. Kornat, W. Materski. – Warszawa, 2015. – 164 s.
6. *Бабенко, О. В.* Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству / О. В. Бабенко. – Москва, 2007. – 224 с.
7. *Dokumenty do historii stosunków polsko-sowieckich 1918–1945 / red. serii M. Wołos.* – T. I: 1918–1926. – Cz. 2: Poszukiwanie normalizacji (kwiecień 1921 – maj 1926). – Warszawa, 2020. – 950 s.

(Дата падачы: 05.02.2024)

V. A. Belozorovich

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

V. Belazarovich

Yanka Kupala State University of Grodno

УДК 930(476)“19”

ГЕНЕРАЦИЯ ПОКОЛЕНИЙ УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ БЕЛОРУССКОЙ ССР

GENERATION OF GENERATIONS OF SCIENTISTS- HISTORIANS OF THE BYELORUSSIAN SSR

В статье раскрыты вопросы формирования трех поколений белорусских историков: «старая школа», первое марксистское поколение, послевоенное поколение, проанализирован их вклад в развитие концепции истории Беларуси. Показано, что в исторической науке Белорусской ССР сложилась преемственность поколений исследователей. Утверждается, что концептуальное видение истории Беларуси определялось общими методологическими подходами, господствовавшими в советской исторической науке.

Ключевые слова: историография; историография истории Беларуси; генерационный подход; поколение историков; концепция истории Беларуси.

The article raises the issues of formation of three generations of Belarusian historians: «old school», the first Marxist generation, the post-war generation, and analyzes their contribution to the development of the concept of the history of Belarus. It is shown that in the historical science of the Byelorussian SSR there was a continuity of generations of researchers. It is argued that the conceptual vision of the history of Belarus was determined by the general methodological approaches that dominated in Soviet historical science.

Keywords: historiography; historiography of the history of Belarus; generational approach; generation of historians; concept of the history of Belarus.

В современной исторической науке сложилась тенденция рассматривать творческую деятельность исследователя в контексте эпохи, в которой он жил. И здесь особое значение имеют культурные и социальные практики, определявшие общественно-политические взгляды, социальную коммуникацию, научную культуру исследователя. Используя генерационный подход, возможно проследить процесс синтеза нового научного знания как результата сложившейся научной традиции. Формой презентации данного процесса является «научная школа».

В оценке предложенного феномена, его конкретизации на понятийном уровне научное сообщество не сформировало общепринятой позиции. Результаты исследований Г. П. Мягкова [1], Б. М. Кедрова [2], Л. А. Сидоровой [3], Н. В. Иллерицкой [4], С. И. Михальченко [5] и др. позволяют выделить критерии, определяющие контуры научной школы: педагогическое и неформальное общение учителя и учеников (поколений учеников); общность методологических подходов, принципов, методов научного познания; взаимозависимость конкретной проблематики работ; общность восприятия общественно-политической реальности. Но даже строгое применение метода типологизации не позволяет опровергнуть постулат об уникальности каждой научной школы. Дискуссионным остается вопрос о степени зависимости триады: «школа – направление – течение».

Для отечественной историографии заявленная проблема не является достаточно разработанной. Исследователи сталкиваются с трудностями, обусловленными особенностями развития белорусской исторической науки в досоветский и советский периоды. Прежде всего, отметим отсутствие до 1920-х гг. центров исторической науки (академических и вузовских), в то время как российская историография уже выступала сложившимся феноменом. Также сказывается весьма глубокое, на наш взгляд, органичное, включение истории Беларуси в общую схему истории СССР. Еще важный аспект – на протяжении шести десятилетий советской исторической науки сложилась практика кадрового взаимодействия и перемещения ученых (република – союзный центр и наоборот).

Вышеизложенное не позволяет применить критерий научной школы для довоенного периода развития исторической науки в Беларуси. На наш

взгляд, необходимо за основу взять критерий «поколение ученых», предложенный доктором исторических наук, профессором Л. А. Сидоровой. Российская исследовательница выделила три поколения ученых-историков: дореволюционное («старая школа»), первое марксистское поколение, послевоенное поколение [6]. Хронологически каждое поколение охватывает примерно 20 лет при 80-летнем среднем возрасте человека.

Рассмотрим данную классификацию на примере исторической науки Беларуси. «Старую школу» в ней представляли профессора, приглашенные на работу в Белорусский государственный университет. Они получили высшее образование и лично сформировались еще в имперский период. Из числа ученых-историков к «старой школе» следует отнести В. И. Пичету, В. М. Игнатовского, М. В. Довнар-Запольского, Н. А. Янчука, Ф. Ф. Турука, А. А. Савича, С. Г. Лозинского. Воспитанные в лучших традициях дореволюционной науки, являясь уроженцами Беларуси, они согласились на переезд в Минск и успешно исследовали отечественную историю, заложив фундамент белорусской национальной историографии.

Профессура «старой школы» обладала большим личным опытом обучения и преподавания в классических гимназиях и на историко-филологических факультетах российских университетов. Поэтому традиция классического университетского образования дореволюционного периода перешла в «молодую» высшую школу Белорусской ССР. Благодаря этой профессуре был заложен фундамент белорусской советской научной интеллигенции.

Знаковой фигурой «старой школы» был В. И. Пичета – первый ректор БГУ. Его активная организационная деятельность способствовала приглашению на работу в Минск в 1921 г. 49 профессоров. Среди них были такие известные историки, как В. Н. Перцев и Н. М. Никольский. Выпускник Дерптского университета, нарком просвещения БССР В. М. Игнатовский возглавил факультет общественных наук БГУ. На четырех отделениях факультета студенты получали специальности экономистов, юристов, педагогов, работников учреждений культуры. Из стен БГУ, педагогических институтов БССР вышло первое марксистское поколение ученых-историков: В. Д. Дружич, К. И. Керножицкий, Д. А. Дудков, Ф. И. Забелло, А. В. Бурдейко, А. Д. Коваленя, И. Ф. Лочмель и др.

Представители дореволюционного поколения историков БССР занимали активную общественно-политическую позицию, поддерживая политику ЦК КП(б)Б в области национально-государственного строительства (белорусизации). «Беспартийный ректор» БГУ В. И. Пичета создавал национальный университет, а нарком-большевик В. М. Игнатовский стоял у истоков Белорусской Академии наук.

Профессоры «старой школы» проявляли активный интерес к белорусской истории. Были подготовлены и изданы первые государственные нарративы: «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» В. М. Игнатовским (1919 г.) [7]

и «Гісторыя Беларусі» В. И. Пичетой (1924 г.) [8]. Авторы данных работ представили первые национально-марксистские варианты концепции отечественной истории. В тоже время М. В. Довнар-Запольский в работах 1919–1925 гг., включая рукопись «Истории Белоруссии» [9], предложил несколько иной – национально-демократический – вариант концепции истории Беларуси.

Под влиянием дореволюционного поколения в 1920-е гг., в условиях методологического и историографического плюрализма, произошло становление первого марксистского поколения ученых-историков. Однако смена общественно-политической ситуации сопровождалась радикальным изменением методологии научного познания в области гуманитарных наук. Получило распространение марксистское понимание исторического процесса, основанного на формационном подходе. В исторической науке 1930-х гг. основное внимание стали уделять разработке советской концепции истории Беларуси.

Впервые советскую концепцию отечественной истории предложил академик В. К. Щербаков [10]. В методологическом плане ее отличают социологизм, модернизация прошлого, абсолютизация классово-борьбы. Затем в коллективной работе «Нарысы па гісторыі Беларусі» (1940 г.) [11] была представлена история Беларуси первобытно-общинной и феодальной формаций.

Первое марксистское поколение историков БССР активно разрабатывало советский период истории Беларуси, главным событием которого являлись Октябрьская революция 1917 г., гражданская война, иностранная военная интервенция. Отметим работы В. Г. Кнорина [12], С. Х. Агурского [13], А. Г. Червякова [14]. Однако в довоенный период комплексную обобщающую работу по истории советского общества в БССР не написали. Преобладали брошюры и воспоминания, в которых исторический материал переплетался с идеологическими установками. Научные результаты большинства тем, разрабатываемых в 1930-е гг., не были опубликованы. Кадровый состав историков понес существенные потери. Дело «Союза освобождения Белоруссии» (1930–1931 гг.), кадровая проверка 1933 г., академическая проверка 1935 г., репрессии 1936–1939 гг. сопровождалась массовыми арестами и увольнениями сотрудников Института истории АН БССР, реорганизацией Института национальных меньшинств, Института истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б.

Историки БССР, вошедшие в историческую науку после Великой Отечественной войны, составили ее третью генерацию в XX в. Еще продолжали работать представители «старой школы» (В. Н. Перцев, Н. М. Никольский), но набирали силу и вес представители первого марксистского поколения, родившиеся в 1920–1930-е гг. (И. С. Кравченко, Н. В. Каменская, И. М. Игнатенко, Л. С. Абецдарский, П. Т. Петриков). Именно они

заявляли ведущие позиции в исторической науке и обусловили ее презентационный образ.

Послевоенная генерация историков, находясь под влиянием двух разных поколений, консолидировалась в корпорацию ученых-исследователей БССР. Существенное их отличие от предшественников заключалось в том, что они родились и выросли в СССР, прошли общие этапы личного роста в общественных структурах: пионерская, комсомольская, партийная (коммунистическая) организации. Их объединяла активная общественно-политическая позиция. Многие из них были участниками Великой Отечественной войны, например, А. И. Залесский, Д. А. Дудков, И. М. Игнатенко, И. С. Кравченко, З. Ю. Копыцкий, И. Е. Марченко, В. Ф. Романовский, А. А. Филимонов, К. И. Шабуня, Е. П. Шлосберг.

Историки послевоенной генерации по своему социальному происхождению в основном принадлежали к выходцам из семей рабочих и крестьян, в меньшей степени – из семей служащих. Профессиональное образование большинство из них получили в Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина, в Минском государственном педагогическом институте имени М. Горького, в педагогических институтах Витебска, Гомеля, Гродно, Могилева. Будучи выпускниками сельских школ, фабрично-заводских училищ, школ колхозной молодежи, им приходилось наверстывать пробелы в знаниях в вузовских аудиториях. А отсутствие учебников и учебных пособий по истории требовало от студентов знания содержания монографической литературы, что обеспечивало высокий уровень академизма высшего образования. При этом в методологии научного познания прочно закрепился принцип партийности – история становится «партийной наукой».

Для послевоенной генерации историков БССР характерен быстрый профессиональный рост, что подтверждается длительностью периода между защитой кандидатской и докторской диссертаций – примерно 13–14 лет. Выбор тематики исследований затрагивал все формационные периоды отечественной истории, но отчетливо проявилась тенденция к актуализации проблем истории XX в. Это объясняется презентизмом советской исторической науки, которая должна была обосновать идею прогресса и неизбежности построения коммунистического общества. Легитимация этой задачи базировалась на фактах и явлениях так называемой «современной истории».

В послевоенный период под контролем ЦК КП(б)Б, в результате консультаций с сотрудниками Института истории АН СССР, широкого научного обсуждения авторские коллективы, состоявшие из академических ученых и преподавателей высшей школы, разработали унифицированную концепцию советской истории Беларуси, первоначально презентованную в макете коллективного труда «История БССР» в трех томах (1948 г.) [15], затем в «Истории Белорусской ССР» в двух томах (1954–1958 гг.) [16]. Наиболее

полный вариант советской концепции истории был представлен в «Гісторыі Беларускай ССР» в пяти томах (1972–1975 гг.) [17].

Концепция истории БССР 1950–1970-х гг., составленная по советским идеологическим канонам, отражала прошлое белорусского народа как последовательную смену первобытно-общинной, феодальной, капиталистической, коммунистической формаций и как составную часть истории СССР.

Общественно-политические кампании второй половины 1940-х гг., изменения политического курса Советского государства в 1950–1960-е гг. сформировали у послевоенного поколения историков БССР конформизм, но при этом сохранялось стремление отделить науку от конкретной общественно-политической ситуации.

Список использованных источников

1. *Мягков, Г. П.* «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции / Г. П. Мягков. – Казань: Изд-во Казан. унта, 1988. – 198 с.

2. Проблемы истории и методологии научного познания: сборник статей / АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. – Москва: Наука, 1974. – 311 с.

3. *Сидорова, Л. А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков / Л. А. Сидорова. – Москва: ИРИ РАН, 2008. – 292 с.

4. *Иллерицкая, Н. В.* Теория и практика современной историографии / Н. В. Иллерицкая. – Москва: ЛЕНАНД, 2020. – 128 с.

5. *Михальченко, С. И.* О школах и направлениях в исторической науке / С. И. Михальченко // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ, Минск, 15–16 апр. 2004 г. / редкол.: В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2004. – С. 38–39.

6. *Сидорова, Л. А.* Советские историки: духовный и научный облик / Л. А. Сидорова. – Москва: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 248 с.

7. *Ігнатоўскі, У. М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. – Мінск: Беларусь, 1991. – 5-е выд. – 188 с.

8. *Пічэта, У. І.* Гісторыя Беларусі / У. І. Пічэта. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2005. – 179 с.

9. *Довнар-Запольский, М. В.* История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – Минск: Беларусь, 2003. – 680 с.

10. *Щербаков В. К.* Белоруссия / В. К. Щербаков // Малая Советская Энциклопедия: в 11 т. – 2-е изд. – Москва, 1933. – Т. 1. – С. 803–809.

11. Нарысы па гісторыі Беларусі / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск: Выд. Акад. навук БССР, 1940. – Ч. 1. – 114 с.

12. Кнорин, В. Г. Пять лет (Краткий конспект к истории КП(б)Б) / В. Г. Кнорин // Избранные статьи и речи / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; сост. Н. В. Кузнецов [и др.]. – Минск: Беларусь, 1990. – С. 78–92.

13. Агурский, С. Х. Еврейский рабочий в коммунистическом движении (1917–1921) / С. Х. Агурский. – Минск: Гос. изд-во Белоруссии, 1926. – 248 с.

14. Чарвякоў, А. Р. За Савецкую Беларусь / А. Р. Чарвякоў // ...Я ніколі не быў ворагам: выбр. арт. і прамовы. Успаміны сучаснікаў; склад. В. Ц. Мыслівец. – Минск: Беларусь, 1992. – С. 29–142.

15. История БССР: в 3 ч. / АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Изд-во АН БССР, 1948.

16. История Белорусской ССР: в 2 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск: Изд-во Академии наук Белорусской ССР, 1954–1958.

17. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975.

(Дата подачы: 21.02.2025 г.)

Ф. Ю. Бокхан

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

F. Yu. Bokhan

Belarusian State University, Minsk

УДК 94 (476) «17/18»

КРЫНІЦЫ І ІНСТРУМЕНТЫ ЗАБЕСПЯЧЭННЯ ЎПЛЫВУ МАГНАТЭРЫІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОВСКАГА ў XVII–XVIII СТСТ.

RESOURCES AND TOOLS OF PROVIDING THE INFLUENCE OF THE MAGNATERIA OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE XVII–XVIII CENTURIES

У артыкуле разглядаюцца рэсурсы, з дапамогай якіх магнатэрыя ВКЛ ўплывала на сацыяльна-палітычнае жыццё краіны. На канкрэтных прыкладах аўтар паказвае найбольш эфектыўныя інструменты ўдзяння, якія выкарыстоўвалі магнацкія аб'яднанні ВКЛ для дасягнення сваіх мэтай.

Ключавыя словы: магнатэрыя, магнацкія партыі; Вялікае Княства Літоўскае; палітычнае жыццё ВКЛ; палітычны інструмент; шляхта.

The article examines the resources with which the magnateria of the GDL influenced on the socio-political life of the country. Using specific examples, the author shows the most effective tools of influence used by the magnate unions of the GDL to achieve their goals.

Keywords: magnateria; magnate parties; Grand Duchy of Lithuania; political life of the GDL; political tools; szlachta.

Буйныя кааліцыі шляхты ВКЛ у XVII–XVIII стст. на чале з магнатамі, якія ў гістарыяграфіі прынята абазначаць тэрмінамі «партыя» ці «групойка», уяўлялі сабой дастаткова арганізаваныя аб'яднанні. Галоўнай мэтай іх дзейнасці было дасягненне перавагаў ва ўнутранай і знешняй палітыцы краіны. Дасягаць жаданых мэтай было магчыма, выкарыстоўваючы рэсурсы ў выглядзе зямельных уладанняў і кліентэлы, звязанай з імі, прыватнага войска ці замежнай дапамогі. Яны давалі магчымасць дзейнічаць як мірнымі, так і сілавымі метадамі. Адпаведна, адсутнасць рэсурсаў моцна падрывава палітычную актыўнасць магнатэрыі, аслабляючы яе ў цэлым. Для магнацкіх групак выкарыстанне такога патэнцыялу было сродкам уплыву на тагачаснае грамадства.

Найбольш дзейсным інструментам уздзеяння магнатаў і магнацкіх групак на ўнутрыпалітычную сітуацыю былі прыватныя арміі. Заснавальнікі магнацкіх родаў у большасці паходзілі менавіта з вайсковага асяродку, таму стварэнне такіх фарміраванняў было цалкам натуральным.

Існаванне прыватных арміі стала ўласцівай рысай для ВКЛ з канца XVI ст. Абмежаванасць скарбу вымушала дзяржаву шукаць новыя шляхі для падтрымання абароназдольнасці. Адным з іх стаў дазвол буйной шляхце ўтрымліваць фарміраванні за свой кошт, якія класіфікаваліся як складнік дзяржаўнага войска ў ваенны час. Аднак у мірны час не падкантрольнае ўраду войска стала выкарыстоўвацца для міжусобнай барацьбы шляхты.

Шырокі ўдзел ва ўзброеных канфліктах магнацкіх групак прымала прыватная армія Радзвілаў. З 1696 па 1764 г. яна ўдзельнічала не менш, чым у пяці войнах. Роля радзвілаўскай арміі яркава праявілася ў змаганні за ўладу караля Аўгуста III, так званай вайне за польскую спадчыну. Саксонскі каралевіч прайграў выбары прэтэндэнту Станіславу Ляшчынскаму, але не змірыўся з паразай і звярнуўся па дапамогу да Радзвілаў. Акрамя апошніх, падтрымку Аўгусту аказалі магнаты Вішнявецкія і часткова Агінскія. Барацьба за правы на трон з дробным колам прыхільнікаў выглядала палітычнай авантурай, аб чым пазней сведчыў М. К. Радзівіл [10]. Тым не менш, магнаты наважыліся дзейнічаць, бо пэўную надзею на поспех давала ваенная дапамога ад Расійскай імперыі.

На працягу 1734 г. радзвілаўскае войска пры дапамозе расійскіх саюзнікаў супрацьстаяла прыхільнікам Ляшчынскага. Пачаўшы ваенную кампанію з меншым за варажае войскам, Радзівілы дасягнулі поспехаў яшчэ да падыходу асноўных расійскіх сіл. Са студзеня па лістапад 1734 г. радзвілаўскае войска захапіла Вільню, Коўна і Гародню [14, с. 355–356, 362–363]. Акрамя таго, харугвы Радзвілаў пад кіраўніцтвам М. С. Вішнявецкага ўдала абаранялі Бярэсце [14, с. 362]. У наступным годзе дзейнасць радзвілаўскай арміі звялася да пераследу частак прыхільнікаў Ляшчынскага. Апошнія

не адважыліся ўступіць у бой пры набліжэнні Радзівілаў і капітулявалі ў маі 1735 г.

Сакрэт поспеху Радзівілаўскага войска быў у яго арганізацыі па ўсіх канонах тагачаснага ваеннага майстэрства. Прыватнае войска мела абавязковы для выканання ўсімі служачымі статут [11, с. 105–106]. У ім былі прапісаны не толькі нормы паводзін асабовага складу, але і правілы набору жаўнераў у войска. Строгі і падрабязны статут быў уведзены з відавочным уплывам парадкаў прускай арміі, якая ў той час лічылася найлепшай у Еўропе.

Баяздольнасць прыватных армій выклікала працэс замяшчэння імі дзяржаўнага войска як асноўнай сілы абароны краіны. Пастанова сойма 1717 г., якая скараціла памер арміі ВКЛ да 6 тысяч жаўнераў у мірны час, прымалася з відавочнай аглядкай на наяўнасць фарміраванняў магнатэрыі [9, с. 38].

Але прынятая мера не ўспрымалася як падрыў абароназдольнасці. У сукупнасці колькасць жаўнераў з магнацкіх фарміраванняў у 2–3 разы перавышла намінальны памер арміі ВКЛ. Агульную магутнасць прыватных армій ВКЛ можна падлічыць шляхам сумавання войск супрацьстаяўшых бакоў грамадзянскай вайны 1696–1702 гг. З аднаго боку, групойка Сапегі валодала арміяй да 5 тысяч чалавек. Іх праціўнікі з аб'яднання «рэспубліканцаў», куды ўвайшлі і Радзівілы, выставілі да 12 тысяч жаўнераў [3, с. 76]. Такім чынам, разам з рэстравымі сіламі, агульная колькасць войска ВКЛ у ваенны час магла скласці каля 20 тысяч чалавек.

Безумоўна, памер прыватных армій не з'яўляўся статычным і з цягам часу мяняўся, што было абумоўлена ўзвышэннем ці заняпадам магнацкіх родаў. Узгаданая вышэй армія Радзівілаў у XVII ст. набірала толькі тысячу чалавек [12, с. 38]. Аднак ужо ў сярэдзіне XVIII ст., калі род вярнуў сабе першыя пазіцыі, памер войска вырас да 3–4 тысячы жаўнераў [11, с. 99–104, 117].

Такім чынам, на піку магутнасці асобныя магнацкія арміі мелі сілы ў некалькі тысяч чалавек. Іх адносна невялікі памер сведчыць аб абмежаванасці ўплыву асобных групак і наяўнасці канкурэнцыі за рэсурсы, за кошт якіх утваралася прыватнае войска. Дадзення сілы было немагчыма выкарыстоўваць пасобку для абароны краіны ад знешняй пагрозы. Аднак у ваенны час прыватныя войскі аб'ядноўваліся ў значную сілу, тэарэтычна здольную стрымліваць ворага. Гэта фарміравала сістэму балансу сіл, у якой групойкі не маглі выкарыстаць войска ў суб'ектыўных палітычных мэтах. Магнаты мусілі лічыцца з існаваннем армій апанентаў, якія стрымлівалі няспынны рост чужога палітычнага ўплыву пагрозай сілавога ўмяшальніцтва. На жаль, на практыцы апошні аргумент выкарыстоўваўся магнатэрыяй занадта часта. У выніку, галоўнай прычынай утрымання прыватнага войска стала імкненне шляхты актыўна змагацца ў пастаяннай міжусобнай барацьбе.

Істотнай праблемай для любога ўладальніка прыватнай арміі з’яўлялася папаўненне яе жывой сілы. З сярэдзіны XVII ст. магнаты пачалі камплектаваць войска «выбранцамі» – рэкрутамі з уласных маёнткаў. За службу яны вызваліліся ад іншых павіннасцяў, таму з ахвотай ішлі ў войска. З цягам часу выбранцы сталі складаць значную частку прыватных армій [4, с. 175–176].

Аднак большасць войска працягвала складаць шляхта, пэўным чынам звязаная з магнатэрыяй. Неабходна адзначыць, што прыналежнасць да саслоўя не замацоўвала за чалавекам вайсковае званне. Значная доля шляхціцаў несла такую ж службу простага салдата, што і выбранцы. Асяродак вайскоўцаў-шляхціцаў дзяліўся на дзве катэгорыі: афіцэрска-кліентэлу і шарагоўцаў-зямлян.

Кліентэла ўяўляла сабой значны слой арандатаў зямлі ў магнатаў. Такія шляхцічы звычайна не валодалі асабістымі маёнткамі і іх дабрабыт залежаў у першую чаргу ад арандаванай зямлі. Для захавання маёнтку, кліент мусіў садзейнічаць любым крокам патрона і дапамагаць яму ў розных ініцыятывах, у тым ліку палітычных [12, с. 117; 13, с. 373].

Дзейнасць кліентэлы ў палітыцы яскрава прасочваецца пры разглядзе выкарыстання правіла «liberum veto» на пасяджэннях соймаў Рэчы Паспалітай. Прыманне такой выключнай меры заўсёды несла пагрозу рэпутацыі ці нават жыццю яе выкарыстальніка. Зразумела, што самі магнаты не маглі ісці на такія ахвяры і для гэтага карысталіся паслугамі кліентаў.

Паказальным прыкладам палітычнага ўзаемадзеяння кліентаў і магнатаў з’яўляюцца адносіны паміж родам Сапегаў і іх прыхільнікамі ў 80–90-я г. XVII ст. Па загадзе патронаў кліентамі было сарвана чатыры соймы, што паралізавала палітычнае жыццё РП. Пры гэтым ветаванне соймаў падтрымлівалі цэлыя групы кліентаў [15, с. 221–224].

Актыўнасць сапежынскай кліентэлы прымала і іншыя формы. Падчас Грамадзянскай вайны 1696–1702 гг. кліентэла выступала як суарганізатар замаху і забойстваў ворагаў Сапегаў.

Напрыклад, у межах супрацьстаяння «сапежынцаў» і «рэспубліканцаў» на працягу 1697–1698 гг. здарылася адразу некалькі спробаў замаху на жыццё жамойцкага харунжага К. Заранка-Гарбоўскага. Адну з іх планавалася ажыццявіць у сядзібе кліенцкай сям’і Габшэвічаў, але ў апошні момант замах сарваўся.

Сведчанні аб змове дайшлі да Галоўнага трыбунала ВКЛ і ў выніку следства была выяўлена цэлая схема замаху. З падачы Сапегаў кліенты падрыхтавалі засады ў сваіх маёнтках. Пры гэтым ажыццяўляць забойства сваімі рукамі яны не жадалі і для гэтай мэты нанялі двух дробных шляхціцаў [1, с. 117].

Абазначаная справа дае наглядна зразумець іерархію шляхты ў магнацкім асяроддзі. Сапегі як правадыры буйной групойкі змагаліся за захаванне яе высокага статусу любымі сродкамі. Адначасова з тым яны

імкнуліся перанесці любую адказнасць за дзеянні на падпарадкаваных кліентаў. У сваю чаргу кліенты займаліся непасрэдна арганізацыяй усялякіх загадаў сваіх патронаў. Аднак параўнаўча высокі статус не дазваляў ім выконваць рызыкоўныя крокі, кштальту палітычных забойстваў. Такая праца адводзілася зямлякам – самай нізкай па іерархіі шляхце.

Да ліку зямянаў адносіліся шляхцічы, якія атрымлівалі зямлю ў абмен на абавязак службыць у войску (у тым ліку і магнацкім) [3, с. 172]. З зямлян фарміраваліся асобныя вайсковыя адзінкі пад непасрэдным кіраваннем магната, якія лічыліся найбольш баяздольнымі ў войску. Акрамя таго, служба зямлян прадугледжвала выкананне функцыі персанальных ганцоў і целаахоўнікаў. Іх рукамі магнатэрыя магла ўздзейнічаць на праціўнікаў. Напрыклад, выкарыстоўваць як выканаўцаў для ўжо згаданых замахав на жыццё, разгонаў соймакаў ці псавання маёмасці [12, с. 39]. Адданасць зямянаў гаспадару часам была вышэйшая, чым у кліентэлы. Плённая служба дазваляла ім атрымліваць розныя дывідэнды ад магнатаў, што дапамагала ім дасягаць больш высокага становішча.

Магутнасць магнацкіх групак ВКЛ у асноўным будавалася на ўласных сродках. Тым не менш, уплыў магнатэрыі таксама залежаў ад іх сувязяў з замежнымі палітычнымі сіламі. Шэраг родаў меў сталыя адносіны з каралеўскімі дынастыямі Еўропы, якія пры патрэбе ўсяляк дапамагалі сваім саюзнікам. Дамоўленасці паміж магнатамі як самастойнай палітычнай сілай і дзяржавамі былі асабліва дарэчныя падчас глабальных канфліктаў. Напрыклад, падзеі Вялікай Паўночнай Вайны на тэрыторыі ВКЛ можна разгледзець як унутранае супрацьстаянне магнацкіх групак у кантэксце змагання Швецыі і Расіі.

Прадстаўнікамі шведскіх інтарэсаў з’яўляся кааліцыя з групоўкі Сапегаў і іншых палітычных апанентаў караля Аўгуста II. Усталяванне дадзеных адносін адбылося па збегу палітычных абставін. Пасля паражэння ў барацьбе з групоўкай «рэспубліканцаў» Сапегі вымушана эмігравалі ў Швецыю. На глебе наяўнасці аднаго ворага ў выглядзе караля РП, шведскі кароль абяцаў вярнуць усю канфіскаваную маёмасць Сапегам у абмен на супрацоўніцтва. Апошнія пагадзіліся і дамова стала падставай для ўварвання Швецыі на тэрыторыю ВКЛ. За сакавік-красавік 1702 г. войска Карла XII імкліва прайшло па заходняй частцы Княства, заняўшы тэрыторыі, якія некалі былі аплотам «сапезынцаў» [8, с. 91–92; 16, с. 256]. Мясцовая шляхта не аказала ніякага супраціву, паколькі раней сама ўдзельнічала ў гэтым руху. Аднак пасля вяртання маёнткаў пад свой кантроль Сапегі паступова адыйшлі на другі план для Швецыі. Супраць Аўгуста II выступалі ўсё новыя шляхцічы, у тым ліку былыя «рэспубліканцы». Іх далейшая палітычная актыўнасць стала значна больш заўважальная за сапезынскую.

Супрацоўніцтва з замежжам адлюстравалася на супрацьлеглым баку. Тагачасныя галоўныя ворагі Сапегаў – Агінскія і Пацеі – усімі сіламі імкнуліся

не дапусціць іх вяртання да былой велічы. Уварванне шведаў падштурхнула «рэспубліканцаў» заключыць у красавіку 1702 г. дамову з Расіяй. Па яе ўмовах у ВКЛ уводзіўся корпус расійскай арміі ў 36 тысяч жаўнераў. Таксама «рэспубліканцам» выдзялялася фінансавая дапамога ў некалькі дзясяткаў тысяч рублёў [8, с. 95]. З цягам часу грашовыя траншы рускіх сталі пастаяннымі. У адказ ім перадаваліся захопленыя раней маёнткі Сапегаў. У 1708 г. руская армія атрымала ў карыстанне крэпасць Друю, а ў 1709 г. Пацеі прадалі ў асабістае карыстанне маршалу А. Меньшыкаву Дубровенскае графства [2, с. 207; 8, с. 95].

Саюз, што ўзнік знянацку, апынуўся выключна плённым і трывалым. Устойлівыя выплаты Агінскім і Пацеям з боку Расіі пабудзілі тых працягваць барацьбу са Швецыяй нават пасля капітуляцыі Аўгуста II ў 1706 г. У сваю чаргу для магнатаў патранаж Расіі дазволіў заняць вышэйшыя ўрадавыя пасады ў бліжэйшай будучыні. Патрыярхі сямействаў – Р. Агінскі і Л. Пацей – па чарзе абіраліся вялікімі гетманамі ВКЛ [5, с. 203; 6, с. 421].

У адрозненні ад Сапегаў, Агінскія з Пацеямі не спынілі кантакты з замежжам пасля закачэння Паўночнай вайны. У перыяд 1714–1716 гг. Л. Пацей звяртаўся па расійскую дапамогу як правадыр антыманархісцкай Віленскай канфедэрацыі. Пастаянныя кантакты Агінскіх з ім захоўваліся да 1730-х гг. [9, с. 75]. Так, менавіта яны былі каналам сувязі паміж прыхільнікамі Аўгуста III у ВКЛ і расійскім імператарскім дваром падчас вайны за польскую спадчыну [10].

Урэшце немагчыма абысці ўвагай рэсурс, ад наяўнасці якога залежалі іншыя інструменты дзейнасці магнатэрыі – маёнткі. Нягледзячы на развіццё палітычных інстытутаў, кантроль над зямлёй заставаўся краевугольным элементам грамадскіх адносін у панаваўшай сістэме феадальных адносін. Найвышэйшае месца ў саслоўнай іерархіі займалі тыя асобы, чые ўладанні былі буйнейшымі.

Магутнасць рода вызначалася не толькі колькасцю маёнткаў, але і здольнасцямі эфектыўна распараджацца гэтай маёмасцю. Маёнткі былі адначасова і рэсурсам для набору выбранцаў у прыватныя арміі, і крыніцай атрымання грашовых сродкаў на вайсковыя і асабістыя патрэбы. Існавала і практыка перадачы зямлі кліентэле ці зямлянам у карыстанне пад пэўныя абавязкі. Акрамя таго, магнаты не саромеліся прадаваць уладанні для ўтварэння палітычных саюзаў.

Магчымасці выкарыстання патэнцыялу маёнткаў былі розныя. Напрыклад, заможнае Дубровенскае графства давала каля 140 зямянаў у войска і 20 тысяч злотых гадавога прыбытку [2, с. 205; 12, с. 38]. Прыведзеныя лічбы былі значнымі, але ніяк не пакрывалі ўсе патрэбы прыватных армій. Для ўтрымання моцнага войска магнатэрыя мусіла павялічваць уладанні. Гэта правакавала пастаяннае імкненне магнатаў прэтэндаваць на чужыя землі.

Буйны перадзел шляхецкай маёмасці – характэрная з’ява для перыяду другой паловы XVII – першай трэці XVIII ст. Ён адбываўся на фоне заняпаду і выміранняў цэлых дынастый магнатаў. Маёмасць без гаспадароў сілай захоплівалася палітычнымі апанентамі памерлых ці падзялялася пасля працяглых спрэчак за спадчыну ў судах.

Драматычным выйшаў перадзел спадчыны згаслай біржайскай галіны Радзівілаў, у якім паспелі прыняць удзел усе бачныя палітычныя сілы ВКЛ таго часу. Першыя прэтэнзіі на радзівілаўскую маёмасць справакавала іх супрацоўніцтва са Шведамі ў часы вайны 1655–1660 гг., успрынятае шляхтай як здрада. Пад гэтай падставай, кола палкаводцаў на чале з Пацамі і Сапегамі захапіла шэраг маёнткаў у Жамойці. Атрыманыя землі магнаты выкарысталі як падмурак для сваіх групавак і раздалі іх шматлікай кліентэле [7, с. 146–147].

Найбольшую частку спадчыны атрымала Л. К. Радзівіл – апошняя прадстаўніца біржайскай галіны рода. Шматлікія маёнткі з цэнтрам у Слуцку і Біржах атрымалі назву «нойбургскіх» – у гонар яе мужа, прынца княства Нойбург. Трывала кантраляваць шматлікія маёнткі з замежжа было немагчыма. Фактычнае кіраванне ўладаннямі вялі мясцовыя аканомы-адміністратары. Пасля смерці Л. К. Радзівіл «нойбургскія ўладанні» спрабаваў захапіць К. С. Радзівіл – выхадзец з галоўнай, нясвіжскай, галіны рода. Супраць намаганняў суродзіча памерлай выступілі аканомы, якія звярнуліся па дапамогу да роду Сапегаў [9, с. 85].

Фармальны ўладальнік, прынец Нойбурга, падтрымаў увод войск Сапегаў. Ён надаў ім статус законных апекуноў уладанняў і права змяшчаць у маёнтках войскі. З гэтага часу сродкі з уладанняў сталі ісці ў скарб іх «ахоўнікаў». Пазней Сапегі адважыліся аб’явіць уласныя прэтэнзіі на радзівілаўскія землі. У пошуках падтрымкі прэтэнзіі яны зблізіліся з былым зацятым ворагам Л. Пацеем, якому за дапамогу абяцалі трэць маёнткаў. Тым не менш, сойм 1717 г. прызнаў адзіным законным уладаром дачку Л. К. Радзівіл [9, с. 86].

Землі без наяўнага ў краіне гаспадара працягвалі не даваць супакою магнатэрыі. Да ліку прэтэндэнтаў на радзівілаўскія маёнткі дадаліся Агінскія і на працягу 1720-х гг. адбываліся суды за маёмасць з рэдкімі спробамі захапіць уладанні сілай. Прэтэнзіі скончыліся толькі пасля ўмяшальніцтва Аўгуста II у 1731–1732 гг. Унучка Л. К. Радзівіл заручылася з Г. Радзівілам, і той атрымаў асабісты дазвол ад караля распараджацца маёнткамі. У сваю чаргу Сапегі атрымалі кампенсацыю ў 2 млн злотых [9, с. 102]. Раней канфіскаваныя жамойцкія ўладанні Радзівілам не вярнуліся.

Магнатэрыя і ўтвораная ёй аб’яднанні былі асноўнымі сіламі сацыяльна-палітычнага жыцця ВКЛ. Вышэйзгаданыя прыклады паказваюць, што ўплыў магнацкіх групавак выходзіў далёка за межы адміністрацыйнага кіравання краінай. Абапіраючыся на каштоўнасці і норавы, пануючыя

ў грамадстве, якое яшчэ цалкам не пазбавілася сярэдневечных устаноў, магнаты вынаходзілі дзейныя інструменты ўплыву, маючы абмежаваныя на сутнасці сродкі. Зыходзячы з гэтага не адзінага рэсурса ў выглядзе зямельных уладанняў, ім удавалася будаваць складаныя сістэмы адносін і спрыяць фарміраванню новых слаёў насельніцтва, якія выконвалі ваенныя і палітычныя функцыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Віцько, Д.* Галоўны трыбунал 1698 г.: судовая расправа над Сапегамі / Д. Віцько // *Arche*. – 2016. – № 3 – С. 84–139.

2. *Віцько, Д.* Канфлікт паміж Сапегамі і Пацеямі за Дубровенскае графства ў канцы XVII–XVIII ст. (паводле матэрыялаў генеральных візітацый) / Д. Віцько // Сапегі: асобы, кар’еры, маёнткі: зб.наук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; уклад.: А. А. Скеп’ян; рэдкал. А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: А. М. Янушкевіч, 2018. – С. 194–219.

3. *Віцько, Д. В.* Міжусобная барацьба магнацкіх групавак у Вялікім Княстве Літоўскім у канцы XVII – пачатку XVIII ст.: дыс. на суісканне вуч. ступені канд. гіст. навук: 07.00.02 / Д. В. Віцько. – Мінск, 2007. – 143 с.

4. *Волкаў, М. А.* Замкі і фартэцыі Радзівілаў на беларускіх землях у XVI – пачатку XVIII ст. / М. А. Волкаў. – Мінск: Беларуская навука, 2021. – 215 с.

5. Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. Т. 1: Абаленскі – Кадэнцья / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2005. – 688 с.; іл.

6. Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2006. – 792 с.; іл.

7. *Калодзей, Р.* Жамойцкі соймак як прыклад антыкаралеўскай апазіцыі ў першыя гады панавання Яна III Сабескага / Р. Калодзей // *Arche*. – 2015. – № 12. – С. 143–163.

8. *Катлярчук, А.* Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў / А. Катлярчук. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007. – 328 с.

9. *Мацук, А. У.* Барацьба магнацкіх групавак у ВКЛ (1717–1763 гг.) / А. У. Мацук. – Мінск: Медысонт, 2010. – 640 с.

10. *Мацук, А.* Войска як інструмент усталювання ўлады Аўгуста III у ВКЛ у 1733–1735 гг. / А. Мацук // Беларускі гістарычны агляд. – 2008. – URL: <https://www.belhistory.eu/archives/2018> (дата доступу: 2023).

11. *Ракуціс, В.* Міліцыя Радзівілаў у XVIII ст. / В. Ракуціс // *Arche*. – 2012. – № 6. – С. 92–137.

12. *Рахуба, А.* Узброеныя сілы Вялікага Княства Літоўскага ў XVII стагоддзі / А. Рахуба // *Arche*. – 2015. – № 12 – С. 17–54.

13. *Савіцкі, М.* Войска і вайсковы кліенталізм у палітычнай сістэме Вялікага Княства Літоўскага ў сярэдзні XVII ст. / М. Савіцкі // *Arche*. – 2012. – № 6. – С. 372–386.

14. *Цясельскі, Т.* Баявыя дзеянні на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага падчас вайны за польскую спадчыну ў 1733–1735 гг. / Т. Цясельскі // *Arche*. – 2012. – № 6. – С. 347–371.

15. *Kołodziej, R.* Początek kryzysu? Funkcjonowanie sejmu Rzeczypospolitej w ostatnich latach panowania Jana III Sobieskiego (1688–1695) / R. Kołodziej // *Sejm Królestwa Polskiego i Rzeczypospolitej Obojga Narodów a europejskie reprezentacji stanowe / red. nauk.: D. Kupisz, W. Uruszczak*. – Warszawa: Wydaw. Sejm., 2019. – S. 211–227.

16. *Skrzypietz, A.* Sapiehowie i ich związki z Karolem XII – refleksja rodu nad wydarzeniami z przełomu wieków. (паводле матэрыялаў генеральных візітацый) / A. Skrzypietz // *XVIII amžiaus studijos T. 6: Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė: Personalijos. Idėjos. Refleksijos / Sudarytoja Ramunė Šmigelskytė-Stukienė*, – Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2020. – С. 250–268.

(Дата падачы: 25.02.2025 г.)

Д. П. Бригадин

Институт бизнеса, Белорусский государственный университет,
Минск

D. Brigadin

School of Business of Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ И ДИНАМИКА ГОРОДСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

THE MAIN TYPES AND DYNAMICS OF URBAN CRIME IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Статья посвящена анализу структуры и динамики преступности в городах Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Автор анализирует урбанизационные процессы в пореформенной Беларуси и их влияние на городскую преступность. Опираясь на данные судебной статистики, автор приходит к выводу о неоднородности криминогенной ситуации в городах, различиях в противоправном поведении различных социальных и профессиональных групп городского населения.

Ключевые слова: белорусское мещанство; криминогенность; урбанизация; судебная статистика; девиантное поведение.

The article is devoted to the analysis of the structure and dynamics of crime in the cities of Belarus in the second half of the 19th – early 20th centuries. The author analyzes urbanization processes in post-reform Belarus and their impact on urban crime. Based on judicial statistics, the author comes to the conclusion about the heterogeneity of the crime situation in cities, differences in the illegal behavior of various social and professional groups of the urban population.

Keywords: Belarusian bourgeoisie; criminality; urbanization; judicial statistics; deviant behavior.

Урбанизационные процессы во все времена порождали новую ментальность, культуру, правила поведения. В белорусских губерниях в пореформенные десятилетия город не стал центром нового социокультурного пространства, которое бы смогло прививать более цивилизованные поведенческие практики. Городское общество оставалось неоднородным как в имущественном, так и в духовном отношении. Интересы различных социальных групп горожан различались, для каждой из таких групп были характерны свои субкультура и нормы поведения. Все это повлияло на характер девиантного поведения горожан.

Основой источниковой базы для изучения преступности в пореформенной Беларуси являются статистические источники – в первую очередь Своды статистических сведений по делам уголовным. Среди очевидных плюсов такого источника следует выделить применявшуюся систему пошаговой отчетности всех участников уголовного судопроизводства в окружных и мировых (позже – городских) судах, которая велась в белорусских губерниях велась с 1884 по 1913 г. Преступления классифицировались по видам, месту проведения судебного заседания; подсудимые – по сословиям, возрасту, полу и другим основаниям. Среди недостатков можно выделить включение в общую статистическую картину только тех преступлений, по которым было вынесено решение суда. Таким образом, этот источник не дает полной информации о преступности, которая традиционно относится к скрытой, – о преступлениях, совершаемых внутри семьи, насилии в отношении женщин. Также нет достоверных сведений о динамике преступности в еврейской среде, которая составляла значительную часть белорусского мещанства.

Для получения всесторонней картины преступности в городах пореформенной Беларуси также проанализированы материалы различных уголовных дел, полицейские рапорты.

Для второй половины XIX – начала XX в. характерен рост преступности как в белорусских губерниях, так и по всей Российской империи. С 1861 по 1913 г. количество уголовных дел, рассматриваемых в судах с расчётом на душу населения, увеличилось в 3,3 раза [1, с. 85]. Для городов этот рост был еще более заметным. В белорусских городах проживало чуть больше 10 % населения, однако совершалось более 20 % тяжких преступлений. Так, в 1891 г. окружными судами белорусских губерний было рассмотрено 870 преступлений, совершенных в городах, в 1910 г. – уже 1337, что соста-

вило от общего количества преступлений 22 % и 21,3 % соответственно [2, ч. 2, с. 142–143; 3, ч. 1, с. 172–175].

Отличия в характере городской и сельской преступности можно проиллюстрировать на примере Минска и Минского уезда. По данным переписи населения 1897 г., в Минске проживало 91,4 тыс. человек, тогда как в Минском уезде – 186,7 тыс. [4, с. 10]. При этом в Минске кражи и ограбления происходили на 25 % чаще, чем в уезде, в городе также было зарегистрировано в два раза больше случаев клеветы, лжесвидетельствования, оскорблений служителей власти. Случаи мошенничества и подделки документов в городе встречались в четыре раза чаще, чем в уезде, а экономические преступления – нарушения торгового, паспортного, питейного, строительного, табачного уставов – в 5 раз. В то же время в уезде фиксировалось больше служебных преступлений и убийств [5, л. 228–248]. Большинство служебных правонарушений на селе относилось к взяточничеству, а большинство убийств – к убийствам матерями новорожденных внебрачных детей.

Уровень криминогенности в белорусских городах превосходил таковой в сельских районах. В 1910 г. в сельской местности на 100 тыс. жителей приходилось 109 осужденных, тогда как в городах этот показатель составлял 293 [3, ч. 1, с. 172–175; ч. 2, с. 172–175]. Это выше среднего показателя по городам Российской империи, который равнялся 265 осужденным на 100 тыс. населения [3, ч. 1, с. 152].

Одной из основных характеристик городской среды является ее разнообразие. Городское общество второй половины XIX – начала XX в. представляло собой мозаику из множества социальных групп, каждая из которых имела свои сословные, профессиональные, этнические отличия и, как следствие, свое специфическое место в общей картине городской преступности.

Духовенство, почетные граждане и купечество существенно не влияли на уровень преступности в городах. Судебная статистика показывает, что в 1884 г. в белорусских губерниях лишь 1,14 % осужденных окружными судами принадлежали к этим сословиям [6, ч. 2, с. 120–121], а в 1913 г. – 0,78 % [9, ч. 1, с. 146–153]. Эти показатели значительно ниже их доли среди всего населения.

Основная часть городского населения состояла из мещан. Доля преступлений, совершенных представителями этого сословия, снижалась: в 1887 г. они составили 34,6 % от общего числа осужденных окружными судами, в 1891 г. – 30,6 %, в 1897 г. – 20,8 %, в 1907 г. – 17,2 %, в 1912 г. – 20,7 % [10, с. 158–159]. Данная тенденция объясняется уменьшением доли мещан в городском населении и ростом числа представителей крестьянского сословия, которые, как правило, трудились на низкооплачиваемых неквалифицированных работах.

Структура городской преступности зависела от профессиональной принадлежности горожан. Например, наибольшая доля осужденных за кражу

приходилась на работников промышленности и строительства – 46 %. Среди сотрудников торговли чаще фиксировались мошенничество, присвоения и растрата, а также преступления против государственных интересов и правил торговли. Люди, занятые в сфере перевозок, чаще всего осуждались за преступления против жизни и телесные повреждения. Среди неквалифицированных рабочих наблюдался высокий уровень краж и насильственных преступлений, среди личной прислуги – преступлений против морали, а также убийств новорожденных детей. В среде чиновников чаще совершались служебные преступления, а среди деятелей искусства – преступления против морали и порядка управления [11, с. 175–185].

Сведения об осужденных окружными и мировыми судами в белорусских губерниях в 1898 г., приведенные в таблице 1, позволяют провести анализ преступности среди представителей различных профессий.

Если исключить преступления, совершенные работниками сельского хозяйства, как неотносящиеся к городской среде, то наивысший уровень преступности зарегистрирован среди неквалифицированных поденных рабочих. Поденщики и личная прислуга – это 13,1 % городского и 3,9 % общего населения белорусских губерний соответственно. Но на них приходилось 22,5 % всех тяжких преступлений.

Таблица 1

**Сфера занятости осужденных окружными
и мировыми судами белорусских губерний в 1898 г.**

Сфера занятости	Осуждено окружными судами	Осуждено мировыми судами (приговорено к тюремному заключению)	Всего осуждено	Процентное соотношение к общему числу осужденных
Сельское хозяйство	2.169	2.354	4.523	54,7 %
Обработ. промышл.	268	309	577	6,9 %
Торговля	181	185	366	4,4 %
Перевоз. деятельность	53	66	119	1,4 %
Поден. работы (чернораб.)	660	877	1537	18,6 %
Нематер. производство	134	22	156	1,8 %
Личная прислуга	110	216	326	3,9 %
Неопределенные занятия	89	113	202	2,4 %
Другое	178	276	454	5,9 %
Итого	3.842	4.418	8.260	100 %

Источники: [12, ч. 2, с. 132–139; ч. 3, с. 30–33].

Доля осужденных поденщиков и чернорабочих в Беларуси в 1898 г. составила 18,6 %, что ниже среднего показателя по Российской империи. В период с 1889 по 1893 г. в среднем по империи поденщики составляли 25,5 % от общего числа осужденных, а в 1897 г. этот показатель возрос до 28,2 % [13, ч. 1, с. 32].

Сложность статистического анализа городской преступности заключается в особом этническом составе белорусских городов, более половины жителей которых были евреями. Зачастую еврейское население предпочитало самостоятельное разрешение конфликтов обращению в государственный суд. А. И. Паперна отмечал, что в первой половине XIX в. суды раввинов пользовались доверием как среди евреев, так и среди христианского населения. Дела рассматривались быстрее, затраты были ниже, чем в официальном суде. Решения считались окончательными и исполнялись благодаря авторитету раввина [14, с. 35–36]. Хотя официально такие суды были упразднены в 40-е гг. XIX в., фактически они продолжали действовать во многих городах и местечках на основе обычного права.

В крупных городах районы могли различаться по уровню преступности. Например, в начале XX в. Минск был разделен на 5 участков, в каждом из которых был свой участковый городской судья. В Первом участке, на территории Верхнего города и Ляховской слободы, жили наиболее обеспеченные мещане. Второй участок, равный первому по населению, был в 5 раз меньше по площади. Он включал многолюдные торговые районы Нижнего рынка, Раковского предместья и улиц Немигской, Замковой, Торговой.

Различия в видах и количестве преступлений, совершенных на территории этих двух участков Минска в 1902 г. показаны в таблице 2. В более обеспеченных районах города уровень преступности был в 4,7 раза ниже, чем в бедных кварталах.

Таблица 2

**Преступления, рассмотренные городскими судьями
1-го и 2-го административных участков г. Минска в 1902 г.**

Наименование преступления	Дела, рассмотренные городским судьей 1-го участка г. Минска в 1902 г.	Дела, рассмотренные городским судьей 2-го участка г. Минска в 1902 г.
Самоуправство	7	9
Нанесение обид и оскорблений	15	49
Нанесение побоев	8	37
Нарушение общественной тишины	–	56
Кража	4	40
Мошенничество и обман	7	5

Наименование преступления	Дела, рассмотренные городским судьей 1-го участка г. Минска в 1902 г.	Дела, рассмотренные городским судьей 2-го участка г. Минска в 1902 г.
Нарушение правил торговли	4	33
Неосторожная езда по городу	–	17
Неосторожное обращение с огнем	4	15
Нарушение паспортного устава	6	4
Антисанитарное содержание дворов и улиц	–	6
Жестокое обращение с животными	–	3
Азартные игры	–	4
Прошение милостыни	4	–

Источники: [16, л. 12–17; 17, л. 7–25].

Таким образом, горожане с низкими доходами чаще посягали на жизнь и имущество – наносили побои, совершали убийства, кражи и ограбления. Состоятельные минчане чаще совершали ненасильственные преступления – нарушали правила перевозок, строительства, торговли, а также совершали мошенничества и подделывали документы.

К началу XX в. заметно участились случаи экономических преступлений, связанных с развитием банковской системы – создание фальшивых векселей, подделка банковской подписи на ценных бумагах, завышение стоимости имущества для оформления залога и получения кредита. В 1893 г. в Российской империи было зарегистрировано 858 случаев подделок векселей, то в 1909 г. это число возросло до 6,633 [18, с. 69].

Суды не всегда имели возможность вникнуть в детали таких преступлений и вынести правомерное решение. К примеру, 25 мая 1900 г. мировому судье второго участка Минска было подано заявление от местного мещанина Лазаревича, который обвинял в мошенничестве своих торговых партнеров – мещан Виленчика и Лившица. По версии истца, они подделали железнодорожную накладную, увеличив вес получаемого груза с 1 до 4 пудов, получили банковскую гарантию, которую продали Лазаревичу, чем нанесли ему ущерб в размере 225 руб. Суд длился три с половиной года, пока потерпевший не отказался от обвинений в силу финансовой нецелесообразности дальнейшего разбирательства [19, л. 1–29].

Преступления, связанные с нарушением норм питейного устава, включая незаконное винокурение и продажу алкоголя без уплаты акцизов, воспринимались властями как серьезная угроза, ведь в конце XIX – начале

XX в. налоги на алкоголь формировали трети доходной части бюджета Российской империи [20, с. 14].

Чиновники губернских акцизных управлений активно участвовали в судебных разбирательствах по делам, связанным с самогонварением и незаконной продажей спиртного. Обычно наказание за такие преступления включало штраф, оплату всех акцизов, стоимости произведенной водки, а также конфискацию оборудования. Штрафы нередко достигали сотен рублей. В случае, если осужденный не мог оплатить штраф, его сажали под арест.

Важной составляющей городской судебной практики были дела об оскорблениях словом или делом. Оскорбления делом – то есть нанесение побоев – чаще встречались среди крестьян, а оскорбления словом или нанесение обид были более распространены в городском судепроизводстве. Однако из-за того, что срок от подачи жалобы до начала слушаний часто превышал шесть месяцев, оскорбленная сторона теряла интерес и не являлась в суд, что приводило к закрытию процесса.

Дела же об оскорблении государственных служащих были подсудны окружным судам и, как правило, доводились до конца. Например, Минский окружной суд в 1900 г. приговорил почетного гражданина Петра Гузовского к штрафу в 25 рублей за оскорбление сотрудника телеграфной службы, когда П. Гузовский, будучи пьяным, назвал телеграфиста «болваном» и «дураком» [21, лл. 1–39].

1 марта 1900 г. Минский окружной суд приговорил к штрафу в 50 руб. купца Боруха Блоха за оскорбление помощника пристава Шпилевского. Купца Блоха вызвали в Городскую управу для разрешения налогового вопроса. Б. Блох в ходе спора с помощником пристава произнес фразы: «что Вы тут такое» и «да я с Вами говорить не хочу», после чего хлопнул дверью. Суд счел такие слова оскорбительными [22, л. 1–26].

Полицейские рапорты также дают информацию о географии городской преступности. Так, кражи чаще происходили на рынках, в привокзальных районах, рядом с банями и храмами. Традиционно районы армейских казарм были наиболее криминогенными; рядом с ними обычно располагались публичные дома и питейные заведения – шинки, трактиры, пивные лавки и харчевни. Зачастую такое соседство приводило к конфликтам. Один из офицеров в Гродно отмечал «правонарушения, совершаемые солдатами 26-й артиллерийской бригады... из-за появления рядом с казармами множества еврейских кабаков» [23, л. 28]. Солдаты существенно ухудшали криминальную статистику. Например, в Гродно в период с 1871 по 1882 г. согласно данным 475 полицейских отчетов, военнослужащие (в том числе и отставные) совершили 33,6 % всех краж и 75% всех изнасилований [24, с. 128].

Городская преступность в Беларуси в пореформенные десятилетия не имела однородного характера и отличалась от преступности в сельской

местности как количественно, так и по видам правонарушений. В городах проживало около 10 % населения, при этом здесь совершалось более 20 % преступлений. Более 70 % деликтов приходились на преступления против собственности и против личности – кражи, грабежи, разбой, а также убийства, побои и оскорбления соответственно. В начале XX в. меняются динамика и структура городской преступности – наблюдается общий рост числа преступлений, появляется политическая и организованная преступность. Развитие капиталистических отношений в белорусских городах повлияло на рост случаев имущественных преступлений – мошенничества, подлогов, нарушений налогового законодательства.

Системообразующими компонентами На криминализацию городской среды влияли в первую очередь экономические и демографические проблемы. Городская безработица и имущественное неравенство создали разнообразную картину преступности. Каждая социальная группа, объединенная по профессиональному, этническому или классовому признаку, имела свои характерные особенности противоправного поведения. Привилегированные сословия не влияли на общую статистику преступлений. Наибольший вклад в городскую преступность вносили люмпенизированные мещане и крестьяне, занятые неквалифицированным трудом, а также лица, не имеющие постоянного занятия.

Список использованных источников

1. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.: генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. – Санкт-Петербург: Д. Буланин, 1999. – Т. 2. – 566 с.

2. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1891 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II: в 3 ч. / М-во юстиции. – Санкт-Петербург: Тип. Правительствующего Сената, 1896. – 298 с. разд. паг.

3. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1910 г.: в 2 ч. / М-во юстиции. – Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1913. – 483 с. разд. паг.

4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года: в 8 вып. – Санкт-Петербург: Печатня С. П. Яковлева, 1897. – Вып. 1: Население Империи по переписи 28-го января 1897 года по уездам / под ред. Н. А. Тройницкого. – 29 с.

5. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 2. Т. 4. Л. 228–248. Уголовные дела, рассмотренные Минским окружным судом в 1895 г.

6. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1884 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов

Императора Александра II: в 3 ч. / М-во юстиции. – Санкт-Петербург: Тип. Правительствующего Сената, 1888. – 295 с. разд. паг.

7. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1894 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II: в 3 ч. / М-во юстиции. – Санкт-Петербург: Тип. Правительствующего Сената, 1899. – 551 с. разд. паг.

8. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1904 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II: в 3 ч. / М-во юстиции. – Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1907. – 523 с. разд. паг.

9. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1913 г.: в 2 ч. / М-во юстиции. – Петроград: Сенат. тип., 1916. – 410 с. разд. паг.

10. *Бригадин, Д. П.* Преступность в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. / Д. П. Бригадин. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2018. – 164 с.

11. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет, 1874–1894 гг.: прил. к № 7 «Журнала Министерства юстиции», сент. 1899 г. / сост. Е. Н. Тарновский. – Санкт-Петербург: Тип. Правительствующего сената, 1899. – IV, VI, 407 с.

12. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1898 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II: в 3 ч. / М-во юстиции. – Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1901. – 598 с. разд. паг.

13. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1897 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II: в 3 ч. / М-во юстиции. – Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1901. – 632 с. разд. паг.

14. Евреи в России: XIX век: сборник / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. В. Кельнера. – Москва: Новое лит. обозрение, 2000. – 557 с.

15. *Кревер, Б. А.* Гомельский процесс: подрб. отчет, сост. по протоколам защитников и отчетам, печатавшимся в журн. «Право» и «Восход» и газ. «Киевские отклики», «Одесские новости», «Русское слово», «Новости» и «Правительственный вестник» / Б. А. Кревер. – Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. – X, 1204 с.

16. НИАБ. – Ф. 226. Оп. 1. Л. 12–17. Уголовные дела, рассмотренные городским судьей 1-го участка г. Минска.

17. НИАБ. – Ф. 227. Оп. 1. Л. 7–25. Уголовные дела, рассмотренные городским судьей 2-го участка г. Минска.

18. *Остроумов, С. С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России / С. С. Остроумов. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1960. – 338 с.

19. НИАБ. – Ф. 227. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–29. Уголовное дело по обвинению Мовши Виленчика и Менделя Лившица в мошенничестве.

20. *Рожкова, О. А.* История питейных сборов в Российской империи: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. А. Рожкова; Пятигор. гос. техн. ун-т. – Пятигорск, 2007. – 22 с.

21. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 2. Д. 12241. Л. 1–39. Уголовное дело о почетном гражданине Петре Павловиче Гузовском, обвиняемом по 286 ст. Уложения о наказаниях.

22. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 2. Д. 1224. Л. 1–26. Уголовное дело о купце Борухе Блохе, обвиняемом по 2 ч. 286 ст. Уложения о наказаниях.

23. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 17. Д. 22. Л. 28. Сведения о количестве ресторанов, трактиров и др. в Гродненской губернии.

24. *Радзюк, А. Р.* Гарадзенскі крымінал 70-х – пачатку 80-х гг. XIX ст. / А. Р. Радзюк // Гарадзенскі соцыум. Чалавек у прастору горада. XV–XX стст.: матэрыялы міжнар. навук. канф., Гародня, 7–8 лістап. 2014 г. / пад рэд. А. Ф. Смаленчука, А. К. Краўцэвіча. – Мінск, 2015. – С. 121–149.

(Дата подачы: 04.02.2025)

Т. И. Брилева

Белорусский государственный университет, Минск

T. Brileva

Belarusian State University, Minsk

УДК 364(476)(091)“1944/1947”

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ, ПРИБЫВШЕГО ИЗ ПОЛЬШИ В БССР В 1944–1947 ГГ.

SOCIAL SECURITY OF THE BELARUSIAN POPULATION WHO ARRIVED FROM POLAND TO THE BSSR IN 1944–1947

В статье затрагивается вопрос социального обеспечения белорусского населения, приехавшего из Польши в БССР в 1944–1947 гг. Изучение обращений переселенцев в центральные ведомства, занимавшихся возвращением белорусов из стран Европы, позволяет осветить проблему их хозяйственного устройства в регионах Беларуси. На основании архивного материала рассмотрены социальные нужды прибывших: возмещение оставленного в Польше урожая, закрепление за ними жилых построек и земельных участков, а также реализация льгот и трудоустройство. Проанализирована политика Правительства БССР в области обустройства на местах, расселения и адаптации переселенцев.

Ключевые слова: БССР; белорусское население; социальное обеспечение; Польша; Совет Министров БССР; переселение; обращения.

The article touches upon the issue of social security of the Belarusian population who came from Poland to the BSSR in 1944–1947. Studying the appeals of migrants to the central departments dealing with the return of Belarusians from European countries will make it possible to highlight the problem of their economic structure in the regions of Belarus. Based on the archival material, the social needs of the arrivals are considered: compensation for crops left in Poland, securing residential buildings and land plots for them, as well as the implementation of benefits and employment. The policy of the Government of the BSSR in the field of settlement and adaptation of displaced persons is analyzed.

Keywords: BSSR; Belarusian population; social security; Poland; Council of Ministers of the BSSR; resettlement; appeals.

Переселение белорусского населения из Польши в БССР, которое осуществлялось по условиям Соглашения между Правительством БССР и Польским Комитетом Национального Освобождения (далее – ПКНО) от 9 сентября 1944 г. [1], занимает важное место в истории Беларуси. Имеющиеся в отечественной историографии работы по заявленной научной проблеме затрагивают некоторые вопросы организации и осуществления переселения. Без должного внимания остается тема обустройства и адаптации белорусов, переехавших из Польши. Между тем, обращения (заявления, просьбы, жалобы, ходатайства, докладные записки) переселенцев отражают трудности, с которыми они сталкивались по прибытию и расселению в областях и районах БССР. Анализ обращений, поступавших в переселенческий аппарат, отраслевые ведомства и Совет Народных Комиссаров (далее – СНК) БССР, позволит изучить социальные нужды белорусского населения, возвратившегося из Польши в БССР в 1944–1947 гг.

Источниковедческой базой исследования послужил комплекс документальных материалов, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь. Обращения переселенцев и ответы на них, отчеты об обращениях и проверки заявлений вошли в состав фонда № 7 «Совет Министров Республики Беларусь, г. Минск». Архивные документы также включены в фонды № 787 «Управление переселения и репатриации при Совете Министров БССР, г. Минск» и № 789 «Главный уполномоченный Совета Министров БССР по эвакуации белорусского населения с территории Польши, г. Белосток». Материалы судебных разбирательств по вопросам правообладания недвижимым имуществом переселенцев содержатся в фонде № 750 «Генеральная прокуратура Республики Беларусь, г. Минск».

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-исторические методы. Применение общенаучных методов, таких как синтез, аналогия и сравнительный анализ, обеспечили детальное изучение различных аспектов рассматриваемой научной проблемы. Среди специально-исторических методов исследования был использован идеографический (историко-описательный), позволивший подробно рассмотреть трудности переселенцев, возникших при обустройстве на месте жительства в БССР. Историко-сравнительный метод помог выделить со-

циальные потребности возвратившихся на основе архивных документов. Благодаря типологическому методу были выявлены общие проблемы расселения и устройства переселенцев по всей стране. Исследования проводилось в соответствии с принципами историзма, комплексности и научной объективности.

Соглашение между Правительством БССР и ПКНО от 9 сентября 1944 г. (далее – Соглашение) предусматривало размещение переселенцев в колхозном хозяйстве или наделение земель для ведения единоличного хозяйства, списывание недоимок, выдачу денежных ссуд и возмещение оставленных в Польше посевов. Также за ними закреплялись дома, оставленные выехавшим в Польшу населением [1, с. 208]. Необходимо учитывать сложное положение БССР, в котором проводилось переселение. За годы немецкой оккупации был нанесен значительный ущерб жилому фонду республики, что не позволило обеспечить всех нуждающихся переселенцев жильем. Бюджетные средства исполнительных комитетов областных и районных Советов депутатов трудящихся (далее – облисполкомы и райисполкомы) шли, прежде всего, на восстановление народного хозяйства, а не на выплату компенсации за оставленное в Польше имущество или оказание материальной помощи. Это послужило причиной для обращений в переселенческий аппарат и вышестоящие государственные учреждения.

Наиболее часто поступали обращения переселенцев по вопросам возмещения урожая, оставленного по прежнему месту жительства, а также закрепления за ними права собственности на дома и земельные участки в БССР. Коллективные и единоличные жалобы, поступавшие в СНК БССР (с 1946 г. Совет Министров, далее – Совет Министров БССР) от прибывших из Польши белорусских семей, свидетельствуют о длительном ожидании заселения и об отказе в закреплении за ними жилой площади. Помимо этого, встречались случаи, когда переселенцы не могли въехать в закрепленные за ними дома. В сентябре 1947 г. в Совет Министров БССР обратились 10 переселенцев из г. Пинска, которым выделили дома, однако они не смогли вселиться, так как там проживали другие люди [2, л. 119].

Зачастую решение жилищного вопроса перерастало в судебное разбирательство. К примеру, в Совет Министров БССР подала жалобу переселенка, которая в апреле 1947 г. купила дом в г. Гродно. Въехать в дом она не смогла, так как там проживал сотрудник треста Гродлеспрома. Народный Суд удовлетворил иск переселенки о выселении, однако заместитель Председателя Совета Министров БССР Г. С. Лахтанов телеграфным распоряжением запретил производить выселение, сославшись на факт продажи дома тресту в декабре 1946 г. [2, л. 199]. Прокурор БССР И. Д. Ветров вынес протест на телеграфное распоряжение на основании решения Народного Суда о выселении жильца и принадлежности проданного дома жилому фонду, которое оставило выехавшее в Польшу население. Председатель Совета Министров

БССР П. К. Пономаренко наложил резолюцию на протест Прокурора, признав право собственности за переселенкой [3, л. 230–238]. Продажа жилых построек людям, которые представлялись переселенцами, но таковыми не являлись, приводила к судебным разбирательствам.

Подобные случаи решались также на уровне облисполкомов. Получив решение Гродненского райисполкома, за переселенцем не закрепляли дом по причине того, что он был коммунальным и не подлежал продаже. По итогам разбирательств переселенцам предоставили другой жилой дом с приусадебным участком [4, л. 126–131 об.]. Поступали заявления с просьбами улучшить свои жилищные условия. В частности, в Совет Министров БССР обратилась семья переселенцев, ютившаяся в небольшой чердачной комнате. Переселенцы получили решение горисполкома на приобретение жилого дома [5, л. 172–173].

Проверкой жалоб, поступавших от различной категории населения по многим вопросам, занималась Прокуратура БССР. В отчетах о проверке жалоб, поступавших в Министерства финансов, торговли, сельского хозяйства, а также Управления уполномоченного Министерства заготовок СССР по БССР можно встретить обращения белорусов, прибывших из Польши. В жалобах говорилось о том, что уполномоченные Министерства заготовок не выплачивали компенсацию за сданный урожай в Польше [6, л. 158]. Встречались случаи выплаты переселенцам лишь одной десятой части от суммы оставленного в Польше имущества [7, л. 1].

Массовое возвращение белорусов из стран Европы, в том числе из Польши, приводило к ошибкам в оформлении документов. Например, при оформлении выдачи зерна изымались «эвакодокументы», что лишало переселенцев возможности получить компенсацию за оставленные в Польше постройки. По этому поводу было принято решение заверять копии описей оставленного в Польше имущества и делать надписи о выдаче зерна на подлинниках [8, л. 167]. Нарушалось оформление документов также при сдаче имущества в Польше. Вместо чекового требования, выдавались справки, что приводило к отказу в выплатах компенсации за оставленное имущество. Обращения в отдел переселения и репатриации при Совете Министров БССР по данному вопросу было безрезультатным [9, л. 49, 57].

В 1948 г. в г. Гродно была задержана банда, которая занималась фальсификацией различных документов, в том числе и переселенцев. Некоторые чековые требования, которые вызывали сомнения, отправлялись для проверки в отдел переселения и репатриации при Совете Министров БССР [9, л. 91]. Отдел занимался также восстановлением утерянных при переезде документов. В частности, у одной переселенки были похищены эвакуационные документы при переезде [10, л. 9, 10]. Обращение было направлено Главному уполномоченному СНК по эвакуации, который восстановил их в г. Белостоке и отправил владельцу.

Без внимания не оставалась финансовая сторона переселения. В большей степени переселенцев волновала выплата разницы между стоимостью, оставленной в Польше и полученной в БССР недвижимости. Трудности вызывал повторный переезд переселенцев, где они также могли получить выплаты по новому месту жительства [4, л. 103]. Обращались с вопросами, связанными с кредитованием на хозяйственные нужды, предусмотренные Соглашением. Поступали жалобы от переселенцев, которым было отказано в кредитовании на обустройство и заведении хозяйства. Получить льготный кредит можно было до конца 1948 г. С 1949 г. кредитование проводилось на общих основаниях [9, л. 64].

Белорусы, прибывшие из Польши, освобождались от уплаты денежных налогов и страховых платежей на два года с момента прибытия в БССР в соответствии с постановлением № 1403 СНК СССР от 14 октября 1944 г. Переселенцы, которые были заняты в сельском хозяйстве, освобождались от обязательных поставок государству продуктов на два года с момента закрепления за ними жилых построек и земельных участков на основании постановления № 2105 СНК СССР от 17 августа 1945 г. В отдел переселения и репатриации при Совете Министров БССР поступали заявления переселенцев с просьбами о подтверждении переезда и оценки оставленного имущества в Польше для пользования положенными льготами. Подобные вопросы освещались в периодических изданиях. Например, был напечатан ответ на вопрос о положенных льготах для переселенцев в газете «Советский крестьянин» Ошмянского района [11, л. 126–127].

Правительство БССР уделяло особое внимание трудоустройству белорусского населения, прибывшего из стран Европы. От лица Совета Министров БССР выходили распоряжения о необходимости в обеспечении рабочими местами переселенцев из Польши. С заявлением обратилась семья переселенцев с просьбой поселить их именно в г. Слоним, где располагались предприятия по их специализации [8, л. 167]. Они были трудоустроены.

Встречались случаи призыва переселенцев на воинскую службу, что также нарушало условия Соглашения. Так, в Народный комиссариат текстильной промышленности БССР (с марта 1946 г. – Министерство текстильной промышленности БССР) направил обращение в отдел переселения и репатриации при Совете Министров БССР с просьбой решить вопрос с призывом на службу переселенца, направленного на работу на Витебскую льнопрядильно-ткацкую фабрику им. Л. М. Кагановича [8, л. 24–25]. Поступали заявления об оказании помощи переселенцам, оказавшимся в тяжелом материальном положении [12, л. 21–22]. Правительство БССР шло на уступки и выносило подобные дела на решение заместителя или Председателя Совета Министров БССР. Необходимо отметить, что за нуждающимися переселенцами закреплялись дома на безвозмездной основе.

События Второй мировой и Великой Отечественной войн, а также проведение демаркации польско-советской границы в 1945 г. привели к миграции белорусов. Тысячи белорусских семей были разделены. В Совет Министров БССР, отдел переселения и репатриации при Совете Министров БССР и Народный комиссариат иностранных дел БССР (с марта 1946 г. – Министерство иностранных дел, далее – Министерство иностранных дел) поступало много обращений от родственников с просьбами оказать помощь в поиске и организации переезда членов их семей, находившихся на территории Польши.

Отдел переселения и репатриации при Совете Министров БССР направлял эти обращения представителям белорусской стороны по эвакуации в г. Белостоке, которые оформляли вызов на выезд в БССР. Обязательным требованием для оформления вызова на переезд являлось указание места жительства или приблизительного места пребывания, разыскиваемого на территории Польши. В случае, если адресат не отвечал, к нему отправлялся представитель белорусской стороны с целью проверки и сбора точной информации для ответа на запрос.

В одном из заявлений в Министерство иностранных дел БССР гражданин БССР просил оказать помощь в переезде жены с ребенком из г. Белостока, в котором они проживали с 1939 по 1941 г., в г. Минск [13, л. 4–4 об.]. С похожим заявлением в Министерство обратился житель г. Гродно, прося разрешение возвратиться в город его дочери с ребенком из г. Варшавы, куда она выехала в 1930-е гг. после замужества [13, л. 121]. Принимались заявления тех, кто изъявил желание переехать в БССР, но не успели переехать в установленные сроки.

Особое внимание также уделялось возвращению несовершеннолетних детей из Польши в БССР. В своем заявлении отец просил вернуть дочь, которая в годы войны проживала у родственников в Белостокской области [14, л. 79]. Оказать помощь в переезде своей несовершеннолетней дочери из г. Кнышин Белостокской области в г. Узду Минской области, к родному отцу, обратился демобилизованный солдат Красной Армии [15, л. 83–84]. Уполномоченными белорусской стороны составлялись списки детей-сирот и организовывалась их транспортировка в БССР.

Содействие в переселении членов семей из Польши в БССР оказывали и общественные организации. В частности, Белорусский Республиканский Совет добровольного физкультурно-спортивного ордена Ленина общества промкооперации «Спартак» обратился к Уполномоченному Совета Министров БССР по эвакуации белорусского населения с территории Польши с просьбой помочь переселить семью мастера спорта и чемпиона СССР по велоспорту Е. А. Малеца из г. Влохы Варшавской области в г. Брест. Примечательно, что в заявлении Е. А. Малец просит не только перевезти его близких, но и разрешение на провоз через советско-польскую границу трех гоночных велосипедов и спортивного инвентаря [13, л. 23–24].

Прибывшие в БССР переселенцы обращались в отдел переселения и репатриации при Совете Министров БССР с просьбами дать разрешение на временный выезд в Польшу. Как правило, подобные обращения были связаны с необходимостью забрать или оценить оставшееся в Польше имущество. Переселенка обратилась в отдел переселения и репатриации с просьбой о разрешении на выезд в Польшу [15, л. 75]. Необходимость в выезде была обусловлена сложной семейной ситуацией: банды, действовавшие на территории Белостокской области, убили её мать и брата за участие в партизанском движении в годы войны. Бесхозное имущество в Польше нуждалось в оценке для сдачи его государству, чтобы получить компенсацию в БССР. Стоит заметить, что в большинстве случаев просьбы переселенцев на временный выезд в Польшу не удовлетворялись. По распоряжению переселенческого аппарата на прежнее место жительства отправлялся представитель белорусской стороны для оценки имущества и составления необходимого документа, который высылался в отдел по переселению и репатриации при Совете Министров БССР.

Таким образом, в ходе обустройства на местах расселения белорусы, прибывшие из Польши в БССР в 1944–1947 гг., сталкивались с различными социальными и материальными трудностями. Основные нужды переселенцев заключались в выплате компенсации за оставленный в Польше урожай и недвижимое имущество, закреплении за ними жилых построек и земельных участков, кредитовании, а также реализации льгот, предусмотренных Соглашением. В разрешении проблемных ситуаций были задействованы переселенческий аппарат, отраслевые министерства, а также органы Прокуратуры. Ключевая роль в вынесении заключительных решений по различным вопросам принадлежала Совету Министров БССР, которое уделяло особое внимание обращениям переселенцев. Предпринятые Правительством БССР меры способствовали улучшению материального положения, социального обеспечения, а также хозяйственного устройства белорусского населения, которое возвратилось из Польши в БССР.

Список использованных источников

1. Соглашение между правительством Белорусской Советской Социалистической Республики и Польским Комитетом Национального Освобождения об эвакуации белорусского населения с территории Польши и польских граждан с территории БССР. Люблин, 9 сентября 1944 г. / С. П. Маргунский, А. С. Зайцев // Белорусская ССР в международных отношениях. Международные договоры, конвенции и соглашения Белорусской ССР с иностранными государствами (1944–1959): сб. док. / МИД БССР, АН БССР, Отдел правовых наук; ред. К. В. Киселев. – Минск, 1960. – С. 207–214.

2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1932.

3. НАРБ. – Ф. 750. Оп. 2. Д. 101.

4. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1930.
5. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1959.
6. НАРБ. – Ф. 750. Оп. 2. Д. 71.
7. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1941.
8. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1917.
9. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1946.
10. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1906.
11. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1934.
12. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1938.
13. НАРБ. – Ф. 789. Оп. 1. Д. 12.
14. НАРБ. – Ф. 789. Оп. 1. Д. 11.
15. НАРБ. – Ф. 789. Оп. 1. Д. 13.

(Дата подачи: 24.02.2025 г.)

V. V. Volkava

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

Volha Volkava

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(476)«1915/1918»

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ПАЛІТЫКА НЯМЕЦКІХ АКУПАЦЫЙНЫХ УЛАДАЎ АДНОСНА БЕЛАРУСАЎ У ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

NATIONAL POLICY OF THE GERMAN OCCUPATION AUTHORITIES ABOUT BELARUSIANS DURING THE FIRST WORLD WAR

У артыкуле разглядаецца нацыянальная палітыка нямецкіх акупацыйных улад адносна беларусаў у гады Першай сусветнай вайны. Аўтар вылучае асноўныя кірункі: школьная справа, выданне беларускамаўнай газеты, увядзенне беларуска-нямецкіх пашпартоў, даследаванне беларускіх тэрыторый нямецкімі вучонымі.

Ключавыя словы: нацыянальная палітыка; нямецкая акупацыйная ўлада; беларусы; штола; газета; пашпарт.

The article explores the national policy of the German occupation authorities towards Belarusians during the First World War. The author highlights the main directions: school education, publication of a Belarusian-language newspaper, the introduction of Belarusian-German passports, research of Belarusian territories by German scientists.

Key words: national policy; German occupation power; Belarusians; tables; newspaper; passport.

Пасля ўстанаўлення лініі нямецка-расійскага фронта восенню 1915 г. перад нямецкім кіраўніцтвам паўстала актуальная задача вывучэння і кіравання акупіраванымі тэрыторыямі, у тым ліку заходнебеларускімі. Нямецкія ўлады сутыкнуліся з поліэтнічным характарам занятых тэрыторый, дзе пражывалі беларусы, літоўцы, латышы, палякі, рускія, яўрэі, татары і немцы. Шматнацыянальны і поліканфесійны рэгіён адрозніваўся ад нямецкага даваеннага ўяўлення пра Расійскую імперыю з адзіным рускім насельніцтвам. З іншага боку, на працягу акупацыі «нямецкі фактар» стаў адыгрываць ролю аднаго з важнейшых геапалітычных чыннікаў у працэсе вырашэння дзяржаўна-тэрытарыяльнага пытання на карысць тых або іншых народаў рэгіёна. Менавіта ад таго, якія народы на часова занятай германскімі войскамі тэрыторыі атрымалі бы ад акупацыйных уладаў падтрымку, залежала паспяховаць развіцця нацыянальнага руху і магчымасці будучага дзяржаўнага будаўніцтва. Для беларусаў ваенна-палітычныя падзеі Першай сусветнай вайны сталі лёсавызначальнымі, бо менавіта вайна паскорыла перамены ў свядомасці грамадства і разумення сябе як асобнага суб'екта сярод іншых народаў.

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі некаторыя аспекты нацыянальнай палітыкі нямецкіх акупацыйных улад у гады Першай сусветнай вайны распрацоўвалі В. В. Волкава [1; 2], В. П. Дзмітрыева [3], У. В. Ляхоўскі [4], Д. А. Мігун [5], М. Б. Шчаўлінскі [6] і інш. Аўтар ў дадзеным артыкуле засяроджвае ўвагу на нямецкай нацыянальнай палітыцы адносна беларусаў на акупіраваных заходнебеларускіх тэрыторыях.

Галоўнай задачай нацыянальнай палітыкі ў зоне Галоўнакамандуючага на Усходзе стала забеспячэнне ўстойлівых геапалітычных пазіцый Германіі ў занятым рэгіёне. Галоўным лозунгам стаў «выхад гэтых тэрыторый з прарасійскай накіраванасці і паварот іх на Захад» [7, s. 91]. Пад «нацыянальнай палітыкай» разумеецца сукупнасць палітычных і арганізацыйных мер, якія прымаліся органамі дзяржаўнай улады Германіі і вышэйшага ваеннага кіраўніцтва Усходняга фронту ў адносінах да народаў розных нацыянальнасцей, якія пражывалі на акупаванай тэрыторыі.

У пачатку акупацыі нямецкаму кіраўніцтву трэба было скласці ўяўленні пра кожную нацыянальнасць краю. Шэф генштаба пры Галоўнакамандуючым на Усходзе генерал Э. Людэндорф пісаў у сваіх успамінах: «Насельніцтва, за выключэннем немцаў, нас чужылася. [...] З беларусамі лічыцца не прыходзілася, бо палякі адабралі іх нацыянальны твар, нічога не даўшы ім узамен. Восенню 1915 г. я захацеў атрымаць уяўленне аб тым, дзе групуюцца баларусы. Спачатку іх літаральна нельга было нідзе знайсці. Толькі потым выявілася, што гэта вельмі распаўсюджанае, але ж крайне апалячанае племя, якое стаіць на такой нізкай прыступцы культуры, што дапамагчы ім можна было толькі працяглым уплывам» [8, s. 145–146]. Гэты фрагмент успамінаў Э. Людэндорфа часта падаецца як прыклад слабасці беларуска-

га нацыянальнага руху. Аднак, на думку аўтара, гэтая ацэнка нямецкага генерала хучэй сведчыць пра яго дрэнную арыентацыю ў нацыянальных адносінах на акупіраваных тэрыторыях.

Беларуская дзеячка Ю. Мэнке як бы пацвярджала ў сваіх успамінах, што нямецкія ўлады «ведалі палякаў, расейцаў, яўрэяў, часткаю – літоўцаў, але беларусы былі для іх нечым новым. Колькі матэрыялу з гістарычнымі тлумачэннямі трэба было апрацаваць, каб давесці жаданні і патрабаванні беларусаў!» [9, s. 60]. Беларускія грамадскія дзеячы ўжо ў першыя месяцы акупацыі Віленшчыны і Гродзеншчыны імкнуліся данесці ўласную пазіцыю. Нямецкім уладам падавалася інфармацыя пра культуру, гісторыю, палітычныя пазіцыі беларусаў. Гэтыя даныя, перакладзеныя на нямецкую мову, выкарыстоўваліся ў справаздачах, дакладах, рапартах нямецкай адміністрацыі Обер Ост для вышэйшага васковага камандавання, у канцэлярыю, міністэрства ў Берліне.

Нямецкія ўлады сутыкнуліся з тым, што ва ўмовах свайго імкнення ізаляваць занятая беларускія і літоўскія тэрыторыі ад культурнага ўплыву Расіі яны адначасова павінны былі забяспечыць свае геапалітычныя інтарэсы праз нацыянальную палітыку адносна мясцовых народаў – палякаў, літоўцаў, беларусаў. Менавіта ва ўмовах, калі нямецкае кіраўніцтва сутыкнулася з праблемай кіравання шматэтнічным рэгіёнам і ставіла на першае месца геапалітычны аспект лавіравання між уласнымі інтарэсамі і нацыянальнымі намаганнямі мясцовых эліт, беларускія грамадскія дзеячы распачалі працу на ніве грамадска-культурнага развіцця.

На акупіраваных тэрыторыях дэклараваўся прынцып аднолькавага стаўлення да ўсіх нацыянальнасцей у зоне Обер Ост, афіцыйна заяўленага ў выддзеных П. фон Гіндэнбургам 22 снежня 1915 г. «Асноўных палажэннях па адраджэнню школьнай справы» [10] і пацверджанага ў дадатковай пастанове 16 студзеня 1916 г. [7, s. 110–112]. Беларуская мова на афіцыйным узроўні аб'яўлялася раўнаваартаснай з іншымі мовамі (польскай, літоўскай, лагатыскай, ідыш). У пастанове адзначалася, што «беларуская мова не ёсць ідэнтычнай рускай» і мае права неабмежаванага ўжывання пры навучанні. Адзначым, што беларуская мова ўпершыню дазвалялася як мова навучання. Раней навучанне можна было атрымаць толькі альбо на польскай, альбо на расійскай мовах. У распараджэнні па ўладкаванню адміністрацыі Обер Ост 7 чэрвеня 1916 г. паўторна дэкларавалася, што ўсе народы ў акупіраваным краі мусяць валодаць аднолькавымі правамі [11].

Афіцыйная забарона ўжывання расійскай мовы ў школьным навучанні і ў грамадскіх установах, а таксама дазвол навучання на роднай мове паўплывала на адкрыццё беларускіх школ, што адназначна падтрымлівалася беларускімі нацыянальнымі дзеячамі. У перыяд акупацыі былі адкрыты толькі пачатковыя беларускія школы. Першая беларуская школа была адкрыта ў Вільні (раён Зарэчча) 13 лістапада 1915 г. [12, с. 94]. Паводле

афіцыйнай нямецкай статыстыкі ў кастрычніку 1916 г. у зоне Обер-Ост было адкрыта 8 беларускіх школ, у якіх навучаліся 144 вучня, у сакавіка-красавіку 1918 г. налічвалася 89 школ з 3266 вучнямі. У кастрычніку 1916 г. у суадносінах да польскіх і літоўскіх школ беларускія школы складалі 2,1 % ва ўпраўленні Вільня-Сувалкі і 0,8 % ва ўпраўленні Беласток-Гродна, у 1918 г. адпаведна 1,9 і 21,2 %. Усяго на тэрыторыі Обер-Ост толькі 1 % школ у кастрычніку 1916 г. былі беларускімі, у 1918 г. – 6,5 %. У абсалютных лічбах колькасць школ паводле нямецкай статыстыкі была наступнай: у кастрычніку 1916 г. – 8 беларускіх школ, 385 польскіх і 260 літоўскіх; у красавіку 1918 г. – 89 беларускіх, 299 польскіх і 710 літоўскіх школ. 79 беларускіх школ знаходзіліся на тэрыторыі ўпраўлення Беласток-Гродна [7, s. 101–104].

Маштабы беларускага школьніцтва былі непараўнальна малымі з пашырэннем польскіх школ. У канцы 1915 г. – пачатку 1916 г. толькі ў Вільні дзякуючы намаганням польскага камітэта на чале з В. Венслаўскім, а таксама значна большаму фінансаванню польскай культурніцкай справы былі адкрыты 4 польскія гімназіі (815 вучняў), 8 школ чатырохкласавых (1060 вучняў), 30 школ пачатковых (4500 вучняў). У віленскім, троцкім, лідзскім і свянцянскім паветах паўсталі 102 школы, у якіх вучыліся каля 6000 дзяцей, у тым ліку і беларусаў [7, s. 132].

Для падрыхтоўкі беларускіх і літоўскіх настаўнікаў у перыяд акупацыі ў зоне Обер-Ост дзейнічалі 13 настаўніцкіх семінарыяў (8 літоўскіх і 5 беларускіх), у якіх навучаліся звыш 500 чалавек (359 і 144 адпаведна). Х. Цэмке прыводзіць звесткі аб дзейнасці 128 агульнаадукацыйных курсаў, якія праслухалі звыш 2 тыс. чалавек. На снежань 1917 г. у зоне Обер-Ост працавалі звыш 1700 настаўнікаў [7, s. 81–82]. Першая настаўніцкая семінарыя для беларускіх настаўнікаў была адчынена ў кастрычніку 1916 г. у Свіслачы. Дырэктарам стаў Б. Пачобка, былы рэдактар каталіцкага часопіса «Bielarus».

Т. фон Хеппе, кіраўнік этапнай камандатуры Дзярэчын (Etappen-Kommandatur Dereczyn), пазней шэф упраўлення Беласток-Гродна і шэф аб'яднанага ўпраўлення «Літва» ў сваіх успамінах пісаў пра складанасці ў беларускіх школах. На яго думку, падзел насельніцтва паводле рэлігіі «каталік – паляк» і «праваслаўны – рускі» прывёў да таго, што ў новай беларускай школе ў Дзярэчыне мовай навучання ўсё адно была польская [14, s. 103].

Для дыдактычнага забеспячэння выкладання ў 1916–1918 гг. віленскімі выдавецтвамі (газеты «Гоман», Беларускага камітэта, В. Ластоўскага) было хутка арганізавана ўкладанне і друк беларускамоўных падручнікаў, лемантароў, чытанак для дзяцей, беларускі правапіс і г. д.

Роля выдадзеных 22 снежня 1915 г. «Асноўных палажэнняў па адраджэнню школьнай справы» была значна большая, чым толькі асветніцкая.

Нацыянальнае школьніцтва (беларускае і літоўскае) паскорыла працэсы нацыянальнай кансалідацыі ў супрацьвагу польскаму культурнаму ўплыву. Больш гэта датычылася беларусаў-праваслаўных, бо беларусы-католікі знаходзіліся ў польскім асяродку праз касцёл.

Працягам дзеяння «Асноўных палажэнняў...» стаў дазвол нямецкіх улад на выданне газеты на роднай мове. Пачатак адрэджэнню беларускай прэсы паклала газета «Гоман», якая з 15 (28) лютага 1916 г. пачала выходзіць у Вільні пад рэдакцыяй В. Ластоўскага, а ад № 33 (125) за 24 красавіка 1917 г. – Я. Салаўя. «Гоман» стала адзінай беларускамоўнай газетай у перыяд акупацыі, часопісы «Лучынка», «Саха», газета «Bielarus» прыпынілі сваю дзейнасць. Газета «Наша ніва», якая ад пачатку вайны асвятляла сітуацыю на франтах, мерапрыемствы расійскіх улад, грамадска-палітычнае, сацыяльна-эканамічнае, культурнае становішча, ідэі беларускага нацыянальнага руху, у сувязі з набліжэннем расійска-нямецкага фронту спыніла сваё існаванне. Апошні нумар датуецца 7 жніўнем 1915 г. [6, с. 13].

«Гоман» стаў увасабленнем права мясцовых нацый на газету на роднай мове і заняў сваё месца сярод літоўскамоўнага «Dabartis» («Сучаснасць»), польскага «Dziennika Wileńskiego» («Віленскі дзёнік»), яўрэйскай газеты «Letzte Nai's» (Апошнія навіны). «Гоман» як пераемнік «Нашай нівы» імкнуўся кансалідаваць беларусаў абодвух веравызнанняў культурна, а ў перспектыве – вакол адзінай нацыянальнай ідэі. Таму газета, якая друкавалася толькі лацінкай і выходзіла адзін раз на тыдзень, з 1 верасня 1916 г. стала выходзіць на кірыліцы (двойчы на тыдзень – па аўторках і пятніцах). Тыраж яе дасягаў 3 тыс. экзэмпляраў [15, с. 67]. Да 1918 г. газета «Гоман» была адзінай беларускай газетай на тэрыторыі Ober Осту. Апошні, вядомы, нумар газеты (№ 62 (258)) выйшаў 9 жніўня 1918 г.

Негледзячы на тое, што значную частку газеты займала афіцыйная хроніка падзей з тэатраў баявых дзеянняў, распараджэнні акупацыйных улад, шмат месца адводзілася гісторыка-публіцыстычным матэрыялам, якія галоўнай мэтай мелі распаўсюджванне беларускай культуры. На старонках газеты мела месца праяўленне грамадска-палітычных пазіцый беларускіх дзеячоў, у тым ліку супраць польскага ўплыву на мясцовае беларускае насельніцтва ў краі. «Гоман» даводзіў палітычныя намаганні беларускіх дзеячоў віленскага асяродку: ад Канфедэрацыі ВКЛ да незалежнай Беларусі.

Нямецкія акупацыйныя ўлады ў дачыненні прэсы прытрымліваліся палітыкі роўнаадалення, выкарыстоўваючы газеты мясцовых народаў для падтрымання напружаных адносін між імі. Газеты сталі арэнай палітычных баталій мясцовых народаў краю, якія, баронячы свае нацыянальныя інтарэсы, імкнуліся дабіцца падтрымкі нямецкай акупацыйнай улады. Сярод польскай грамадскасці, паводле дзёніка А. Шклённіка, распаўсюджваліся чуткі, што немцы заснавалі і фінансуюць беларускую газету для падтрымкі не толькі літоўцаў, але і беларусаў для аслаблення польскіх пазіцый [16,

s. 153–155]. І сапраўды, Ф. Берткаў, кіраўнік аддзела прэсы пры Галоўным упраўленні Обер Ост, у дакладзе дзяржаўнаму сакратару К. Гельферыху пісаў аб неабходнасці падтрымкі газет «Homan» і «Dabartis» для свабоднага выказвання сваіх нацыянальных ідэй як супрацьвагу Варшаве з яе «вялікапольскімі намаганнямі» [17, s. 49]. Цэнзарам газеты «Гоман» і, шырэй, усёй беларускай прэсы, стаў Э. Зуземіль, былы падданы Расійскай імперыі, а пазней ландштурміст 47-га пяхотнага палка і вайсковы чыноўнік аддзелу друку Галоўнага ўпраўлення Обер Ост [17, s. 49]. Менавіта ён стаў дарадчыкам Э. Людэндорфа па беларускім пытанні і курыраваў пераклады заканадаўчых актаў на беларускую мову.

Пазней ужыванне беларускай мовы, а з тым правы беларусаў як нацыянальнасці ўсё больш пашыраліся. Згодна з распараджэннем ад 27 сакавіка 1916 г. беларусы атрымалі права мець пашпарты на сваёй мове. Пачалася выдача двухмоўных нямецка-беларускіх пашпартоў [18]. Адзначым, што іншыя нацыянальныя групы (латышы, літоўцы, палякі, яўрэі) атрымалі гэтакія права згодна ранейшаму рапараджэнню Галоўнакамандуючага на Усходзе П. фон Гіндэнбурга ад 26 снежня 1915 г. аб абавязковай пашпартызацыі насельніцтва. Нямецка-расійскіх пашпартоў не прадугледжвалася [19]. Можна меркаваць, што беларусы ў перыяд студзень – сакавік 1916 г. запісваліся ў іншыя двухмоўныя пашпарты, аднак выявіць прыналежнасць такога пашпарта менавіта беларусу можна толькі ўскосна (па імені і прозвішчу, роднаму павету).

Паводле распараджэння ад 27 мая 1916 г. абвесткі для насельніцтва, якія друкаваліся да гэтага часу на нямецкай, польскай, літоўскай мовах і ідышу, сталі друкавацца з 1 ліпеня і па-беларуску [20].

Праз год, 24 мая 1917 г., у афіцыйным нямецкім дакументазвароце былі прыняты новыя абазначэнні Беларусі і беларусаў на нямецкай мове. Першапачаткова немцы называлі беларусаў «Weissrussen» («белыя русы»), а тэрыторыю іх пражывання – «Weissrussland» («Белая Русь»), выводзячы дадзены этнонім з абазначэння месца іх пражывання. Аднак згодна з распараджэннем кіраўніка адміністрацыйным штабам Х. фон Брандэнштайна (Brandenstein) з мэтай падтрымкі развіцця самасвядомасці беларускага народа гэтыя тэрміны выводзіліся з ужытку. Змены ў дакуменце тлумачыліся тым, што «зараз такое абазначэнне можа стварыць палітычна непажаданую сітуацыю, пры якой беларусы разумеюцца выключна як асобая руская народнасць [як частка Расіі – В. В.], а не як самастойны народ». Таму афіцыйна, у тым ліку ў нямецкамоўнай прэсе, уводзіліся абазначэнні «Weissruthenien» і «Weissruthenen» [21]. Шэф упраўлення Беласток-Гродна Т. фон Хепе (T. von Herpe) у сваіх успамінах пісаў, што ўвядзенне ва ўжытак новага абазначэння было асабістай ініцыятывай Э. Людэндорфа [22, s. 103].

Дакладнае паходжанне тэрмінаў «Weissruthenien» і «Weissruthenen» застаецца нявысветленым. Расійскі даследчык І. І. Барынаў прапануе версію,

паводле якой адбылося ўзаемнае накладанне дзвюх не звязаных паміж сабой канцэпцый. Паколькі немцы, вывучаючы нядаўна занятыя землі, карысталіся пераважна польскай літаратурай, яны маглі пераняць польскую назву беларусаў (*białorusini*). Само слова «русiны» ў нямецкай мове пры гэтым трывала асацыявалася з усходнеславянскім насельніцтвам аўстрыйскай Галіцыі (*Ruthenen*). Верагодна, такім чынам і ўзнікла гэтае штучнае слова «*Weissruthenien*» [23, с. 191–192].

Даследаванне беларускіх тэрыторый зацікавіла нямецкіх вучоных. Так, стараннямі вядомага славiста, мастацтвазнаўца А. Іпеля былі арганізаваны дзве выставы беларускага мастацтва ў Вільні (1916) і Вільні і Мінску (1918) і апублікаваны шэраг артыкулаў [24; 25; 26]. Вядомы славiст з Вроцлава Р. Абiхт падрыхтаваў артыкулы па гісторыі і культуры беларускага народа, якія друкаваў у газетах «Гоман», «*Wilnaer Zeitung*», «*Zeitung der X. Armee*», перакладаў творы Я. Купалы і Я. Коласа. Разам з Я. Станкевічам выдаў у Вроцлаве дапаможнік па беларускай лацінцы «Просты спосаб стацца ў кароткім часе граматым» («*Prosty sposab stacca ў karotkim čase hramatnym*»). Акрамя таго, выкладаў у настаўніцкай семінарыі ў Свіслачы [27, с. 715].

На працягу 1915–1918 гг. быў выдадзены шэраг прац навукова-публіцыстычнага і этнаграфічнага характару, падрыхтаваныя па загаду адміністрацыі Обер Ост [28–31]. Яны ўтрымлівалі інфармацыю па гісторыі, грамадска-палітычным развіцці, эканоміцы, культуры акупіраваных тэрыторый. Найбольш вядомай у беларускай гістарыяграфіі стала праца «Беларусь: краіна, насельніцтва, гісторыя, гаспадарка, культура, мастацкая літаратура», выдадзеная пад рэдакцыяй В. Егера ў 1919 г. [32]. Для зацікаўленай нямецкамоўнай грамадскасці быў замоўлены пераклад гістарычнага агляду М. Доўнара-Запольскага [33].

Нямецкая акупацыйная ўлада ў перыяд Першай сусветнай вайны не падтрымлівала намаганні мясцовых этнічных супольнасцей ў пытаннях дзяржаваўтварэння і абмяжоўвала палітычную дзейнасць. Тым не менш у межах нацыянальнай палітыкі розныя народы, якія пражывалі на занятых тэрыторыях, у тым ліку беларусы, атрымалі магчымасці праводзіць культурна-асветніцкія мерапрыемства, мець навучанне ў нацыянальных школах і выдаваць газеты. У ваенны перыяд беларусы мелі пашпарты на роднай мове. Паэтапная ліквідацыя ўсіх структур акупацыйнай адміністрацыі Обер Ост пачалася пасля Лістападаўскай рэвалюцыі 1918 г. у Германіі. Некаторыя арганізацыі, створаныя падчас Першай сусветнай вайны, працягвалі дзейнасць і ў 20-я гады на тэрыторыі Заходняй Беларусі пад уладай Польшчы. Аднак большасць беларускіх нацыянальных праектаў пасля вываду нямецкага вайсковага кантынгенту з Віленшчыны і Гарадзеншчыны (беларуская школа, беларускія выдавецтвы, газета «Гоман») спынілі сваё існаванне.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Волкава, В. В.* Беларусь і беларусы ў афіцыйных справаздачах адміністрацыі Обер Ост пры Галоўнакамандуючым на Усходзе у Міністэрстве замежных спраў Германіі (лістапад 1915 – люты 1916 г.). / В. В. Волкава // Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў XX ст.: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 ліст. 2018 г. – Мінск: БДУ, 2018. – 303 с. – С. 87–92.
2. *Волкава, В. В.* Пашпартная сістэма зоны Обер Ост у гады Першай сусветнай вайны / В. В. Волкава // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 3. – С. 22–29.
3. *Дмитриева, О. П.* Национальные общности на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / О. П. Дмитриева. – Минск: Беларуская навука, 2017. – 243 с.
4. *Ляхоўскі, У. В.* Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 г.) / У. В. Ляхоўскі. – Вільня: Інстытут беларусістыкі. – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 340 с.
5. *Мигун, Д. А.* Культурная политика немецких властей на территории Обер Оста / Д. А. Мигун // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Ист. и психол.-пед. науки: сб. науч. ст. – Минск, 2007. – Вып. 4 (9). – С. 108–116.
6. *Щавлинский, Н. Б.* Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / Н. Б. Щавлинский. – Минск: РИВШ, 2001. – 136 с.
7. *Zemke, H.* Der Oberbefehlshaber Ost und das Schulwesen im Verwaltungsbereich Litauen während des Weltkrieges / H. Zemke. – Berlin: Junker und Dünhaupt Verlag, 1936. – 120 S. – S. 91.
8. *Ludendorff, E.* Meine Kriegserinnerungen. 1914–1918 / E. Ludendorff. – 4. Aufl. – Berlin: E. S. Mittler u. Sohn, 1919. – S. 145–146.
9. *Вітан-Дубейкоўская, Ю.* Беларуская дзейнасць пад першай нямецкай акупацыяй / Ю. Вітан-Дубейкоўская // Запісы. – Кн. 12. – Нью-Йорк, 1974. – С. 59–62.
10. Grunflgende Rechtlinien zur Wiederbelebung des Schulwesens, 22 XII 1915 // Staatsbibliothek zu Berlin Preußischer Kulturbesitz (SBB, Дзяржаўная бібліятэка прускай культурнай спадчыны). – Sign. 4° Krieg 1914/14995a. Befehls- und Verordnungsblatt des Oberbefehlshabers Ost: in 3. Bd. – Kowno; Bialystok: Hauptquartier, 1915–1918. – 888 S. – Nr. 7. – Z. 48 (Anlage).
11. Verwaltungsordnung für das Etappengebiet im Befehlsbereich des Oberbefehlshabers Ost (Ober Ost). 07 VI 1917 // Befehls- und Verordnungsblatt des Oberbefehlshabers Ost. – Nr. 34. – Z. 259.
12. *Весялкоўскі, Ю.* Беларусь у Першай сусветнай вайне / Ю. Весялкоўскі. – Беласток; Лондан, 1996. – 361 с.

13. *Jurkiewicz, J.* Rozwój polskiej myśli politycznej na Litwie i Białorusi w latach 1905–1922 / J. Jurkiewicz. – Poznań: WNU Uniw. A. Mickiewicza, 1983. – 259 s.
14. *Lebeserrinerungen von T. von Heppe.* Im Ersten Weltkrieg 1914–1918. s. 103. / Lebeserrinerungen von T. von Heppe // Bundesarchiv-Militärarchiv in Freiburg im Bresgau (BArch–MA). – Федеральны ваенны архіў у Фрайбургу. – F. 196 Nachlass von Heppe. Sygn. 1.
15. *Вітан-Дубейкоўская, Ю.* Газета «Гоман» / Ю. Вітан-Дубейкоўская // Запісы. – Кн. 13. – Нью-Йорк, 1975. – С. 67–70.
16. *Gierowska-Kałlaw, J.* Białorusini wileńscy w przelomnym momencie 1915 roku w swietle zapisek wileńskiego kronikarza Aleksandra Szklennika / J. Gierowska-Kałlaw // Wojna i ludzie. Społeczne aspekty I wojny światowej w Europie Wschodniej, red. D. Michaluk. – Ciechanowiec, 2015. – S. 153–170.
17. *Bertkau, F.* Das amtliche Zeitungswesen im Verwaltungsgebiet Ober Ost / F. Bertkau. – Leipzig: E. Reinucke, 1928. – 105 S.
18. Zusätze zur Verordnung über Einführung des Passzwanges im Gebiet des Oberbefehlshabers Ost vom 26.12.15, 26 III 1916 // Befehls- und Verordnungsblatt des Oberbefehlshabers Ost. – Nr. 18. – Z. 147.
19. Verordnung betreffend Einführung des Passzwanges im Gebiet des Oberbefehlshabers Ost, 26 XII 1915 // Befehls- und Verordnungsblatt des Oberbefehlshabers Ost. – Nr. 7. – Z. 53.
20. Telegram vom 14.VI.1916 nr. 11121, Chefverwaltung Wilna-Suwalki – Oberbefehlshaber Ost // Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas (LVIA, Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў). – F. 641. Ap. 1. B. 958. L. 41.
21. Abschrift. Oberbefehlshaber Ost (Oberquartiermeister), Hauptquartier, 24.V. 1917 // Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos. Rankraščių skyrius (LMAVB RS, Бібліятэка Літоўскай акадэміі навук ім. Урублеўскіх. Адзел рукапісаў) – F. 23. Ap. 1/2. L. 307 r.
22. *Lebeserrinerungen von T. von Heppe.* Im Ersten Weltkrieg 1914-1918 // Bundesarchiv-Militärarchiv in Freiburg im Bresgau (BArch–MA, Федеральны ваенны архіў у Фрайбургу. – F. 196 Nachlass von Heppe. Sygn. 1.
23. *Барінов, И. И.* Обозначение Белоруссии в немецком языке (XVIII–XXI века) / И. И. Барінов // Восточнославянские исследования. – Вып. 1. – Москва: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. – С. 189–197.
24. Führer durch die Ausstellung Wilnaer Arbeitsstuben. 1916. – 40 S. // LVIA. – F. 1135. Ap. 23. B. 12. L.22–33.
25. Die Wilnaer Ausstellung / „Wilnaer Zeitung“. – 1916. – 27. Juni // LVIA. – F. 1135. Ap. 21. B. 173. L. 129.
26. *Ippel, A.* Wilna-Minsk. Altertümer und Kunstgewerbe. Führer durch die Ausstellung der 10. Armee /A. Ippel. – Wilna: Zeitung der 10. Armee, 1918. – 40 s.

27. *Deruga, A.* Z dziejów sprawy białoruskiej w latach 1917–1918 / A. Deruga // Przegląd Historyczny. – 1968. – Т. 59. З. 4. – С. 702–740.
28. Das Litauen-Buch: eine Auslese aus der Zeitung der 10. Armee. 1918. – Wilna: Zeitung der 10. Armee, 1918. – 195 S.
29. *Eulenberg, H.* Skizzen aus Litauen, Weissrussland und Kurland / H. Eulenberg, H. Struck. – Berlin: Drukerei des Oberbefehlshabers Ost, 1916. – 60 S.
30. *Müller, E. F.* Statistisches Handbuch für Kurland und Litauen. (Es sind statistische Mitteilungen über Westrußland: Brest – Grodno – Wilno – Wilejka – Lida – Slonim – Pruhany – Kobryn). – Jena: G. Fischer, 1918. – 209 S.
31. *Schlichting, R.* Bilder aus Litauen: im Auftrage des Chefs und unter Mitarbeit zahlreicher Herren der Militärverwaltung Litauen / R. Schlichting. – Kowno: Kownoer Zeitung, 1917. – 168 S.
32. *Jäger, W.* Weißruthenien: Land, Bewohner, Geschichte, Volkswirtschaft, Kultur, Dichtung / W. Jäger. – Berlin: Karl Curtius, 1919. – 143 S.
33. *Downar-Zapolski, M. V.* Die Grundlagen des Staatswesens Weißruthenien / M. V. Downar-Zapolski. – Grodno, 1919. – 24 S.

(Дата падачы: 24.02.2025 г.)

К. Е. Гавриленко

Республиканский институт высшей школы, Минск

K. Gavrilenko

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 93(476)+930.2

СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ПО ИСТОРИИ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

THE STATE OF THE SOURCE BASE ON THE HISTORY OF THE BUG'S HOLLÄNDERS IN BELARUS

Данная статья посвящена освещению и анализу состояния источниковой базы по истории общности бужских голендров на территории Беларуси. На основе классификаций, предложенных С. О. Шмидтом и Л. Н. Пушкарёвым, системно представляются сведения о многообразии исторических источников по истории общности. Анализируется история и условия создания, а также авторство некоторых источников. Характеризуется степень сохранности письменных и визуальных источников, места их хранения и процесс публикации.

Ключевые слова: бужские голендры; исторические источники; архивы; цифровые архивы; сборники документов.

This article is devoted to the coverage and analysis of the state of the source base on the history of the Bug's Holländers community in Belarus. Based on the classifications proposed

by S. O. Schmidt and L. N. Pushkarev, information about the diversity of historical sources on the history of the community is systematically presented. The author analyzes the history and conditions of creation, as well as the authorship of some sources. It characterizes the degree of preservation of written and visual sources, their storage locations, and the publication process.

Keywords: Bug's *Holländers*; historical sources; archives; digital archives; collections of documents.

Одним из уникальных примеров земледельческого населения в истории Беларуси можно считать общность бужских голендров, которая на протяжении более трех веков проживала на территории юго-запада Беларуси (территория современного Брестского района). Анализируя современное состояние развития историографии, можно констатировать, что историческое развитие бужских голендров было изучено лишь фрагментарно. В своих работах исследователи использовали лишь незначительное число сохранившихся исторических источников о развитии и положении общности бужских голендров в XVII – в первой половине XX в. [1]. Комплексное исследование по истории бужских голендров предполагает включение в его источниковую базу широчайшего комплекса материалов. Целью работы является описание состояния источниковой базы по истории бужских голендров на территории Беларуси. Задачи: провести классификацию источников; привести примеры сохранившихся материалов для каждого типа исторических источников; дать сведения о местах хранения и особенностях публикации источников; определить перспективы их использования. Для данного исследования использовались методологические работы С. О. Шмидта [4], Л. Н. Пушкарёва [3], С. Н. Ходина [4] и Ю. А. Русиной [5].

В настоящее время существует значительный комплекс исторических источников по истории общности. Он состоит из разнообразного набора документов, хроник, иллюстративного материала и др. Одним из элементов работы с источниковой базой исследования необходимо провести систематизацию и классификацию источников. По мнению советского исследователя Л. Н. Пушкарёва, в отличие от систематизации, классификация позволяет связать источники с методикой их изучения [3, с. 188–189].

Согласно классификации, предложенной С. О. Шмидтом [2; 5, с. 185–187], в изучаемой источниковой базе можно выделить несколько типов источников.

1. *Вещественные источники.* Сохранились лишь немногочисленные примеры данного типа исторических источников. Среди таковых источников необходимо назвать остатки жилых домов, кладбища, элементы каналов колоний голендров. Иными словами, вещественные источники по своей сути являются историко-культурным наследием голендров. Подробнее о материальном наследии общности читайте в отдельных публикациях [6; 7].

2. *Визуальные источники.* К числу художественно-изобразительных источников можно отнести зарисовки очевидцев событий (например, рисунки немецкого художника Отто Энгельгардта-Кифхойзера [8, с. 86–87]). При-

мерами изобразительно-графических источников являются карты колоний, геодезические описания земельных участков и др. Незначительное число сохранившихся фотоснимков (датируемые первой половиной XX в. [9]) и кинохроник (времен Второй мировой войны [10]) относятся к изобразительно-натуральным источникам.

3. *Словесные источники.* К данному типу относятся как письменные источники, так и материалы устной истории (интервью).

Типологическая классификация позволяет осветить весь разносторонний комплекс источников по истории бужских голендров. Необходимо отметить, наибольшее количество источников по истории бужских голендров относится к числу письменных источников. Традиционно для системного представления примеров данных источников используется классификация, предложенная Л. Н. Пушкарёвым [3; 4, с. 11–12]. Данная классификация позволяет более наглядно представить все возможные виды и формы письменных (словесных) источников.

Документальные источники. Необходимо отметить, что данная группа источников является самой большой (по количеству материалов) и наиболее информативной для проведения исследования по истории бужских голендров.

Наиболее древними примерами изучаемых материалов являются привилеи, данные бужским голендрам землевладельцами Лещинскими и Радзивиллами. К сожалению, обнаружить оригиналы привилеев не удалось. В настоящее время доступны лишь копия привилея 1624 г. [11, л. 50–51], а также отдельные упоминания (пересказы) положений других привилеев, выданных в XVII–XVIII вв. (данные привилеи землевладельцев датируются 1651 г., 1670 г., 1678 г., 1712 г., 1799 г. [12, с. 442; 13]).

Поселения бужских голендров входили в состав имения Яблечно (с XVII в. – Славатыче (Брест-Литовское воеводство)). Это обстоятельство позволило включить отдельные сведения об экономическом положении и развитии общности в тексты инвентарей имения. В настоящее время известно о существовании 29 хозяйственных описаний имения Словатыче XVII–XVIII вв. [14, с. 98–99]. Самый известный в историографии инвентарь датируется 1765 г. Текст данного исторического источника неоднократно публиковался как в Беларуси (частично) [14], так и в Польше [15]. Оригинал документа хранится в Музее Южного Подляшья в Бяла-Подляске [15, с. 7].

Примером материалов, созданных в лютеранском приходе колоний бужских голендров, являются метрические книги кирхи. Необходимо отметить, что сохранился практически полный комплекс метрических книг, датированных периодом с 1790 по 1940 г. С течением времени происходило изменение языка, на котором делались записи в книгах (таблица 1).

Смена языка ведения записей в метрических книгах кирхи Св. Троицы [16]

период, годы	1790–1795	1795–1833	1834–1890	1891–1915	1915–1919	1919–1940
язык	латынь	польский	немецкий	русский	немецкий	польский

Записи о рождении, бракосочетаниях и смерти католиков – представителей общности бужских голендров – сохранились гораздо хуже. Это обусловлено тем, что, в отличие от лютеран, голендры-католики до 1915 г. не относились к одному приходу (часть относились к Брестскому костёлу, а другая – к костёлу в м. Славатыче (на территории современной Польши)). С 1915 по 1940 г. абсолютное большинство прихожан Домачевского костела (Брестский повет) были голендрами. Таким образом, метрические книги данной парафии [17–19] релевантно использовать исследователям при проведении генеалогических и других видов научных изысканий.

Правое положение общности было обусловлено политикой, проводимой государственной властью в разные исторические периоды. Отдельные законодательные акты регламентировали различные аспекты жизни общности бужских голендров (религиозную жизнь, правовое положение, земельные отношения и др.). Необходимо отметить, что для изучения правового положения голендров требуется анализ и синтез огромного комплекса отличных по своей тематике нормативных документов. Наиболее ценным для понимания особенностей исторического развития голендров можно считать комплекс законодательных актов, регламентирующих проведение чиншевой реформы 1886 г. Реализация данной реформы изменит статус голендров с вечных сельских чиншевиков на землевладельцев [20].

Помимо законодательных актов необходим анализ и ряда межгосударственных соглашений. Наиболее важным можно считать Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Германии об эвакуации населения. Оно было подписано 16 ноября 1939 г. [21]. По данному соглашению значительная часть бужских голендров была переселена на территорию Третьего рейха в начале 1940 г. Аналогичное соглашение было подписано и между правительствами БССР и Польским комитетом национального освобождения в 1944 г. [22]. В рамках реализации его положений с территории БССР произошло переселение свыше 1 тыс. представителей общности [23].

В период переселения голендров в Рейх появился комплекс массовых источников личного происхождения. Примерами их являются справки-выписки из метрических книг кирхи, а также учетные карточки переселенцев. Данные документы имеют схожую структуру и содержат биографические данные [24, с. 80–90]. Представленные сведения, собранные одновременно, позволяют построить коллективный портрет голендров

в период начала Второй мировой войны. Подобный комплекс документального наследия осталось после переселения бужских голендров в Республику Польша.

В период Российской империи, Второй Речи Посполитой, БССР (1939–1941 гг.) и немецкой оккупации в материалах документооборота отразились отдельные сведения об изучаемой общности. Возникновение таких документов связано с выяснением правового и социального статусов голендров, их землеустройства, организация обучения детей и религиозной жизни. Ещё одним примером отражения сведений об отдельных представителях общности стали материалы правоохранительных органов (протоколы правонарушений, допросов и др.).

Важным дополнением к письменным источникам являются статистические материалы о количестве населения, религиозном составе и др. Статистические сведения о колониях бужских голендров нашли отражение в материалах всеобщих переписей населения (в Российской империи перепись прошла в 1897 г. [27], в межвоенной Польше – 1921 г. [28] и 1931 г. [29]). Помимо всеобщих переписей статистические данные содержатся в многочисленных статистических отчетах, которые проводились по инициативе местных и общегосударственных органов власти [30–32]. Лишь незначительное число статистических материалов были опубликованы (в основном материалы Всеобщих переписей населения [27–29]). Один из фактов, которые облегчают работу с поиском статистических данных, – это проживание бужских голендров на территории Беларуси в границах одного региона (Домачевская волость в годы Российской империи, Домачевская гмина в годы Второй Речи Посполитой). Несмотря на это, полиэтническая и поликонфессиональная структура общности усложняет выделение нужных статистических сведений из общего массива данных (бужских голендров не выделяли в отдельную категорию при подготовке статистических сведений).

Повествовательные источники. Хроники лютеранской кирхи в колониях Нейдорф и Небров, воспоминания пасторов и свидетельства других очевидцев можно считать примерами данной группы источников.

В 1776 г. был опубликован текст первой из трех известных хроник кирхи Св. Троицы в колониях бужских голендров Нейдорф и Нейбров [33]. Публикация ещё двух источников состоялась в 1867 г. [34] и в 1902 г. [35]. Хроники содержат в себе сведения, фиксируемые пасторами кирхи на протяжении более двух веков (в документах кирхи). На наш взгляд, авторство хроник необходимо «приписать» пастору, который подготовил текст хроник к публикации. Подробно информация о публикациях хроник представлена в таблице 2.

**Общие сведения о хрониках лютеранской кирхи Св. Троицы
в колониях Нейдорф и Нейбров [33; 34, с. 689–694; 35]**

Автор	Где был опубликован текст	Год публикации	Язык
Георгий Абрахамович	Сборник «Acta conventuum et synodorum in Majori-Polonia a dissidentibus celebratarum»	1776	латынь
Эрнст Фрейер	Первая публикация источника состоялась в издании «Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen und Schulwesens der Ev-Luth. Gemeinden in Russland»	1867	немецкий
Эдмунд Герман Шульц	Вышла в четырех частях в периодическом издании «Zwiastun Ewangelicznzy»	1902	польский

Необходимо отметить, что абсолютное большинство прихожан данного прихода составляли бужские голендры. Это обстоятельство, а также насыщенность текста фактологическим материалом делают хроники одними из наиболее релевантных источников по истории общности.

Одним из примеров повествовательных исторических источников можно считать материалы периодической печати. Наиболее ценные сведения о положении и развитии колоний бужских голендров содержатся в материалах польскоязычных лютеранских периодических изданий. Это обусловлено тем, что еще в конце XIX в. происходит сближение между приходом Нейдорф и Нейбров и лютеранами Царства Польского (например, пасторы кирхи в колониях голендров были выходцами Царства). Необходимо отметить, что число статей и заметок в упомянутых изданиях было незначительным. Сведения о приходе в Нейдорф и Нейбров можно найти в изданиях «Głōsy Kościelne», «Zwiastun ewangelicznzy», «Poseł Ewangelicki», «Kalendarz ewangelicki» и «Roznik Ewangelicznzy». Хронологические рамки выхода публикаций – 1880–1930-е гг. Авторами данных материалов являлись пасторы прихода колоний бужских голендров [36].

Некоторые статьи и заметки в периодических изданиях можно отнести к свидетельствам очевидцам (материалам устной истории). Ряд бужских голендров оставили после себя нарратив об истории и положении общности. Все эти свидетельства описывают жизнь общности в первой половине XX в. [37–39]. Важным дополнением к данной группе источников являются интервью потомков бужских голендров [40]. Данные материалы устной истории по своей сути являются постпамятью – травматическими знаниями предыдущих поколений голендров об окончании исторического развития общности. Также свидетельства потомков позволяют установить, каким образом происходил процесс формирования культурной памяти о голендрах.

Места хранения и особенности публикации источников. Большинство материалов по истории бужских голендров хранятся в государственных архивах Беларуси, России, Польши, Латвии и Германии. Сведения о материалах в архивных фондах представим в виде таблицы 3.

Таблица 3

Материалы об истории бужских голендров в различных архивных учреждениях

Название архивного учреждения	Хронологические рамки, которыми датируются материалы	Пример материалов
Национальный исторический архив Беларуси	XVIII – начало XX в.	Экономические описания колоний голендров за период XVIII–XIX вв. из фонда 694 «Радзивиллы, князья»
Национальный исторический архив Беларуси в Гродно	XIX – 30-е гг. XX в.	Широкий комплекс материалов документооборота, землеустройства, статистические сведения, полицейские протоколы. Метрические книги лютеранского прихода в Нейдорф и Нейбров (Ф. 1872 «Коллекция документов евангельско-христианских церквей Гродненской губернии»), Домачевского костёла (Ф. 880 «Брестский деканат»)
Национальный архив Республики Беларусь	1939 г. – 1940-е гг.	Сведения о положении общности с момента воссоединения Западной Беларуси с БССР (Ф. 4 п. «ЦК Коммунистической партии Белоруссии»), о периоде немецкой оккупации (Ф. 1440 «Институт историко-политических исследований») и о послевоенном переселении представителей общности в Польшу (Ф. 788 «Главный и районные представители Совета Министров БССР по эвакуации польского населения с территории Белорусии»)
Государственный архив Брестской области	1919 г. – 1940-е гг.	Документы периода прибывания колоний голендров в составе Второй Речи Посполитой, положения голендров в годы немецкой оккупации и первых послевоенных лет
Российский государственный исторический архив	XIX – начало XX в.	Документы центральных органов власти об установлении правового статуса голендров в XIX – начале XX в.
Государственный исторический архив Латвии	1833 г. – начало XX в.	В фонде «Ārpus Latvijas baznīcu iestāžu dokumenti» («Документы церковных учреждений за пределами Латвии») хранятся материалы Курлянской лютеранской консистории о приходе в Нейдорф и Нейбров, в том числе и копии метрических книг кирхи в Нейдорф и Нейбров за 1834 г. – 1890-е гг.

Название архивного учреждения	Хронологические рамки, которыми датируются материалы	Пример материалов
Главный архив древних актов в Варшаве	XVII в. – 30-е гг. XX в.	Ф. 354 «Варшавский архив Радзивиллов» – документы о взаимоотношениях голендров с землевладельцами, инвентари имения [15]. Ф. 439 – Метрические книги лютеранских приходов – метрические книги лютеранского прихода в Нейдорф и Нейбров [16]
Федеральный архив Германии	XIX – начало XX в.	Материалы из архивов Витгенштейнов – владельцев земель колоний голендров

Помимо государственных архивов значительное число исторических источников хранятся в семейных архивах потомков голендров. К числу упомянутых материалов относятся в основном источники личного происхождения (семейные фотоснимки, личные документы и др.).

К сожалению, лишь малая часть этих материалов была опубликована. Одним из самых масштабных проектов по количеству опубликованных источников стали сборники материалов по истории бужских голендров, изданных в Германии. Составителем сборников стал Э. Бытов [24; 47]. Среди опубликованных источников можно назвать свидетельства очевидцев, документы личного происхождения, фотоснимки, карты, схемы и др. Избранный подход к публикации источников далек от академического. В частности составитель не посчитал нужным провести археографическую работу при подготовке сборников.

Примеры публикации отдельных источников по истории бужских голендров можно найти на страницах ежегодного польского краеведческого издания «Nadbużańskie Ślawatycze». Среди опубликованных материалов широчайший комплекс документальных (тексты привилеев, инвентари, выдержки из документов и др.) и повествовательных (свидетельства очевидцев, газетные статьи и заметки) источников [48].

Ещё одним крупным проектом публикации источников по истории общности – наполнение материалами сайт «Колонии Нейдорф и Нейбров на Буге». Его создателем стал краевед И. А. Прокуюк. Совместно с потомком бужских голендров З. Людвигом удалось собрать и опубликовать значительный комплекс материалов, в основном визуальные (фотографии, карты) [49]. Материалы данного сайта являются также важным примером коммеморации.

Материалы по истории бужских голендров были опубликованы в рамках проекта Государственного архива древних актов в Варшаве по оцифровке метрических книг лютеранских приходов. В настоящее время на сайте ар-

хива представлены цифровые копии метрических книг прихода в Нейбров и Нейдорф, датируемые 1790–1940 гг. [16].

Ещё одним из примеров публикации материалов в сети Интернет можно назвать создание и наполнение сайта общества потомков бужских голендров. На сайте «Mutterkolonie Neudorf und Tochterkolonien Bugholendry e.V.» представлены источники о деятельности общества, направленного на сохранение памяти об общности голендров и оцифрованные материалы из семейных архивов [50].

Подводя итог, необходимо отметить следующее:

1. Источники по истории истории бужских голендров представлены всеми типами источников, выделяемых в работах по источниковедению, – вещественными, письменными и визуальными.

2. Наибольшее число материалов относится к документальным источникам. Они представлены широким спектром примеров материалов делопроизводства, законодательных актов, материалом статистики, экономические описания и др. Данные материалы раскрывают особенности развития и положения общности в разные исторические периоды. Также релевантными для изучения истории общности голендров являются три опубликованные хроники кирхи в Нейдорф и Нейбров, тексты которых содержат наиболее цельно изложенную историю развития общности.

3. Большинство материалов являются неопубликованными. Они хранятся в ряде государственных архивов Беларуси и зарубежья, а также в семейных архивах потомков бужских голендров.

К числу примеров публикации источников можно отнести несколько сборников материалов (изданные под редакцией Э. Бютова), наполнение материалами сайта «Колонии Нейдорф и Нейбров на Буге» и сайта «Mutterkolonie Neudorf und Tochterkolonien Bugholendry e.V.», а также проект Главного архива древних актов в Варшаве по публикации оцифрованных копий метрических книг кирхи в Нейдорф и Нейбров.

Список использованных источников

1. *Гавриленко, К. Е.* Историография истории бужских голендров / К. Е. Гавриленко // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2024. – Вып. 24. – Ч. 1. – С. 57–67.

2. *Шмидт, С. О.* О классификации исторических источников / С. О. Шмидт // Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. – Москва: РГГУ, 1997. – С. 73–92.

3. *Пушкарёв, Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – Москва: Наука, 1975. – 281 с.

4. *Ходзін, С. М.* Крыніцазнаўства гісторыі Беларусі: дапаможнік / С. М. Ходзін. – Мінск: БДУ, 2012. – 255 с.

5. Русина, Ю. А. Методология источниковедения: учеб. пособие / Ю. А. Русина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 204 с.

6. Гавриленко, К. Е. Материальное культурное наследие бужских голендров в Беларуси / К. Е. Гавриленко // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт: материалы II Международной научно-практической конференции, посвящённой Году мира и созидания, Витебск, 26–27 октября 2023 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. – 49–53.

7. Гавриленко, К. Е. Колокол кирхи Св. Троицы лютеранского прихода Нейдорф-Нейбров / К. Е. Гавриленко // XXVI Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых, Брест, 16 мая 2024 г.: сб. материалов: в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; под общ. ред. П. Е. Резкина. – Брест: БрГУ, 2024. – Ч. 1. – С. 147–150.

8. In Ängsten – und siehe, wir leben: Lebenserinnerungen eines Wolhynienpfarrers 1909–2009 / J. J. Taegert, H. K. Schmidt. – Einbeck: ANA-BUCH GmbH, 2016. – 376 s.

9. Нейдорф-Нейбровь вь фотографіяхь // Історія колоній Нейдорф-Нейбровь на Буге: [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3Gabvo> (дата обращения: 21.02.2025).

10. 1940-01-31 – UfA–Tonwoche Nr. 491 // Internet archive: [database]. – URL: <https://archive.org/details/1940-01-31-UfA-Tonwoche> (Date of access: 21.04.2024).

11. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 239. Оп. 1. Д. 482.

12. *Tarkowski, P.* Neydorf i Neybrow – dawne osady holenderskie nad Bugiem / P. Tarkowski // Drohiczynski Przegląd Naukowy. – 2014. – Nr. 6. – S. 439–450.

13. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 4. Д. 269.

14. *Kurpeta, G.* Państwo Sławatyckie (historia i sytuacja ekonomiczna w XVIII wieku, na podstawie “Inwentarza Państwa Sławatyckiego” z 1765 roku znajdującego się w zbiorach museum Południowego Podlasia w Białej Podlaskiej) / G. Kurpeta // Prywatnaўласніцкія гарады Вядікага Княства Літоўскага: лёс праз стагоддзі: зборнік маг-лаў муждунар. навук.-практ. канф. (Нясвіж, 23–24 красавіка 2014 г.) уклад.: З. Л. Яцкевіч; рэд. Калегія: С. М. Клімаў, А. У. Блінец. – Мінск: А. М. Янушкевіч, 2014. – С. 98–118.

15. *Lewczuk, G.* “Inwentarz Państwa Sławatyckiego” z 1765 roku / G. Lewczuk, M. Lewczuk // Nadbużańskie Sławatyce. – 2001. – R. II. – S. 7–49.

16. Księgi metrykalne gmin wyznania ewangelicko-augsburskiego z zachodnich guberni Cesarstwa Rosyjskiego / (wschodnich woj. II Rzeczypospolitej)

1790–1940 // Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). – URL: <https://clck.ru/3FLFCy> (дата обращения: 30.11.2024).

17. НИАБ в Гродно. – Ф. 880. Оп. 3. Д. 1.

18. НИАБ в Гродно. – Ф. 880. Оп. 3. Д. 2.

19. НИАБ в Гродно. – Ф. 880. Оп. 3. Д. 3.

20. *Гавриленко, К. Е.* Реализация чиншевой реформы 1886 г. в колониях бужских голендров / К. Е. Гавриленко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2024. – № 3(71). – С. 55–60.

21. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Германии об эвакуации украинского и белорусского населения с территорий бывшей Польши, отошедших в зону государственных интересов Германии, и немецкого населения с территорий бывшей Польши, отошедших в зону государственных интересов Союза ССР. [16 ноября 1939 г.] // Электронная библиотека исторических документов: [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3GaeTE> (дата обращения: 20.04.2024).

22. Соглашение между правительством Белорусской Советской Социалистической Республики и Польским Комитетом Национального Освобождения об эвакуации белорусского населения с территории Польши и польских граждан с территории БССР. Люблин, 9 сентября 1944 г. // Белорусская ССР в международных отношениях. Международные договоры, конвенции и соглашения Белорусской ССР с иностранными государствами (1944–1959) / ред. Киселев К. В.; сост. Маргунский С. П., Зайцев А. С.; МИД БССР, АН БССР, Отдел правовых наук. – Минск: Издательство Академии наук БССР, 1960. – С. 207–214

23. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 788. Оп. 1. Д. 7.

24. *Bütow, E.* Bug-Holländer in Wolhynien / E. Bütow. – Schwerin: Schnell-Druck & Copyshop Lehr, 2014. – 373 s.

25. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно: путеводитель / Р. Ф. Горячёва (ред.) [и др.]. – Гродно: Гродненская типография, 2016. – 319 с.

26. Государственный архив Брестской области. Путеводитель по фондам 1919–1939 / Науч.-метод. учреждение «Гос. архив Брест. обл.»; сост.: А. В. Теребунь [и др.]; редкол.: А. Г. Карапузова (гл. ред.) [и др.]. – Брест: Альтернатива, 2010. – 130 с.

27. Насѣльнныя мѣста Россійской импѣріи въ 500 и болѣя житѣльнѣи съ указаніямъ всего наличнаго въ нѣхъ насѣльнїи и числа житѣльнѣи прѣобладающихъ вѣроисповѣданій, по даннымъ пѣрвой всѣобщей пѣрѣписи насѣльнїи 1897 г. / прѣдисль.: Н. Тройницкій. – СПбъ: типографія Обществѣнная польза, 1905. – 120 с.

28. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dnia 30.09.1921 r.

i innych źródeł urzędowych. – Warszawa: GUS, 1924. – T. 3: Województwo Poleskie. – 95 s

29. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Poleskie. – Warszawa: Główny urząd statystyczny, 1938. – 282 s.

30. НИАБ в Гродно. – Ф. 14. Оп. 1. Д. 161.

31. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 94.

32. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп 2. Д. 1990.

33. *Abrahamovich, G.* Historia ecclesiae Neoburchdorffensis alias Slavaticensis / G. Abrahamovich // Acta Conventuum et Synodorum in Majori Polonia a dissidentibus celebratarum / ed. J. J. Scheidemantel. – Wrocław: Wilhelm Gottlieb Korn, 1776. – P. 9–32.

34. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen und Schulwesens der Ev-Luth. Gemeinden in Russland // Editor: E. H. Busch. – St. Petersburg, Leipzig: Haessel, 1867. – 755 s.

35. *Schultz, H.* Kronika zboru ewangelicko-luterskiego Nejdorfskiego / H. Schultz // Parafia Ewangelicko-Augsburska Świętej Trójcy w Lublinie [сайт]. – URL: <https://inlnk.ru/DBzY9M> (дата доступа: 28.11.2023).

36. *Chorąży, A.* O nadbuzanskich olendrach z Nejdorf-Nejbrowa – pozn. Moscic Dolnych i Gornych – w dawnej polskiej prasie religijnej i świeckiej. Wybrane publikacje z lat 1885–1935 / A. Chorąży // Nadbużańskie Sławatyce. – 2015. – R. XVI. – S. 33–56.

37. *Zelent, E.* Dzieje Kolonii Nejdorf i Nejbrow czyli Moście Dolnych i Moście Górnych (esej, czyli jak kto woli – krótka rozprawka) / E. Zelent // Nadbużańskie Sławatyce. – 2018. – R. XIX. – S. 46–56.

38. *Srodka, K.* Wojna, pamięć i próby zapomnienia / K. Srodka // Nadbużańskie Sławatyce. – 2015. – R. XVI. – S. 67–71.

39. *Lodwich-Jackowiak, W.* «Wierni po wsze czasy»: słowiańskie korzenie praojców / W. Lodwich-Jackowiak // Nadbużańskie Sławatyce. – 2002. – R. III. – S. 70–77.

40. BUGHOLENDRY-Historie, Family Tree... // Facebook – URL: <https://clck.ru/3Gbs3Z> (date of access: 31.10.2024).

41. Фонды 601-700 / Навукова-даведчы апарат. Вопісы // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі: [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3Gbo3U> (дата обращения: 21.02.2025).

42. Научно-справочный аппарат // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно: [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3GbouP> (дата обращения: 21.02.2025).

43. Описи / Научно-справочный аппарат / Об архиве // Национальный архив Республики Беларусь: [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3Gboko> (дата обращения: 21.02.2025).

44. Нейдорф / Расширенный поиск // Российский государственный исторический архив: [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3GbpAa> (дата обращения: 20.02.2025).

45. Нейбров / Расширенный поиск // Российский государственный исторический архив: [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3GbpGH> (дата обращения: 20.02.2025).

46. Uzkrātie dokumenti / Latvijas Valsts vēstures arhīvs // Latvijas Nacionālais arhīvs: [datebase]. – URL: <https://clck.ru/3GbrKY> (date of access: 20.02.2025).

47. *Bütow, E.* Bug – Holländer in Wolhynien: Spuren und Geschichte / E. Bütow – Schwerin: Bütow; Zhitomir: Verl. WOLIN, 2002. – 268 s.

48. Nadbużańskie Sławatycze: pismo Stowarzyszenia Rozwoju Gminy Sławatycze // Bialska Biblioteka Cyfrowa: [datebase]. – URL: <https://clck.ru/3Gah4j> (date of access: 02.10.2023).

49. История колоний Нейдорф-Нейбровь на Буге: [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3GbmеN> (дата обращения: 21.02.2025).

50. Mutterkolonie Neudorf und Tochterkolonien Bugholendry e.V.: [datebase]. – URL: <https://clck.ru/3Gbq8H> (date of access: 18.02.2024).

(Дата подачи: 25.02.2025)

Л. В. Гавриловец

Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина, Мозырь

L. V. Gavrilovets

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakina, Mozyr

УДК 930(438)

ПОЛИТИКА ПНР ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ В 1955–1970 ГГ.: КРАТКИЙ ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE POLICY OF THE POLISH PEOPLE'S REPUBLIC ON THE GERMAN QUESTION IN 1955–1970: A BRIEF REVIEW OF FOREIGN AND POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY

В трудах западногерманских историков основное внимание уделялось подписанию ПНР и ГДР Згожелицкого договора, который в наибольшей степени рассматривался историками Западной Германии, США и Великобритании как «ничтожный» правовой акт. В постсоветской историографии довольно широкое освещение получили вопросы

политического, экономического и культурного сотрудничества ГДР с Польшей, а также германо-германские связи в послевоенный период.

Ключевые слова: историография; германский вопрос; ГДР; ФРГ; Польша; договор; сотрудничество; граница; объединение Германии.

In the works of West German historians, the main attention was paid to the signing of the Zgorzelecki Treaty by the Polish People's Republic and the GDR, which was considered to the greatest extent by historians of West Germany, the USA and Great Britain as an «insignificant» legal act. In post-soviet historiography, issues of political, economic and cultural cooperation between the GDR and Poland, as well as German-German relations in the post-war period, received fairly broad coverage.

Keywords: Historiography; German question; GDR; FRG; Poland; treaty; cooperation; border; unification of Germany.

Польско-германские отношения 1955–1970 гг. занимают особое место в европейской политике послевоенного периода. Их сложный и неоднозначный характер, а также значимость в рамках Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений обусловили большой интерес к указанной проблематике зарубежной и постсоветской историографии. В статье сделана попытка охарактеризовать проблемное поле исследований зарубежной и постсоветской историографии послевоенной политики ПНР в отношении двух германских государств. Целью данной статьи является определить проблематику зарубежной и постсоветской историографии по вопросу развития двусторонних отношений Польши с ФРГ и ГДР в 50–70-е гг. XX в., а также установить слабо изученные проблемы в историографии вопроса, что является необходимым условием для определения направлений и аспектов исследования истории польско-германских отношений на современном этапе. Задача исследования заключается в систематизации и выявлении степени изученности различных аспектов политики ПНР по германскому вопросу в послевоенный период в зарубежной и постсоветской историографии. Актуальность статьи объясняется тем, что польско-германские отношения играли заметную роль в сложном процессе перестройки международных отношений в Европе, являлись важным фактором их стабильности. Исследование данной проблемы помогает установить тесную связь между национальной безопасностью польского государства и безопасностью всего европейского континента, в том числе охарактеризовать значительную роль Польши в решении германской проблемы и в дальнейшей перспективе определить проблемное поле новых исследований германского вопроса.

В западноевропейской историографии длительное время господствовал подход, в рамках которого взаимоотношения ПНР и ГДР рассматривались под углом зрения конфронтации двух систем в Европе или в связи с изучением политики стран Варшавского Договора в отношении ФРГ. Данный подход, когда важным составным элементом процесса разрядки напряженности между странами Восточной и Западной Европы являлись именно польско-западногерманские отношения, а не отношения между ПНР и ГДР,

был характерен как для историографии США и Великобритании до начала 1960-х гг., так и для западногерманской историографии конца 1960-х – начала 1970-х гг. Западноевропейские историки отрицали тот конструктивный вклад, который ПНР и ГДР вносили в повышение политической стабильности в Европе, урегулирование проблемы Западного Берлина, а также оказывали существенное влияние на международную ситуацию в целом. Так, историки ФРГ Г. Блюм [1], Д. Бинген [2; 3] и др., отрицая политическую самостоятельность стран Варшавского Договора, считали, что Згожелецкий договор 1950 г. о демаркации установленной и существующей польско-германской государственной границы был подписан по настоянию Москвы и зафиксированные в нем положения не отражали интересы всего германского народа. Сотрудничество ГДР с ПНР в западногерманской историографии рассматривалось исключительно в рамках сотрудничества стран, входивших в союз европейских социалистических государств, а не как осуществление самостоятельной внешней политики Восточной Германией [1, s. 112]. Подобная точка зрения была достаточно широко распространена не только в работах западногерманских историков, но и среди американских и британских исследователей истории германского вопроса после Второй мировой войны.

В западногерманской историографии взгляды на решение проблемы германского вопроса в послевоенный период изменились в 1970-е гг. Именно в этот период западногерманские историки стали характеризовать польско-восточногерманские отношения, учитывая ряд факторов: во-первых, исследователи ФРГ впервые обратились к изучению вопросов, связанных с внешней политикой ГДР в отношении стран социалистического лагеря; во-вторых, в западногерманских исследованиях перестали использовать концептуальные положения, распространенные в период «холодной войны»; в-третьих, историки ФРГ получили возможность изучить документальные публикации и прессу Польши и ГДР за счет чего расширилась источниковая база исследований и были пересмотрены некоторые концепции, существовавшие в западногерманской историографии в первые послевоенные годы. Данные условия позволили западногерманским историкам более объективно изложить проблемы истории становления польско-восточногерманских отношений, что нашло наиболее четкое отражение в работе А. Баринга [4].

Среди пересмотренных в 70-е гг. XX в. историками ФРГ концепций необходимо отметить совершенно новые тенденции в освещении роли и значения договора о польско-германской границе 1950 г. для формирования двусторонних отношений между ПНР и ГДР. В условиях урегулирования отношений ФРГ с СССР и другими странами Восточной Европы, признания де-факто существования ГДР, заключения договора между СССР и ФРГ, в котором федеральное правительство признало нерушимость послевоенных границ в Европе, изменились взгляды западногерманских

историков на проблему границы по Одру-Нейсе. Так, историки ФРГ К. Арндт [5], Р. Гогюль [6], К.Д. Баумгартен [7] в своих работах подтверждали законность подписания ГДР с Польшей договора о границах, но твердо отстаивали позицию, что только Договор между ПНР и ФРГ об основах нормализации двусторонних отношений от 7 декабря 1970 г. стал переломным моментом в развитии не только польско-западногерманских отношений, а также создал дальнейшие предпосылки их развития, подтвердил и развивал основные принципы нормализации отношений ФРГ с социалистическими странами и прежде всего подтвердил нерушимый характер границы по Одру-Нейсе.

Германский вопрос и проблема его урегулирования после Второй мировой войны являлась предметом исследований и современных германских историков. Некоторые аспекты германского вопроса освещены в работах М. Брошата [8], Г. Веттинга [9], Д. Гепперта [10], Д. Госсела [11] и К. Клесмана [12]. Так, М. Брошат в своей работе обратил внимание на установление дипломатических отношений между ПНР и ФРГ. Автор отмечал, что в конце 1950-х гг. со стороны правительства Польши в отношении ФРГ были выдвинуты предложения о нормализации взаимоотношений между двумя странами, но федеральное правительство упустило свой шанс, так как твердо придерживалось «доктрины Хальштейна» и не желало от неё отказываться. В 1961 г. канцлер ФРГ К. Аденауэр внес предложение заключить с Польшей соглашение, связанное с угрозой применения силы в отношении двух государств, которое так и не было подписано, так как польская сторона считала, что её безопасность обеспечена Згожелецким договором. По мнению германского историка, ошибочным является утверждение, что формирование двусторонних отношений между ПНР и ГДР являлось более приоритетным направлением в польской внешней политике, чем становление и развитие отношений с ФРГ [8, s. 372].

Работа Д. Гепперта посвящена характеристике основных направлений политики ФРГ в отношении Польши в период канцлерства К. Аденауэра. Д. Гепперт, равно как и другие германские историки, подчеркивал негативное влияние «доктрины Хальштейна» на развитие польско-германских отношений. Особое внимание германский историк уделил проблеме объединения Германии в конце 1950-х гг., в частности указал на несостоятельность «плана Глобке», который так и не был реализован западногерманским правительством [10, s. 124]. В работе К. Клесмана охарактеризованы основные этапы и направления внутренней и внешней политики двух германских государств в середине 1950-х – начале 1970-х гг. Автор в своей работе особое внимание обратил на решение проблемы нормализации отношений ФРГ – ГДР, которая в 1955–1957 гг. рассматривалась под углом возможных вариантов объединения Германии, установления сотрудничества между ГДР и ФРГ, а также отметил несостоятельность «доктрины Хальштейна»

по вопросу нормализации польско-западногерманских отношений и отношений ФРГ со странами Восточной Европы [12, с. 253].

Таким образом, центральной темой в работах историков ФРГ являлась борьба Польши за признание ФРГ своей западной границы, которая рассматривалась с точки зрения признания ФРГ послевоенного статус-кво в Европе в целом. В работах западногерманских исследователей в наибольшей степени освещался этап польско-западногерманского договорного урегулирования и установления дипломатических отношений между ПНР и ФРГ, а такие проблемы, как «воссоединение семей», урегулирование ряда юридических и экономических вопросов, вопроса о компенсациях и реституциях и другие являлись второстепенными и не получили должного освещения в западногерманской историографии по вопросу развития двусторонних отношений Польши с ФРГ в послевоенный период.

В исторической науке ГДР следует выделить работы Г. Бартха [13], О. Винцера [14], посвященные основным направлениям внешней политики ГДР в 50–70-е гг. XX в. Так, в работе министра иностранных дел ГДР О. Винцера анализируются договора ГДР с Польшей, в частности договор 1967 г., который способствовал не только торгово-экономическому, научно-техническому и иным видам сотрудничества, но и в очередной раз подчеркнул, что линия по Одере-Нейсе является польско-германской государственной границей. Подписание данного договора в историографии ГДР было охарактеризовано как самостоятельный внешнеполитический шаг ГДР, который обеспечил дальнейшее сотрудничество с ПНР. Не обошёл своим вниманием исследователь и такие важные для двух германских государств проблемы, как подписание мирного договора с Германией, который со стороны ФРГ признавался как заключенный лишь от имени «всей Германии» и урегулирование проблемы Западного Берлина. По мнению автора подписание Згожелецкого договора с ГДР обеспечило безопасность Польши, а также он положительно охарактеризовал как двустороннее торгово-экономическое сотрудничество, так и сотрудничество в рамках СЭВ [14, с. 181].

Особый интерес представляет коллективный труд историков ГДР, в котором определены основные направления внешней политики ГДР в 40–60-е гг. XX в., в частности позиция правительства ГДР по вопросам разоружения и замораживания ядерных вооружений в Центральной Европе, проанализированы основные тенденции экономического сотрудничества ГДР с Польшей в 1950–1960-х гг., а также представлен подробный анализ содержания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между ГДР и ПНР [15]. Историки ГДР едины во мнении, что польские инициативы по разоружению, как «план Рапацкого», «план Гомулки», а также инициативы правительства ГДР по сокращению вооружений должны были служить сохранению политической стабильности в Центральной Европе и ослабле-

нию конфронтации противостоящих военно-политических блоков. По мнению историков ГДР договор 1967 г. являлся как гарантом подтверждения существующей между Польшей и Восточной Германией границы, так имел огромное значение для европейской безопасности в целом, а также способствовал дальнейшему развитию научных, культурных, экономических и иных связей между ПНР и ГДР [15, с. 71]. Таким образом, в историографии ГДР в трудах Г. Бартха, О. Винцера и других исследователей польско-восточногерманские отношения были подвергнуты серьезному комплексному исследованию, но в тоже время некоторые аспекты взаимоотношений двух стран в начальный период установления дипломатических отношений не рассматриваются.

Польско-германские отношения, процесс их становления и развития, их характер обусловили большой интерес к указанной проблематике российской постсоветской историографии. Достаточно широкое освещение данная тема получила в работах А. Ю. Ватлина [16], Дж. Бейли [17], А. М. Филитова [18; 19], Н. Н. Станкова [20], В. Ф. Лапского [21], А. Д. Богатурова [22; 23]. Интерес для исследователей германского вопроса представляет работа А. М. Филитова, посвященная возникновению двух германских государств в конце 1940-х гг. и их объединению в 90-е гг. XX в. [18]. Автор в своей работе попытался дать ответы на такие вопросы, как: почему на протяжении сорока лет не удавалось реализовать проекты по объединению Германии, какие страны на Востоке и Западе являлись инициаторами замораживания решения германского вопроса и почему, кто способствовал и почему его решению в 1990 г. Основные направления политического, торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества ГДР с Польшей в 1949–1955 гг. проанализированы в работе Н.Н. Станкова. Автор не просто охарактеризовал данный период во взаимоотношениях двух стран, а отметил, что именно в конце 1940-х – начале 1950-х гг. торгово-экономическое сотрудничество ГДР с Польшей основывалось на принципах наибольшего благоприятствования, подчеркивалась необходимость разработки новых форм научно-технического сотрудничества двух стран, осуществления промышленной кооперации и обмена опытом в сфере производства. По мнению Н. Н. Станкова заинтересованность ГДР в развитии торговых, экономических, научно-технических и культурных связей с Польшей и странами СЭВ позволило ликвидировать экономический дисбаланс и обеспечить независимость экономики восточногерманского государства от стран Запада [20, с. 56].

В белорусской историографии необходимо выделить два периода в изучении германского вопроса: советский и постсоветский. В белорусской советской историографии предметом исследования белорусских германистов являлись взаимоотношения между ФРГ и ГДР. Данная проблематика в наибольшей степени исследована в работах М. Г. Елисеева [24; 25; 26; 27; 28],

В. Е. Снапковского [29]. Белорусский германист М. Г. Елисеев в своих работах в наибольшей степени проанализировал политику западногерманских правительств ХДС/ХСС, для которой характерной чертой являлось создание условий международной изоляции ГДР в 1949–1969 гг. Автор отметил изменения, произошедшие во внешней политике ФРГ и направленные на нормализацию отношений с европейскими социалистическими странами, в частности с ГДР. По его мнению крах политики изоляции в отношении ГДР был связан с подписанием Варшавского договора 1970 г. и договоров соцстран с ФРГ. Он также охарактеризовал основные тенденции развития ФРГ, проанализировал позиции СвДП и других политических партий ФРГ по вопросу нормализации отношений с Польшей и другими соцстранами и пришел к выводу, что благодаря настойчивой и конструктивной политике Польши произошло урегулирование отношений с ФРГ. В работе В. Е. Снапковского характеризуется как значительный вклад ГДР в создание системы европейской безопасности Згожелецкий договор 1950 г. о границе между ГДР и ПНР. По мнению автора именно договор о границах с ГДР и нормализационный договор с ФРГ стали окончательным договорным подтверждением неприкосновенности границы по Одеру-Нейсе [29]. С распадом СССР начинается переход белорусской историографии на новые методологические принципы и появляются новые концепции и положения, в том числе по германскому вопросу. Среди исследований по германскому вопросу в белорусской постсоветской историографии необходимо отметить работы М. В. Стрельца, посвященные «новой восточной политике» ФРГ и решению вопроса ограничения и сокращения вооружений в Европе [30; 31].

Таким образом, западногерманская историография при изучении Згожелецкого и Варшавского договоров делала акцент на принципиальном значении данных правовых актов в развитии отношений Польши с двумя германскими государствами. Отмечалось, что именно Варшавский договор развивал принципы Московского договора применительно к польско-западногерманским отношениям, и прежде всего по вопросу о границе по Одеру-Нейсе. Историография ГДР обосновывала положение, согласно которому Польша подписав с ГДР договор о границах тем самым обеспечила свою безопасность союзом и сотрудничеством с Восточной Германией. Историки ГДР основное внимание уделили сотрудничеству ГДР с Польшей в рамках заключенного договора 1967 г., однако в их работах не освещена позиция восточногерманского правительства в связи с октябрьскими событиями 1956 г. в Польше.

В современной германской историографии польско-германские отношения в послевоенный период рассматривались с точки зрения влияния на них «доктрины Хальштейна». Акцент делался на противопоставление позиций ФРГ и ГДР по вопросу признания границы по Одеру-Нейсе, подписания мирного договора и решения проблемы объединения Германии, но в тоже

время подчеркивалось, что нормализация двусторонних отношений между ПНР и ФРГ затрагивала интересы не только польского и западногерманского государств, а целого ряда европейских стран и в 70-е гг. XX в. являлась примером того, как в условиях процесса разрядки напряженности при наличии доброй воли правительств можно было решать достаточно сложные вопросы.

Анализ постсоветской историографии позволяет сделать вывод, что в работах российских и белорусских историков как правило исследуются германо-германские отношения, проблема объединения Германии, урегулирование западноберлинской проблемы, вопросы разоружения, но ряд факторов, повлиявших на развитие польско-германских отношений в послевоенный период, в работах историков не освещены и требуют их дальнейшего исследования.

Список использованных источников

1. *Bluhm, G.* Die Oder-Neisse-Linie in der deutschen Aussenpolitik / G. Bluhm. – Freiburg: VR im Breisgau, 1989. – 204 s.
2. *Bingen, D.* Die Polenpolitik der Bonner Republik von Adenauer bis Kohl 1949–1991 / D. Bingen. – Baden-Baden: NV, 1998. – 379 s.
3. *Bingen, D.* Bonn-Warschau 1949–1988: Von der kontroversen Grenzfrage zur gemeinsamen europäischen Perspektive / D. Bingen. – Köln, 1988. – 64 s.
4. *Baring, A.* Die Ära Brandt-Scheel / A. Baring. – 2. – Aufl. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1982. – 831 s.
5. *Arndt, C.* Die Verträge von Moskau und Warschau. Politische verfassungsrechtliche und völkerrechtliche Aspekte / C. Arndt. – Bonn: VNG, 1982. – 249 s.
6. *Гогюль, Р.* Одер-Нейсе граница мира / Р. Гогюль, П. Гейнц, пер. с нем. Е. А. Бродского. – Москва: Иностр. лит., 1960. – 198 с.
7. *Baumgarten, K. D.* Die Grenzen der DDR / K. D. Baumgarten, P. Freitag. – Berlin: Ed. Ost, 2004. – 447 s.
8. *Broszat, M.* 200 lat niemieckiej polityki wobec Polski / M. Broszat. – Warszawa: Volumen, 1999. – 417 s.
9. *Веттинг, Г. Н. С.* Хрущев и Берлинский кризис 1958–1963 годов / Г. Веттинг. – Москва: РОССПЭН, 2007. – 401 с.
10. *Geppert, D.* Die Ära Adenauer / D. Geppert. – 2. – Aufl. – Darmstadt: WBG, 2007. – 150 s.
11. *Gossel, D.* Briten, Deutsche und Europa. Die deutsche Frage in den britischen Aussenpolitik. 1945–1962 / D. Gossel. – Stuttgart: Franz Steinen Verlag, 1999. – 260 s.
12. *Klessman, Ch.* Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955–1970 / Ch. Klessman. – 2 überarb. und erweit. Auflage. – Bonn: BPB, 1997. – 703 s.

13. *Barth, H.* Bonner Ostpolitik gegen Frieden und Sicherheit / H. Barth. – Berlin: Staatsverlag der DDR, 1968. – 178 s.
14. *Винцер, О.* Внешняя политика ГДР (1949–1970) / О. Винцер, пер с нем. М. П. Соколова, Н. Г. Увайского, под ред. З. С. Шейниса. – Москва: Прогресс, 1971. – 629 с.
15. Внешняя политика Германской Демократической Республики / пер. с нем. В. С. Иванова. – Москва: Междунар. отношения, 1969. – 263 с.
16. *Ватлин, А. Ю.* Германия в XX веке / А. Ю. Ватлин. – Москва: РОССПЭН, 2002. – 336 с.
17. *Бейли, Дж.* Поле битвы – Берлин / Дж. Бейли, С. Кондрашев, Д. Мерфи; пер с англ. Л. Володарской. – Москва: Эксмо, 2002. – 544 с.
18. *Филитов, А. М.* Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение / А. М. Филитов. – Москва: Междунар. отношения, 1993. – 240 с.
19. *Филитов, А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941–1990 / А. М. Филитов. – Москва: Наука, 2009. – 333 с.
20. *Станков, Н. Н.* ГДР и ее восточные соседи. Становление отношений с Польшей и Чехословакией 1949–1955 / Н. Н. Станков. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. – 132 с.
21. *Лапский, В. Ф.* Погребенные под Берлинской стеной. Тайны советской эпохи / В. Ф. Лапский. – Москва: Вече, 2008. – 352 с.
22. Системная история международных отношений в 2 т. Т. 2. – События 1945–2003 годов / В. И. Батюк [и др.]; под ред. А. Д. Богатурова. – Москва: Культур. революция, 2006. – 720 с.
23. Системная история международных отношений в 4 т. Т. 4. – Документы, 1945–2003 / под ред. А. Д. Богатурова. – Москва: Науч.-образ. форум по междунар. отношениям, 2004. – 598 с.
24. *Елисеев, М. Г.* Бонн и ГДР. Как потерпела провал на международной арене политика правительства ХДС/ХСС, направленная против ГДР (1949–1969) / М. Г. Елисеев. – Минск: БГУ им. В. И. Ленина, 1975. – 254 с.
25. *Елисеев, М. Г.* Два германских государства и европейская безопасность / М. Г. Елисеев, В. Е. Снапковский; под ред. Л. М. Шнейерсона. – Минск: Наука и техника, 1989. – 152 с.
26. *Елисеев, М. Г.* Социалистической ГДР 30 лет / М. Г. Елисеев. – Минск: Общество «Знание», 1979. – 21 с.
27. *Елисеев, М. Г.* Между конфронтацией и разрядкой. СвДП в партийной системе ФРГ: проблемы «восточной» политики / М. Г. Елисеев. – Минск: Университетское, 1989. – 335 с.
28. *Елисеев, М. Г.* Западногерманская политика международной изоляции ГДР и ее крах (1949–1970): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / М. Г. Елисеев; БГУ им. В. И. Ленина. – Минск, 1971. – 31 с.
29. *Снапковский, В. Е.* Политика ГДР в отношении ФРГ – важный элемент разрядки международной напряженности (70-е гг.): автореф. дис. ...

канд. ист. наук: 07.00.03 / В. Е. Снапковский; БГУ им. В. И. Ленина. – Минск, 1980. – 22 с.

30. *Стрелец, М. В.* Берлинский кризис 1958–1961 гг. и его уроки / М. В. Стрелец. – Брест: Лавров, 1997. – 14 с.

31. *Стрелец, М. В.* ФРГ и проблемы ограничения и сокращения вооружений в Европе (1949–1990) / М. В. Стрелец. – Брест: Лавров, 1997. – 327 с.

(Дата подачи: 14.02.2025 г.)

А. Д. Дежиц

Белорусский государственный университет, Минск

D. Dzezhyts

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(38)+128

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ МИСТИЧЕСКИХ И НАТУРФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ (VI–V ВВ. ДО Н. Э.)

CONCEPTS OF THE SOUL IN ANCIENT GREEK MYSTICAL AND NATURAL PHILOSOPHICAL TEACHINGS (VI–V CENTURIES BC)

В статье проанализированы представления о душе в учениях мистических движений Древней Греции, ионийской и италийской философских школ, предшествующие трудам Платона и Аристотеля и оказавшие на них решающее влияние. Исследование посвящено становлению и развитию на данном этапе греческой концепции души, включая ключевые ее характеристики: принципиальное отличие от тел, бессмертие, метемпсихоз, а также ее связь с мышлением и индивидуальным сознанием.

Ключевые слова: Древняя Греция; душа; мистические учения; орфизм; натурфилософия; бессмертие; метемпсихоз.

The article analyzes the ideas about the soul in the teachings of the mystical movements of Ancient Greece, the Ionian and Italic philosophical schools, which preceded the works of Plato and Aristotle and had a decisive influence on them. The study is devoted to the formation and development at this stage of the Greek concept of the soul, including its key characteristics: fundamental difference from bodies, immortality, metempsychosis, as well as its connection with thinking and individual consciousness.

Keywords: Ancient Greece; soul; mystical teachings; Orphism; natural philosophy; immortality; metempsychosis.

Представления о душе претерпели в древнегреческой мысли ряд существенных изменений, пока не были включены в строгие системные учения, созданные Платоном и Аристотелем. Целью исследования является анализ предшествующим им трактовок человеческой души в воззрениях древне-

греческих мистиков и натурфилософов, оказавших наибольшее влияние на становление классической греческой философской антропологии. Рассматриваемые учения являются слабо репрезентированными в источниках ввиду эзотерического характера организации самих мистических движений и фрагментарного наследия досократической философии [1]. Они подлежат особой реконструкции с помощью соответствующих свидетельств Платона, Аристотеля, а также римских авторов.

В зарубежной историографии ведущими работами по данной тематике являются исследования Б. Снелля [2], В. Буркерга [3], В. Йерега [4], Д. Марселя [5]. В русскоязычной историографии особый вклад в изучение истории греческого духа внесли А. Ф. Лосев [6] и А. А. Тахо-Годи [7], исследовавшие, в том числе, орфические гимны. Среди современных работ по орфизму можно выделить исследования Ю. С. Обидиной [8]. Идеи натурфилософов представлены в собраниях А. В. Лебедева [1], а также обобщающих монографиях В. Т. Звиревича [9], П. С. Гуревича [10], Г. В. Драча [11].

Понятию души соответствовало древнегреческое слово $\Psi\upsilon\chi\acute{\eta}$, которое использовалось также в значениях дыхания, духа и жизни вообще. Его употребление мы встречаем еще у Гомера, однако, не по отношению к живым людям. Согласно «Одиссее», $\psi\upsilon\chi\eta$ покидает человека на момент его смерти, что можно связывать с прекращением дыхания как важнейшим ее признаком [12]. Впоследствии души умерших обречены на вечное скитание в Аиде, они представляют собой некий призрак человека, схожий с ним внешне, но полностью лишенный воли и сознания. В данном контексте, можно говорить о некотором вечном существовании душ, однако то, чем они являются, еще не может считаться сущностной чертой самого человека. Гесиод, говоря о людях, более интересуется их наличной жизнью и историей, не обращаясь к их сущности и понятию души [13; 14].

Фактически концепция бессмертной души как сознания проникает в греческую религию из мистических учений VI–V вв. до н. э.: орфизма и пифагорейства. Основателем орфизма считался мифический певец Орфей, которому удалось побывать в царстве Аида. Учение орфиков носило эзотерический характер, сохранялось в строгой тайне и требовало особых ритуалов посвящения, ввиду чего не дошло до нас в целостной форме [3]. Однако очевидным является тот факт, что оно было нацелено на обретение человеком особой посмертной участи, о чем говорят орфические таблички, найденные в захоронениях [1, с. 44]. Они содержали тексты с особыми инструкциями, касающимися поведения умершего в Аиде: совет остерегаться испить из Леты – реки забвения и обратиться к источнику Мнемосины – памяти. Суть бессмертия в орфизме связывалась с сохранением индивидуального сознания. Орфики постулировали метемпсихоз – идею переселения индивидуальной души в различные тела после смерти. Впервые в греческой истории о ней упоминает Геродот: «Египтяне стали первыми учить о бес-

смертии человеческой души. Когда умирает тело, душа переходит в другое существо, как раз рождающееся в тот момент. Пройдя через тела всех земных и морских животных и птиц, она снова вселяется в тело новорожденного ребенка... Это учение заимствовали некоторые эллины как в древнее время, так и недавно» [15, с. 184]. Ранее он называл воззрения египтян схожими с орфизмом и пифагорейством [15, с. 159].

Учение о бессмертной душе, ее сущностной отделенности от тела и метемпсихозе поздние авторы связывают с мифом о Дионисе-Загрее, который они считали центральным в орфизме. Впервые миф упоминается у Плутарха [16, с. 996]. Полная его версия представлена в поэме Нонна Панополитанского (V веке н. э.). Титаны растерзали и поглотили Диониса, называемого Загреем, сына Зевса и Персефоны, за что и были испепелены Громовержцем. Из пепла возникли люди, чья душа имела двойственную сущность: божественную (дионисийскую) и титаническую (злую), за которую она вынуждена понести наказание, будучи заключенной в «темницу тела» [17]. Об этом упоминает Платон: «Некоторые говорят, что тело (σώμα) – могила (σῆμα) души, поскольку, мол, в настоящее время она [в нем] похоронена ... это имя установили Орфей и иже с ним в том смысле, что душа несет наказание за свои преступления» [18, с. 118]. Философы-неоплатоники Прокл (V в. н. э.) и Олимпиодор (VI в. н. э.) утверждали, что душа обречена на вечный цикл перерождений в различных телах, и, вероятно, мистические практики орфиков были направлены на ее освобождение [19; 20].

Революционным в орфическом учении было указание на двойственную сущность человека. Разделив в нем тело и душу, орфики считали последнюю бессмертной, способной менять тела и сохранять индивидуальное сознание. Мистические идеи начинают проникать и в классическую греческую религию. Так, поэт V века Пиндар в «Олимпийской оде Ферону Акрагантскому» писал: «Но те, кто трижды / Пребыв на земле и под землей, / Сохранили душу свою чистой от всякой скверны, / Дорогою Зевса шествуют в твердыню Крона / Остров Блаженных» [21, с. 17]. Здесь говорится о бессмертной душе, явно отличной от апатичного облика-призрака, скитающегося в Аиде, подобно душам Гомера. Душе за праведную жизнь обещан некий топос, аналогичный раю, Острова Блаженных, о которых упоминал в том же контексте еще Гесиод [14]. Пиндар транслирует идеи метемпсихоза, которых также придерживались сторонники иного мистического учения, связанного с математикой и философией, – пифагорейцы. Наследие Пифагора (570–490 гг. до н. э.), дошедшее до нас через его учеников, имеет неполный и противоречивый характер. Однако то, что он считал душу отличной от тела и способной переселяться после смерти в иные тела, сохраняя при этом индивидуальное сознание, является неоспоримым. Философ-неоплатоник Порфирий (233–304 гг.) охарактеризовал пифагорейство следующим образом: «...наибольшую известность среди всех получили следующие по-

ложения: во-первых, что душа, по его словам, бессмертна, во-вторых, что она переселяется в другие виды животных. Очевидно, первым, кто принес эти учения в Элладу, был Пифагор» [1, с. 143]. Сам Пифагор гордился тем, что помнил все свои прошлые воплощения.

Учение о бессмертной душе и метемпсихозе транслировал Эмпедокл (490–430 гг. до н. э.). Он был философом, врачом и поэтом, считал себя пророком. Его частично сохранившаяся поэма «Очищения» повествует о том, как души людей были изгнаны из своеобразного рая, царства Киприды (Афродиты), за грех кровопролития. Они вынуждены вступить в своеобразный цикл перерождений: «Тридцать тысяч времен вдали от блаженных скитаться / Тот осужден, возрождаясь в различных обличиях смертных» [1, с. 409]. К ним относятся и различные виды животных и птиц, поэтому Эмпедокл призывал людей отказаться от кровопролития и поедания мяса, чтобы их души могли искупить свой грех и вернуться к блаженному райскому существованию. В.Буркерт пишет: «По Эмпедоклу, путешествие через все стихии есть искупление за грех пролития крови, совершенный в ином мире. Целью является возвращение к богам, обожествление» [3, с. 510]. Душа в учениях орфизма, пифагорейства, Эмпедокла становится принципиально отличной от тела, она являет собой сущность каждого человека в любом его воплощении, которое способна менять после смерти. Однако метемпсихоз для души есть наказание за некий грех, имевший место в прошлом. Орфики говорят о греховности «материала» (пепла титанов), из которого был создан человек. Эмпедокл говорит уже об индивидуальной вине души, за которую она была изгнана из блаженного мира в смертных обличиях, то есть телах. Здесь возникает принципиальный вопрос: в чем состоит качественное различие тела и души, и, следовательно, вопрос их происхождения.

В орфическом мифе о Дионисе-Загрее человек происходит из пепла, содержащего в себе элементы титанической и божественной природы, однако не ясно, образуют ли они все существо человека, включая и тело, или же только его душу. Согласно греческой мифологической традиции своеобразным «материалом» происхождения человеческих тел обычно считалась земля. Гесиод повествует о том, как боги создали первую женщину Пандору, смешав землю с водой [14, с. 53]. В «Теогонии» поэт зачастую характеризуют людей эпитетом «земнородные» (Χαίμαγγένεον) [13, с. 24]. Миф о том, что Прометей создал человека из земли или глины известен нам только по римским источникам, посвященным греческой мифологии. Впервые он встречается у Овидия. «Метаморфозы» транслируют версию творения человека титаном из земли и воды, однако упоминается сохраненное в земле семя, имеющее небесное начало, что соответствует душе человека [22, с. 33]. Это подтверждают слова Девкалиона: «О, если б мог возродить я народы искусством отцовским / О, если б души вливать умел в изваянья из глины!» [22, с. 40]. Миф о земле как о материале человеческих тел упомина-

ется в «Мифах» Гигина (II в. н. э.): «Прометей, сын Иапета, первым слепил людей из глины» [23, с. 116]. Он присутствует у мифографа Аполлодора (I–II вв. н. э.) [24], сатирика Лукиана из Самосаты (II в. н. э.) [25, с. 86], поэта Проперция (I в. до н. э.) [26]. Однако авторы ничего не говорят о происхождении человеческой души, не считая того, что она якобы помещена в это «земное» тело, но имеет иное (иногда божественное) происхождение.

Свойства человеческих тел и душ, их происхождение являлись объектом интереса греческих натурфилософов. Нельзя говорить о том, что они радикально отделяли свои идеи от существующей религиозной традиции. Так, упомянутый выше мистик Эмпедокл, имел свое натурфилософское учение о происхождении космоса и человека. Согласно ему, мир состоит из четырёх стихий, управляемых двумя силами – Любовью и Враждой. Изначально в космосе господствовала Любовь, что все соединяла, все вещи были вместе. Затем в мир врывается Вражда, разделяя элементы, из них складывается все сущее, в том числе и человек [1, с. 381]. Эмпедокл говорит и о человеческой душе, но очевидно, что в отсутствие иных компонентов мироздания помимо четырех стихий, она складывается из них и отличается только в пропорциональном отношении. Об этом свидетельствует Аристотель, утверждая, что философ отождествлял душу с познавательной способностью и объявлял ее состоящей из всех элементов, чтобы «познавать подобное с помощью подобного» [27, с. 14]. Согласно Плутарху, в учении Эмпедокла тело, в отличие от души, состоит только из одного элемента: «[Эмпедокл называет] «землей, в которую облачен человек», тело, облекающее душу» [28, с. 203]. В. Т. Звиревич пишет: «Наиболее распространенным было представление о рождении людей от земли, что является как отзвуком древнейшей хтонической мифологии, в которой земля – это мать и кормилица всего сущего, так и следствием наблюдений связи живых организмов с почвой. Такой «земной» точки зрения на происхождение людей придерживались с разными нюансами Ксенофан, Эпихарм, Парменид, Эмпедокл, Анаксагор, Архелай» [9, с. 74]. Однако никто из них не утверждал аналогичное происхождение души человека. Аристотель, анализируя учения предшествующих философов, приходит к выводу: «Таким образом, все элементы, кроме Земли, нашли себе сторонника. Землю никто не объявлял душой, разве только если кто говорил, что душа состоит из всех элементов или что она совокупность всех» [27, с. 18].

Согласно Аристотелю и сохранившимся фрагментам «досократиков», большинство ионийских и италийских философов различали в человеке тело и душу, обозначая происхождение последней от иной стихии. Это были стихии, устремляющиеся вверх, в отличие от земли и воды, из которых состоит человеческое тело. Гераклид Понтийский назвал душу светом, Гераклит Эфесский – искрой небесного огня, Диоген Синопский – воздухом, Критолай считал ее эфиром, Гиппарх – огнем, Бозт – воздухом и огнем [1].

Демокрит, согласно Аристотелю, «утверждает, что душа есть некий огонь и тепло. А именно: из всего бесконечного множества фигур и атомов шаровидные атомы, говорит он, – это огонь и душа. Подобным же образом толкует Левкипп. Оба они считают шаровидные атомы душой, потому что атомы такой формы больше всех в состоянии проникать повсюду и, сами будучи приведенными в движение, двигать и остальное; при этом оба полагают, что именно душа сообщает живым существам движение. Поэтому с дыханием, по их мнению, кончается жизнь» [27, с. 12]. Таким образом, первые греческие атомисты определяли душу человека как особого рода шаровидные атомы схожие с теми, что составляют огненную субстанцию. Они считали душу причиной движения тела человека. Многие натурфилософы соглашались в этом, а также связывали душу с познавательной способностью: Гераклит, Анаксагор, Диоген, Ксенократ, Эмпедокл и Алкмеон. Последний интересен тем, что учил о бессмертии души: «он утверждает, что она бессмертна, потому что сходна с бессмертными существами. А бессмертие ей присуще, поскольку она находится в постоянном движении. Ведь все божественное находится всегда в непрерывном движении: Луна, Солнце, звезды и все небо». Гераклит же говорил о душе что, «она нечто в высшей степени бестелесное» [27, с. 17].

Сущность души человека объяснялась натурфилософами особенностями составляющих ее природных компонентов. Аристотель, резюмируя взгляды предшественников, писал что, душа для них есть первоначало (*ἀρχή*), понимаемое как элемент. В учениях философов, признававших единое начало, из которого впоследствии возникает космос, утверждается, что оно также является субстанцией души (Диоген, Гиппон, Гераклит), если же философы признавали сосуществование сразу нескольких начал, то душа включала в себя их все. Душа признавалась состоящей из онтологически наивысшего элемента, и поэтому ей было присуще движение (высшее начало создает все остальное) и познание. Если признавать душу состоящей из всех элементов (Эмпедокл), то это также наделяет ее способностью к познанию («подобное познается подобным»).

Таким образом, греческая идея бессмертной души, обладающей сознанием, отсылает к мистическим учениям, распространившимся в Элладе в IV–V вв. до н. э., возникшим как оппозиция полисной религии и делавшим акцент на индивидуальном начале в каждом человеке и его особой судьбе. Распространение этих учений совпало с т.н. «открытием духа» в греческой литературе, они соответствовали эпохе становления личности [2]. Это также время зарождения и развития натурфилософских школ. Первые философы обращаются к проблеме души, эксплицитно или имплицитно высказывая идеи ее бессмертия. В. Т. Звиревич пишет: «...по-настоящему о бессмертии души стала говорить, как это ни покажется странным, только натурфилософия, связав его с вечно сущей небесной материей, материей

души – воздухом и огнем, и создав тем самым основу для развития в дальнейшем религиозно-философских представлений о бессмертии души и ее небесном существовании» [9, с. 151]. Объявив душу состоящей из высших элементов, философы тем самым постулировали ее постоянство в космосе, возможность проникновения в иные тела и воздействия на них. Не случайно Эмпедокл, учивший о стихиях, транслировал также идеи метемпсихоза. Связь души с умом и познавательной способностью дает возможность трактовать ее как сознание. Следовательно, идея бессмертия души как сохранения индивидуальной памяти после телесной смерти также выводима из учений натурфилософов. Сами они не пошли на этот шаг, однако подготовили благодатную почву для последователей. На основании их философии, не без весомого вклада существующих мистических и религиозных учений, были сформированы два важнейших греческих учения о душе, представленные уже в строгой, аргументированной и систематизированной форме, а именно учения Платона и Аристотеля. Платон воспримет идеи орфизма и Эмпедокла, объявив душой человека «идеальную» субстанцию, облеченную в «материальное/земное» (χώρα) тело. Его диалоги будут включать в себя учение о переселении душ (в качестве наказания) и возможности их возвращения к первоначальному блаженству. Платон объявит познавательную способность важнейшей характеристикой души [18]. Разумную деятельность как сущность человеческой души определит и Аристотель, однако, в своем учении он будет опираться на натурфилософские трактовки души, определяя ее через способности к росту, движению и мышлению. Он отвергнет мистическое учение о переселении душ и их бессмертии, однако признает последнее не в индивидуальном, но в родовом виде и свяжет с ним стремления отдельных людей [27].

Список использованных источников

1. *Лебедев, А. В.* Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / А. В. Лебедев. – Москва: Наука, 1989. – 577 с.
2. *Snell, B.* Die Entdeckung des Geistes. Studien zur Entstehung des europäischen Denkens bei den Griechen / B. Snell. – Claassen & Goverts, Hamburg, 1946. – 334 s.
3. *Буркерт, В.* Греческая религия: Архаика и классика / В. Буркерт. – Санкт-Петербург: Алетей, 2004. – 584 с.
4. *Йегер, В.* Греческие идеи бессмертия. Лекция Инджерсолла за 1958 год / В. Йегер // Личность. Культура. Общество – 2021. – Т. XXIII. – Вып. 4 (№ 112). – С 14–24.
5. *Detienne, M.* Comparative anthropology of Ancient Greece / M. Detienne. – UK: Polity Press, 2007. – 142 p.
6. *Лосев, А. Ф.* Античная мифология с античными комментариями к ней / А. Ф. Лосев. – Москва: Эксмо, 2005. – 972 с.

7. *Тахо-Годи, А. А.* Античные гимны / А. А. Тахо-Годи. – Москва: Изд-во МГУ, 1988. – 362 с.
8. *Обидина, Ю. С.* Влияние орфических представлений о бессмертии души на философскую мысль античности / Ю. С. Обидина // *Философские науки*. – 2004. – № 7.
9. *Звиревич, В. Т.* Античная антропология: от героя-полубога до «человечного человека» / В. Т. Звиревич. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2011. – 244 с.
10. *Гуревич, П. С.* Философская антропология / П. С. Гуревич. – Москва: Юрайт, 2024. – 165 с.
11. *Драч, Г. В.* Рождение античной философии и начало антропологической проблематики / Г. В. Драч. – Ростов-на-Дону, 2001. – 318 с.
12. Гомер. *Иллиада. Одиссея* / пер. В. А. Жуковского. – Москва: Эксмо, 2023. – 920 с.
13. Гесиод. *Теогония* // Полное собрание текстов / пер. В. В. Вересаева, О. П. Цыбенко. Вступительная статья В. Н. Ярхо. Комментарии О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. – Москва: Лабиринт, 2001. – 256 с.
14. Гесиод. *Труды и дни* // Полное собрание текстов / пер. В. В. Вересаева, О. П. Цыбенко. Вступительная статья В. Н. Ярхо. Комментарии О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. – Лабиринт, 2001. – 256 с.
15. Геродот. *История* / пер. и прим. Г. А. Стратановского. – Ленинград: Наука, 1972. – 600 с.
16. Плутарх. *Моралии* / пер. М. Л. Гаспарова. – Москва – Ленинград: Наука, 1964. – 416 с.
17. Нонн Панополитанский. *Деяния Диониса* / пер. Ю. А. Голубца. Вступ. ст. А. В. Захаровой. – Санкт-Петербург: Алетей, 1997. – 554 с.
18. Платон. *Полное собрание сочинений*. – Москва: АЛЬФА-КНИГА, 2020. – 1311 с.
19. Прокл. *Платоновская теология* / пер. с древнегреч., сост., статья, примечания, указатели, словарь Л. Ю. Лукомского – Санкт-Петербург: РХГИ, Летний сад, 2001. – 624 с.
20. Олимпиодор. *Жизнь Платона* / пер. М. Л. Гаспарова // Диоген Лазертский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – Москва: Мысль, 1979. – С. 445–448.
21. Пиндар Вакхилид. *Оды. Фрагменты* / пер. М. Л. Гаспарова. – Москва: Наука, 1980. – 504 с.
22. Публий Овидий Назон. *Метаморфозы* / пер. С. В. Шервинского. – Москва: Худ. лит., 1977. – 430 с.
23. Гигин. *Мифы* / пер. Д. О. Торшилова. – Санкт-Петербург: Алетей, 2000. – 277 с.
24. Аполлодор. *Мифологическая библиотека* / пер. В. Г. Боруховича. – Ленинград: Наука, 1972. – 223 с.

25. Лукиан Самосатский. Сочинения / пер. Б. В. Казанского. – Санкт-Петербург: Алетей, 2001. – 479 с.

26. Секст Проперций. Элегии / пер. А. И. Любжина. – Москва: Греко-латинский кабинет, 2004. – 178 с.

27. Аристотель. О душе / пер. П. С. Попова. – Москва: АСТ, 2022. – 135 с.

28. Плутарх. Застольные беседы / пер. Я. М. Боровского, М. Н. Ботвинника. – Ленинград: Наука, 1990. – 592 с.

(Дата подачи: 17.02.2025 г.)

К. Д. Довматович

Белорусский государственный университет, Минск

K. D. Dovmatovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(474/476 ВКЛ):930(4–11)«18/19»+328(474/476 ВКЛ)

ПРИНЦИПЫ СЕЙМОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В КОНЦЕ XV – ВТОРОЙ ТРЕТИ XVI В.

PRINCIPLES OF SEJM'S REPRESENTATION IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AT THE END OF THE 15TH – SECOND THIRD OF THE 16TH CENTURIES

В статье на основе сеймовых листов реконструируются принципы сеймового представительства Великого Княжества Литовского в конце XV – второй трети XVI в. Было показано сочетание принципа viritum с механизмами регулирования представительства. Сделан вывод о транзите представительных функций «старшие люди» – земляне/ бояре/хорунжие – послы. Отмечена особая роль князей и панов в парламентской жизни.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское; сейм; представительство; парламентаризм.

The article reconstructs the principles of the Sejm's representation of the Grand Duchy of Lithuania in the late 15th – second third of the 16th centuries based on the Sejm's sheets. The combination of the viritum principle with the mechanisms of regulating representation was shown. The transit of representative functions «elder people» – landed gentry/boyars/standard-bearer-ambassadors is presented. The special role of dukes and lords in parliamentary life is noted.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; Sejm; representation; parliamentarism.

Принципы представительства являются ключевой проблемой в изучении такого парламентского института, как сейм Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ). Однако в историографии истории сейма ВКЛ вопрос сеймового представительства не выделялся в отдельную исследовательскую проблему. Значительное внимание со стороны учёных было уделено

проблемам генезиса и деятельности государственного органа ВКЛ, сейма, в различных сферах политической жизни [1–12]. Как исключение, можно выделить работу польского историка Витольда Каменецкого, в которой была раскрыта роль хорунжих в парламентской жизни ВКЛ до 1569 г. [13]. В современной историографии проблемы сеймового представительства ВКЛ чаще раскрываются на примере эпохи Речи Посполитой [14–16].

В Великом Княжестве сейм как государственный орган функционировал в конце XV – второй трети XVI вв. Сейм ВКЛ представлял собой заседание великого князя литовского, Панов-Рады и представителей земель Княжества (урядники, хорунжие, шляхта). При этом в эпоху Жигимонта Старого в виду частого отсутствия монарха в пределах ВКЛ, функционировал институт посольств, который обеспечивал «присутствие» князя на сеймовых заседаниях. После заключения Люблинской унии 1569 г. с Польшей отдельный сейм ВКЛ был ликвидирован в результате образования единого сейма Речи Посполитой.

В процессе становления сейма ВКЛ во второй половине XV в. центральные власти Княжества предпринимали меры по разработке принципов сеймового представительства. Вероятно, основополагающим принципом представительства являлся обычай *viritim* (поголовно), согласно которому каждый феодал имел право прибыть на общегосударственное заседание. В таком случае решения на подобных заседаниях принимались не только от имени монарха и Панов-Рады, но и от имени всех земель Великого Княжества. Так, например, от имени великого князя Казимира Ягеллончика, радных панов и «всего посольства» был принят Судебник в 1468 г. [17, с. 398; 18]. Впоследствии принцип *viritim* сочетался с механизмами регулирования представительства, что связано с оформлением и развитием сейма ВКЛ. Разработка принципов сеймового представительства осуществлялось монархом и Паны-Радой на протяжении конца XV – второй трети XVI в.

После смерти великого князя Казимира Ягеллончика в 1492 г. радными панамы было инициировано заседание сейма для избрания следующего монарха ВКЛ. Для приглашения представителей различных земель Княжества были составлены посольские листы, в которых регламентировалось количество представителей от территориальной единицы. Так, в сохранившемся листе Волынской земле от имени радных панов для избрания Александра Казимировича отмечалось: «И ваша бы м[и]л[о]ст[ь] старших васъ десеть, або двадцать, або кол[ь]ко се вамъ увидить на тотъ сеймъ к нам прыехали и в тых делехъ с нами братьею своею помыслите» [19, с. 115–116; 20, л. 142–142 об.].

В годы правления Жигимонта Старого продолжилось развитие института сеймового представительства. Это было связано как с определенной периодичностью заседаний сейма, так и с внешними факторами, которые влияли на политическую ситуацию в ВКЛ. Так, 14 декабря 1511 г. Жигимонт

Старый из Кракова отправил посольский лист к Панам-Раде и феодалам Княжества. В нём указывалось, что на сейм, который должен был состояться в начале 1512 г. в Вильно, воеводы и наместники пограничных замков вместо себя должны выбрать двух землян, наделить их полными полномочиями и отправить на заседание. В то же время для представителей центральных земель Великого Княжества отмечалось: «державцы сами персоною своею из земляны ку вашей милости бы приехали, и тамь будучи споломь з вашею милостью радили» [21, с. 506; 22, л. 393]. В данном случае военная опасность со стороны Московского государства повлияла на нормы сеймового представительства. Из-за внешней угрозы пограничные урядники, сосредоточившись на проблемах обороны, были вынуждены передать свои представительские полномочия двум доверенным землянам.

Наиболее полную структуру сеймового представительства позволяют раскрыть реестры (списки) сеймовых листов. Так, известно, что в 1514 г. перед началом заседания сейма по ВКЛ были разосланы 24 сеймовых листа. При этом они были адресованы радным панам. В них были отмечены приглашенные персоны, группы феодалов, отдельные урядники, территориальные единицы. При этом княгиня Слуцкая, княгиня Александра и митрополит должны были «людей своих послать». Важно отметить, что в реестре сеймовых листов 1514 г. для ряда земель и социальных групп ВКЛ по-прежнему сохранялся поголовный принцип сеймового представительства, согласно которому на заседание приглашались «все». Так, это относилось к городенским боярам; бельским землянам; дорогицким землянам; князьям, панам и землянам Берестейского повета; князьям, панам и землянам Володымерского повета; князьям, панам и землянам Волынской земли; боярам Новгородского повета; «всей земле» Жемайтской, Каменецкому и Менскому поветам [5, Приложение, с. 39–40; 22, л. 537–538].

Рассылка сеймовых листов перед началом заседания сейма практиковалась и далее. Перед началом виленского сейма 1534 г. от имени великого князя Жигимонта Старого по территории ВКЛ были разосланы более 60 сеймовых листов. На заседание приглашались радные паны, хорунжие, державцы, старосты, тиуны, паны, князья. При этом в листах отмечался принцип поголовного представительства через формуляр «все». Это относилось к князьям Друцким, Лукомским, Свирским, Гедройтским, Сангушкам, Збаражским, Жеславским, Корецким. В определенной мере это свидетельствует об аристократическом характере сеймовых заседаний, когда значительная часть парламентариев относилась к социальной группе князей [4, Приложение, с. 22–23; 23, с. 212–214].

Для некоторых урядников предписывались особые принципы представительства. Так, в сеймовом листе 1534 г. виленскому воеводе, бельскому старосте, канцлеру и мозырскому старосте Альбрехту Мартиновичу Гаштольду кроме его участия на заседании отмечалось, чтобы в его воеводстве

и старосте местные хорунжие в хорунженствах выбрали по два землянина «добрых людей» и совместно с ними отправлялись на вальный сейм в столицу [4, Приложение, с. 22–23]. Другое распоряжение адресовалось полоцкому воеводе, маршалку Яну Юрьевичу Глебовичу. Он должен был выбрать двух бояр «людей добрых» для участия в заседании. Однако самому воеводе указывалось остаться в Полоцке и заботиться об обороноспособности местных укреплений. Подобная ситуация была связана с нарастанием напряженности в отношениях между ВКЛ и Московским государством, что в конечном итоге привело к войне 1534–1537 гг. [4, Приложение, с. 23; 23, с. 212–214].

В феврале 1538 г. происходили заседания петроковского и виленского сеймов. Жигимонт Старый тогда находился в Петрокове, поэтому от его имени было отправлено посольство Ивана Горностая в столицу Княжества. В посольском листе указывалось, что для организации обороны воеводы, старосты и державцы должны выбрать по два землянина и с хорунжими поветов приехать на заседание сейма в Вильно [4, Приложение, с. 34; 5, Приложение, с. 94–97; 24, л. 182 об. – 183 об.]. В очередном посольском листе в ноябре 1538 г. относительно прибывших сеймовых станов говорилось о недостатке радных панов. На сейме присутствовали: виленские воевода и каштелян, староста жемайтский, воевода новгородский, воевода подляшский. В то время как паны воеводы киевский, полоцкий и витебский «мало на соймехъ вальныхъ бывають» [25, с. 40].

Сохранился реестр сеймовых листов виленского сейма 1554 г. Во многом он соотносится с реестром 1534 г. В этих листах было отмечено более 120 приглашенных на заседание в Вильно. На сейм приглашались группа политической элиты (бискупы, воеводы, дворовые урядники, статусные персоны). Также приглашались политически активные землевладельцы, представленная княжескими группами (листы до князей Чарторыйских, Вишневецких, Збаражских, Четвертинских, Любецких и др.), урядниками (старостами, тиунами). Отдельные приглашения были разосланы населённым пунктам Волынской и Жемайтской земель, Виленского и Троцкого поветов. Относительно представителей этих территорий, вероятно, применялся принцип *vigilum*. Важно отметить, что поголовный принцип представительства был адресован князьям Сангушкам, а также князьям и панам Волынской земли [4, Приложение, с. 82–85; 26, р. 167–169]. Сохранился текст сеймового листа 1554 г., который от имени Жигимонта Авгута был адресован виленскому воеводе, земскому маршалку, канцлеру, берестейскому старосте, борисовскому и шовленскому державце Миколаю Радзивилу Чёрному. Однако в нём не были отражены принципы представительства с подчинённых ему земель, и, по сути, этот лист является персональным приглашением на сейм [4, с. 82–83; 26, р. 167].

Относительно виленского сейма 1563 г. сохранился реестр сеймовых листов, который, однако, отличается от подобных в 1534 и 1554 гг. В ранних

реестрах прослеживается значительное количество пунктов, кому отправлялись листы (персоны, урядники, социальные группы, территориальные единицы). В 1563 г. перечислен всего 21 пункт, 13 из которых адресуется хорунжим. Подобное положение объясняется условиями Инфлянтской войны между ВКЛ и Московским государством, когда роль хорунжих в политической жизни Княжества увеличилась. Примечательно, но ещё на виленском сейме 1559 г. хорунжие просили Жигимонта Августа освободить их от исполнения представительских функций в пользу шляхты, поскольку участие в сеймовых кампаниях требовало значительных финансовых затрат (дорога, проживание и др.) [25, с. 274–275]. Тем не менее приглашались отдельные персоны. Сохранился текст сеймового листа князю Юрию Юрьевичу Слуцкому, который также является персональным приглашением на заседание. Помимо этого, в реестре перечислен лист ко «всимвь» панам Остикам. По всей видимости, к ним применялся принцип поголовного представительства [4, Приложение, с. 121–122].

Перед началом заседания виленского сейма 1565–1566 гг. было разослано порядка 100 сеймовых листов. В реестре было отмечено до кого и кем рассылались листы. Например, Василий Фурс понёс листы до определенных панов и князей, групп князей и панов, должностных лиц (хорунжих, бискупа луцкого, старосты житомирского), а также листы на Вошь. Отдельные листы рассылали Билцер Садовский, Семён Олексеевич, Якуб Макарович и Каменицкий. При этом значительная часть приглашенных по-прежнему являлись хорунжими. Примечательно, что принцип *viritim* относился только к князьям и панам Щитовичам [4, Приложение, с. 153–154].

В результате реформ 60-х гг. XVI в. в ВКЛ были унифицированы принципы сеймового представительства. Виленским привилеем 1565 г. по польскому образцу были образованы поветовые сеймики, которые должны были собираться за четыре недели до начала заседания вального сейма. Однако данная норма сразу же и была нарушена. Так, сеймики были назначены на 10 апреля 1566 г. в то время, как сейм в Берестье должен был начать свою работу 28 апреля того же года [4, с. 738–739]. На сеймиках местной шляхтой выбирались два посла от повета на сейм (Статут 1566, Раздел 3, артикул 5) [27, л. 48 об. – 49; 28, с. 79–80]. Перед началом берестейского сейма 1566 г. князем и коморником Соколенским, хорунжим дорсунишским Павлом, писарем мозырьским Балакирем, Демьяном Володковичем, Адамом Шембелем, Иваном Кривоболоцким, Рудковским, писарем земским новгородским Головно, князем Михаилом Мосальским по территории ВКЛ было разослано порядка 70 сеймовых листов. В листах, адресованных территориальным единицам, уже отмечаются поветы. Однако отдельные приглашения по-прежнему относились к политической элите Княжества. При этом принцип *viritim* сохранялся для социальной группы князей [4, Приложение, с. 164–169].

По примеру берестейского сейма 1566 г. проводились и последующие заседания. Так, в этом же году 18 октября были разосланы сеймовые листы для очередного заседания в Берестье. В них отмечалось более 100 приглашенных. Несмотря на то, что листы в массе своей были адресованы поветам, в них была отражена традиция поголовного представительства. В частности, на сейм приглашались «все» паны Нарбуты. Также приглашались радные паны, урядники, отдельные группы князей [4, Приложение, с. 175–182]. В отдельном листе полоцкому каштеляну, чечерскому, пропойскому и лепельскому старосте Юрию Зеновичу указывалось о проведении сеймика в Полоцком повете. Однако Полоцк ещё с 1563 г. находился под оккупацией войск Московского государства [29, л. 1–2]. В виду продвижения московских войск и «поветрея» уже 5 ноября 1566 г. были разосланы очередные сеймовые листы, в которых говорилось о переносе места заседания в Городно. В реестре было отмечено более 30 приглашений к поветам [4, Приложение, с. 182–184].

Постановление городенского сейма от 7 января 1567 г. регламентировало правила проведения сеймовой кампании в Княжестве. Так, не прибывших послов было решено не допускать на заседание сейма. В случае неприбытия радных панов к имше на третий день заседания, они не могли «вотовати» на решения принятые «безъ него и въ молчан[ь]ю». А вот земские послы, опоздавшие на заседание, «черезъ весь съемъ вотовати не будеть». Также было принято постановление о наказании за неприбытие на заседания поветовых сеймиков, которые начинались за четыре недели до вального сейма. Так, радные паны должны были платить штраф в размере пяти коп грошей, а земские урядники – двух коп грошей, при этом рядовым шляхтичам позволялось «вольно быти» на заседаниях. Для каждого бискупа, воеводы и каштеляна в рамках работы сеймика «мають бывати кождый у своємъ у воеводстве и на враде». Указывалось, что сеймовые листы должны были рассылаться за две недели до начала работы поветовых сеймиков. При этом для радных панов, князей, поветовых и земских урядников и «до иныхъ становъ, до кого передъ тымъ зъ стародавна листы сеймовые съ канцелярии нашею посыланъ» эти листы доставлялись возными лично в их дома. В то время как шляхту о начале сеймовой кампании извещали на торгу, при костёлах [25, с. 406–409].

Важно отметить, что сохранились сеймовые листы 1568 г., при помощи которых на очередной городенский сейм приглашались виленский воевода, канцлер, лидский и мозырский староста, борисовский державца Миколай Юрьевич Радзивил Рыжий; виленский воеводич Миколай Криштоф Радзивил Сиротка и полоцкий каштелян, лепельский староста, чечерский и пропойский державца Юрий Миколаевич Зенович. Примечательно, что в этих листах также указывалось о проведении поветовых сеймиков для избрания послов за четыре недели до начала работы вального сейма [30, s. 102; 31, с. 1–3; 32, с. 1–7].

Таким образом, на протяжении конца XV – второй трети XVI в. в ВКЛ разрабатывались принципы сеймового представительства. основополагающим принципом являлся обычай *virgitim*, когда каждый феодал имел право присутствовать на общегосударственном заседании. В виду развития парламентаризма Панами-Радой и монархом применялись механизмы регулирования сеймового представительства. Они выражались в регламентации количества представителей от территориальных единиц, а также в определении социальных групп, которые могли участвовать в работе сейма. Так, в 1492 г. представительные функции выполняли «старшие люди» в количестве 10–20 человек. Относительно пограничных территорий ВКЛ в 1511 и 1534 гг. были разработаны особые нормы представительства, согласно которым местные урядники вместо себя на сейм отправляли двух землян/ бояр. Отдельное распоряжение в 1534 г. было адресовано хорунжим центральных земель Княжества. Они выбирали по два землянина и совместно ехали на сейм. Уже в 1538 г. для всех воевод, старост и державцев ВКЛ указывалась норма, по которой они выбирали по два землянина и с хорунжими поветов ехали на сейм. В результате преобразований 1565–1566 гг. были унифицированы принципы представительства в ВКЛ. Так, за четыре недели до начала работы вального сейма собирались поветовые сеймики, на которых местная шляхта выбирала два посла, наделёнными представительными функциями. При этом принцип *virgitim* в парламентской практике Княжества сохранялся до момента ликвидации сейма ВКЛ в 1569 г. Данный принцип относился к социальным группам князей и панов, что позволяет говорить об аристократичном характере сейма ВКЛ.

Список использованных источников

1. *Даўматовіч, К. Д.* Вывучэнне парламентарызму Вялікага Княства Літоўскага на Кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: да 30-гадовага юбілею Кафедры / К. Д. Даўматовіч // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей. – Минск: РИВШ, 2024. – Вып. 24, ч. 1: Исторические науки. – С. 74–85.
2. *Довматович, К. Д.* Сейм Великого Княжества Литовского в историографии Восточной Европы конца XIX – первой половины XX в. / К. Д. Довматович // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей. – Минск: РИВШ, 2023. – Вып. 23, ч. 1: Исторические науки. – С. 48–56.
3. *Козловская, Н. В.* Шляхта в системе представительных институтов Великого Княжества Литовского XV–XVI вв.: историографический обзор / Н. В. Козловская // Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей / редкол.: В. А. Гайсёнок (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2022. – Вып. 22, ч. 1. – С. 210–222.

4. *Любавский, М. К.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М. К. Любавский. – Москва: Московский Университет, 1900. – 1160 с.

5. *Максимейко, Н. А.* Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н. А. Максимейко. – Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1902. – 205 с.

6. *Czermak, W.* Parlamentaryzm litewski przed unią lubelską / Wiktor Czermak // Sprawozdania z czynności posiedzeń Akademii Umiejętności w Krakowie. – T. VI. – Nr. 8. – 1901. – S. 10–16.

7. *Halecki, O.* O początkach parlamentaryzmu litewskiego / Oskar Halecki // Sprawozdania z czynności posiedzeń Akademii Umiejętności w Krakowie. – Tom XX. – Nr. 8. – 1915. – S. 22–27.

8. *Kiaupienė, J.* Sejm Wielkiego Księstwa Litewskiego w procesie modernizacji państwa (do roku 1569) / Jūratė Kiaupienė // Sejm Królestwa Polskiego i Rzeczypospolitej obojga narodów a europejskie reprezentacje stanowe. – Warszawa: Wadawnictwo Sejmowe, 2019. – S. 82–92.

9. *Korczak, L.* Początki litewskiego parlamentaryzmu na tle porównawczym / L. Korczak // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы міжнар. навук. канф. (Мінск – Наваградак, 23–24 ліст. 2007 г.). – Мінск: БІП-С Плюс, 2008. – С. 27–40.

10. *Kosman, M.* Parlamentaryzm Wielkiego Księstwa Litewskiego w świetle najnowszych badań / M. Kosman // Zapiski Historyczne. – Toruń, 2005. – T. LXX Z. 4. – S. 91–108.

11. *Petrauskas, R.* Lietuvos didžiosios kunigaikštystės seimo ištakos: didžiojo kunigaikščio taryba ir bajorų suvažiavimai XIV–XV a. / R. Petrauskas // Parlamento studijos. – Vilnius, 2005. – Nr. 3. – P. 9–32.

12. *Rachuba, A.* Parliamentarism of the Grand Duchy of Lithuania, the Fourteenth–Eighteenth Centuries / A. Rachuba // The Sejm Review. – Warszawa, 2021. – № 6 (167). – P. 43–83.

13. *Kamieniecki, W.* Chorążowie w parlamentaryzmie litewskim przed unią lubelską / W. Kamieniecki // Antemurale. – Roma: Institutum Historicum Polonicum Romae via Degli Scipioni, 1965. – T. 9. – S. 165–203.

14. *Лойка, П. А.* Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. / П. А. Лойка. – Мінск: БДУ, 2002. – 98 с.

15. *Падалінскі, У. А.* Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай / У. А. Падалінскі; навук. рэд. А. А. Радаман. – Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017. – 240 с.

16. *Падалінскі, У.* Вобраз соймавага пасла ў мове палітычнага дыскурсу Вялікага Княства Літоўскага (другая палова XVI – пачатак XVII ст.) / У. Падалінскі // Беларускі гістарычны агляд, 2023. – С. 3–24.

17. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах: у 4 т. / Акадэмія навук БССР, Інстытут гісторыі. – Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1936–1954. – Т. 1: IX–XVIII ст. / В. К. Шчарбакоў, К. І. Кернажыцкі і Д. І. Даў-
гяла. – 678 с.

18. *Даўматовіч, К. Дз.* «И с всим поспольством согадавши, урядили есмо так»: да пытання генезіса сойма Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XIV–XV стст. / К. Дз. Даўматовіч // Лістападаўскія сустрэчы – XV: матэрыялы міжнар. навук. выклад.-студэнц. канф. у гонар акад. М. М. Нікольскага і У. М. Перцава, Мінск, 15 ліст. 2023 г. – Мінск: БДУ, 2024. – С. 216–223.

19. Акты, относящиеся к истории Западной России: в 5 т. / Арх. комиссия, И. Григорович. – Санкт-Петербург: тип. II отделения Е. И. В. Канцелярии, 1846–1853. – Т. 1. – 1848. – 428 с.

20. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. КМФ-18. Оп. 1. Д. 5. – Во имя Божее; как господар Его Милость Великий князь Александр сел на великом княжени Литовском Августа 1 дня, индикт 10, росказывалмя Его Милость листы судовыи и данину свою писати писарю своему Федку Янушковичу, и я што от того часу листов написал аж тыми разы, в тые книги новым вписываю.

21. Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1 / подготовил М. Довнар-Запольский. – Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1897. – 569 с.

22. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. КМФ-18. Оп. 1. Д. 7. – Книга справ поселских, так теж данин и инших листов поточных за панованья Короля его милости Жикгимонта Старога.

23. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого Княжества Литовского / И. А. Малиновский. – Томск: Паровая тип. П. И. Макушина, 1901. – 508 с.

24. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. КМФ-18. Оп. 1. Д. 15. – Метрика Короля Его Милости Жикгимонта справ судовых, уфалы земские, поселство разные и некоторые данины / от року 1528 до року 1534 (1538) / Переписана, зреестрована и знову интроликована за росказанем пана Лва Сапеги канцлера ВКЛ, за справованя в там час метрыкою от меня Александра Корвина Кгосевского, писара канцлера року 1597.

25. Русская историческая библиотека: в XXXIX томах / Археографическая комиссия; И. Лаппо. – Юрьев: типография К. Маттисена, 1872–1927. – Т. XXX. – 1914. – 896 с.

26. Lietuvos Metrika. Knyga 37 (1552–1561); Užrašymų knyga 37 / Darius Baronas. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. – 632 p.

27. Российская государственная библиотека (РГБ). Отдел рукописей. Каталог документов созданных до 1831. Каталог архивных и рукописных документов. – ОР Ф.256 № 412. – Статут Литовский второй (Волинский)

1566 г.: [Рукопись]. – URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004323112?page=1&rotate=0&theme=black> (дата обращения: 19.11.2023).

28. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Саголін, Я. А. Юхо. – Мінск: Тэсей, 2003. – 352 с.

29. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. КМФ-5. Оп. 6. Д. 110. – Ліст Жыгімонта Аўгуста да Юрыя Зяновіча.

30. *Jaworski, R. Nieznana korespondencja króla Zygmunta Augusta z Mikołajem Radziwiłłem Rudym i Ostafim Wołowiczem z lat 1550–1571 ze zbiorów Biblioteki Czartoryskich / Rafał Jaworski // Studia Źródłoznawcze, 2003. – Т. 41. – S. 91–108.*

31. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. КМФ-5. Оп. 6. Д. 112. – Ліст Жыгімонта Аўгуста да Мікалая Крыштофа Радзівіла аб скліканні вальнага сейму ў Гродна.

32. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. КМФ-5. Оп. 6. Д. 113. – Ліст Жыгімонта Аўгуста да Юрыя Зяновіча аб скліканні вальнага сейма ў Гродна.

(Дата подачи: 21.02.2025 г.)

Л. А. Довнар

Белорусский национальный технический университет, Минск

L. A. Dovnar

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 94:621.941(476)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТОКАРНОГО ДЕЛА В БЕЛАРУСИ

THE HISTORY OF TURNING IN BELARUS

В данной статье рассмотрены основные этапы становления и развития токарного дела, изучено техническое совершенствование токарного станка. Особое внимание уделено истории токарного дела на белорусских землях.

Ключевые слова: станкостроение; токарный станок; станина; передняя бабка; задняя бабка; суппорт; маховик; коробка подач.

This article explores the main stages in the formation and development of turning and examines the technical improvements of the lathe. It also pays special attention to the history of turning on Belarusian lands.

Keywords: machine tool building; lathe; bed; headstock; tailstock; caliper; flywheel; feed box.

Возможность получения гладких поверхностей с помощью вращательного движения изделия или инструмента стала известна человеку в весьма отдаленную эпоху. Уже добывание огня трением показало возможность получения тел вращения и отверстия аналогичной формы [1, с. 15]. Неуди-

вительно, что станкостроение началось именно с токарного станка. Тем не менее, историография, посвященная возникновению и совершенствованию этого технического устройства не столь уж обширна. Зарубежные историки станкостроения процесс развития токарного дела связывали главным образом с личными качествами и опытом отдельных мастеров, которые, запатентовав свое изобретение и заручившись поддержкой лиц, искавших выгодного применения своему капиталу, открывали собственные предприятия. Российские историки отдавали должное экономическим условиям, от которых, по их мнению, и зависел прогресс отрасли, концентрируясь на достижениях русских мастеров токарного дела. По вопросу развития станкостроения в Беларуси фундаментальных исследований не проводилось. Разве что И. Сергель в первом томе своего труда, посвященного токарному делу, кратко рассмотрел историю внедрения и совершенствования токарных станков на белорусских землях. Вклад белорусских инженеров в совершенствование токарного станка отражен в Репозитории БНТУ в разделе «Патенты».

В рамках данной статьи сделан обзор основных этапов становления и развития токарного дела, выявлено, когда и как появлялись и совершенствовались главные структурные элементы токарного станка: основание, станина, передняя бабка, задняя бабка и суппорт. Особое внимание уделено истории токарного дела на белорусских землях.

Большинство историков называют первыми токарными станками приспособления, которые использовались еще в Древнем Египте [2, с. 18]. Ф. Н. Загорский считает токарное дело еще более древним, относя его начало к верхнему палеолиту [3, с. 24]. В любом случае, старинный токарный станок был устроен крайне примитивно. Вращение заготовки осуществлялось веревкой, конец которой был привязан к пружинящей ветке или луку. Посередине веревка обвивала заготовку, а ее нижний конец заканчивался петлей. В эту петлю человек вставлял ногу или руку, в зависимости от величины станка, и нажимая, а затем отпуская приводил заготовку во вращательное движение [3, с. 38]. Сама деталь вращалась то по часовой стрелке, то против, а мастер мог вести обработку только при одностороннем вращении. Много столетий понадобилось для того, чтобы был совершен переход к следующему этапу станкостроения. Это произошло в начале XIV в., когда у токарного станка впервые появились основание, в виде деревянной скамейки, и станина, на которой находились два центра вращения, соединенные брусом, служившим опорой для резца. Это избавляло токаря от необходимости держать резец на весу.

Э. Коновер вообще отказался именовать эти примитивные устройства станками, называя их токарными инструментами [4, с. 47]. Он считал первыми токарными станками те, у которых левый рычаг был оснащен вращающимся, или находящимся под напряжением, шпинделем, а правый рычаг получил втягивающий шпиндель. Иначе говоря, токарным он предлагает

называть тот станок, у которого появились передняя и задняя бабки [4, с. 56]. Это произошло в конце XV в.

В токарных станках раннего Средневековья токарь сам должен был приводить заготовку в движение. Ликвидировать данный недостаток получилось только в начале XVI в., когда был отделен привод от станка и появились станки с маховиками [5, с. 12]. Первоначально для приведения станка в движение нужен был отдельный человек, вращавший колесо. Затем, с помощью шкива, можно было вращать деталь, используя энергию падающей воды или ветра. Такие устройства нашли применение для изготовления круглых деревянных пыжей для артиллерийских зарядов.

Традиционно резец держал в руках сам токарь, что было небезопасно и отрицательно сказывалось на качестве обработки. В 1565 г. Жак Бессон в своем труде «Театр инструментов» впервые описал держатель для резца – суппорт, который при работе оставался в неподвижном положении, а продольно перемещалась сама вращающаяся заготовка. В токарных станках более позднего времени происходило обратное: вдоль оси заготовки перемещался суппорт [5, с. 23].

Появление первых токарных станков, конструктивно близких к современным, было связано с новыми приборами времени. В XVII в. Р. Гуку пришла в голову идея использовать в часах энергию разжимаемой пружины вместо силы тяжести опускаемых грузов, а маятник заменить на пружинный балансир. Это дало возможность создать морской хронометр и карманные часы, но привело к необходимости производить металлическую пружину с определенными качествами. От ее толщины и физических характеристик зависела точность хода часов. Долгое время это была единственная металлическая деталь деревянного механизма часов. Получить вручную эту деталь было сложно, поэтому и были созданы специальные станки – фузеи. У них станины заменялись одним гладким валом. На нем могли передвигаться передняя и задняя бабки. Фузеи имели суппорты, которые перемещались вдоль вращающейся детали как продольно, так и поперечно, причем поперечная подача обеспечивалась рычажным перемещением резца. Фузеи снабжались сменными шестернями. Примечательно, что каждый часовщик сам изготавливал свою фузею, поэтому двух одинаковых станков этого периода не найти [6, с. 50]. Много таких артефактов имелось на белорусских землях, где часовое дело было хорошо развито. Сохранилась фузея знаменитого мастера из Несвижа Евно Якобсона, создателя механического калькулятора, но хранится она в Эрмитаже, а не в Беларуси. А. Тарасов установил, что на часовой мануфактуре в Дубровно фузеи приводились в движение водяным колесом. Следует отметить, что это белорусское предприятие стало основой часового дела Российской империи. Однако все фузеи имели один и тот же недостаток. Они были специализированными и их использование в ведущих отраслях формировавшейся тогда промышленности было затруднительно.

В XVIII в. многие европейские монархи увлекались токарным делом, самостоятельно создавая высокохудожественные произведения: медальоны, вазы, шкатулки. Не был исключением и первый император России Петр I. Он оборудовал себе мастерскую, которую называл лабораторией. Сюда были приглашены известные мастера: Иоганн Блеер, Ф. Зингер, Г. Запененс. Они создали в 1704 г. токарно-копировальный медальерный станок для копирования рельефов-медальонов. Их приемник А. Нартов обобщил технический опыт своих учителей, предложив идею механизированного суппорта. В 1738 г. в своем труде «Театрум махинарум» подробно характеризует суппорт, называя его «держалкой». Впрочем, описание аналогичной конструкции было в труде Плюмье «Токарное искусство», изданной в 1701 г. Экземпляр данной книги имелся в личной библиотеке Петра I и вероятность знакомства А. Нартова с ней весьма высока [5, с. 26]. Зарубежные авторы всегда игнорировали очевидный вклад А. Нартова в развитие токарного дела, считая изобретателем механического суппорта в токарном станке Жака де Вокансона, который создал его в 1741 г.

Следует отметить, что в XVIII в. усовершенствованные токарные станки не нашли широкого применения, поскольку были разработаны для «токарного искусства» т. е. нанесения декоративных узоров. Большинство работ по нарезанию резьбы и сверлению выполнялись слесарями вручную. Преобразование токарного дела произошло в эпоху промышленного переворота. Многие склонны объяснять это талантом Г. Монсли, создавшего крестцовый суппорт, хотя некоторые историки находят аналогичные идеи у К. Гаскойна, Г. Рейхенбаха, а также у И. Кулибина в более раннее время. Тем не менее, только Г. Монсли оставил материальные доказательства своего инженерного творчества, не ограничившись только теоретическими разработками. Его путь, полный проб и ошибок, осветил в своей монографии Ф. И. Загорский. С 1794 г. по 1800 г. Монсли создал восемнадцать моделей станков, пока в 1801 г. не воплотил все свои удачные идеи в шедевр – токарный станок со знаменитым крестцовым суппортом, конструкция которого дошла до нашего времени и почти не изменилась. Продольное перемещение суппорта происходило за счет скольжения его каретки по направляющим станины, а поперечное перемещение обеспечивали поперечные салазки. Специальные поворотные салазки позволяли поворачивать суппорт под любым углом. На салазках был установлен четырехпозиционный резцедержатель, что позволяло размещать до четырех инструментов одновременно. Резцедержатель мог поворачиваться вокруг своей оси благодаря вращательному движению рукоятки. Нижняя часть суппорта, где располагались рычаги управления подачами, была названа Г. Монсли «фартук». Через фартук насквозь проходили ходовые винт и вал, передавая крутящий момент. Ручная продольная подача происходила при вращении маховика, ручная поперечная подача осуществлялась с помощью т-образной рукоятки, которые рас-

полагаются на фартуке. Точно определить расстояние перемещения салазок можно по лимбам на рукоятках. Преобразование вращательного механизма подачи в поступательное движение суппорта осуществлялось благодаря ременной передаче на продольном направлении его движения и винтовой передаче на поперечном направлении движения. Именно станок с крестцовым суппортом позволил Дж. Уатту изготовить качественный золотник для своего знаменитого парового двигателя с горизонтальным поршнем, который использовался почти во всех транспортных средствах «века пара».

Дальнейшее совершенствование токарного станка российские историки связывают с крепостным мастером Е. А. Черепановым, а зарубежные – с именами учеников Г. Монсли – Р. Робертсом и Д. Клементом, которые документально запатентовали свои изобретения.

Р. Робертс улучшил станок тем, расположил ходовой винт перед станиной. Для надежного крепления заготовки на шпинделе передней бабки, им был разработан установочный фланец и коническое устройство для установки зажимных приспособлений. Отверстие в шпинделе он сделал сквозным, что позволило помещать внутрь прутковые материалы. Р. Робертс усовершенствовал также механизм «гитара», с помощью которого от шпинделя на коробку подач передавалось вращение. Коробка подач, в свою очередь, служила для передачи крутящего момента от механизма гитары к ходовым винту и валу с возможностью организованного изменения частот их вращения. Заслугой Д. Клемента является создание фрикционной муфты, которая позволила управлять поворотом шпинделя без остановок и реверса главного двигателя.

В конце XIX – начале XX в. главным экспортером токарных станков стали США, что было связано с ростом производства оружия. Именно в США начали впервые применять электродвигатели в токарных станках, но самым ценным результатом американского станкостроения принято считать револьверный токарный станок. Он был запатентован С. Фитчем в 1845 г. У этого станка суппорт имел круглую головку, на которой размещались шесть хвостовиков различного размера, куда можно было установить режущий инструмент. Поворачивая головку с помощью специальной шестерни, мастер мог быстро переключать операции. Станок приводился в движение через шкивы, соединенные длинным ремнем с линейным валом, который проходил под потолком цеха. В общей сложности, на револьверном станке можно последовательно проводить 13 операций. У револьверного станка С. Фитча скорость работы регулировалась только перекидыванием приводного ремня на шкиве. Соединение ведущего вала и ходового винта осуществлялось с помощью червячной передачи. Кроме того, у станка С. Фитча был штурвал для перемещения суппорта – кабестан, включавший четыре рычага. Рукоятки кабестана при движении на себя включали продольную подачу суппорта, при нажиме от себя останавливали ее. Благодаря скорости

и разнообразию обработки, револьверный токарный станок получил широкое распространение не только в оружейной промышленности.

Появление модернизированных токарных станков по металлу на белорусских землях произошло в последней трети XIX в. Именно с обработкой железа и началась здесь промышленная революция, когда количество механических и металлообрабатывающих предприятий, оборудованных токарными станками, увеличилась в 13 раз. Их оборот значительно возрос в Первую мировую войну благодаря выполнению заказов армии и железной дороги [6, с. 14]. Белорусские машиностроительные заводы покупали токарные станки у братьев Гейслер, предприятие которых располагалось в Варшаве [7, с. 37]. После прихода к власти большевиков была проведена национализация частных предприятий. Это отрицательно сказалось на их производительности. В период НЭПа политика изменилась. Осуществлялась возвращение предприятий бывшим владельцам или передача пустующих заводов в долгосрочную аренду. В 1926 г. владельцы минского машиностроительного предприятия «Энергия» Г. Поляк, М. Дорский и И. Семенюк изготовили первый токарный станок в Беларуси [6, с. 15]. Известно, что для станины они использовали железнодорожные рельсы, а также детали от сломанных станков. Тем не менее, модель станка оказалась весьма удачной и в следующем году предприниматели начали серийное производство аналогичных станков. В 1931 г. этот завод «Энергия» был вновь национализирован. В 1934 г. в БССР работало 5 станкостроительных предприятий, выпускавших 10,2 % всех токарных станков СССР.

В 1952 г. БССР превзошла довоенный уровень выпуска токарных станков почти в два раза. Во многом это произошло благодаря трофейному оборудованию и технологиям, вывезенным из Германии. В этом же году, в США, Р. Кеггом была запатентована технология числового программного управления для станков токарного типа. В БССР развитием этой идеи занимались на Гомельском станкостроительном заводе.

Белорусские изобретатели разработали множество нововведений по улучшению токарной обработки. Свое ноу-хау в совершенствовании суппорта предложили и Э. Я. Ивашин, В. А. Карпушин, Л. Д. Ковалев и В. П. Петрашевич. В 1985 г. они запатентовали вибросуппорт. Он позволял повысить надежность дробления стружки путем создания гидроудара. Для этого в корпусе вибросуппорта была сделана камера, заполненная жидкостью, в которой размещен эксцентрик [8, с. 1]. По корню токарной стружки можно было определить физические параметры процесса резания. Поэтому весьма актуальным было созданное И. И. Дьяковым В. М. Куцером и Э. Фельдштейном устройства к токарному станку для получения корня стружки [9, с. 1]. В 1993 г. И. И. Дьяков, Ю. Н. Кислое и С. И. Миткевич разработали устройство для получения оребрения на внутренней цилиндрической поверхности на токарном станке [10, с. 1]. Все эти изобретения были

успешно внедрены на станкостроительных заводах БССР, 30 % продукции которых экспортировалось в 56 стран мира. Некоторый спад станкостроения наступил после распада СССР, но с 2002 г. можно говорить о постепенном восстановлении производства.

Таким образом, созданию первого токарного станка предшествовало многовековое накопление человеческим обществом производственного и технического опыта, навыков и экспериментов, в результате которых постепенно появлялись и совершенствовались отдельные конструктивные элементы будущего станка. Большинство историков выделяют следующие этапы развития токарного дела: период лучковых токарных станков (1300 до н. э. – XIII в.); станки с маховиками, шпинделями для передней бабки и поддержками для резца (XIV–XVII вв.); станки с механизированным суппортом и паровым двигателем (XVIII–XIX вв.); станки с электродвигателем и числовым программным управлением (XX – начало XXI в.). Совершенствованию токарного станкостроения содействовало часовое дело и производство оружия. Самым спорным в историографии станкостроения можно считать вопрос авторства на изобретение того или иного элемента токарного станка. Анализ источников показывает, что белорусские имена в данной области появились во второй половине XX в., причем это были сотрудники Белорусского политехнического института.

Список использованных источников

1. *Айзенштадт, Л. А.* Очерки по истории станкостроения СССР / Л. А. Айзенштадт, С. А. Чихачев. – Москва: Гос. науч.-техн. Изд. машиностроит. лит., 1957 – 527 с.
2. *Грацианский, Н.* История машиностроения / Н. Грацианский. – Москва, 1934. – 224 с.
3. *Загорский, Ф. Н.* Очерки по истории металлорежущих станков до середины XIX века / Ф. Н. Загорский. – Москва – Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР [Ленингр. отд-ние], 1960. – 282 с.
4. *Коновер, Э.* Токарный станок / Э. Коновер. – Ульяновск: УлГТУ, 2002. – 188 с.
5. *Никитенко, В. М.* История машиностроения: текст лекций: учеб. пособие / В. М. Никитенко, Ю. А. Курганова. – Ульяновск: УлГТУ, 2013. – 55 с.
6. *Сергель, Н. Н.* Металлорежущие станки / Н. Н. Сергель. – Барановичи: БарГУ, 2008. – 231 с.
7. *Федченко, В.* Размышления над историей станкостроения, российско-го, и не только / В. Федченко. – Москва: LAP, 2014. – 64 с.
8. Вибросуппорт: пат. ВУ1065090 А / Э. Я. Ивашин, В. А. Карпушин, Л. Д. Ковалев, В. П. Петрашевич. – Оpubл. 07.01.84.
9. Устройство к токарному станку для получения корня стружки: пат. ВУ 1144771А / Е. Э. Фельдштейн, И. И. Дьяков, В. М. Куцер. – Оpubл. 15.03.85.

10. Устройство для нарезания ребристых поверхностей теплообменников на токарном станке: пат ВУ 1824253 А1 / И. И. Дьяков, Ю. Н. Кислое, С. И. Миткевич. – Опубл. 30.06.93.

(Дата подачи: 26.02.2025 г.)

А. Г. Дубатовка

Белорусский государственный университет, Минск

G. Dubatouka

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(436):930

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1804–1867 ГГ.)

PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF FOREIGN POLICY OF THE AUSTRIAN EMPIRE (1804–1867)

В данной статье рассматриваются работы российских дореволюционных историков, посвящённые вопросам и проблематике внешней политики Австрийской империи в 1804–1867 гг. Характеризуется становление научного изучения внешнеполитической деятельности Австрии во второй половине XIX – начале XX в. Отмечается ключевая роль Австрийской монархии в формировании и поддержании Венской системы международных отношений. Подчёркивается отсутствие крупных обобщающих трудов по внешней политике Австрийской империи 1804–1867 гг.

Ключевые слова: историография; внешняя политика; история Австрии; Габсбурги; Российская империя.

This article examines the works of pre-revolutionary Russian historians devoted to the issues and problems of the foreign policy of the Austrian Empire in 1804–1867. It characterizes the development of scientific studies of Austria's foreign policy in the second half of the 19th – early 20th centuries. It notes the key role of the Austrian monarchy in the formation and maintenance of the Vienna system of international relations. It emphasizes the absence of major general works on the foreign policy of the Austrian Empire in 1804–1867.

Keywords: historiography; foreign policy; history of Austria; Habsburgs; Russian Empire.

В XIX в. Габсбургская монархия вступила в качестве соперника Франции в рамках Наполеоновских войн 1803–1815 гг. Как известно, в 1804 г. глава Священной Римской империи Франц II был провозглашён императором Австрии Францем I. Данный этап противостояния между двумя странами закончился для Габсбургов поражением, приведшему к потере территорий и роспуску Священной Римской империи германской нации в 1806 г. После 1809 г. Австрия фактически становится зависимым от Франции госу-

дарством. Только поражение Наполеона в России 1812 г. дало возможность ослабленной Австрийской империи вернуть своё положение и влияние. Эффективная дипломатия министра иностранных дел Клеменса фон Меттерниха позволила Австрийской монархии предстать на Венском конгрессе 1814–1815 гг. в роли державы-победительницы, вернувшей утраченные земли и ставшей главенствующей силой в рамках Германского союза, нового объединения германских государств и вольных городов.

В период с 1815 г. по 1867 г. Австрийская империя являлась одним из ключевых субъектов международной политики XIX ст. В рамках принципов Священного союза Австрия стремилась подавить любые национальные движения. Историк С. Ф. Платонов писал, что в Вене это всегда рассматривалось, как «недозволительный бунт подданных против законного государя»¹. Революции 1848–1849 гг. в Европе нанесли существенный удар по этой политике и привели к отставке её идеолога – канцлера Меттерниха. Её конец обозначился с формированием объединённой Италии и исключением Австрии из Германского союза в 60-х гг. XIX в.

Целью данного исследования является анализ дореволюционной российской историографии в отношении внешней политики Австрийской империи 1804–1867 гг. Специальных работ по русскоязычной историографии внешнеполитического положения Габсбургской монархии соответствующего периода на данный момент нет в современной исторической науке.

Участие России в войне 1805 г. и австро-русские отношения в целом в начале XIX ст. отображены в работе С. М. Соловьёва «Император Александр Первый: Политика – дипломатия» [1]. Он писал о том, что к 1804 г. Австрия «чувствовала себя в осадном положении от Франции, которая стояла у её ворот – и в Германии, и в Италии» [1, с. 41]. Эти причины обусловили стремительное сближение австрийцев с Российской империей. Обзор событий, приведших к поражению Габсбургов в 1809 г. представлен в книге Н. Н. Сухотина «Наполеон. Австро-французская война 1809 г.» [2]. Тематике событий 1813 и 1814 гг. посвящены две двухтомные работы российского военного историка М. И. Богдановича [3; 4].

Отдельно следует остановиться на личности Клеменса фон Меттерниха (1773–1859), так как его фигура в течение нескольких десятилетий во многом определяла внешнюю политику Австрийской империи. Первые биографии этого политического деятеля были написаны литературным критиком Д. И. Писаревым и публицистом Х. Г. Инсаровым². Д. И. Писарев отмечал австрийского канцлера как человека мелочного и близорукого в политике.

¹ Платонов, С. Ф. Единый учебник истории России с древних времен до 1917 года / С. Ф. Платонов. – Санкт-Петербург: Питер, 2015. – С. 361.

² Писарев, Д. И. Меттерних // Сочинения Д. И. Писарева: полное собрание в 6 т. – Санкт-Петербург: Ф. Ф. Павленков, 1894. – Т. 1, 1894. – С. 561–636.; Инсаров Х. Г. Князь Меттерних, его жизнь и политическая деятельность // Жизнь замечательных людей. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 121 с.

Х. Г. Инсаров в своей работе отмечал сильные качества этого человека, его незаурядность и изворотливость. Подробная характеристика Меттерниха даётся А. Д. Градовским. Он пишет о роли австрийского дипломата в европейской политике: «С 1815 года он делается главной опорой системы, установленной венскими трактатами, и руководит её применением во всех частях европейского материка»¹.

К этой теме обратился известный консервативный философ Н. Я. Данилевский (1822–1885). Он был убеждён, что «Меттерних понимал и дух времени, и силу идей; ибо без этого понимания своего врага не мог бы он так долго и так успешно с ним бороться» [5, с. 369]. Н. Я. Данилевский отмечал, что «при видимом преобладании России, главной победительницы Наполеона, дом Габсбургов под опекою Меттерниха достиг такого политического влияния, какое едва ли он имел во дни Карла V» [5, с. 370].

Событиям «весны народов» 1848–1849 гг. в Австрийской империи посвящена книга М. И. Богдановича «Описание походов графа Радецкого в Италии 1848 и 1849 годов» [6]. Историк определял следующую причину революционных выступлений в итальянских владениях Австрии: «События, произошедшие во Франции, в феврале 1848 г., и неосторожные преобразования в государственном управлении, предпринятые, ещё в предшествующем году, в Папских владениях и в королевстве Сардинском, имели следствием восстание в Ломбардо-Венецианских городах Австрийской империи...» [6, с. 2–3].

Одной из первых русских работ по событиям венгерского восстания в Австрии является книга И. И. Ореуса «Описание Венгерской войны 1849 года» [7]. Историк обращал внимание на сложное положение венского кабинета в то время: «Не только усмирением бунтующих городов пришлось ему заниматься, но выносить на своих плечах тяжесть двойной войны с Италией и Венгрией» [7, с. 3]. Автор чётко выделял важность поддержки Россией Австрии: «Трудно сказать, что случилось бы с державой Габсбургов, если бы не явилось ей на помощь русское правительство» [7, с. 3]. Подробное описание подавления венгерской революции войсками Российской империи в 1849 г. отображено в работе П. В. Алабина «Венгерская война 1849 г.» [8]. Он отмечает необходимость для Петербурга «обеспечить неприкосновенность Австрийской империи, умиротворив Венгрию, где сосредотачивались все элементы всемирной революции» [8, с. 7].

Свою оценку вышеприведённым событиям дал известный российский дореволюционный историк Н. И. Кареев (1850–1931). Учёный отмечал стремление российского императора Николая I сохранить существующую систему международных отношений: «Он сразу встал на сторону Австрии, которая из всех держав наиболее была заинтересована сохранением в не-

¹ Градовский А. Д. Система Меттерниха / А. Д. Градовский // Собрание сочинений А. Д. Градовского: Т. 1–9. – Санкт-Петербург, 1899–1908. – Т. III, 1899. – С. 546.

прикосновенности трактатов 1815 г. и в Германии, и в Италии» [9, с. 590]. Историк писал о неспособности Вены самой справиться с этой ситуацией: «Лишь при помощи императора Николая I справилась Австрия с венгерской революцией» [9, с. 625]. Выгодой от помощи России, по словам Н. И. Кареева, сполна воспользовалась Австрийская империя, которая «и в Германии, и в Италии мешала национальному объединению, пользуясь сочувствием и поддержкой России» [9, с. 591].

В 1888 г. была опубликована фундаментальная работа в двух томах Я. Н. Бутковского, посвящённая политике Габсбургов в отношении Балкан и Османской империи в XVIII–XIX вв. [10]. Автор отмечал, что «желание Австрии расширяться на юг, вдоль берегов Адриатики, было равносильно стремлению ей овладеть всем нижним течением Дуная, а так как эта великая водная артерия грозила перейти в русские руки, то на противодействии этому событию и основалась главнейшим образом вся восточная политика Австрии» [10, с. 177–178].

Довольно болезненной темой для Российской империи XIX ст. стали события Крымской войны 1853–1856 гг., обусловившие появление многочисленной литературы по этой теме. Многие проблемные вопросы этого конфликта освящены в работах П. В. Безобразова [11], А. Н. Петрова [12] и М. И. Богдановича [13]. П. В. Безобразов говорил о пересечении интересов великих держав на Балканах, которое позволило Османской империи удерживать свои европейские владения: «Соперничество между европейскими державами не позволяло им объединиться для общей борьбы с магометанами и раздоры западных народов спасали Стамбул» [11, с. 1]. А. Н. Петров задался вопросом о роли Австрии как друга или врага России в этом конфликте. Историк писал, что «мы жертвовали для неё нашими стратегическими выгодами» [12, с. 2], а Австрийская империя «играла роль Дамоклова меча, висевшего на волоске над нашей головой, для того чтобы никогда не упасть на неё» [12, с. 3]. Он же выделял стремление Вены за счёт двух сторон конфликта реализовать собственные интересы на Балканах: «Держа нас постоянно в таком напряжённом состоянии, она, тем самым, без всякого риска, надеялась получить значительные для себя выгоды, от нас ли или от наших противников» [12, с. 3]. М. И. Богданович, рассматривая процесс мирного урегулирования Крымской войны, подчеркнул позицию Австрийской монархии: «...австрийские уполномоченные, отказавшись от самостоятельности мнений, настойчиво поддерживали требования Западных держав» [13, с. 413].

Отдельные аспекты рассматриваемой темы получили отражение в трудах российских историков С. С. Татищева [14] и Г. Е. Афанасьева [15]. Они охарактеризовали международное положение Австрийской империи в 50–60-х гг. и отметили последствия её политики в ходе Крымской войны. Австро-пруско-датская война 1864 г. впервые рассматривается в работах

«Война за Шлезвиг-Гольштейн 1864 года» и «Война 1864 года в Дании» В. Н. Чудовского [16] и М. О. Блома [17] соответственно. В. Н. Чудовский характеризовал Австрию и Пруссию в этом конфликте следующим образом: «нападение двух великих держав на маленькую Данию, произведённое под видом защиты трактатов и угнетённой национальности, но за которыми скрывались своекорыстные цели» [16, с. 1]. М. О. Блом объяснял участие в войне Австрии «борьбой за преобладание в Германском союзе, которую она вела с Пруссией; она не могла позволить Пруссии одной разрешить столь популярный в Германии шлезвиг-гольштейнский вопрос» [17, с. 1].

Поворотным моментом для Австрии стала война с Пруссией 1866 г., приведшая к исключению Габсбургов из Германского союза и формированию Австро-Венгрии. Уже в следующем году в России выходит работа М. И. Драгомирова «Очерки австро-прусской войны в 1866 г.» [18], впервые рассматривающая данный конфликт. Он утверждал, что причины противостояния между Пруссией и Австрией начались задолго до 1866 г., а «первый сигнал к ней подал Фридрих Великий, который отхватил Силезию под предлогом прав, выведенных при помощи натяжек» [18, с. 3]. Основные причины поражения австрийской армии в ключевых сражениях 1859 и 1866 гг. перечислены в очерках М. И. Драгомирова [19] и Я. Б. Преженцова [20]. М. И. Драгомиров отмечал, что одной из главных причин неудач австрийской армии являлось «убеждение, будто можно заменить самостоятельность ума и воли совершенством выучки» [19, с. 88]. Я. Б. Преженцов писал о Кёниггрецком сражении 1866 г. следующее: «...Было мало шансов у австрийцев одержать успех над победоносными и сильными духом предыдущих удач прусскими войсками» [20, с. 6].

Тем не менее в целом число работ, связанных с внешней политикой Австрийской империи 1804–1867 гг., было относительно небольшим. Историк П. П. Митрофанов отмечал, что «в то время как все остальные великие державы дождались своих историографов, Австрия редко удостоивается чьего-нибудь милостивого внимания, её задевают лишь попутно, кстати»¹. Немаловажное влияние на проблему изучения внешней политики Австрийской империи 1804–1867 гг. историками Российской империи оказал антагонизм в отношениях между двумя государствами после окончания Крымской войны. М. П. Погодин охарактеризовал своё отношение к этой стране в журнале «Русская беседа» так: «С австрийцами можно кончить дело с бою, то есть смертью, нет для нас врага столь лютого, как Австрия» [21, с. 109]. Для Австрии стали отводить роль двоедушного и коварного врага, стремящегося помешать главной цели Российской империи – освобождению и объеди-

¹ Митрофанов, П. П. Австрийская историография и книга проф. Вертгеймера о графе Андраши / П. П. Митрофанов // Журнал министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург: тип. Императорской Академии Наук, 1913. – Ч. XLXI. – № 8. – С. 343.

нению славянских народов¹. В публицистике высказывалась идея о неестественности и неправильности этого государства. Значительное ужесточение оценки внешнеполитической деятельности этого государства в XIX в. произошло после начала Первой Мировой войны и участия Австро-Венгрии в ней на стороне Германии. Российский историк И. М. Катаев довольно коротко выразил мнение общества о Дунайской монархии: «...Предательство во внешней политике, жёсткость во внутренней» [22, с. 7].

Сотрудничество Австрии и России в Наполеоновских войнах и близкие отношения между странами в рамках Священного союза обусловили повышенный интерес общества и историков Российской империи к Дунайской монархии. Начиная со второй половины XIX ст. резко увеличивается количество исторических работ по внешнеполитической деятельности Австрийской империи. Историки М. И. Богданович, И. И. Ореус, Н. И. Кареев, А. Н. Петров, В. Н. Чудовский, М. И. Драгомиров занимались изучением ключевых событий внешней политики Австрийской монархии. Наибольший интерес для исследователей представляли такие темы как Наполеоновские войны [2–4], австро-русские взаимоотношения и дипломатия [1; 14; 15], сотрудничество в рамках Священного союза [7–9], восточная политика в отношении Балкан [10–13], австро-прусское противостояние в Германии [16–18].

Российские историки Н. И. Кареев, А. Н. Петров и Я. Н. Бутковский сходились во мнении, что в рамках союзных отношений между Австрией и Россией очень часто преобладали интересы первой, а венский кабинет постоянно использовал своего союзника для продвижения своих внешнеполитических целей. Так продолжалось до середины XIX в., когда Россия стала преградой для реализации Веней своих амбиций на Балканах, что заметно охладило отношения между странами во время Крымской войны. После потери своего основного союзника Австрийская монархия оказалась в дипломатической изоляции в 60-х гг. XIX в. Последовавшая австро-прусская война 1866 г. повлекла за собой конец доминированию Австрийской империи на территории немецких земель и привела к значительным уступкам венграм, оформленным созданием в 1867 г. дуалистической монархии – Австро-Венгрии.

В целом же следует отметить отсутствие крупных обобщающих работ по внешней политике Австрии в российской дореволюционной историографии. Рассмотрение внешнеполитического положения Австрийской империи 1804–1867 гг. происходило в рамках фундаментальных исследований по истории дипломатии, международных отношений или истории отдельных стран. Важным фактором стало ухудшение отношений между Веней и Петербургом после Крымской войны, переросшее вскоре в открытое соперничество стран на Балканах. Переход австрийцев на сторону противни-

¹ *Володимиров, В. М.* Неославизм и австрославянство / В. М. Володимиров. – Санкт-Петербург: тип. газ. «Бирж. вед.», 1909. – 15 с.

ков Российской империи, Англии и Франции, во время Крымской войны существенно отразился на становлении негативного образа Дунайской монархии в русском обществе, что косвенно повлияло и на изучении данной темы российскими историками того времени.

Список использованных источников

1. *Соловьев, С. М.* Император Александр Первый: Политика – дипломатия / С. М. Соловьёв. – Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1877. – 563 с.

2. *Сухотин, Н. Н.* Наполеон. Австро-Французская война 1809 г.: лекции по ист. воен. искусства, читанные в Николаевской Акад. Генер. Штаба / Н. Н. Сухотин. – Санкт-Петербург: склад издания у В. А. Березовского, 1885. – 222 с.

3. *Богданович, М. И.* История войны 1813 года за независимость Германии: в 2 т. / М. И. Богданович. – Санкт-Петербург: тип. Штаба военно-учебных заведений, 1863. – Т. 2.

4. *Богданович, М. И.* История войны 1814 года во Франции и низложение Наполеона I, по достоверным источникам / М. И. Богданович. – Санкт-Петербург: тип. В. Спиридонова, 1865. – Т. 2.

5. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – Санкт-Петербург: товарищество «Общественная польза», 1871. – 542 с.

6. *Богданович, М. И.* Описание походов графа Радецкого в Италии 1848 и 1849 годов / М. И. Богданович. – Санкт-Петербург: тип. Штаба военно-учебных заведений, 1849. – 55 с.

7. *Ореус, И. И.* Описание Венгерской войны 1849 года / И. И. Ореус. – Санкт-Петербург: тип. и хромофотография А. Траншеля, 1880. – 546 с.

8. *Алабин, П. В.* Четыре войны: походные записки в 1849, 1853, 1854–1856, 1877–1878 гг.: в 3 т. / П. В. Алабин. – Самара: типография И. П. Новикова, 1888–1892. – Ч. 1–2: Венгерская война 1849 г. – 1888. – 332 с.

9. *Кареев, Н. И.* История Западной Европы в Новое время: в 7 т. / Н. И. Кареев. – Санкт-Петербург: типография И. А. Ефрона, 1892–1917. – Т. V: XIX век. – Средние десятилетия – От июльской революции до падения Второй Империи (1830–1870 гг.). – 1898. – 890 с.

10. *Бутковский, Я. Н.* Сто лет австрийской политики в восточном вопросе: в 2 т. / Я. Н. Бутковский. – Санкт-Петербург: изд. товарищество Г. Ханковский и К°, 1888. – Т. 2. – 188 с.

11. *Безобразов, П. В.* Раздел Турции / П. В. Безобразов. – Петроград: тип. В. Ф. Киршбаума, 1917. – 77 с.

12. *Петров, А. Н.* Война России с Турцией / Дунайская кампания 1853 и 1854 гг.: в 2 т. / А. Н. Петров. – Санкт-Петербург: Военная типография, 1890. – Т. I: 1853 год. – 1890. – 188 с.

13. *Богданович, М. И.* Восточная война 1853–1856 гг.: в 4 т. / М. И. Богданович. – Санкт-Петербург: типография Ф. Сушинского, 1876. – Т. I. – 1876. – 333 с.
14. *Татищев, С. С.* История российской дипломатии / С. С. Татищев. – Москва: Эксмо, 2010. – 604 с.
15. *Афанасьев, Г. Е.* Внешняя политика Наполеона III / Г. Е. Афанасьев. – Одесса: типография В. Кирхнера, 1885. – 62 с.
16. *Чудовский, В. Н.* Война за Шлезвиг-Гольштейн 1864 года / В. Н. Чудовский. – Санкт-Петербург: типография товарищества «Общественная польза», 1866. – 302 с.
17. *Блом, М. О.* Война 1864 года в Дании / М. О. фон Блом. – Санкт-Петербург: Военная типография, 1895. – 485 с.
18. *Драгомиров, М. И.* Очерки австро-прусской войны в 1866 г.: С большим план. Кениггрецкого поля сражения / М. И. Драгомиров. – Санкт-Петербург: тип. Департамента уделов, 1867. – 242 с.
19. *Драгомиров, М. И.* Сольферинская битва (с двумя планами) / М. И. Драгомиров. – Санкт-Петербург: типография Н. Тиблена и компании, 1861. – 93 с.
20. *Преженцов, Я. Б.* Кениггрецкое сражение 3 июля 1866 года / Я. Б. Преженцов. – Санкт-Петербург: типография Тренке и Фюсно, 1888. – 39 с.
21. *Погодин, М. П.* Австрия / М. П. Погодин // Русская беседа. – Санкт-Петербург: типография Александра Семена, 1859. – Книга IV. – 576 с.
22. *Катаев, И. М.* Россия и Австрия / И. М. Катаев. – Москва: товарищество И. Н. Кушнерев и К°, 1914. – 48 с.

(Дата подачи: 26.02.2025 г.)

Е. В. Елисеенко

Республиканский институт высшей школы, Минск

K. V. Yeliseyenko

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 614.2:618.4-089.5(091)(476)

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ОБЕЗБОЛИВАНИЯ
И УСКОРЕНИЯ РОДОВ КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ
ОХРАНЫ РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ
ЖЕНЩИНЫ В БССР 1930-Х ГГ.**

**THE USE OF METHODS OF ANESTHESIA
AND ACCELERATION OF CHILDBIRTH AS ONE
OF THE TASKS OF PROTECTING WOMEN'S
REPRODUCTIVE HEALTH IN THE BSSR OF THE 1930s.**

Статья посвящена малоизученной в отечественной науке проблеме истории применения обезболивания и ускорения родов в БССР в середине 1930-х гг. Автор, опираясь на публикации учёных и врачей-практиков рассматриваемого периода, показывает различные модели квалифицированного обезболивания и ускорения родов, которые применялись советской медициной, приводит малоизвестные факты из биографии учёного и врача И. С. Легенченко, связанные его профессиональной деятельностью в г. Могилеве.

Ключевые слова: репродуктивное здоровье женщин; история медицины; обезболивание и ускорение родов; материнство и младенчество.

The article is devoted to the little-studied problem in science of the history of the use of anesthesia and acceleration of labor in the BSSR in the mid-1930s. The author, based on publications by scientists and practitioners of the period under review, shows various models of qualified anesthesia and acceleration of labor that were used by Soviet medicine, provides little-known facts from the biography of scientist and doctor I. S. Legenchenko related to his professional activity in Mogilev.

Keywords: women's reproductive health; medical history; pain relief and acceleration of childbirth; motherhood and infancy.

С момента зарождения акушерских знаний человечество задумывается об эффективных и безопасных методиках обезболивания родов. Вместе с тем это не только вопрос медицины. Изучение проблемы в рамках социокультурного контекста разных эпох позволяет не только привести в качестве примеров медицинские методики, но и понять, как общественно-политические тенденции влияли на регулирование репродуктивного здоровья женщины.

На протяжении второй половины XIX в. вопросы обезболивания родов обсуждались медицинским сообществом в Российской империи. В 1851 г. на заседании Общества русских врачей В. М. Шклярский выступил с докладом о применении наркоза при родах, в том числе и для снижения боли.

«Отец» русского акушерства, уроженец белорусских земель А. Я. Красовский также поддерживал использование обезболивания родов [2, с. 11]. Важно отметить смелость взглядов русских врачей дореволюционного периода, ведь церковь тогда негативно смотрела на все вопросы медицинской помощи женщине в родах и тем более их обезболивание.

Советский период начала широкого внедрения обезболивания родов в середине 1930-х гг. особенно важен для исследования. В это время происходят изменения в законодательстве и формируется модель тотального контроля государства за репродуктивным здоровьем женщины. Но справедливо отметить, что внедрение методов обезболивания на государственном уровне в середине 1930-х гг. – это проявление гуманного отношения и заботы советской медицины к женщине.

Вопрос применения методов обезболивания и ускорения родов в БССР в середине 1930-х гг. мало изучен в отечественной науке. В целях объективного взгляда на столь важную проблему в данной статье рассмотрены материалы М. Л. Выдрина и Н. И. Говор о применении обезболивания в родах в контексте важнейших политических изменений в вопросах государственного регулирования репродуктивного здоровья советской женщины в конце первой трети XX в. [3; 5].

В 1954 г. государственным издательством медицинской литературы был напечатан советский учебник «Обезболивание и ускорение родов» П. А. Белошапко и А. М. Фоя. Авторы не только детально описывали методы и приёмы обезболивания и ускорения родов, но и рассматривали историю внедрения обезболивания родов в СССР, отмечая достижения и ошибки советской медицины середины 1930-х гг. [2, с. 11–16].

Сегодня советский период становления государственной охраны репродуктивного здоровья женщины рассматривается в ряде учебных пособий для студентов белорусских медицинских учреждений образования. Так, коллектив авторов под редакцией С. Н. Занько и Л. Е. Радецкой в учебном пособии по акушерству справедливо отмечает заслуги советского акушера и гинеколога Максима Львовича Выдрина (1870–1951), автора научных исследований и разработок первой трети XX в. [1, с. 7]. Е. Г. Эльяшевич, М. А. Попов в работе «Краткая история медицины Беларуси» отмечают эффективность довоенной советской модели организации доступной медицинской помощи населению в городах БССР, в том числе в вопросах родовспоможения, а также профессионализм и выдающиеся достижения И. С. Легенченко [14, с. 75–77]. Однако отдельного исследования, посвященного истории развития методов обезболивания родов в БССР, в отечественной науке ещё не проводилось.

К середине 1930-х гг. в СССР медицинской общественностью начинают активно обсуждаться вопросы применения обезболивания родов. В 1935 г. IX Всесоюзный съезд акушеров и гинекологов постановил на-

чать масштабную научную разработку методов обезболивания родов с их последующим внедрением в родовспоможение в СССР. П. А. Белошапко и А. М. Фой отмечают, что на съезде вопрос обезболивания родов был заслушан лишь как инновационный и экспериментальный метод небольшой группы свердловских врачей [2, с. 5]. Важно здесь подчеркнуть, что для 1935 г. обезболивание родов – теоретическая научная проблема, требующая детального изучения.

Но после введения в действие постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. *«О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»* в центре внимания советской власти оказалась всесторонняя поддержка материнства [11]. Согласно официальной идеологической линии середины 1930-х гг., счастливая советская женщина благодарная партии и лично товарищу Сталину за возможность родить новых граждан не должна добывать радость материнства ценой тяжелых мучений. И советская медицина, служившая всему трудовому народу, активно работала в данном направлении. Таким образом, из теоретической научной проблемы в 1935 г. обезболивание родов превратилось в стратегическую задачу в 1936 г.

Проблему обезболивания родов в середине 1930-х гг. детально изучал советский доктор, акушер и гинеколог, уроженец Климовичского уезда Могилевской губернии Александр Юдимович Лурье (1897–1958). В рассматриваемый период А. Ю. Лурье, профессор Киевского мединститута, опубликовал ряд работ: «Проблема массового обезболивания родов» (1935 г.), «Новое в обезболивании родов» (статья в газете «Правда», 1936 г.), «Обезболивание родов» (1936 г.) и др. [2, с. 95, 157]. В марте 1941 г. А. Ю. Лурье получил Сталинскую премию I степени за научные работы по обезболиванию родов [12].

Общесоюзная линия активного внедрения методов обезболивания начинает реализовываться в БССР. В 1936 г. на страницах белорусской «Звезды» вышла статья профессора М. Л. Выдрина, посвященная обезболиванию родов в БССР. Прежде всего, автор отмечал, что обезболивание родов не вопрос *«спекуляции»* или *«наживы»* (*«как на буржуазном Западе»*), а важнейшее направление заботы медицины о женщине. Осуждался взгляд религии на проблему обезболивания родов. Женщина, согласно библейским канонам, должна была «рожать в муках» в расплате за грехи. В СССР, по мнению М. Л. Выдрина, применение обезболивания в родах – почётная миссия врача и неоспоримое право самой женщины.

Профессор М. Л. Выдрин возглавлял в это время акушерско-гинекологическую клинику Белорусского государственного медицинского института

и отмечал, что в Минске активно используются при обезболивании «*серно-кислая магнезия, хлор-гидрат, морфий и новокаин*». Он называл «вредительскими» рассуждения о необходимости физиологической боли при родах как неотъемлемой части родового процесса, но отмечал, что перед медициной стоит задача разработать методы обезбоживания без применения наркотических веществ. Также М. Л. Выдрин отмечал, что ему известно около 40 комбинаций методов для обезбоживания родов. Однако вопросы обезбоживания и активное использование наркотических веществ в этом вопросе всё же вызвали бурную дискуссию в медицинском сообществе в 1930-х гг. [3].

Главный врач центрального родильного дома г. Минска доктор Соболев в апреле 1936 г. также опубликовал статью «Обезболивание родов». Его взгляды во многом совпадают с М. Л. Выдриным. Ссылаясь на слова наркома охраны здоровья СССР Г. Н. Каминского, доктор Соболев отмечает, что советская работница и крестьянка должна рожать без боли (как на Западе рожают женщины из «буржуазной» элиты). В статье представлены три важнейших требования к квалифицированным методам обезбоживания родов: 1) не должны были вредить роженице и ребёнку; 2) не должны были затягивать роды; 3) универсальность для любого случая. И доктором Соболевым отмечалось, что такого метода, соответствующего всем трём критериям, в середине 1930-х годов в советской медицине не существовало.

Доктор Соболев описывал известные ему методы обезбоживания родов *новокаином, хлор-гидратом и даже гипнозом*. Остановимся на их описании подробнее.

Обезболивание новокаином предполагало введение под кожу в живот полупроцентного раствора. Отмечалось малая эффективность данного метода и неполное обезбоживание. Соболев пишет, что это самая распространенная методика обезбоживания родов в СССР.

Использование метода хлор-гидрата предполагало введение подкожно женщине «*сернокислой магнезии с морфием*», а затем введение седативного и снотворного раствора хлор-гидрата. Данный метод также не давал полной гарантии безболезненности родов.

Метод гипноза предполагал высокий уровень профессионализма специалиста, а также предварительную практику подготовки роженицы в 2–3 недели. Женщина «должна была» под силой внушения уснуть в родах и родить без боли. Вместо родов советская женщина в состоянии гипноза «должна была» видеть хорошие сны и проснуться уже счастливой матерью. Доктор Соболев отмечал нераспространенность гипноза, но верил в будущее такой методики [13].

Уже к началу 1950-х гг. использование сильнодействующих наркотических и снотворных средств, тем более в больших дозах, было признано советской медициной грубой акушерской ошибкой [2, с. 125].

К сожалению, для установок политического руководства СССР рассматриваемого периода была характерна ориентация на форсированные темпы, в том числе и в вопросах применения обезболивания родов. Об 705 случаях обезболивания родов в Бобруйской районной больнице было доложено на заседании Бобруйского научного общества врачей 29 ноября 1936 г. [10]. Чаще всего методы обезболивания родов в БССР в 1936 г. применялись в Бобруйске – в 35 % случаев, в Могилеве и в Гомеле – в 22 % и в Витебске – в 30 % случаев. В 1937 г. различные методы обезболивания применялись в 13 % родовспоможений в БССР. Но не все цифры однозначны. В целом в 1937 г. намечилась тенденция к снижению применения таких методов. Так, в Минском центральном родильном доме обезболивание родов применялось лишь в 4,3 % случаев. Для сравнения, в сельской местности в БССР обезболивание родов применялось в 2 % случаев. То есть, центральное столичное родильное учреждение применяло обезболивание в родах крайне редко (цифры почти как на селе). Врачи Минского центрального родильного дома объясняли такой низкий процент обезболиваний при родах исключительно собственными «перегрузками». Н. И. Говор, описывая родильную помощь в БССР к концу 1930-х гг., сомневается в таких «оправданиях перегрузками» [5, с. 24]. Скорее всего, врачи продолжали научное исследование данной проблемы, избегая применения малоизученных методов на практике.

В Государственном архиве Могилевской области сохранились заметки из периодической печати о трудовой деятельности врача Ивана Сергеевича Легенченко. Так, 27 марта 1937 г. в статье «У больницы імя Семашка» отмечался высокий профессионализм акушера Легенченко, а также *факт изобретения врачом нового метода обезболивания родов* [8]. Таким образом, в середине 1930-х гг. в г. Могилеве Иван Сергеевич работал над проблемой обезболивания родов.

Имя Ивана Сергеевича Легенченко, выдающегося учёного и врача, заслуженно вошло в историю мировой медицины. Он, как и А. Ю. Лурье, уроженец Климовичского уезда Могилевской губернии (родился в 1897 г. в д. Кривая). С 1927 по 1933 г. занимал должность главного врача Центрального роддома г. Минска [9]. С 1934 по 1941 г. Иван Сергеевич жил в Могилеве, работал врачом, вёл частную практику. Далее заведовал акушерско-гинекологическим отделением Могилевской областной больницы, преподавал в Могилевской фельдшерско-акушерской школе, на курсах усовершенствования знаний врачей. В годы Великой Отечественной войны И. С. Легенченко был врачом на фронте. После демобилизации в 1945 г. он вернулся в Минск. В 1951 г. Иван Сергеевич Легенченко официально внедрил *научу метод обезболивания и ускорения родов путем новокаиновой блокады тазового нерва* [4].

С проблемой обезболивания родов тесно связана и ещё одна задача, вставшая перед советской медициной в середине 1930-х гг., – «форсирован-

ное родоразрешение», или ускорение нормальных родов. Методы, предлагаемые для роженицы в целях ускорения родов, варьировались в диапазоне от двухмесячной бессолевой диеты до варварских «пальцевых» растяжений шейки матки и раннего вскрытия плодного пузыря... Уже в конце 1940-х – начале 1950-х гг. советская медицина осудила такие эксперименты [2, с. 101–105]. Но в середине 1930-х гг. они активно применялись, ведь советская женщина должна была рожать не только как можно чаще, но и быстрее. Государственное регулирование репродуктивного здоровья советской женщины подразумевало тотальный контроль и за физиологическими процессами.

По плану работы отдела родовспоможения Наркомздрава БССР на 1940 г., утвержденного Коллегией 21 февраля 1940 г., ставилась задача увеличения охвата рожениц методами обезболивания, а также повышение их эффективности [6]. Планировалось довести показатели обезболивания родов до 50 % от всех родовспоможений в крупных городах, а также устанавливался новый порядок введения отчётной документации по применению обезболивания родов [7].

Таким образом, в середине 1930-х гг. советской медицинской общественностью (А. Ю. Лурье, И. С. Легенченко, М. Л. Выдрин, Н. И. Говор, доктор Соболев) рассматривались вопросы широкого применения методов обезболивания родов, а также велись научные исследования в данном направлении. Важно отметить, что в сельской местности в БССР только в 30 % случаев в середине 1930-х гг. женщины рожали в сопровождении какой-либо квалифицированной медицинской помощи (в 2 % с квалифицированным обезболиванием), оставаясь в большинстве в руках «народного акушерства». Квалифицированное обезболивание в рассматриваемый период применялось в родах, но зачастую такую возможность женщины имели только в стационарных родильных домах в крупных городах.

Государственное регулирование репродуктивного здоровья советской женщины в середине 1930-х гг. проявлялось в тотальном контроле в вопросах родовспоможения. Женщина должна была рожать (аборты запрещены), рожать как можно больше детей (культ многодетной матери), рожать быстро (форсированное родоразрешение). Однако широкое научное обсуждение и внедрение методов обезболивания родов на государственном уровне в середине 1930-х гг. – это, несомненно, проявление человечности, сострадания и милосердия советской медицины к роженице.

Список использованных источников

1. Акушерство: учеб. пособие / С. Н. Занько [и др.]; под ред. С. Н. Занько, Л. Е. Радецкой. – Витебск: Витеб. гос. мед. ун-т, 2017. – 382 с.
2. *Белошанко, П. А.* Обезболивание и ускорение родов / П. А. Белошанко, А. М. Фой. – Москва: Медгиз, 1954. – 174 с.

3. *Выдрын, М. Л.* Абязбольванне родаў / М. Л. Выдрын // Звезда. – 1936. – 4 крас. – С. 3.
4. *Высоцкая, Е.* Ради счастья материнства [И. С. Легенченко] / Е. Высоцкая // Магілёўскія ведамасці. – 2012. – 16 чэрв. – С. 4.
5. *Говор, Н. И.* Родильная помощь в БССР / Н. И. Говор // Мед. журн. БССР. – 1939. – № 1/2. – С. 17–28.
6. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1971. Оп. 1. Д. 24. Л. 26.
7. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1971. Оп. 1. Д. 24. Л. 27.
8. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 133. Оп. 1. Д. 7. Л. 98.
9. Легенченко Иван Сергеевич. Год науки // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MSTS6h5rgDE> (дата обращения 29.01.2025).
10. *Ляндрес, И.* 705 случаев обезболивания родов в районной больнице / И. Ляндрес // Акушерство и гинекология. – 1937. – № 7. – С. 54–55.
11. Об изменениях в кодексах БССР в связи с изданием постановлений ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сетки родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» и от 5 октября 1936 г. «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности»: постановление ЦИК и СНК БССР, 29 окт. 1936 г., № 160 // Збор законаў і распараджэнняў рабоча-сялян. урада Беларус. Сацыяліст. Сав. Рэсп. – 1936. – № 30. – С. 12–14.
12. О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки: постановление СНК СССР, 13 марта 1941 г. // Вестник Академии наук СССР. – 1941. – № 4. – С. 1–6.
13. Собалеў. Абезбольванне родаў / Собалеў // Работніца і калгасніца Беларусі. – 1936. – № 6. – С. 4.
14. *Эльяшевич, Е. Г.* Краткая история медицины Беларуси: лекции / Е. Г. Эльяшевич, М. А. Попов. – Минск: Белорус. гос. мед. ун-т, 2011. – 86 с.

(Дата подачі: 10.02.2025 г.)

A. V. Yerashevich

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

A. V. Yerashevich

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 271.4(476)(091)

**УДЗЕЛ ДЗЯРЖАВЫ Ў ФІНАНСАВАЙ
ПАДТРЫМЦЫ ДЗЕЙНАСЦІ ЎНІЯЦКАЙ ЦАРКВЫ
Ў БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯХ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ
(КАНЕЦ ХVІІІ СТ. – 30-Я ГГ. ХІХ СТ.)**

**STATE PARTICIPATION IN FINANCIAL SUPPORT
OF THE ACTIVITIES OF THE UNIATE CHURCH
IN THE BELARUSIAN PROVINCES OF THE RUSSIAN
EMPIRE (LATE 18TH CENTURY – 1830s)**

У артыкуле раскрываюцца асноўныя крыніцы грашовага забеспячэння дзейнасці ўніяцкай царквы на тэрыторыі беларускіх губерняў Расійскай імперыі ў канцы ХVІІІ – 30-х гг. ХІХ ст. Вызначана роля дзяржавы ў фінансавай падтрымцы ўніяцкай канфесіі. Невывалены, нявызначаны цалкам імператарскай уладай статус ўніяцкай царквы абумовіў адсутнасць яе пастаяннага дзяржаўнага фінансавання. Уніяцкая царква на беларускіх землях у гэты перыяд забяспечвалася пераважна за кошт уласных фондушавых крыніц даходаў. Асобныя грашовыя асігнаванні з дзяржаўнага казначэйства прызначыліся для ўтрымання вышэйшых ўніяцкіх іерархаў, пенсійнага забеспячэння нязначнай часткі парафіяльнага духавенства, якая пазбавілася сваіх прыходаў пасля пераводу ўніятаў у праваслаўе, а таксама нязначнай часткі кансісторскіх служачых, нештатлікіх выкладчыкаў духоўных навучальных устаноў.

Ключавыя словы: ўніяцкая царква; грашовае забеспячэнне; фінансавая падтрымка; дзяржаўныя асігнаванні; беларускія губерні.

The article reveals the main sources of financial support for the activities of the Uniate Church in the territory of the Belarusian provinces of the Russian Empire in the late 18th – 30s of the 19th century. The role of the state in the financial support of the Uniate denomination is defined. The unstable status of the Uniate Church, which was completely undefined by the imperial government, led to the lack of permanent state funding. During this period, the Uniate Church in the Belarusian lands was supported mainly by its own per capita sources of income. Separate financial allocations from the state treasury were allocated for the maintenance of the higher Uniate hierarchs, pension provision for a small part of the parish clergy who lost their parishes after the Uniates converted to Orthodoxy, as well as a small part of the consistorial staff, and a few teachers of the theological educational institutions.

Keywords: Uniate Church; monetary allowance; financial support; state appropriations; Byelorussian provinces.

Разнастайныя формы і напрамкі дзейнасці ўніяцкай канфесіі на беларускіх землях у часы Расійскай імперыі ў 1772–1839 гг. дагэтуль прыцягваюць увагу гісторыкаў, філосафаў, філолагаў, мастацтвазнаўцаў і іншых суб'ектаў сацыяльна-гуманітарных дысцыплін. Павялічваецца колькасць

даследчыкаў і прадметнае поле вывучэння ўніяцкай праблематыкі. Шматлікія працы прадстаўнікоў рэлігійнай і свецкай плыней расійскай, польскай, айчынай гістарыяграфіі за больш чым 200-гадавы перыяд сведчаць аб неадназначнай ацэнцы месца і ролі ўніяцкай дэнамінацыі на беларускіх землях пад расійскім панаваннем у сацыяльна-эканамічнай, грамадска-палітычнай, духоўна-культурнай сферах жыццядзейнасці грамадства, шляхах і метадах распаўсюджвання ці наадварот змяншэння яе ўплыву, перадумовах, ходзе і наступствах скасавання грэка-каталіцтва. У навуковых творах беларускіх даследчыкаў прысутнічаюць альтэрнатыўныя трактоўкі, выказваюцца дыскусійныя погляды па гісторыі функцыянавання ўніяцкай царквы на беларускіх землях у 1770–1830-х гг. У працах шэрагу беларускіх свецкіх (А. Філатава, У. Сосна, П. Шэўкун і інш.) і царкоўных (М. Наско, А. Раманчук, А. Хацееў, В. Шэсцітка і інш.) гісторыкаў разглядаюцца розныя аспекты палітыкі расійскіх улад адносна ўніяцкай царквы беларускіх губерняў Расійскай імперыі ў працэсе выпрацоўцы стратэгіі і асноўных напрамкаў рэгулявання дзяржаўна-канфесійных адносін, форм і сродкаў міжканфесійнага ўзаемадзеяння, даследуюцца паўсядзённае жыццё ўніяцкага духавенства (Д. В. Лісейчыкаў), адносіны ўніяцкага кліра і вернікаў да палітыкі расійскіх улад па рэфармаванні і скасаванні ўніяцкай царквы, этнакультурныя аспекты дзейнасці ўніяцкай канфесіі, яе значэнне для станаўлення этнакультурнай ідэнтэчнасці беларускай нацыі (С. В. Марозава, Л. М. Лыч), гісторыка-культурная спадчына ўніяцкай царквы (А. А. Суша, Г. А. Флікоп-Світа) і інш. Сярод кніг і артыкулаў прадстаўнікоў сучаснай гістарыяграфіі па ўніяцкай тэматыцы перыяду канца XVIII – 30-х гг. XIX ст. трэба адзначыць працы, якія былі заснаваныя на выкарыстанні даволі значнай архіўнай дакументальнай базы (даследаванні М. М. Галанавы [1 і інш.], Д. В. Лісейчыкава [2; 3 і інш.], С. В. Марозавай [4; 5 і інш.] А. Філатавай [6; 7 і інш.], М. Радвана [8 і інш.] і іншых аўтараў. Артыкул Ю. Аўчыннікавай прысвечаны арганізацыі і вызначэнні функцыянальных абавязкаў у дзейнасці Полацкай ўніяцкай духоўнай кансісторыі пры яе першых архірэях у канцы XVIII – першым дзесяцігоддзі XIX ст. [9]. Прадметам навуковых зацікаўленняў Л. І. Масейчук стала падрыхтоўка кадраў уніяцкага прыходскага духавенства ў духоўных навучальных установах на беларускіх землях у 1743–1839 гг. [10]. Шматаспектнасць тэматыкі і неабходнасць поўнага і ўсебаковага вывучэння дзейнасці ўніяцкай царквы ў вызначаных тэрытарыяльных і храналагічных рамках абумовілі зварот аўтара да рэканструкцыі працэсу фінансавага забеспячэння жыццядзейнасці ўніяцкай канфесіі.

Мэта артыкула зводзіцца да вызначання месца і ролі дзяржаўных фінансавага рэсурсаў у забеспячэнні жыццядзейнасці ўніяцкай царквы ў беларускіх губернях Расійскай імперыі ў канцы XVIII – 30-х гг. XIX ст. на фоне адлюстравання грашовых крыніц яе матэрыяльнага існавання. Крыніцавай базай працы стала выкарыстанне значнага комплексу разна-

планавых апублікаваных і неапублікаваных дакументаў і матэрыялаў: заканадаўчых актаў з Поўнага збору законаў Расійскай імперыі, афіцыйнай справаходнай дакументацыі, статыстычных звестак.

Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай і далучэння беларускіх зямель да Расійскай імперыі ў яе складзе апынуліся ўніяцкія вернікі, якія колькасна пераважалі ў канфесійнай структуры хрысціянскага насельніцтва, асабліва ў сельскай мясцовасці. У канцы 1772 г. у духоўнае кіраванне ўніяцкага архіепіскапа Ясона Смагаржэўскага, пры якім арганізавалася духоўная кансісторыя з 2–3 духоўных асоб па яго меркаванню, паступілі грэка-каталіцкія манастыры і прыходскія цэрквы з духавенствам і прыхаджанамі ў Магілёўскай і Пскоўскай (з 24.08.1776 г. Полацкай) губернях. Захоўваліся існуючыя дагэтуль крыніцы матэрыяльнага ўтрымання ўніяцкага іерарха [11, т. 19, № 13922, с. 688, 689]. Уніяцкая царква здолела захаваць цэласнасць сваёй маёмасці.

Згодна з імператарскім указам ад 6.09.1795 г. уніяцкія манастыры і цэрквы Мінскай губерні былі прыпісаны да Беларускай праваслаўнай епархіі. З грашовых даходаў далучаных да Расійскай імперыі Мінскай, Валынскай, Падольскай, Брацлаўскай губерняў трэба было адлічваць пенсійнае ўтрыманне вышэйшым духоўным асобам грэка-каталіцкай царквы, якія засталіся без пасад пасля скасавання імператрыцай Кацярынай II уніяцкіх епархій: мітрапаліту Феадосію Растоцкаму 6 тыс. руб., суфрагану-епіскапу брэсцкаму Адрыяну Бутрымовічу і пінскаму епіскапу Іоакіму Гарбацкаму па 3 тыс. руб. штогод. Кожнаму з уніяцкіх святароў, якія заставаліся без месцаў (прыходаў), пажыццёва прызначалася да выплаты на ўтрыманне з агульных губернскіх даходаў ад 50 да 100 руб. [11, т. 23, № 17384, с. 772–773; № 17391, с. 792].

Пераемнік Кацярыны II імператар Павел I 28.04.1798 г. аднавіў дзейнасць ранейшай Полацкай уніяцкай архіепархіі на чале з Іракліем Лісоўскім у Беларускай губерні і стварыў новую Брэсцкую ўніяцкую епархію, улада якой распаўсюджвалася на тэрыторыі Мінскай і Літоўскай губерняў. Полацкі архіепіскап І. Лісоўскі меў 18 тыс. руб. серабром (далей – сер.) гадавога жалавання. Кіраўнік Брэсцкай епархіі Арсені Глаўнеўскі (пазней епіскап-суфраган пінскі і тураўскі Іосафат Булгак) атрымліваў 6 тыс. руб. жалавання штогод [12, с. 246]. Пацвярджалася права на пажыццёвыя пенсіі для былых уніяцкіх іерархаў мітрапаліта Ф. Растоцкага, епіскапаў А. Бутрымовіча, І. Гарбацкага, з дадаткам пінскага епіскапа І. Булгака пры ўмове іх размяшчэння ў гарадах ці манастырах расійскай дзяржавы [11, т. 25, № 18503, с. 222]. Калі новы імператар у красавіку 1797 г. высветліў, што выдача прызначаных указам Кацярыны II безместным уніяцкім святарам пенсійных грошай затрымлівалася, ён распарадзіўся аб неадкладнай іх выплаце [13, с. 572]. У 1797 г. уніяцкія «папы», якія пазбавіліся сваіх прыходаў пасля далучэння грэка-каталіцкіх вернікаў да праваслаўя, маглі

разлічваць на грашовыя пенсійныя кампенсцыі з боку дзяржавы: адзіночкі ўніяцкія прыходскія свяшчэннікі, якія засталіся без пасадаў, на 50 руб. штогод кожны, жанатыя з дзецьмі (тыя, хто меў сям'ю) і валодаў нейкай уласнасцю (дамы, землі, жывёла, пасекі і інш.) – на 75 руб., сямейныя (маючы жон і малалетніх дзяцей) без уласнасці – на 100 руб. [14, с. 557]. Каля 1798 г. у Беларускай губерні аказалася 65, а ў Мінскай 74 чал. безпрыходных уніяцкіх капланаў [8, с. 443–448]. Па падліках М. М. Галанава, прыкладна 60 % безместных святароў (41 па спісу ў Пінскім, Мазырскім, Рэчыцкім, Бабруйскім, Слуцкім паведах Мінскай губерні) не мелі патрэбу ў грашовай дзяржаўнай датацыі, паколькі маглі сябе пракарміць самі [15, с. 339–341, 527–530]. Па стану на 1797 г. у паведах Мінскай губерні было 371 уніяцкіх прыходскіх цэркваў і 309922 прыхаджан [16, арк. 154–182], таму пенсійныя выплаты закранулі нязначную частку уніяцкіх прыходаў.

Згодна з вышэй зацверджаным 27.09.1804 г. дакладам Сената быў вызначаны прыкладны штат для 3 уніяцкіх кансісторый для 9 службовых асоб. Канцылярскія чыны маглі атрымоўваць жалаванне па меркаванні епархіяльных архірэяў з іх уласных даходаў [11, т. 28, № 21467, с. 536; т. 44-2, отд. 4, к № 21467, с. 45]. Паводле імператарскага ўказа ад 14.02.1809 г. аднаўлялася дзейнасць Літоўскай уніяцкай мітрапаліцкай епархіі, якой вылучаліся для ўтрымання сталовыя маенткі (фальваркі Вака, Шэйхоле, Навагрудак, Рута і Быкевічы). Цэрквы і манастыры знішчанай Супрасльскай епархіі пасля далучэння Беластоцкай вобласці да Расійскай імперыі ўключаліся ў склад Брэсцкай епархіі. У Вільне для кіравання мітрапаліцкай епархіі засноўвалася кансісторыя і прызначаўся суфраган. Вызначаныя ад прускага ўрада 4 тыс. талераў супрасльскаму епіскапу пароўну размяркоўваліся для выдачы жалавання брэсцкаму суфрагану і на ўтрыманне кансісторыі. Брэсцкаму епіскапу з архірэйскім штатам прызначаўся пенсіён з даходамі ад духоўных маенткаў [11, т. 30, № 23482, с. 786; т. 31, № 24118, с. 61]. Беларускія землі ўвайшлі ў склад Літоўскай мітрапаліцкай, Полацкай архіепіскапскай і Брэсцкай епіскапскай уніяцкіх епархій.

Утрыманне полацкага архіепіскапа І. Лісоўскага, які мясціўся з кансісторыяй і кафедральным духавенствам у Ануфрэйскім манастыры ў Чэрыкаўскім павеце, забяспечвалася з даходаў фальваркаў духоўных маенткаў Струнь, Замшаны, Заронава, Папіно і Ануфрэйскай архімандрыі. Згодна з ведамасцю 1800 г. гэтыя ўладанні давалі 5750 руб. асігнацыямі (далей – ас.) прыбытку, з якіх выплачвалася 1978,29 руб. ас. (34,4 %) у год казённых падаткаў [17, с. 12].

Асобныя зборы збіраліся з уніяцкага прыходскага духавенства. Пры рукапалажэнні за набыццё рознага роду епіскапскіх граматаў і за інсталюванне права пажыццёвага кіравання настаяцелю прыхода трэба было заплаціць да 50 руб. ас. (адміністрацыя давала права кіраваць прыходам на працягу 3 гадоў). Кожны з большасці грэка-каталіцкіх святароў за перамену і пер-

шае атрыманне богаслужбовага месца павінен быў здаць па 3 руб. ас. Полацкая епархія падзялялася на 10 протапрэсвітэрый і 28 дэканатаў. Дэканы спаганялі асобную плату па 1,5 кап. з кожнага прыходскага дома святароў [17, с. 297, 299].

Шматлікімі былі крыніцы матэрыяльнага існавання ўніяцкага прыходскага духавенства. Святары прыходаў забяспечваліся за кошт фундашавай зямлі, якую апрацоўвалі сяляне (у Магілёўскай губерні было 190, а ў Віцебскай 547 душ, разам 737 духоўных сялян муж. полу), у некаторых была ардынарыя. У 27 прыходах збіралі т.зв. снопаваю дзесяціну з сялян у залежнасці ад колькасці засева палёў зернем (у большасці гэтых прыходаў збіралі дзесяціну на карысць памешчыка і цэркваў). Прыходскія даходы святароў уключалі плату за трэбы (адправы) і зборы перад Калядамі (каляда) восенню («паездка па малітве»). Па ўказу ад 3.04.1801 г. за вяселле ці за пахаванне дарослага належыла выплаціць 20 кап., за хрышчэнне немаўляткі ці дзіця – 6 кап., за малітву ў гонар маці – 4 кап. Гэтыя грашовыя паступленні збіралі ніжэй указной нормы: як правіла, за хрышчэнне ўніяцкі святар браў 5 кап., дзячок – 1–2 кап., а за пахаванне і за шлюб па дамоў [17, с. 13, 14, 16].

Адной з крыніц даходаў уніяцкай царквы выступалі працэнты з капіталаў, завешчаных кцітарамі ці прыватнымі асобамі на карысць уніяцкіх цэркваў і манастыроў. Данія аб колькасці і відах капітальных сум былі няпоўнымі і няпэўнымі. Так, у 1800 г. на духавенстве Полацкай уніяцкай епархіі было запісана 2060 руб. надзейных капіталаў, з якіх паступала 103 руб. працэнтаў, паводле ведамасці 1805 г. капітальная сума складала 3735 ці 3800 руб., у 1807 г. – 14667,5 руб. і 3040 талераў, да 1817 г. (па няпоўных звестках) пры 5 уніяцкіх цэрквах у Віцебскай і 3 у Магілёўскай губерні было паказана 855 талераў, 2481 руб. сер., 2400 руб. ас. Уніяцкае манаскае духавенства базыльян мела даход ад зямельных угоддзяў, якія апрацоўвалі прыгонныя сяляне (у Віцебскай губерні 4572, у Магілёўскай – 2576, разам 7148 мужчын). Па стану на 1810 г. капітальныя сумы базыльян у Віцебскай губерні даходзілі да 1316 злотых, 26130 талераў, 14015 руб. сер. і 148286,35 руб. ас., у Магілёўскай губерні – да 216 злотых, 1 тыс. талераў, 3410 руб. сер. і 62711,12 руб. ас. Да таго ж, базыльянскі правінцыял вызначыў грашовую складчыну з правінцыі ў памеры 398 руб. ас. і 35 руб. сер. Падкрэслім імкненне базыльянскага чорнага, як і прыходскага (белага) уніяцкага духавенства схаваць ад урадавага ўліку частку капіталаў і атрымліваемых даходаў [17, с. 15, 17].

Як і ў Полацкай, у Літоўска-Віленскай мітрапаліцкай уніяцкай епархіі манаскае (чорнае) духавенства базыльянскага ордэна (данія за 1814 г.) было больш заможным, чым прыходскія (белыя) свяшчэнна і царкоўнаслужыцелі (звесткі за 1811 г.). Прынамсі, калі фундашавыя капіталы чорнага духавенства складалі суму ў 146533,68 руб. сер. (115373,64 руб. над-

зейныя, 14939,57 руб. недакладныя, 16220,47 руб. страчаныя), то белага толькі ў 8245 руб. Даходы з сялян, дзесяціны, працэнтаў, жалавання базыльян дасягалі 20039,58 руб. (дакладныя 18074,92 руб., недакладныя 1964,66 руб.), а грашовыя прыходы прыходскага духавенства ад аннуатаў, дзесяціны, працэнтаў і жалавання вызначаліся сумай у 10017,68 руб. (дакладныя ў 5208,79 руб., недакладныя ў 4808,89 руб.). Плацяжы на манахаў, цэрквы, царкоўных служыцеляў і зямлі складалі ў чорнага ўніяцкага духавенства 16548,22 руб., белага – 11413,6 руб. Але адлічэнні ў дзяржаўную казну размяркоўваліся амаль пароўну: базыльяне здавалі ў дзяржаўныя касы 3787,99 руб., а прыходскае духавенства 3491,7 руб. [14, с. 681–683, 686–687].

За 1822 г. у Літоўска-Віленскай мітрапаліцкай, Полацкай і Брэсцкай уніяцкіх епархіях было налічана з капітальных сум іпатэчных працэнтаў: белага (прыходскага) духавенства 55 чырвонцаў, 23189,89 руб. сер., 1500 руб. ас., 21 талер, чорнага (манаскага) – 750 чырвонцаў, 160843,37 руб. сер., 3500 руб. ас., 1300 талераў [18, прилож., с. 132].

Полацкая ўніяцкая кансісторыя, як адміністрацыйна-судовая ўстанова аднайменнай архіепархіі, складалася з 5 духоўных асоб (старшыня ці афіцыял, віцэ-афіцыял, 3 асэсары), свецкіх сакратара, рэгістратара, пратакаліста, перакладчыка, 4 канцылярскіх служкаў, 2 вартавых. Члены і служачыя кансісторыі жылі ад даходаў архіепіскапскіх маёнткаў на адзведзеных ім кватэрах. На стол афіцыялу і віцэ-афіцыялу належыла выплачваць па 200 руб., асэсарам – па 150 руб., сакратару – 250 руб., рэгістратару – 120 руб., пратакалісту і перакладчыку – па 130 руб., канцылярскім службоўцам – па 100 руб., вартавым – па 25 руб., разам 1930 руб. [17, с. 295, 296–297]. Жалаванне членаў кансісторыі было непастаянным, а яго сумы размяркоўваліся па ўласным меркаванні архіепіскапа. Але ў 1822 г. штат уніяцкай кансісторыі Полацкай епархіі набыў больш-менш пастаянныя памеры, і былі вызначаны пэўныя сумы для выдачы жалавання службоўцам: афіцыял атрымліваў 800 руб., віцэ-афіцыял – 600 руб., 3 засядацелі – па 500 руб., сакратар – 450 руб., пратакаліст і перакладчык – па 300 руб., 3 канцылярсты – па 200 руб., 2 вартавых – па 100 руб., на ўтрыманне памяшкання, яго ацяпленне, асвятленне, канцылярскія расходы адпускалася 500 руб., разам 5250 руб. Іншымі словамі, грашовае ўтрыманне Полацкай кансісторыі было падвышана ў 2,72 раза [17, с. 297]. Члены кансісторыі, канцылярскія чыноўнікі і служыцелі Беларускай кансісторыі ў 1829 г. атрымлівалі ад епіскапа Я. Маргусевіча жалаванне штогод наяўнымі грашыма па ранейшаму акладу архіепіскапа І. Красоўскага: афіцыял 200 руб., віцэ-афіцыял 180 руб., 3 асэсары па 160 руб., сакратар 300 руб., пратакаліст 160 руб., рэгістратар 125 руб., павытчык 120 руб., перакладчык замест 300 ужо 150 руб., 2 капіісты не па 100, а па 50 руб., усяго 1815 руб. ас. з даходаў маёнткаў уніяцкай царквы [14, с. 985].

У 1809 г. брэсцкі епіскап меў даходы ад 4 фальваркаў з 430 душамі сялян мужчынскага полу. Афіцыял Брэсцкай епархіі атрымоўваў 600 руб., а віцэ-афіцыял 450 руб. з даходаў біскупскіх уладанняў у памеры 2700 руб. сер. У 1816 г. на ўтрыманне 5 членаў Віленскай уніяцкай кансісторыі выдаткоўвалася 1915 руб., у тым ліку старшыні 700 руб., яго памочніка 450 руб., 3 асэсараў па 255 руб. [8, с. 44, 47].

Пасля прынятага ў канцы 1827 г. урадам курса на адарванне ўніяцкай царквы ад рымска-каталіцкай і збліжэння яе з праваслаўнай згодна з імператарскім указам ад 8.06.1828 г. была вылучана асобная грэка-уніяцкая духоўная калегія, а колькасць уніяцкіх епархій з кансісторыямі пры ніх была скарачана з 4 да 2: Літоўскай з цэнтрам у Жыровічах і Полацкай (Беларускай) з рэзідэнцыяй у Полацку.

Зразумела, што найвышэйшыя сумы грашовага ўтрымання мелі ўніяцкія іерархі па некалькіх займаемых імі пасадах. Так, у 1829 г., калі І. Сямашка стаў вікарным епіскапам Беларускай уніяцкай епархіі, яму звыш сталовых грошай па 100 руб. ас. штомесячна, з дзяржаўнай казны было вызначана па 1000 руб. сер. штогоднага жалавання з зваротам грошай з духоўных фондушаў. Згодна з указам грэка-каталіцкай калегіі ад 19.05.1833 г. з прычыны прызначэння І. Сямашкі Літоўскім епархіяльным епіскапам яму выдавалася 1875 руб. штатнага жалавання як члену ўніяцкай духоўнай калегіі, 1200 руб. сталовых і яшчэ належыла адлічыць 3000 руб., якія прызначаліся былому брэсцкаму епіскапу і мітрапаліту І. Булгаку. Да таго ж, 18.04.1839 г. І. Сямашку была прызначана пажыццёвая пенсія ў памеры 6000 руб. ас. на той жа аснове, як пры Кацярыне II аказвалася грашовае дапамога ўніяцкім епархіяльным епіскапам [19, т. 1, с. 128, 563–564, 743]. Такім чынам, І. Сямашка супольна атрымліваў 12075 руб. ас.

У другой палове 1820-х гг. у Беларускай уніяцкай епархіі фондуш уключаў каля 3500 сялянскіх душ і больш 120 тыс. руб. ас. капіталу, у Віленскай – больш 500 душ сялян мужчынскага полу і юрыздыкі ў Вільне і Навагрудку. На ўтрыманне Брэсцкай епархіі паступала з дзяржаўнай казны 3000 руб. пры фондушу з епіскапскіх маёнткаў з больш чым 500 душами сялян мужчын. Кансісторыі і вікарнаму епіскапу адлічалася з дзяржаўнага казначэйства 4000 талераў ці 19152 руб. ас. [20, с. 531; 21, с. 625]. Літоўская ўніяцкая кансісторыя атрымлівала, як былая Брэсцкая, 2000 талераў ці 9576 руб. ас., нягледзячы на тое, што колькасць спраў у ёй было больш амаль у 3 разы. Беларускай грэка-уніяцкай духоўнай кансісторыі да ранейшага ўтрымання было дабаўлена 2000 руб. ас. з даходаў Жыдзічанскай бенефіцыі (запіска ад 15.11.1833 г.) [19, т. 1, с. 678, т. 3, стб. 36].

Да 1830 г. з даходаў Полацкай архіепіскапіі на ўтрыманне духоўнай кансісторыі паступала 1815 руб. ас. у год. З 1830 г. да гэтай сумы было дадана яшчэ 2 тыс. руб. ас. з даходаў Жыдзічанскай бенефіцыі і ад прыбыткаў Полацкага архіепіскапства было дазволена выкарыстоўваць «на даўгі» і ква-

тэры некаторых чыноўнікаў 3590 руб. ас. Тым не менш, вызначанага членам кансісторыі жалавання да 1833 г. не выплачвалася, а полацкі архіепіскап размяркоўваў сумы па сваім меркаванні, а не па штатных роспісах. З 1833 г., калі мітрапаліт І. Булгак пераехаў у Пецярбург, а духоўныя маёнткі здаў у арэнду, ён прызначыў кватэрныя і сталовыя грошы з уласных даходаў членам кансісторыі і саступіў на яе карысць яму належачы збор за міро з усіх уніяцкіх цэркваў Беларускай епархіі. Аднак гэтыя грашовыя адлічэнні былі нязначнымі [22, с. 365]. У 1833 г. фондуш Полацкага архіепіскапа быў падзелены на 2 часткі: 1300 сялян мужчын засталіся для ўтрымання епіскапа з кансісторыяй, а 1800 душ і капітал у 200 тыс. руб. выдаткоўваліся для забеспячэння дзейнасці епархіяльнай семінарыі [23, с. 545].

У другой палове 1830-х гг. фондушы полацкага архіепіскапа ўключалі Ануфрыеўскую архімандрыю (986 душ мужчын і 10229,6 руб. ас. даходу), архіепіскапскія маёнткі, раскіданыя ў Віцебскім, Полацкім, Дрысенскім, Сенненскім паветах (1646 душ сялян мужчынскага полу, 27 тыс. руб. прыбытку). Працэнты ад мітрапаліцкай сумы ў 58587,51 руб. ас., размешчанай у Пазыковым банке, давалі больш 40 тыс. руб. ас., з якіх каля 5 тыс. руб. вылучалася на ўтрыманне кансісторыі [22, с. 32–33].

Вышэйшае белае і пераважна гарадское (асабліва полацкае) уніяцкае духавенства, члены кансісторыі, некаторыя прафесары семінарыі забяспечваліся за кошт фондушаў сельскіх цэркваў. З 1829 г. віцэ-старшыня Полацкай кансісторыі займаў 450 руб. ас. замест 180 руб., засядацелі па 300 руб. ас. замест ранейшых 160 руб. кожнаму, з дадаткам натурай кватэры, дроў, прысланых харчовых прадуктаў, лекаў, палатна, бясплатнага праезду. У першыя гады праўлення І. Булгака члены Беларускай уніяцкай епархіі замест натуральных дач атрымлівалі 300 руб. ас. у год сталовых грошай [22, с. 33].

Большасць гарадскіх і сельскіх уніяцкіх прычтаў Беларускай епархіі жылі за кошт уласных крыніц матэрыяльнага дабрабыту. Лепш былі забяспечаны ўніяцкія цэрквы ў Аршанскім і Копыскім паветах, кожная з якіх мела да 500 руб. ас. даходу, але большасць уніяцкіх прыходаў былі немажымымі. Самымі беднымі лічыліся ўніяцкія прычты ў Полацкім, Лепельскім, Дзісенскім паветах, якія мелі да 200 руб. утрымання на кожную. Казённае жалаванне не выплачвалася нікім уніяцкім прычтам. Дадатковыя сродкі матэрыяльнага забеспячэння паступалі ад мясцовых ксяндзоў і памешчыкаў. У прыватнасці, ад землеўладальніка Паульскай царкве пералічалася 75 руб. у год [22, с. 33–34, 35].

Асобныя дзяржаўныя грашовыя асігнаванні на карысць уніяцкай царквы рабіліся пасля прыняцця канчатковага рашэння аб яе аб'яднанні з праваслаўнай і рэалізацыі падрыхтоўчых мерапрыемстваў па ажыццяўленні гэтай урадавай задумы. У 1834 г. для аздаблення цэркваў было падаравана ў Беларускаю і Літоўскую ўніяцкія епархіі па 5000 руб. штогод

з сумы, прызначанай для заснавання ў Полацку духоўнай уніяцкай акадэміі [23, с. 661]. З 5.11.1835 г. міністр фінансаў займеў права асігнавання з дзяржаўнай казны для ўладкавання іканастасаў, прастолаў і начыння для грэка-уніяцкіх храмаў у казённых маёнтках (паселішчах) суму да 300 руб. сер. на кожную царкву [19, т. 3, стб. 240; 24, т. 10-2, № 8544, с. 1080–1081].

Больш дакладныя звесткі аб крыніцах даходаў уніяцкай царквы былі сабраны ў час рэвізіі яе маёмасці напярэдадні скасавання. Агульныя даходы з нерухомых маёнткаў, капіталаў, дзесяцін, аннуат мужчынскіх і жаночых манастроў, а таксама белага духавенства Беларускай і Літоўскай уніяцкіх епархій у 1837 г. вызначаліся сумай у 155805,18 руб., у 1838 г. – у 172137,61 руб. [25, вед. № 19, 20, 21, с. 225–237; 26, вед. № 19, 20, 21, с. 101–113]. Ахвяраванні на ўніяцкія царквы ў 1837 г. за кошт скарбоначнага, кашальковага збораў і даходаў з маёнткаў склалі 26120,17 руб., у 1838 г. – 21978,86 руб. [25, вед. № 25, с. 251–252; 26, вед. № 25, с. 129–131].

У розны час для падрыхтоўцы кадраў грэка-каталіцкага духавенства дзейнічалі епархіяльныя ўніяцкія духоўныя семінарыі ў г. Полацк («Беларуская») (заснавана ў 1806 г., сапраўды дзейнічала ў 1807–1839 гг., з перапынкам з 1812 па 1814 гг.), у м. Жыровічы Слонімскага павета («Літоўская») (1828–1839 гг.), а таксама цэнтры навучання ўніяцкіх святароў (т. зв. семінарыі) у м. Новы Свержань Мінскага павета (заснавана ў 1743 г., працавала ў 1744–1828 гг.), в. Лаўрышава Навагрудскага павета (1799–1828 гг.). Да таго ж, пры Віленскім папскім алюмнаце было вылучана 16 месц для навучання дзяцей ўніяцкіх святароў з ліку белага духавенства [27, s. 261]. Духоўныя навучальныя ўстановы ўніяцкай царквы (семінарыі, сярэднія і парафіяльныя школы) забяспечваліся, у асноўным, за кошт фондушавых даходаў [8, s. 146–157]. Дзяржаўнае грашовае ўтрыманне прадугледжвалася для асобных настаўнікаў уніяцкіх духоўных навучальных устаноў.

Такім чынам, статус уніяцкай царквы на беларускіх землях вызначаўся самадзяржаўнай уладай першапачаткова як складовай часткі каталіцкай (з 1770-х да 1820-х гг.), а потым праваслаўнай (з канца 1820-х да 1839 гг.) царквы. Прыхільнікі ўніяцкай канфесіі, пераважна з сялян, мяшчан, незаможнай шляхты лічыліся асноўнай базай для папаўнення вернікаў пануючай у Расійскай імперыі праваслаўнай царквы. Апынуўшыся ў арбіце барацьбы паміж каталіцкай і праваслаўнай канфесіямі за сферы ўплыву і вернікаў, уніяцкая царква прайшла складаны шлях да ліквідацыі ў 1839 г. і зліцця з праваслаўем.

Нетрывалы, нявызначаны імператарскай уладай статус уніяцкай царквы абумовіў адсутнасць яе сталага дзяржаўнага фінансавання. У цэлым, у канцы XVIII – 30-х гг. XIX ст. уніяцкая царква на беларускіх землях забяспечвалася пераважна за кошт уласных фондушавых крыніц даходаў. Асобныя грашовыя асігнаванні з дзяржаўнага казначэйства прызначыліся для ўтрымання вышэйшых уніяцкіх іерархаў, пенсійнага забеспячэння нязнач-

най часткі парафіяльнага духавенства, якая пазбавілася сваіх прыходаў пасля канверсіі ўніяцаў у праваслаўе, а таксама нязначнай часткі кансісторскіх служачых, нешматлікіх асобных выкладчыкаў духоўных грэка-каталіцкіх навучальных устаноў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Галанов, М. М.* Политика самодержавия в отношении униатов в годы царствования Павла I. Монография / М. М. Галанов. – Saarbuken: Sanktum, 2013. – 173 с.

2. *Лісейчыкаў, Д. В.* Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святара беларуска-літоўскіх зямель 1720–1839 гг. / Д. В. Лісейчыкаў. – Мінск: Медысонт, 2011. – 198 с., іл., табл., факсім.

3. *Лісейчыкаў, Д. В.* Святар у беларускім соцыуме: праспаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг. / Д. Лісейчыкаў. – Мінск: Беларусь, 2015. – 717 с., 16 л. іл., табл.

4. *Марозава, С. В.* Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.) / С. В. Марозава. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 352 с.

5. *Марозава, С. В.* «Сваёй веры ламаць не будзем...»: Супраціў дэўнізацыі ў Беларусі (1780–1839 гг.). Манаграфія / С. В. Марозава. – Гродна: ЮрСАПрынт, 2014. – 218 с.

6. *Філатава, А. М.* Уніяцкая царква і Полацкі сабор 1839 г. / А. М. Філатава // Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск: «Экаперспектыва», 1998. – С. 5–20.

7. *Филатова, Е. Н.* Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг. / Е. Н. Филатова. – Минск: Бел. наука, 2006. – 192 с.

8. *Radwan, M.* Carat wobec Kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim 1796–1839 / M. Radwan. – Roma-Lublin: Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. – 504 s.

9. *Авчинникова, Ю. А.* Становление и деятельность Полоцкой униатской духовной консистории в годы архиерейства Иоасона Смогоржевского и Ираклия Лисовского / Ю. А. Авчинникова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2009. – № 7. – С. 32–35.

10. *Мосейчук, Л. И.* Теологическое образование приходского униатского духовенства на белорусских землях в 1743–1839 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мосейчук Людмила Ивановна; Беларус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2019. – 26 с.

11. Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – Санкт-Петербург: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830.

12. *Likowski, E.* Dzieje Kościoła Unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku / E. Likowski. – Poznań: nakł. Jarosława Leitgebra, 1880. – 495 s.

13. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Тип. губерн. прав., 1865–1915. – Т. 16: Документы, относящиеся к истории церковной унии в России (1595–1839 г.). – 1889. – 704 с.

14. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов: в 2 т. – Санкт-Петербург: Синод. тип., 1907. – Т. 2: 1701–1839. – VIII, 1632 с.

15. *Галанов, М. М.* Политика российского самодержавия и позиция русской православной церкви в отношении католиков и униатов в годы царствования Павла I: дис. ... докт. ист. наук: 07.0002 / М. М. Галанов // Санкт-Петербургский гос. эконом. университет. – Архангельск, 2014. – 536 л.

16. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 815.

17. *Свидерский, Л.* Иоанн Красовский, полоцкий униатский архиепископ / Л. Свидерский. – Витебск: Губернская типография, 1911. – 2, III, 437, 4 с.

18. *Толстой, Д. А.* Римский католицизм в России. Историческое исследование: в 2 т. / Д. А. Толстой. – Санкт-Петербург: тип. В. Ф. Демакова, 1876. – Т. 2. – VII, 438, 139 с.

19. *Семашко, И.* Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные императорской Академией наук по завещанию автора: в 3 т. – Санкт-Петербург: тип. имп. Академии наук, 1883. – Т. 1: Записки, собственноручно писанные Иосифом, архиепископом Литовским. – VIII, 745 с.; Т. 3: Важнейшие распоряжения преосвященного Иосифа, выписанные из протоколов Литовской духовной консистории. – IV, 1402 стб.

20. *Попов, А. Н.* Упразднение греко-униатских монастырей в Западной России 28 февраля 1828 г. / А. Н. Попов // Русская старина. – 1870. – Т. 1. – № 6. – С. 527–550.

21. *Морошкин, М. Я.* Воссоединение унии / М. Я. Морошкин // Вестник Европы. – 1872. – № 4. – С. 606–643.

22. *Шавельский, Г. И.* Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / Г. И. Шавельский. – Санкт-Петербург: Тип. «Сельского вестника», 1910. – XXIV, 380, 82 с.

23. *Варадинов, Н. В.* История Министерства внутренних дел / Н. В. Варадинов. – Санкт-Петербург: тип. М-ва вн. дел, 1858–1862. – Ч. 3. Кн. 1: Период третий. С 19 ноября 1825 по 20 августа 1855 г. – 1862. – X, 777 с.

24. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е с 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – Санкт-Петербург: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830–1884.

25. Извлечение из отчёта обер-прокурора Святейшего Синода за 1837 г. – Санкт-Петербург: Синодальная тип., 1838. – 123, 252, IV с.

26. Извлечение из отчёта обер-прокурора Святейшего Синода за 1838 г. – Санкт-Петербург: Синодальная тип., 1839. – 110, 131, IV с.

27. *Likowski, E.* Dziej kościoła greko-unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku: w 2 cz. – Warszawa: Gebethner i Spółka, 1906. – Cz. 1. – 277 s.

(Дата подачи: 27.02.2025 г.)

Жэнь Сюэ

Белорусский государственный университет, Минск

Ren Xue

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(510)+1(510)(091)

ОТРАЖЕНИЕ КОНФУЦИАНСКИХ УСТАНОВОК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР

REFLECTION OF CONFUCIAN ATTITUDES IN THE FOREIGN POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

В статье оценивается влияние конфуцианства на внешнюю политику Китайской Народной Республики в 1949–2023 гг. Автором сделан вывод, что конфуцианские постулаты («мироустройство», «следование середине», «великая гармония», нравственный подход к политике) использовались во внешней политике КНР в качестве вспомогательных элементов. Отмечено, что более активно конфуцианские установки, адаптированные к новым политическим и экономическим реалиям, стали использоваться во внешней политике КНР в начале XXI в.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; конфуцианство; внешняя политика; дипломатия; «пять принципов внешней политики»; суверенитет; развитие.

The article evaluates the influence of Confucianism on the foreign policy of the People's Republic of China in 1949–2023. The author concludes that Confucian postulates («world order», «following the middle», «great harmony», moral approach to politics) were used in the foreign policy of the PRC as auxiliary elements. It is noted that Confucian attitudes adapted to new political and economic realities began to be used more actively in China's foreign policy at the beginning of the 21st century.

Keywords: People's Republic of China; Confucianism; foreign policy; diplomacy; “five principles of foreign policy”; sovereignty; development.

Провозглашение КНР 1 октября 1949 г. ознаменовало новый поворот в политическом развитии Китая. Победу одержали сторонники революции, выражавшие приверженность марксистским идеям и не нуждавшиеся в сохранении старых традиций и концепций.

Неоднозначным было отношение к конфуцианству основателя КНР, Председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна. Известный американский политолог и дипломат Г. Киссинджер утверждал, что Мао, вопреки догматам конфуцианства, «идеализировал бунты и столкновения с силами противника...» [6, с. 113]. Российский советские ученые – политолог Ф. М. Бурлацкий и историк-китаевед Л. С. Переломов также считали, что Мао Цзэдун не придерживался конфуцианских принципов в своей политике [2, с. 168; 14, с. 288]. Эту точку зрения разделяла белорусская исследовательница Е. Е. Кудряшова, которая утверждала, что внешняя политика Мао Цзэдуна не имела «человечного» компонента, который содержался в учении Конфуция [7, с. 158].

Китайские ученые не считают, что Мао категорично отвергал конфуцианские установки. К примеру, научный сотрудник Центрального института педагогических наук и китайского Фонда Конфуция Ян Хуаньин в статье, опубликованной в 1993 г., утверждал, что первый лидер КНР творчески относился к китайскому историческому наследию, вычлняя суть и отбрасывая ненужное и осуществляя гармоничный баланс исторического наследия с марксистской теорией [19, с. 4].

Во времена пребывания у власти Мао Цзэдуна в политике КНР действовала установка «использования древности ради современности» (*гу вэй цзи юн*). Этот подход затрагивал также и сферу внешней политики. В частности, в 1953 г. Премьер Государственного совета и по совместительству министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай объявил, что внешняя политика КНР базируется на «пяти принципах мирного сосуществования». В число этих принципов вошли уважение суверенитета и территориальной целостности, мирное сосуществование, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода [12, с. 140–141]. Соответствующие принципы в определенной мере совпадали с конфуцианскими постулатами «гармонии» и «человеколюбия».

Вместе с тем Мао Цзэдун считал, что конфуцианская идеология не должна определять политику КНР, поскольку ее используют реакционные элементы [10, с. 146]. Негативное отношение к наследию Конфуция усилилось во время «культурной революции», начатой в 1966 г. (в 1981 г. в КНР была принята резолюция по некоторым вопросам истории КПК, в которой «культурная революция», осуществленная по инициативе Мао Цзэдуна, была охарактеризована как гражданская война, ошибочно инициированная лидерами и использованная контрреволюционными группами [4]). В 1973–1975 гг. в КНР была организована кампания «критики Линь Бяо (министра обороны КНР, погибшего в 1971 г. в авиакатастрофе) и Конфуция». Линь Бяо обвинялся в стремлении придерживаться конфуцианского «принципа середины» (*чжун юн*) в борьбе против «левого» и «правого» уклонов в КПК [14, с. 9; 266]. Критикуя Конфуция и Мэн Цзы за «капитулянтство во внешней политике», радикальные маоисты утверждали, что внутренних «реак-

ционеров и оппортунистов» в КНР, разделяющих его идеи, поддерживает Советский Союз [14, с. 10; 277]. Таким образом, внутренняя идеологическая полемика, связанная с конфуцианством, переносилась на уровень межгосударственных отношений.

Пришедший к власти в КНР после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Дэн Сяопин относился к конфуцианским установкам в области государственного управления более терпимо, внося свой вклад в интеграцию конфуцианства и марксизма. Он акцентировал внимание на необходимости мирного развития Китая, выступал за урегулирование международных споров путем диалога и консультаций и осуществлял «внеблоковую» внешнюю политику. В 1980-х – 2000-х гг. китайское руководство придерживалось «пяти принципов» внешней политики активнее, чем во времена Мао Цзэдуна.

В конце XX в. власти КНР стали спокойнее относиться к творческому наследию Конфуция. Его демонстративная критика была прекращена. В 1984 г. в Пекине был создан Китайский фонд Конфуция, в 1994 г. там же появился Международный союз конфуцианства, а в отдельных китайских провинциях и городах начали функционировать общества Конфуция [16, с. 22–23]. В КНР стали проводиться научные конференции, посвященные наследию Конфуция и его последователей. Возобновилось издание трудов известных ученых-конфуцианцев, прекращенное во времена «культурной революции». Руководители КПК и КНР стали чаще обращаться к конфуцианскому творческому наследию.

Неотъемлемым компонентом внешней политики КНР в условиях реформ являлось стремление сохранить суверенный статус государства. В октябре 1987 г. на XIII съезде КПК впервые был закреплен курс на строительство «социализма с китайской спецификой», который предполагал осуществление «независимой и самостоятельной мирной дипломатии» [9, с. 79]. В ноябре 1993 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь подчеркнул, что Китай должен учиться у стран Запада передовым технологиям и управлению на научной основе, но при этом политические реформы будут осуществляться не на основе западной модели, а с учетом исторического опыта формирования китайской государственности [17, с. 384]. Также он считал, что главными правами человека являются право на существование и развитие [17, с. 384].

Еще одним компонентом, соответствующим конфуцианским канонам, было стремление к нравственному поведению во внешней политике, направленному на гармоничное развитие мира. Со второй половины 1980-х гг. руководство КНР стало стремиться к формированию отношений «взаимной выгоды, взаимного доверия, равенства и сотрудничества», выражая готовность распространить соответствующий подход на все зарубежные государства, вне зависимости от их статуса на мировой арене.

Эти настроения укрепились в условиях завершения «холодной войны» и прекращения биполярного противостояния. В июле 1993 г. Цзян Цзэминь

на встрече с китайскими дипломатами призвал их «превращать невыгодное в выгодное» [17, с. 360]. 24 октября 1995 г. на торжественном заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН по случаю 50-летней годовщины с момента создания этой организации руководитель КНР подчеркнул, что его страна готова внести более весомый вклад в развитие человечества [17, с. 553].

На заключительном этапе пребывания Цзянь Цзэминя у власти китайская дипломатия стала оперировать понятиями «гармонии и разнообразия». Разъясняя суть этой установки во время выступления в Гарвардском университете в декабре 2003 г., Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао отметил, что соответствующий подход способствует налаживанию дружественных отношений с дружественными странами и устранению межгосударственных противоречий, поскольку гармония предполагает мирное сосуществование и развитие, а различия дополняют друг друга [3].

Сменивший в 2002 г. Цзянь Цзэминя на посту Генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Ху Цзиньтао в 2005 г. выступил с развернутым предложением о создании «гармоничного мира», который мог бы охватить сферы политики, экономики, культуры, безопасности и экологии. В основу «гармоничного мира», по его мнению, следовало положить взаимоуважение, равноправные консультации и демократизацию международных отношений, сотрудничество и взаимодополнение экономик, взаимную выгоду и сбалансированность развития, взаимный обмен и уважение к культурному многообразию, взаимодоверие, мирное разрешение конфликтов и совместные усилия по поддержанию мира и стабильности, охрану окружающей среды общими усилиями всех стран [1, с. 17].

В начале 2010-х гг. Китайская Народная Республика позиционировала себя как «ответственную мировую державу», активно участвующую в работе международных структур [1, с. 17].

В XXI в. активизировалась пропаганда конфуцианства за пределами КНР. Важную роль в этом отношении сыграли Институты Конфуция. Первый из них был открыт в Сеуле (столице Республики Корея) 21 ноября 2004 г. К концу 2010 г. за пределами Китая действовало 322 института и 369 классов Конфуция в 96 странах и регионах мира [5]. Таким образом, именно образ Конфуция стал олицетворением культурного наследия Китая и брендом китайского государства.

Ху Цзиньтао напрямую не связывал внешнеполитические инициативы КНР с конфуцианством, но это сделал министр иностранных дел КНР Ян Цзечи. В июне 2012 г. на научном симпозиуме по безопасности, проходившем в Пекине, он подчеркнул, что принципы внешней политики КНР созвучны конфуцианской идее «гармоничного мира» [20, р. 117].

Еще активнее к наследию Конфуция руководство КНР стало обращаться после избрания на должность Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзинь-

пина в ноябре 2012 г. (в марте 2013 г. эта должность была совмещена с должностью Председателя КНР). Новый лидер КНР неоднократно использовал цитаты Конфуция в своих выступлениях. 24 сентября 2014 г. в выступлении на научном семинаре в Пекине, посвященном 2565-летию со дня рождения Конфуция, он отметил, что конфуцианство, которое изначально было китайской философской системой, распространилось по всему миру и стало частью мировой цивилизации [15, с. 200].

28 марта 2015 г. в выступлении на Боаоском азиатском форуме Си Цзиньпин заявил, что китайская нация с древности придерживается гармонии в межгосударственных отношениях, поэтому Китай будет и в дальнейшем осуществлять независимую и мирную внешнюю политику, сориентированную на взаимную выгоду. Также он подчеркнул, что Китай намерен содействовать установлению международных отношений нового типа, основанных на правильном понимании справедливости и выгоды, защищать мир во всем мире и помогать всеобщему развитию [15, с. 261].

Соответствующие установки были поддержаны на XIX и XX съездах КПК, проходивших в 2017 и 2022 гг., и закреплены в Конституции КНР в 2018 г. Также они нашли отражение в инициативах Си Цзиньпина по созданию Сообщества единой судьбы (2012 г.), «Одного пояса и одного пути» (2013–2015 гг.), «Нового взгляда на безопасность в Азии» (2014–2015 гг.), Инициативах глобального развития (2021 г.) и глобальной безопасности (2022 г.), Глобальной цивилизационной инициативе (2023 г.), получили практическое воплощение в деятельности КНР в ООН, ШОС, БРИКС, Совещания по мерам доверия в Азии, в сотрудничестве с АСЕАН, ЕС и ЕАЭС, налаживании взаимовыгодного сотрудничества со странами Запада и Глобального Юга, в посреднических усилиях и предложениях КНР по урегулированию региональных конфликтов.

В 2010-х и начале 2020-х гг. КНР активно пропагандировала преимущества своего социально-экономического развития, используя СМИ с глобальным охватом аудитории, различные культурные мероприятия, образовательные и гуманитарные проекты, научные и научно-практические семинары, конференции, диалоговые центры и площадки. Активность проявлялась в предоставлении гуманитарной помощи и оказании помощи в развитии [8, с. 136–137]. Продолжалась практика открытия за рубежом институтов и классов Конфуция. Наиболее успешно положительный образ Китая продвигался в развивающихся странах [8, с. 137].

15 марта 2023 г. Си Цзиньпин в речи на диалоге высокого уровня между КПК и другими политическими партиями мира, заявил, что модернизация «с китайской спецификой» способствует общечеловеческому прогрессу и общемировой гармонии [11, с. 215].

Таким образом, можно сделать вывод, согласно которому конфуцианство оказывало воздействие на внешнюю политику КНР, хотя на ранних этапах

ее существования конфуцианские установки демонстративно отвергались, заменяясь догматами марксизма и маоизма. В конце XX – первой четверти XXI в. руководители КНР стали активнее использовать элементы конфуцианской идеологии и практики при осуществлении внешней политики. Важными компонентами внешней политики КНР, связанными с конфуцианством, являлись склонность к самостоятельности во внутренних и внешних делах, отказ от силового навязывания своей модели развития, миролюбие, стремление избегать крайностей («следовать середине») и обеспечивать взаимовыгодное развитие ради общего блага, соблюдать нравственные нормы в процессе международного общения.

Возрастание геополитической и геоэкономической значимости КНР создает условия для проецирования китайского влияния на остальной мир. По мнению некоторых экспертов, в XXI веке проходит процесс создания «Большого Китая», который может включать помимо Китайской Народной Республики и входящих в ее состав специальных административных районов Сянган (Гонконг), Аомыня (Макао) также Сингапур и Тайвань. В более отдаленной перспективе не исключается даже создание «Великого Китая» на основе интеграции «Большого Китая» с Индонезией, Малайзией, Филиппинами и Таиландом с учетом возрастания в этих странах роли китайской диаспоры (хуацяо), которая также разделяет конфуцианские установки [13, с. 149]. Более того, конфуцианство не чуждо многим государствам Восточной Азии, прежде всего Японии, Южной Корее и Вьетнаму. В современных условиях оно не содержит компонента ксенофобии и агрессии, успешно сочетается с иными идеологиями и не препятствует развитию и налаживанию взаимовыгодных межгосударственных связей в различных сферах жизни.

Список использованных источников

1. *Боровой В. Р.* Внешняя политика КНР эпохи Ху Цзиньтао: основные особенности и тенденции / В. Р. Боровой // Труды ФМО: науч. сборник. – Вып. 6. – Минск, 2015. – С. 15–19.
2. *Бурлацкий Ф. М.* Мао Цзэдун и его наследники / Ф. М. Бурлацкий. – Москва: Междунар. отношения, 1979. – 400 с.
3. *Вэнь Цзябао.* Вэнь Цзя бао цзун ли ха фу янь цзян: ба му гуан тоу сян чжун го = Речь премьер-министра Вэнь Цзябао в Гарварде: «Обратите внимание на Китай» / Цзябао Вэнь // Сайт китайских новостей. – 12.12.2003. – URL: <https://www.chinanews.com.cn/n/2003-12-12/26/380015.html> (дата обращения: 24.11.2024) (на кит. яз.).
4. *Жэнь Пин.* И ши вэй цзянь ши вэй лэ гэн хао цян цзинь = Извлекать уроки чтобы двигаться вперед / Пин Жэнь // Жэньминь жибао онлайн. – 17.05.2016. – URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2016/0517/c1003-28355143.html> (дата обращения: 24.12.2024) (на кит. яз.).
5. Институт Конфуция // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Институт_Конфуция (дата обращения: 21.11.2024).

6. *Киссинджер Г.* О Китае / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. Н. Верченко. – Москва: АСТ, 2014. – 635 с.

7. *Кудряшева Е. Е.* Влияние конфуцианства на внешнеполитическую стратегию КНР в период правления Мао Цзэдуна / Е. Е. Кудряшова // Сборник работ 62-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, 17–20 мая 2005 г., г. Минск: в 3 ч. / редкол.: А. Г. Захаров (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2005. – Ч. 3. – С. 157–162.

8. Лю Сяосюань. Роль конфуцианской этики во внешнеполитических установках современного Китая / Сяосюань Лю // Управленческое консультирование. – 2022. – № 5 (161). – С. 132–140. – URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-5-132-140>.

9. *Лю Пу.* Дан дай чжун го вай цзяо цзя чжи гуань: нэй хань гун нэн юй гоу цзянь = Современные китайские дипломатические ценности: коннотация, функция и конструкция / Пу Лю // Преподавание и исследования. – 2022. – № 3. – С. 76–87 (на кит. яз.).

10. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения: в 5 т. / Цзэдун Мао. – Т. 5: 1964–1977. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1977. – 640 с.

11. *Меркулов К. К.* О некоторых аспектах международного значения теории и практики современной китайской модернизации / К. К. Меркулов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. / В. Е. Петровский, В. Е. Сафонова, Ш. Уизарат [и др.]. – 2023. – Гл. 16. – С. 210–224.

12. *Нечай А. А.* Роль «Пяти принципов мирного сосуществования» Китая в установлении многополярного мироустройства / А. А. Нечай // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – № 17 (1). – С. 139–147. – URL: [10.22394/2073-2929-2023-01-139-147](https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-139-147).

13. *Оганесян А. Л.* Роль конфуцианства в современной китайской геополитике / А. Л. Оганесян // Религия и образование: социально-политический контекст: сборник научных материалов, подготовленных по итогам круглого стола «Религия в координатах нового мирового порядка», Москва, РУДН, 24–25 нояб. 2017 г. – Москва: РУДН, 2017. – С. 143–153.

14. *Переломов Л. С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. – Москва: Наука, 1981. – 340 с.

15. *Си Цзиньпин.* О создании Сообщества единой судьбы человечества / Цзиньпин Си. – Изд-во «Чжунъян бяньи чубаньшэ», 2021. – 692 с.

16. *У Гуан.* Чжун го дан дай жу сюэ фу син дэ син ши юй фа чжань фан сянь = Состояние и направления возрождения конфуцианства в современном Китае / Гуан У // Журнал Ханчжоуского педагогического университета. – 2011. – № 1. – С. 21–31 (на кит. яз.).

17. *Цзян Цзэминь.* Избранное: в 2 т. / Цзэминь Цзян. – Т. 1: 2010–2012. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2010. – 698 с.

18. Чжан миньцин. Ци ши нян вай цзяо ши цзянь дэ хой хуан чэн цзю юй чжун го тэ сэ да го вэй цзяо синь цзюй мянь = Блестящие достижения 70-летней дипломатической практики и новые горизонты великодержавной дипломатии с китайской спецификой / Пин Жэнь // Жэньминь жибао он-лайн. – 30.05.2019. – URL: https://theory.gmw.cn/2019-05/30/content_32879786.htm (дата обращения: 25.12.2024) (на кит. яз.).

19. Ян Хуаньин. Фа ян жу сюэ дэ цзи цзи цзин шэнь фань жун шэ хой чжу и вэнь хуа сюэ си мао цзе дун гуань юй жу сюэ дэ лун шу = Продвижение позитивного духа конфуцианства, процветание социалистической культуры и изучение высказываний товарища Мао Цзэдуна о конфуцианстве / Хуаньин Ян // Исследования Конфуция. – 1993. – № 3. – С. 3–9 (на кит. яз.).

20. Dellios, R. China's Quest for Global Order / R. Dellios, R. J. Ferguson. – Lanham – Boulder – New York – Toronto – Plymouth: Lexington Books, 2013. – 161 p.

(Дата подачи: 21.02.2025 г.)

О. В. Забельникова

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск

V. Zabelnikava

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk

УДК 94

ДИСКУССИИ СОВЕТСКИХ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТОВ ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ «ВСТРЕЧИ МИРОВ» НА АМЕРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

DISCUSSIONS OF SOVIET LATIN AMERICANISTS AROUND THE PROBLEM OF THE «MEETING OF THE WORLDS» ON THE AMERICAN CONTINENT

Статья посвящена рассмотрению вклада советской школы изучения историко-культурного развития Латинской Америки в мировую историографию. В ней сделан комплексный анализ многочисленных интерпретаций открытия Америки советскими латиноамериканистами и в целом научного наследия советской историографии по проблеме встречи миров, народов, культур и цивилизаций на Американском континенте.

Ключевые слова: открытие Америки; встреча миров; Новый Свет; советская латиноамериканистика; институт Латинской Америки; европоцентризм; латиноамериканизм.

The article is devoted to the consideration of the contribution of the Soviet school of studying the historical and cultural development of Latin America to world historiography. It contains a comprehensive analysis of numerous interpretations of the discovery of America by Soviet Latin Americanists and, in general, the scientific heritage of Soviet historiography on the problem of the meeting of worlds, peoples, cultures and civilizations on the American continent.

Key words: discovery of America; meeting of worlds; New World; Soviet Latin American studies; Institute of Latin America; Eurocentrism; Latin Americanism.

Открытие и завоевание Американского континента стали одними из важнейших, переломных событий в мировой истории, положив начало новому периоду всемирной истории – Новому времени. Мировая историческая наука признает важность открытия и колонизации Нового Света для всего человечества. Благодаря событиям, произошедшим на далеком континенте по другую сторону Атлантики 500 лет назад, история стала всемирной: к известным человечеству трем частям света – Европе, Азии, Африке – прибавилась Америка. Очертилась дихотомия мировой цивилизации «Старый Свет» – «Новый Свет»; «доколумбова Америка» стала термином, которым обозначают историческое развитие индейских народов до 1492 г.

Одним из ведущих мировых центров второй половины XX в. по изучению латиноамериканского региона, его истории и культуры можно смело назвать Институт Латинской Америки АН СССР, возникший в 1961 г. и занимавшийся полидисциплинарным изучением этого региона планеты, исходя из марксистской методологии, что накладывало свой отпечаток на исследования. Институт объединял вокруг себя специалистов, которых интересовала молодая латиноамериканская цивилизация и волновала судьба стран региона. Многие ведущие латиноамериканисты советского времени связывали свои научные изыскания именно с деятельностью института, ставшего площадкой для многочисленных конференций, круглых столов, дискуссий по актуальным вопросам латиноамериканской истории и культуры.

В преддверии даты 500-летия открытия Америки, которая праздновалась во всем мире в 1992 г., в мировой исторической науке не утихали споры по поводу оценки тех событий и насколько правомочно именовать их термином «открытие». Не осталась в стороне и советская школа латиноамериканистики.

Советские латиноамериканисты рассматривали открытие Америки с позиций марксистской методологии и формационного подхода к изучению истории. Историки-марксисты считали, что индейские народы к концу XV в. жили в стадии первобытно-общинного строя или рабовладения, а европейцы – уже в развитом феодализме. Советскими исследователями, стоявшими на позициях защиты угнетенных народов, ставилась под сомнение правомочность употребления термина «открытие Америки». Известно, что сам континент был открыт предками индейцев в последний ледниковый период. Некоторые ученые указывали на то, что некорректно применять определение «открытие Америки» применительно к континенту, который

был населен людьми. Г. В. Никольская высказала пожелание использовать этот термин только к факту первого плавания Х. Колумба [1, с. 135].

Крупнейший советский латиноамериканист Ю. А. Зубрицкий в своей монографии предлагает пересмотреть термин «открытие», поскольку он правомерен только для Европейского континента, т. к. Х. Колумб высадился на территорию уже населенной людьми земли. Он считает, что использование термина «открытие» как бы дает право открывателям на колонизацию, владение территориями другого народа, на захват и разрушение материального и духовного наследия «открытого» народа. Автор считает неправомочным применять этот термин в отношении любой территории Земли, уже населенной людьми [2, с. 3–4].

Б. Н. Комиссаров указал на истину: события 1492 г. привели к историческому взаимодействию народов, живущих по разные стороны Атлантики, интеграции культур в масштабах всей планеты, следовательно, Американский континент был открыт для всего человечества [3, с. 30].

Единого толкования открытия Американского континента как исторического явления в науке не существует. Большинство ранних дискуссий вращалось вокруг расового и национального фактора, а все события рассматривались с позиций одной из участвующих рас: европеоидной (испанцы) или монголоидной (индейцы). Странников именованию событий 1492 г. «открытием», поскольку, по их мнению, именно Европа открыла миру Америку, относят к европоцентризму – исторической концепции, обосновывающей и оправдывающей конкисту и колонизацию доколумбовой Америки и представляющей ее как историческую миссию европейских народов, которые подарили блага европейской цивилизации и культуры отсталым и диким аборигенам.

Странники латиноамериканизма, стоящие на позициях защиты индейцев и отстаивающие право коренных народов быть субъектами собственной истории, считают корректным именовать события 1492 г. «соприкосновением» двух миров, которое не затронуло фундаментальные основы индейского мира [4, с. 78]. Так, крупнейший советский исследователь Р. В. Кинжалов обвинил сторонников определения «открытия» в том, что они тем самым оправдывают последующие бесчисленные злодеяния завоевателей и стирание исторической памяти народов Нового Света [5, с. 183]. Часть исследователей утверждало, что коренным народам открытие было навязано, и они хотели бы избежать его, поскольку это привело к катастрофическим последствиям для их мира и всего индейского народа [4, с. 66].

По сути, с даты, которую весь мир отмечает как начало Нового времени, начался геноцид автохтонных народов Америки и почти тотальное стирание самобытного индейского мира и культуры. Приверженцы латиноамериканизма высказали важный посыл, изменивший традиционный взгляд на открытие Америки: индейская культура была в равной степени самоцен-

ной, как и европейская, а коренные народы Нового Света должны рассматриваться как субъекты латиноамериканской истории, внесшие огромный вклад в мировую историю и обогатившие общечеловеческую цивилизацию.

Совершенно очевидно, что большинство советских латиноамериканистов стояло на позициях латиноамериканизма и отстаивало право индейцев на объективное рассмотрение собственной истории. Однако в советские годы были историки, которые обвиняли латиноамериканизм в культивировании антииспанства и отрицании вклада европейцев в становление латиноамериканской цивилизации. Ю. А. Зубрицкий высказал оригинальную идею, имеющую основания: благодаря экспедициям Х. Колумба у автохтонных народов Нового Света появилось самосознание, произошло самооткрытие и отождествление себя единым народом, отличавшимся от «иных», которые пришли на их родную землю [2, с. 57–58].

В конце 80-х гг. XX в. в преддверии 500-летия открытия Америки в мировой исторической науке все чаще стали говорить не об открытии, а о «встрече двух миров и двух культур», приведшей к формированию уникальной латиноамериканской цивилизации [6, с. 46]. Советский исследователь А. В. Подгуренко делает справедливое уточнение: если рассматривать промежуточный итог становления латиноамериканской цивилизации сегодня, то речь шла о встрече трех народов – представителей различных рас (европейской, индейской и негритянской) [7, с. 90].

Подобный примирительный взгляд на события открытия Америки явил миру множество определений и характеристик тех событий, которые долгое время рассматривались с предвзятых позиций одной или другой участвующей в открытии стороны: пришедших для завоевания новых земель европейцев, или подвергшихся колонизации коренных американских народов.

Так, среди советских специалистов все громче стали звучать определения «встреча», часть из которых, например В. В. Силюнас, окрашивала ее в негативные тона, именуя «драматическая встреча» [8, с. 12], или, наоборот, в нейтральные – «контакт» (Н. М. Польщиков) [9, с. 165]. В противовес им А. В. Гришин высказал мысль, что европейское открытие Американского континента ошибочно именовать «встречей миров и культур», поскольку подлинная встреча имела бы место при условии, если бы было самооткрытие и взаимооткрытие, а индейские народы изначально были поставлены в ситуацию отсутствия выбора [4, с. 73].

Примирительное наименование событий открытия Америки и последующей конкисты как «встреча» в советской историографии имеет обширный разброс уточнений: от «встречи двух культур», «встречи народов и культур», до «встречи двух миров», «встречи Старого и Нового Света» и «встречи цивилизаций».

Часть представителей советской исторической науки именует открытие Нового Света «взаимным открытием», тем самым ставя точку в вопросе

объекта и субъекта в колониальных процессах Латинской Америки, признавая за индейцами право считаться полноценными субъектами собственной истории. Данный взгляд разделяют многие советские специалисты, например, Э. Э. Деменчонок, рассматривающие 1492 г. как точку отсчета сложно-, многогранного процесса взаимного открытия: Европа открыла для себя Америку и Америка также открыла для себя Европу [4, с. 80].

Особый подъем научной полемики наблюдался в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В преддверии празднования 500-летия встречи народов в Новом Свете, получившие неоднозначную оценку научных исторических кругов и мировой общественности, в СССР прошло несколько значимых круглых столов и обсуждений исторической роли даты 1492 г. Большинство из них освещалось на страницах академического журнала «Латинская Америка», ставшего центром полемики советских, а также части латиноамериканских ученых по вопросам исторической значимости плаваний Х. Колумба и открытия им новых земель.

Положил начало многолетней дискуссии круглый стол «Об историко-культурной самобытности Латинской Америки», организованный редакцией журнала «Латинская Америка» в 1981 г. по вопросу выявления существенных характеристик и цивилизационно-культурной исключительности Латинской Америки [10].

В 1987 г. в Москве прошла научная конференция, посвященная тематике открытия, завоевания и колонизации Америки, – «Три каравеллы на горизонте», ставшей площадкой для дискуссий советских ученых [4]. Все выступления ученых, среди которых были такие ведущие специалисты в области латиноамериканской истории, как М. С. Альперович, Т. В. Гончарова, А. А. Истомина, Н. М. Лавров, Э. Э. Литаврина, Н. И. Петякшева, С. Я. Серов, Я. Г. Шемякин, А. Ф. Шульговский и др., были в русле марксистской методологии и не выходили за рамки формационного подхода.

На конференции советские ученые задались вопросом: а можно ли именовать открытие Америки «диалогом культур и встречей», если все события носили исключительно насильственный характер для коренных народов, а открытие Нового Света предложили, вслед за самими латиноамериканцами, называть «продолжающейся встречей», поскольку формирование латиноамериканской цивилизации все еще продолжается [4, с. 51, 53]. М. С. Альперович очертил мысль, что открытие, завоевание, колонизацию Америки, их характер и последствия следует рассматривать в комплексе, при этом учитывать не только индейский, испанский и португальский компоненты, но и вклад других европейских народов в становление Латинской Америки, а именно: англичан, голландцев и французов [4, с. 56]. Е. А. Винокуров считает неправильным представлять участниками встречи со стороны автохтонных народов только народы, создавшие великие цивилизации (майя и ацтеки в Мексике, инки в Перу), но и многочисленные ин-

дейские племена, жившие на периферии индейских цивилизаций, а также индейские народы, которые были завоеваны ацтеками и инками накануне конкисты и ставшие частью великих империй доколумбовой Америки [4, с. 61–62]. Н. М. Лавров задал главный вопрос: 500-летие открытия Америки мировое сообщество будет праздновать или отмечать? [4, с. 79].

Подвел своеобразную черту на этой конференции Я. Г. Шемякин – крупнейший советский и современный российский латиноамериканист. Он высказал мысль, что открытие Америки по своей сути стало встречей двух миров: Испании и Португалии с одной стороны и доколумбовой Америки с другой, а в более широком плане речь идет о встрече Старого и Нового Света [4, с. 68].

Конференция «Три каравеллы на горизонте» подтолкнула полемику советских латиноамериканистов к дальнейшему развитию, следствием чего стали и другие организованные встречи ученых. Так, в 1989 г. в Москве при поддержке редакций журналов «Латинская Америка» и «Вопросы истории» прошел круглый стол «500-летие открытия Америки: встреча цивилизаций», системообразующим вопросом, вокруг которого строилась вся дискуссия, был вопрос: что именно советская латиноамериканистика будет отмечать в 1992 г. и как собирается оценивать историческое событие столь огромной важности и его последствия? [1, с. 136]. А редакция журнала «Латинская Америка» продолжила открытое обсуждение проблемы даты 1492 г. в рубрике «500 лет открытия Америки: встреча культур и континентов», в названии которой уже заложен концептуальный подход советской латиноамериканистики именовать открытие Америки «встречей» и не просто народов, а культур и континентов.

Эта рубрика на протяжении многих лет стала трибуной для высказываний ведущих советских ученых из различных областей гуманитарного знания и открытых дискуссий по вопросам цивилизационной идентичности Латинской Америки. А определение редакцией журнала «Латинская Америка» открытия доколумбовой Америки как «встреча культур и континентов» – наиболее нейтральным.

Одним из первых в рамках этой рубрики высказался Б. Г. Капустин, сформулировавший главный вопрос советской латиноамериканистики в самом названии своего доклада – «Открытие» или «встреча»: проблема релятивности общественного прогресса» [11, с. 71]. В. В. Орлов в завершении своего доклада в рамках этой рубрики задается вопросом: далеко ли поплыли каравеллы человечества, которые все еще в пути? Таким образом, акцентируя, что процесс встречи народов, континентов и миров, начавшийся на Американском континенте в 1492 г., все еще не завершен, а процессы формирования цивилизации в Латинской Америке не завершены [12, с. 90].

В год 500-летия открытия Америки в редакции журнала «Латинская Америка» состоялось обсуждение проблемы встречи народов в Новом Свете

в рамках круглого стола под очень символическим названием «И дольше века длится спор». Кроме советских специалистов в его работе приняли участие ученые из Латинской Америки, рассматривающие дату 1492 г. с позиций латиноамериканизма и именующие открытие Америки «столкновением двух культур с последующим принуждением коренные народы интегрироваться в лоно метисной цивилизации» [13, с. 8]. Мексиканский философ Л. Сеа предложил самое приемлемое, на его взгляд, наименование этого события – «встреча культур», – подчеркнув, что «дата эта не может служить поводом ни для празднования, ни для отрицания, но она наводит на глубокие размышления о том, что именно сформировалось в Латинской Америке в итоге пяти веков и о том, что это означало для Европы» [13, с. 11–12].

Подводя итог, следует отметить, что, советские специалисты в области латиноамериканской истории пришли к выводам, заложившим основы всех последующих исследований в области колониальной истории Латинской Америки: встречу в Новом Свете следует рассматривать в широком историческом контексте как комплексный, многоплановый процесс, растянувшийся во времени на многие столетия. Сегодня, анализируя наследие советской исторической науки, очевидна тенденциозность мнений и методологических подходов советской школы латиноамериканистики. Тем не менее, следует признать огромный вклад ученых из СССР в осмысление факта открытия Америки как события мирового масштаба, положившего начало формированию уникальной латиноамериканской цивилизации и навсегда изменившего облик всего человечества.

Многочисленные высказывания советских специалистов в области латиноамериканистики подвели итог в долгих дискуссиях по вопросу определения сущности и исторической значимости событий 1492 г. для индейских народов, развития Европейского континента и для всемирной истории в целом. Именно с 1992 г. – даты 500-летия открытия Америки – повсеместно и все громче открытие Америки стало рассматриваться как историческая встреча народов, культур и цивилизаций. 1992 г. стал во многом символическим: с одной стороны, закончился советский период развития латиноамериканских исследований и началась современная российская, а с другой, – советская школа латиноамериканистики как бы подвела своеобразный итог многолетним дискуссиям по вопросу интерпретации событий открытия Америки с позиции исторической справедливости для всех участников встречи миров.

Мы считаем, что оптимальным наименованием прибытия европейцев в 1492 г. в Новый Свет является дефиниция «встреча двух миров». Подобное определение исторического значения встречи европейских и индейских народов, культур и цивилизаций, которая положила начало глобализации истории и формирования единого человечества, было одобрено в 1988 г. ЮНЕСКО.

Список использованных источников

1. *Никольская, Г. В.* Открываем Америку / Г. В. Никольская // Латинская Америка. – 1990. – № 5. – С. 135–139.
2. *Зубрицкий, Ю. А.* Встреча миров: открытие и сокрытие Америки / Ю. А. Зубрицкий. – Москва, 1992. – 76 с.
3. *Комиссаров, Б. Н.* Судьбы феодальной формации в Испанской и Португальской Америке / Б. Н. Комиссаров // Iberica Americans. Культуры Нового и Старого Света XVI–XVIII вв. в их взаимодействии: сб. науч. ст.; редкол.: В. Б. Земсков (отв. ред.) [и др.]. – Санкт-Петербург: Наука, 1991. – 287 с. – С. 30–36.
4. Три каравеллы на горизонте («круглый стол») // Латинская Америка. – 1987. – № 5. – С. 50–82; № 6. – С. 47–85.
5. *Кинжалов, Р. В.* Искусство древних майя / Р. В. Кинжалов. – Ленинград: Искусство, 1968. – 197 с.
6. *Земсков, В. Б.* Конкиста, полемика XVI века о Новом Свете и истоки латиноамериканской гуманистической традиции / В. Б. Земсков // Латинская Америка. – 1984. – № 11. – С. 31–48; № 12. – С. 46–59.
7. *Подгуренко, А. В.* Хронотопы «новой» латиноамериканской прозы (к проблеме построения типологии культуры) / А. В. Подгуренко // Латинская Америка. – 1992. – № 1. – С. 90–96.
8. *Силюнас, В. В.* О художественном своеобразии латиноамериканского искусства / В. В. Силюнас // Искусство стран Латинской Америки: сб. науч. ст. / АН СССР, Всес. научно-исследоват. ин-т искусствознаний Министерства культуры СССР; редкол.: В. В. Силюнас (отв. ред.) [и др.]. – Москва: Наука, 1986. – С. 10–38.
9. *Польщиков, Н. М.* Мифотворчество в Новом Свете: Миф апостольской христианизации и его социально-культурные функции / Н. М. Польщиков // Iberica Americans. Культуры Нового и Старого Света XVI–XVIII вв. в их взаимодействии: сб. науч. ст.; редкол.: В. Б. Земсков (отв. ред.) [и др.]. – Санкт-Петербург: Наука, 1991. – 287 с. – С. 165–170.
10. Об историко-культурной самобытности Латинской Америки (круглый стол) // Латинская Америка. – 1981. – № 2. – С. 71–119; № 3. – С. 95–130.
11. *Капустин, Б. Г.* «Открытие» или «встреча»: проблема релятивности общественного прогресса / Б. Г. Капустин // Латинская Америка. – 1987. – № 10. – С. 71–75.
12. *Орлов, В. В.* Далеко ли поплыли каравеллы / В. В. Орлов // Латинская Америка. – 1990. – № 9. – С. 74–90.
13. И дальше века длится спор (круглый стол) // Латинская Америка. – 1992. – № 2–3. – С. 3–12.

(Дата подачи: 03.02.2025 г.)

B. I. Zaharych

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

V. Zakharych

Belarusian State University, Minsk

УДК 271.5(476)»17/18»

**РАСХОДЫ КЛЯШТАРА Ў БЕЛАРУСІ Ў XVIII СТ.
У АДПАВЕДНАСЦІ З ДАМІНІКАНСКІМІ КНІГАМІ
ВЫДАТКАЎ РЭЧЫЦЫ І ЗАСЛАЎЯ**

**EXPENDITURES OF THE MONASTERY IN BELARUS IN
THE 18TH CENTURY ACCORDING TO THE DOMINICAN
EXPENDITURE BOOKS FROM RECHYTSA AND ZASLAWYE**

Артыкул прысвечаны фінансаваму забеспячэнню Дамініканскага ордэна ў Беларусі. Асаблівую каштоўнасць у вывучэнні кляштарнага быту маюць кнігі выдаткаў з кляштару ў Рэчыцы і Заслаўі, якія акрамя адлюстравання фінансавага стану кляштару раскрываюць штодзённыя патрэбы манахаў. Аналізуючы запісы, магчыма ўзнавіць эканамічную структуру кляштару, разгледзіць узаемадзеянне з мясцовым насельніцтвам і выявіць асаблівасці манаскага побыту. Вывучэнне кніг выдаткаў не толькі раскрывае матэрыяльны бок жыцця манахаў, але і дазваляе лепш зразумець духоўныя і сацыяльныя аспекты іх існавання, што робіць гэтую тэму надзвычай важнай для гістарычных даследаванняў.

Ключавыя словы: Дамініканскі ордэн; Рэчыца; Заслаўе; кнігі даходаў і выдаткаў.

The article is dedicated to the suspension of financial support for the Dominican Order in Belarus. Of particular value for the study of monastic life are the accounts of the monasteries of Rechitsa and Zaslavye, which reflect not only the financial situation of the monasteries but also the daily needs of the monks. By analysing the records it is possible to reconstruct the economic structure of the monasteries, to see the interaction with the local population and to identify the characteristics of monastic life. The study of the accounts not only reveals the material side of the monks' lives, but also allows us to better understand the spiritual and social aspects of their existence, which makes this subject extremely important for historical research.

Keywords: Dominican Order; Rechitsa; Zaslavye; income and expense books.

Каталіцкія кляштары на лакальным узроўні з'яўляліся ў XVIII ст. шматфункцыянальнымі цэнтрамі. Акрамя выканання непасрэдна духоўных абавязкаў, яны мелі шырокую сетку сацыяльных кантактаў, займаліся гаспадарчай дзейнасцю. Асаблівую каштоўнасць у вывучэнні кляштарнага быту ў прыватнасці і эканамічнага жыцця ў цэлым маюць кнігі выдаткаў. Гэты тып гаспадарчых дакументаў дае магчымасць выявіць асноўныя напрамкі гаспадарчай дзейнасці кляштару, прааналізаваць іх грашовы бюджэт, прапачыць эканамічныя сувязі паміж кляштарам і наваколлем.

Выключнымі па стану захаванасці з'яўляюцца два рэестры з Архіва Польскай правінцыі дамініканцаў у Кракаве: «Anno 1726 Registrum Percep-

tarum ad annum 1729» для рэчыцкага кляштара [1] і «Incipit Regestra Perceptarum Conventus Zaslaviensis ab Anno 1758–1783» для заслаўскага [2]. Дадзеныя кнігі з Рэчыцы і Заслаўя не з’яўляліся асобным прадметам даследавання ў гістарыяграфіі і ўпершыню уводзяцца у навуковы зварот як самастойная крыніца па сацыяльна-эканамічнай гісторыі Беларусі.

Кнігі выдаткаў з’яўляюцца часткай так званых прыходна-расходных кніг. Традыцыйна адзін дакумент уключаў у сябе Registrum Perceptarum (кнігі выдаткаў), а з адваротнага боку Regitrum Expensarum (кнігі даходаў). Кнігі выдаткаў і даходаў з’яўляюцца даволі надзейнымі фінансавымі крыніцамі. Аднак у дадзеным артыкуле ўвага будзе звернута менавіта на расходы дамініканскіх кляштараў.

Дадзены тып крыніц характарызуецца адсутнасцю наўмыснага скажэння па прычыне іх мэтавай нагрукі: дакладнай фіксацыі выдаткаў кляштара. Запісы дакладныя, аднак сціслыя і без лішніх падрабязнасцей: пры ўзгаданні рамонту кнігі не падавалася яе назва ці пры рэканструкцыі абразоў не пазначалася ў гонар якога святога. Тым не менш, выдаткі, нават самыя невялікія, былі скрупулёзна прапісаныя.

Запісы рабіліся ў дзень выплат, аднак дапускалася спазненне на некалькі дзён дзеля аднамаментнага дакументавання шэрагу закупаў. Запісы з’яўляліся рэгулярна, у форме табліц, з пазначэннем дня і месца выдаткаў, колькасці выплачаных злотых і грошаў. Кніга з Заслаўя мае запісы падсумаванні раз у квартал з подпісамі субпрыёра (намесніка прыёра) і аднаго-двух братоў, і раз у год запісы правінцыяла правінцыі.

Структуру выдаткаў па рээстрах магчыма выкласці наступным чынам: выдаткаванне грошаў на гаспадарчыя патрэбы (абслугоўванне кляштарнага комплексу), духоўнае жыццё і служэнне (выдаткі на правядзенне святаў і урачыстасцей, абнаўленне касцёльнага начыння і дагляд за ім, добрачыннасць), ордэнскія выдаткі (выплата кантрыбуцый, спансаванне візітаў адміністрацыі).

Гаспадарчае жыццё дамініканскіх кляштараў Рэчы Паспалітай з’яўлялася прадметам даследавання ў працах гісторыкаў XIX–XXI ст.ст. У якасці яркага прыкладу апошніх гадоў магчыма прывесці выпуск тэматычнага выдання Дамініканскага гістарычнага інстытута ў Кракаве [3]. Такая крыніца як кнігі даходаў і выдаткаў разглядалася ў шэрагу артыкулаў, прысвечаных асобным кляштарам. Для Клімоўкі кніга канца XVIII – пач. XIX ст. разглядалася ў кантэксце апісання гісторыі кляштарнага маёнтка [4]. Для Харошчы – у якасці крыніцы для рэканструкцыі лакальнай гісторыі кляштара ў кантэксце падзей вайны 1654–1667 гг. [5]; для вывучэння гаспадарчага жыцця ў Сандаміры [6] і Вронках [7]. Тым не менш, апісанні і аналіз такога роду крыніц для дамініканскіх кляштараў Вялікага Княства Літоўскага, асабліва для беларускіх зямель, яшчэ не зроблены, у тым ліку па прычыне абмежаванай колькасці крыніцавай базы.

Фундацыя абодвух кляштароў у Рэчыцы (1634) і Заслаўі (1678) здзейснены шляхецкімі родамі Слушкаў і Сапегаў адпаведна. Дадзеныя кляштары ў XVIII ст. мелі падобны ўклад жыцця, прынцыпы арганізацыі гаспадарчай дзейнасці, колькасны склад, пры ўліку некаторай рознасці ў геаграфічных і гістарычных ўмовах развіцця.

Для забеспячэння штодзённых патрэбаў для манахаў і падданных з іх фальваркаў на сталай аснове вяліся закупка правіянту, купля ці рамонт адзення і абутку. Дадзены пласт закупаў складаў каля траціны ад гадавых сум, з’яўляўся важным выдаткам на пакрыццё неабходных рэсурсаў.

Больш падрабязна кнігі выдаткаў раскрываюць звесткі пра харчовыя закупкі. Відавочна, што пэўная актыўнасць назіралася напярэдадні святаў, аб чым сведчыць найм кухараў. Сярод прадуктовых закупаў сустракаюцца выдаткі ў Рэчыцы на мяса, рыбу, пшаніцу, сезонныя грыбы і ягады, грушы і яблыкі, яйкі, малако, рыс [1]. Кляштар у Заслаўі дадаткова закупаў ракаў, кітайскую гарбату, каву [2]. Сярод алкагольных напояў, ужываемых у кляштарах, магчыма прывесці мёд, піва, віно. Цікава, што сярод закупаемых напояў узгадвалася і гарэлка (wotka), яна набывалася не для ўласнага спажывання, так як крыніца апісвае наступных яе адрасатаў: маляр, хлопцы, убогія. Сустракаліся запісы аб адпаведных выплатах півавару ці вінніку. Перыядычна па патрэбах закупаўся і посуд, шклянны ці гліняны: міскі, жанкі, келішкі, шклянкі; сталовыя нажы ці, напрыклад, вялікія медныя кацялкі на кухню [2, л. 8].

Адзенне таксама грала немалаважную ролю не толькі ў побытавым, але і ў літургічным жыцці. Заўважныя рэгулярныя закупкі матэрыялаў і замовы ў краўцоў на пашыў сезоннага адзення, такога як футра. Запіс ад 12.09.1730 сведчыць аб выдатках грошай на тканіну (7 локцяў зялёнага сукна за 21 зл.) [1; л. 8], відавочна, на пашыў арнату – верхняга літургічнага адзення. Паслугамі ткачоў, краўцоў, шаўцоў дамініканцы карысталіся рэгулярна. Дамініканцы маглі аплочваць таксама некаторыя патрэбы ў абутку і адзенні для людзей свайго фальварку, напрыклад, дамініканцы Рэчыцы ўсяго аплацілі ў 1727 г. 4 зл. для забеспячэння ботамі чэлядзі ўвесну і ўвосень. Заслаўскія манахі таксама выдаткоўвалі сродкі на боты для чэлядзі [2, л. 4, 14].

Сталым пунктам з’яўляюцца выдаткі на медычнае абслугоўванне і гігіену. Як у рэчыцкай, так і ў заслаўскай кнізе сустракаюцца запісы аб выплатах цырульніку, галоўная паслуга якога – галенне манахаў. Адна танзура для рэчыцкага манаха абыходзілася ў 6 гр. [1, л. 18], у той час як для заслаўскага – 8 гр. [2, л. 2]. Акрамя гэтага, да цырульніка звярталіся па дапамогу ў пушчанні крыві як манахам, так і людзям з фальварка, а таксама за дастаўку неабходных лекаў. Звычайна паслугі цырульніка каштавалі ад 1 да 3 зл. за адно наведанне [1, л. 8, 13; 2, л. 2 адв.]. Цікава, што кляштар у Заслаўі меў кляштарнага цырульніка, якому сплачваўся юргельт, аб чым, напрыклад, сведчыць запіс ад 8.01.1769 г., у памеры 9 зл. 2 гр. [2, л. 8].

На медычныя працэдуры ў Заслаўі запрашаўся і фельдшар, што таксама магчыма патлумачыць утрыманнем шпіталю пры кляштары. Так, 5.05.1768 г. фельдшару за працэдуры і лекі было выплачана 8 зл. [2, л. 4]. У справе падтрымкі санітарнага стану сведчаць запісы аб куплі мыла 18 гр. за фунт [1, л. 5 адв.], карыстанне паслугамі прачкі за пранне хабігу ў 15 гр. [1, л. 9 адв.], наведванне лазні за 3 гр. [2, л. 10].

Асобна маглі вылучацца транспартныя расходы. Дамініканцы ў межах сваёй правінцыі пакідалі кляштары для выканання тых ці іншых справаў (наведванне парафіян; паездкі да прыхаджан). Для рэчыцкіх дамініканцаў папулярнымі накірункамі былі Жлобін, Гомель, Рагачоў. Заслаўскія манахі акрамя ўсяго іншага мелі цесныя кантакты з мясцінамі, у якіх размяшчаліся дамініканскія кляштары: у Мінску, Слоніме, Стоўбцах, Хатаевічах, Ракаве, а таксама наведвалі Радашковічы. Неабходна адзначыць, што апошнія два населеныя пункты да таго ж былі вядомыя рынкамі і кірмашамі.

Паездкі вымагалі грошы на перавоз і харчаванне. Звычайна прапісваўся факт паездкі і яе кошт, так, на жнівень 1770 г. дарога з Заслаўя да Мінска і назад каштавала 1 зл. 24 гр. Аднак, разам з бягучымі справамі, бачныя надзвычайныя дарожныя траты. Разгледзім на прыкладзе паездкі манахаў у Ракаў у 20-х лічбах ліпеня 1768 г. Перад адпраўкай, яны на 1 зл. і 2 гр. закупілі дзёгаць і смалу для вазоў. Па прыездзе ў Ракаў пакінулі там міласціну ўбогім у памеры 8 гр. Верагодна, там зламалася конская зброя, з-за чаго на рамонт шораў было аддадзена яшчэ 4 зл. Вяртаючыся, яны дапамаглі сустрэчным людзям адрамантаваць транспарт, на што сыйшло яшчэ 16 гр. [2, л. 5].

Дагляд за кляштарнай гаспадаркай прадугледжвае ўзаемадзеянне з прадстаўнікамі розных прафесій. Узаемавыгодным яно магло быць за штогадовыя выплаты ў якасці ўтрымання, ці аднаразовую аплату паслуг. Так, дамініканцы ўтрымлівалі кляштарную гаспадыню. У Рэчыцы ўзгадваецца гаспадыня Пятроўская, якая за 1727 г. атрымала выплаты ў памеры 23 зл., а ў Заслаўі – гаспадыня Квасоўская, якая за 1769 г. атрымала 24 зл. На ўтрыманні ў фальварку заслаўскага кляштару значыліся такія асобы, як парабак, пастух, цівун. Дзеля добрага функцыянавання кляштарнай гаспадаркі неабходна было рэгулярна звяртацца да паслуг рамеснікаў. Іх спіс для абодвух кляштароў падобны: кацельшчык для рамонту кацялкоў, столяр для рамонту паркана, каморкі ці склепу, шкляр для рамонта вокнаў, бондар для набыцця ці рамонту бочак, маляр, каваль і карэтнік для аблугоўвання транспарту [1; 2].

Сродкі ішлі таксама на заакупку гаспадарчых рэсурсаў, як раслін ці скот. Так, вядомыя рэгулярныя выдаткі на сена ў 5 зл. за воз [2, л. 7, 8 адв., 9 адв.], недарагія насенні агуркоў, цыбулі [2, л. 4 адв.]; купля добрага каня за 45 зл. у 1726 г. [1, л. 8], вала за 24 зл. [2, л. 8], парасят за 2 зл. 16 гр. [2, л. 10] у 1769 г.

З-за розных умоваў і часу існавання кляштароў, манаскія цэнтры размяркоўвалі свае рэсурсы па-рознаму. Так, кляштар у Заслаўі ў 1769 г. мог

дазволіць выплаты рымару ў памеры 120 зл. за новыя вазы і абнаўленне конскай збруі [2, л. 10 адв.], у той час як у Рэчыцы аднамомантных выдаткаў падобных памераў уявіць немагчыма.

Выглядае так, што на забеспячэнне побыту, наладжванне гаспадарчага жыцця ў кляштары і фальварках быў выплачаны большы працэнт ад усіх выдаткаў кляштара.

Значная частка выдаткаў сыходзіла на правядзенне духоўных патрэб і дабрачыннасці. Пытанне міласціны і жабрацтва традыцыйна разглядаецца ў кантэксце ладу жыцця дамініканцаў, а не праз дабрахвотныя ахвяраванні саміх манахаў патрабуючым. Разглядаемыя кнігі выдаткаў фіксуюць перыядычныя ахвяраванні на карысць патрабуючых. Пры ўпісванні дадзеных звестак важным быў сам факт падачы міласціны і яе сума, а не імя атрымальніка, што стварае цяжкасці з інтэрпрэтацыяй запісаў і персаніфікацыяй дадзеных.

Катэгорыі адрасатаў былі наступныя. «Убогія» – найбольш часта ўзгаданая катэгорыя. Запісы на кошт бедных характарызуюцца невялікімі, але рэгулярнымі выдаткамі. Кніга рэчыцкага кляштара ўзгадвае выплату міласціны ўбогім даволі часта: на 1726 г. міласціна была сплочана 10 разоў, у 1727 г. – 7 разоў, у 1728 г. – 4 разы, у 1729 г. – 4 разы, у 1730 г. – 2 разы [1, л. 1 – 41 адв.]. Найбольш часта выплаты праводзіліся ўвесну. Можна меркаваць, што пры адсутнасці ўдакладнення асобы (падарожнік, манах ці пілігрым), міласціну раздавалі мясцовым жабракам і беднякам. Здараліся цікавыя каментарыі, так, 2.04.1769 г. была дадзена міласціна малому хлопцу на жупанік у памеры 20 гр. [2, л. 4]. Варта звярнуць увагу на запісы, якія інфармуюць аб сацыяльным статусе атрымальнікаў. Міласціна для ўбогіх у Рэчыцы ў 1720-х гг. стабільна складала 3 гр., у той час як для ўбогіх шляхцічаў квота складала звычайна 15 гр. [1, л. 8 адв., 10 адв.; 21; 40].

Асобнай катэгорыяй у запісах з'яўляюцца пілігрымы. Варта адзначыць, што пілігрымы карысталіся прывілеямі ў гасціннасці і падтрымцы іх у дарозе да месца паломніцтва. Існуюць запісы аб раздзяленні міласціны пілігрымам без указання іх сацыяльнага стану, сацыяльнага статусу і мэты іх падарожжа (у Рэчыцы, у сакавіку 1726 і 1727 гг. пілігрымы атрымалі 12 і 6 гр. адпаведна [1, л. 3 адв., 11]). Значна радзей уносіліся ў кляштарныя кнігі звесткі пра месца паломніцтва, сацыяльны стан паломніка, а таксама нацыянальнасць. Ёсць толькі адзінкавыя звесткі аб італьянцах, напрыклад, пілігрымуючых праз Заслаўе ў 1768 г. і атрымаўшых 16 гр. [2, л. 7 адв.]. Такім чынам, праглядаецца рэпрэзентацыя дамініканцаў як апекуноў над убогімі, аднак грошы, выдаткаваныя на гэтыя мэты, былі абсалютна нязначнымі.

Манахі-дамініканцы мелі святарскі сан, што вымагала не толькі падтрыманне ў належным стане малітоўных месцаў у кляштары, але і храма ў цэлым, што суправаджалася шэрагам выдаткаў за правядзенне службаў

і выкананне рэлігійных абавязкаў. Сярод іх: утрыманне касцёла, закупка аб'ектаў для правядзення літургій, адсочванне стану царкоўнага начыння.

У Рэчыцкім кляштары сустракаліся запісы аб набыцці новых «абразоў» і «абразкаў» коштам 4–5 зл., рамак для іх за 1 зл., «палатно» на абразы для касцёла і «до Серкві» коштам 1 зл. 24 гр. [1, л. 4, 6, 15, 33 адв.]. Закупаліся таксама ружанцы, крыжыкі, свечы. Да высокіх выплатаў адносяцца паслугі маляра: 30 зл. за маляванне абраза і гроба [1, л. 33] ці злотніка, запрошанага за 30 зл. з Гомеля [1, л. 13]. На жаль, часта пра аб'ём выкананай працы магчыма толькі здагадвацца. Самай вялікай аднамаментнай тратай стала сума ў 150 зл. на новы звон у Рэчыцы ў верасні 1727 г. [1, л. 15]. Для здзяйснення царкоўных рытуалаў набываліся таксама алей і віно [2, л. 4].

Пэўныя выдаткі складаліся на фоне святаў і ўрачыстасцей. Сярод найбольш важных святаў магчыма вылучыць Раство, Вялікдзень і ўспамін Св. Дамініка. Для Заслаўскіх манахаў паказальным быў фэст у гонар Св. Дамініка, які абыйшоўся ў 86 зл. 56 гр. [2, л. 10 адв.].

Цікавым момантам з'яўляецца пытанне міжканфесійнага ўзаемадзеяння. Рэчыцкая кніга змяшчае інфармацыю аб штогадовых выплатах уніяцкім святарам за служэнне святой імшы і прыняцце споведзі ў чэлядзі [1, л. 11 адв., 12, 21].

Для паўнавартаснай і ўрачыстай літургіі дамініканцы ў Рэчыцы і Заслаўі дбалі аб музычным яе суправаджэнні – у першую чаргу на вялікія ўрачыстасці запрашалі кантара [1, л. 18 адв.] ці капэлы [1, л. 27 адв.; 2, л. 10 адв.], што абыходзілася кляштару ад 2 да 10 зл. за свята. Заслаўскі кляштар, за кошт наяўнасці аргана, на праве юргельту выплочваў заробак арганісту ў памеры 40–46 зл. [2, л. 4–15 адв.].

Кнігі паказваюць выдаткі, якія кляштары неслі непасрэдна Ордэну. У першую чаргу – выплата адмысловага падатку (кантрыбуцыі), а таксама іншых выплат на карысць утрымання ордэнскай адміністрацыі і яе ўстаноў. Сума выплат рэгулявалася згодна з матэрыяльнымі магчымасцямі кляштара. Так, магчыма даведацца, што рэчыцкі кляштар выплочваў 30 зл. кантрыбуцыі, заслаўскі ў свой час – 32 зл. Выплата кантрыбуцыі здзяйснялася непасрэдна правінцыялу, адпаведна кляштар нёс дадатковыя выдаткі на ўтрыманне правінцыяла і яго людзей пры кляштары, як у кастрычніку 1768 г., калі з улікам выплаты кантрыбуцыі, кляштарны скарб за тры дні апусцеў на суму каля ста злотых (95 зл. 32 гр.) [2, л. 6 адв.].

З ордэнскіх выдаткаў неардынарнай выплатай з'яўляецца выплата на кананізацыю дамініканкі, Св. Агнесы з Мантэпульчана, у 1726 г. [1, л. 6 адв., 8]. У канцы таго ж года кананізацыя адбылася.

Канстытуцыя Ордэна патрабавала ад манахаў рэгулярнага інтэлектуальнага самаўдасканалення. Гэта вымагала выдаткаў на набыццё літаратуры і канцылярыі. Некаторыя запісы звязаныя з утрыманнем кляштарнай бібліятэкі, напрыклад, ремонт апраў кніг каштаваў у сярэднім 1–3 зл.

[1, л. 13, 27 зв.], набыццё кніг – некалькіх дзясяткаў злотых [2, л. 12 адв.]. Для справаводчых і адукацыйных мэтаў таксама набывалі чыстую паперу, libra (25 аркушаў) якой каштавала каля 1 зл., а таксама мел для пісьма.

Даследаванне расходных кніг дамініканскіх кляштароў XVIII ст. дазваляе глыбей зразумець штодзённае функцыянаванне. Аналіз выдаткаў заслаўскага і рэчыцкага кляштароў сведчыць пра сістэмы і ўпарадкаваны характар манаскай эканомікі на беларускіх землях. На ўтрыманне рэчыцкага кляштару ў 1720-я гг. выдаткоўваліся сродкі ў сярэднім каля трох соцень злотых штогод, аднак гэта адбывалася нераўнамерна. Выдаткі перавышаюць даход, што можа сведчыць аб неспрыяльным матэрыяльным стане кляштара. Іншая сітуацыя, згодна з кнігай Заслаўскага кляштара у канцы 1760 – пачатку 1770-х гг. для функцыянавання неабходна было выдаткаваць каля 3 тыс. зл. штогод, пры ўмове прыбытку ў сярэднім у 5 тыс. зл., што значыла выхад кляштара на самазабеспячэнне. Даследаванне паказвае на неабходнасць далейшага вывучэння справазначна-фінансавай дакументацыі царкоўных адзінак для больш глыбокага разумення дзейнасці царквы на беларускіх землях у XVIII ст.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Archiwum Polskiej Prowincji Dominikanów. – Rz. 1.: Rzeszyca – klasztor OO. Dominikanów. – S. 1 – 41.

2. Archiwum Polskiej Prowincji Dominikanów. – Zł. 1.: Zasław – klasztor OO. Dominikanów. – S. 1 – 23.

3. Studia i Źródła Dominikańskiego Instytutu Historycznego w Krakowie: w 25 t. – Kraków: Wydawnictwo Esprit, 2008–2024. – Т. 9.: Inter oeconomiam coelestem et terrenam mendykanci a zagadnienia ekonomiczne / red. W. Długokęcki, T. Gałuszka, R. Kubicki, A. Zajchowska. – 2011. – 616 s.

4. Jasielczuk, L. Dzieje klasztoru ojców dominikanów w Klimówce 1682–1832 / L. Jasielczuk. – Białystok: Wydawnictwo Prymat, 2005. – 229 s.

5. Рехневский, Ю. С. Польские приходорасходные книги XVII и XVIII столетий / Ю. С. Рехневский // Вестник Императорского русского географического общества / под ред. секретаря О-ва Е. И. Ламанского. – Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и комп., 1859. – Ч. 25. – Р. II. – С. 1–26.

6. Burdzy, D. «Percepta et expensa». Budżety obu klasztorów dominikańskich w Sandomierzu w XVIII w. / D. Burdzy // Klasztor w gospodarce średniowiecznej i nowożytnej, red. M. Derwich. – Wrocław, 2013. – S. 319–333.

7. Kaczmarek, K. Źródła do badań nad gospodarką klasztoru dominikanów we Wronkach / K. Kaczmarek // Klasztor w gospodarce średniowiecznej i nowożytnej, red. M. Derwich. – Wrocław, 2013. – S. 91–100.

(Дата подачы: 25.02.2025 г.)

О. Г. Казак

Белорусский государственный экономический университет, Минск

O. G. Kazak

Belarusian State University of Economics, Minsk

УДК 947.6+323.15(476)

**ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
МЕНЬШИНСТВА В БЕЛАРУСИ В ДОКУМЕНТАХ
КОМИССИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА БССР (1990–1991 ГГ.)**

**THE PROBLEMS OF THE POLISH NATIONAL MINORITY
IN BELARUS IN THE DOCUMENTS OF THE COMMISSION
ON NATIONAL POLICY AND INTER-ETHNIC RELATIONS
OF THE SUPREME COUNCIL OF THE BSSR (1990–1991)**

В статье проанализированы документы фондов Национального архива Республики Беларусь, отражающие положение польского национального меньшинства в Беларуси в позднесоветский период. Делается вывод о том, что органы власти БССР положительно оценивали действия общественных объединений, направленные на удовлетворение объективных культурных запросов польского населения, в то же время указывали на опасность искусственного придания конфликтогенности национальному вопросу.

Ключевые слова: перестройка; межнациональные отношения; общественные объединения; национальные меньшинства.

The article analyzes documents from the collections of the National Archives of the Republic of Belarus, reflecting the situation of the Polish national minority in Belarus in the late Soviet period. It is concluded that the authorities of the BSSR positively assessed the actions of public associations aimed at satisfying the objective cultural needs of the Polish population, while at the same time pointing out the danger of artificially adding conflict to the national question.

Keywords: perestroika; interethnic relations; public associations; national minorities.

Горбачевская перестройка в СССР была крайне противоречивым историческим явлением. Данный период характеризовался системным кризисом в различных сферах общественной жизни – экономической, политической, идеологической. Многие советские граждане в условиях краха коммунистической идеологии теряли привычные социальные ориентиры, классовая солидарность в массовом сознании в значительной степени была замещена этнической самоидентификацией личности. Возросший интерес к истории и культуре различных народов, населявших СССР, можно оценивать позитивно. В то же время «национальную карту» поспешили использовать некоторые политические акторы, стремившиеся упрочить свои позиции с помощью провоцирования межэтнической напряженности [1, с. 334–335].

Актуализации национального вопроса в Советской Беларуси обусловила появление специализированной структуры в составе Верховного Совета (далее – ВС) БССР. Комиссия по национальной политике и межнациональным отношениям ВС БССР была создана 1 июня 1990 г. [2, с. 61]. В фондах данного органа отложились документы, позволяющие более точно охарактеризовать природу зарождавшегося в Беларуси польского этнополитического движения. По данным переписи населения 1989 г., в Беларуси проживало около 417 тыс. поляков, 300 тыс. из которых – в Гродненской области.

1 августа 1990 г. в Комиссию по национальной политике и межнациональным отношениям ВС БССР было направлено письмо от имени руководства Польского культурно-просветительского общества (далее – ПКПО) им. А. Мицкевича (общественное объединение, возникшее в 1988 г. На его организационной основе в 1990 г. был создан Союз поляков Беларуси (далее – СПБ)), в котором содержались требования полонийной организации: предоставление помещений для кружков по изучению польского языка, свободное распространение книг на польском языке, упрощение въезда поляков, проживавших в БССР, в Польшу и др. Авторы справки об ознакомлении с состоянием возрождения национальной культуры и родного языка граждан польской национальности в связи с письмом Гродненского городского отдела ПКПО им. А. Мицкевича от 1 августа 1990 г. в ВС БССР (председатель Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям М. А. Слемнев, заместитель председателя М. В. Жебрак, старший научный сотрудник Института языкознания им. Якуба Коласа Академии наук БССР В. Л. Веренич, старший референт Секретариата ВС БССР И. И. Степура) отмечали, что ПКПО им. А. Мицкевича искусственно обостряло отношения с руководством Гродненской области, в то время как отношения между белорусами и поляками были доброжелательными. В документе сообщалось, что межнациональные отношения не вызывали беспокойства, более того, польская часть населения одобрительно оценивала внимание к ней партийных комитетов, советских органов [3, л. 63].

14–17 августа 1990 г. делегация в составе М. В. Жебрака, В. Л. Веренича и И. И. Степуры посетила с рабочей поездкой Островецкий, Вороновский и Гродненский районы Гродненской области для изучения межнациональных отношений в данных регионах. Посещение первых двух из указанных районов было обусловлено действиями отдельных представителей интеллигенции Литвы по разжиганию сепаратистских настроений в близлежащих регионах Беларуси [4]. В аналитической записке, составленной по результатам поездки, особое внимание уделялось языковой проблеме. Отмечалось, что далеко не всеми лицами, идентифицирующими себя как этнические поляки, в быту использовался польский язык. Кроме того, какого-либо массового движения, направленного на развитие польскоязычного образования, в Гродненской области не наблюдалось.

Сообщалось, что в Вороновском районе поляки (составляли более 80 % населения) разговаривали преимущественно на «простом», это значит белорусском, языке [3, л. 67].

В аналитической записке была приведена подробная характеристика языковой ситуации в Гродненском районе. Сообщалось, что по языковой практике места компактного проживания поляков Гродненского района можно было разделить на две группы. К первой относились населенные пункты из северо-западной части района: г. п. Сапоцкин, д. Соничи, Василевичи, Голынка, Вулька, Калеты и др. Тут основным языком был польский, а белорусский и русский выступали как дополнительные. На территории же основной части района (например, д. Ратичи, Заречанка, Лойки, Поречье, Новая Руда, Индура, Одельск и др.) польский и русский языки использовались в разной степени, но основным языком тут был «простой», то есть местный диалект белорусского. Подчеркивалось, что этноязыковая ситуация в регионе была чрезвычайно сложной и недостаточно изученной [3, л. 69]. Отмечалось, что имевшиеся возможности получения образования на польском языке и активизация религиозной жизни удовлетворяли абсолютное большинство польского населения района. Авторы аналитической записки отмечали, что польское население было удовлетворено нормализацией функционирования костела и возможностью изучения польского языка в школе. Только в Сапоцкинской средней и Сонницкой неполной средней школах ставился вопрос о преобразовании их в школы с польским языком обучения [3, л. 69].

24 сентября 1990 г. на заседании Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям ВС БССР рассматривалось открытое письмо ПКПО им. А. Мицкевича, в котором содержался ряд требований к органам власти БССР (прекратить «антипольскую кампанию» в прессе, обеспечить ПКПО им. А. Мицкевича помещением, содействовать развитию сети польскоязычных школ, дать возможность активистам польского этнополитического движения выступать на телевидении и др.). Обращает на себя внимание требование прекратить богослужение в костелах на белорусском языке [3, л. 8]. Активисты польского этнополитического движения болезненно реагировали на попытки оспорить устоявшийся стереотип «католик – значит поляк». Приглашенный участник заседания Комиссии, известный филолог-полонист В. Л. Веренич в своем выступлении в целом положительно оценил рост польскоязычного образования в Беларуси, но отметил, что внедрять польский язык надо было постепенно и ненавязчиво, учитывая, что основная масса поляков республики говорила в то время на белорусском языке [3, л. 8].

4 декабря 1990 г. состоялось очередное заседание Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям ВС БССР, полностью посвященное положению польского национального меньшинства. На засе-

дание были приглашены активисты СПБ (председатель Т. Ф. Гавин, член организации В. В. Малашевич), заместитель председателя Гродненского облисполкома Н. Е. Колоцей, начальник управления народного образования Гродненского облисполкома А. С. Савчик, первый заместитель Министра культуры БССР В. А. Гилеп, работники Министерства народного образования и др. Т. Ф. Гавин озвучил претензии в адрес органов власти в связи с недостаточным обеспечением помещениями городских и районных отделов СПБ, отказом в разрешении возведения памятников деятелям польской культуры, низким уровнем польскоязычных передач на радио и телевидении и др. [3, л. 45].

Информация специалистов, озвученная на заседании 4 декабря 1990 г., показывает, что активисты польского этнополитического движения намеренно заостряли проблему, прибегая к типичным приемам искусственной политизации этничности. Так, А. А. Савчик представил сведения об организации преподавания польского языка в Гродненской области. С сентября 1988 г. польский язык изучался в 15 школах области в рамках кружковых занятий, в третьем классе школы в д. Лососно Гродненского района – как учебный предмет. Чиновник отмечал, что переход к изучению польского языка в качестве учебного предмета, начатый в 1990/1991 учебном году, не встречал энтузиазма со стороны школьников и их родителей. А. А. Савчик сетовал на трудности в городских школах, где нельзя было иметь полноценные польскоязычные классы из-за малого количества желающих. В ряде случаев даже в городах (Гродно, Мосты и др.) находилось всего 1–5 учащихся, изъявивших желание изучать польский язык [3, л. 56]. Далее А. А. Савчик на конкретном примере продемонстрировал необоснованность требований Т. Ф. Гавина и его единомышленников. Отмечалось, что ПКПО им. А. Мицкевича ставило вопрос об открытии польской школы в Гродно. Имелось в виду, чтобы обучение велось по всем предметам на польском языке. На 1 сентября 1990 г. в Гродно заявлений от родителей, желавших такой образовательной практики для своих детей, было всего три [3, л. 58]. Подобные эпизоды нашли отражение на страницах крупнейшей областной газеты «Гродненская правда», редакционная политика которой в отношении польского национального меньшинства была в целом благожелательной. Так, в одной из заметок прямо признавалось, что открытие польского класса в упомянутой школе д. Лососно произошло вследствие давления администрации учебного заведения на родителей, сомневавшихся в необходимости такой меры [5, с. 3]. К концу учебного года число желавших изучать польский язык в данной школе уменьшилось более чем в два раза [6, с. 2]. Секретарь Мостовского районного комитета Ленинского Коммунистического союза молодежи Белоруссии А. Г. Махнач в своем выступлении на пленуме Мостовского районного комитета Коммунистической партии Белоруссии 26 декабря 1989 г., анализируя ситуацию в образовательной сфере района,

рекомендовал впредь «не открывать изучение польского языка, если есть 2–3 желающих» [7, л. 86].

В другой информационной записке об изучении польского языка в БССР, озвученной на заседании Комиссии 4 декабря 1990 г., сообщалось о довольно интенсивном развитии сети школ с изучением польского языка в позднесоветский период. Если в 1988/1989 учебном году польский язык изучали 989 человек в 25 школах Гродненской области (в форме кружков), то в следующем учебном году – уже 6330 человек в 135 школах. В 1990/1991 учебном году польский язык стал преподаваться также в Брестской области (671 ученик), Минской области (137 учеников), Минске (80 учеников). Больше всего учеников (8252) изучали польский язык в Гродненской области. При этом более 1100 человек в Гродненской области изучали польский язык как отдельный предмет. Сообщалось, что значительную помощь в организации польскоязычного образования в Беларуси оказывала ассоциация «Вспульнота польска» (формально неправительственная организация, функционирующая с 1990 г. под эгидой Министерства иностранных дел и парламента Польши), действовавшая в тесном контакте с СПБ. «Вспульнота польска» к концу 1990 г. при посредничестве СПБ передала в школы Беларуси более 34 тыс. учебников на польском языке, в 1990 г. организовала стажировку 25 учителей польского языка из Беларуси в высших учебных заведениях Польши (стажировку еще 125 учителей оплачивало Министерство образования Польши). Власти Советской Беларуси также предпринимали меры для подготовки учителей польского языка. С 1989 г. 50 студентов изучали польскую филологию в Гродненском государственном университете, ускоренная подготовка учителей польского языка из числа учащихся выпускных курсов также велась в Волковысском педагогическом училище [3, л. 50–54].

По результатам заседания Комиссии 4 декабря 1990 г. было принято решение о частичном финансировании печатного органа СПБ, рекомендации исполнительным органам областного и городского уровней решить вопрос обеспечения помещениями отделений организации, содействию развитию польскоязычного образования, обеспечении библиотек книгами на польском языке и др. [2, с. 61–62]. Таким образом, большинство требований СПБ было удовлетворено, информация о каких-либо деструктивных проявлениях деятельности данной организации не озвучивалась.

В 1991 г. активисты польского этнополитического движения неоднократно обращались в Комиссию по национальной политике и межнациональным отношениям в связи с обсуждением законопроекта, призванного регулировать положение национальных меньшинств. Так, в письме Т. Ф. Гавина от 12 июля 1991 г. декларировалась необходимость создания отдельных национальных административно-территориальных единиц (таким образом предлагалось использовать опыт государственного строитель-

ства в Советской Беларуси 1920–1930-х гг.), развития сети учреждений образования на языках национальных меньшинств (от детских садов до высших учебных заведений), введения должности уполномоченного представителя национального меньшинства при органах местного управления и самоуправления (предполагалось, что мнение данных лиц должно было учитываться при обсуждении вопросов, затрагивавших интересы национальных меньшинств) [8, л. 95–96]. Кроме того, Т. Ф. Гавин в своем письме позиционировал поляков в Беларуси в качестве жертв насильственной ассимиляции, утверждая, что при выдаче паспортов молодежь испытывала на себе давление в вопросе выбора польской национальности [8, л. 99]. Стоит отметить, что агитационная работа польских институций в Беларуси включала призыв, адресованный всем католикам, требовать в органах ЗАГС изменения в документах сведений о национальности (указания польской национальности). Об этом сообщалось, в частности, в аналитической записке, подготовленной сотрудниками Прокуратуры БССР для Первого секретаря ЦК КПБ Е. Е. Соколова (22 октября 1990 г.) [9, л. 44]. Материалы об активистах польского этнополитического движения, требовавших изменения документов, публиковались в печатном издании СПБ «Голос над Неманом» и в первые годы существования суверенной Республики Беларусь. Данная деятельность позиционировалась авторами газеты как «борьба за свою национальность» [10, s. 8].

Таким образом, документы Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям ВС БССР свидетельствуют, что «польский вопрос» в 1990–1991 гг. активно обсуждался в законодательном и представительном органе Советской Беларуси. По большинству предложений, озвученных активистами польского этнополитического движения и имевших объективные основания, Комиссия принимала положительные решения. В то же время в деятельности полонийных организаций в Беларуси (ПКПО им. А. Мицкевича, СПБ) имелись проявления искусственной политизации этничности, которая выражалась в неуместной гиперболизации проблемы удовлетворения национально-культурных запросов поляков Беларуси.

Список использованных источников

1. *Грибанова, Г.* «Голос крови» становится громче (эволюция этнических и религиозных отношений в России с 1980-х гг. / Г. Грибанова // Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / сост. П. Дуткевич, Р. Саква, В. И. Куликов; под ред. Е. Б. Шестопал, А. О. Шутова, В. И. Якунина. – Москва, 2015. – Гл. 10. – С. 330–358.

2. *Пушкін, І. А.* Нацыянальныя супольнасці Беларусі: грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць (1990–2005 гг.): манаграфія / І. А. Пушкін. – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2007. – 206 с.

3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 968. Оп. 1. Д. 4089.

4. *Казак, О. Г.* Литовская «мягкая сила» как фактор обострения межнациональных отношений в Советской Беларуси периода перестройки / О. Г. Казак // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2024. – Вып. 24: в 4 ч. – Ч. 1. – С. 165–171.

5. *Котский, В.* Возвращение ценностей. В области действует культурно-просветительское общество им. А. Мицкевича / В. Котский // Гродненская правда. – 1989. – 25 янв. – С. 3.

6. Круглый стол «Гродненской правды». Межнациональные отношения: пять часов размышлений // Гродненская правда. – 1989. – 6 апр. – С. 2.

7. Государственный архив общественных объединений Гродненской области. – Ф. 14. Оп. 64. Д. 2.

8. НАРБ. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 4094.

9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 156. Д. 775.

10. *Gordianiec, W.* List / W. Gordianiec // Glos znad Niemna. – 1992. – 16–31 października. – S. 8.

(Дата подачи: 24.02.2025)

И. И. Калачёва, Чжан Синь

Белорусский государственный университет, Минск

I. I. Kalachova, Zhang Xin

Belarusian State University, Minsk

УДК 316.43(091)(510)

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
В ПРОДВИЖЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
КИТАЙСКОГО НАРОДА: ВЗГЛЯД ИЗ БЕЛАРУСИ**

**HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE
IN PROMOTING TRADITIONAL VALUES
AND HISTORICAL MEMORY OF THE CHINESE
PEOPLE: A VIEW FROM BELARUS**

Историко-культурное наследие Китая играет ключевую роль в сохранении традиционных ценностей и исторической памяти китайского народа. В условиях глобализации и трансформаций национальная идентичность и культурное наследие становятся важными элементами устойчивого развития общества. Авторы анализируют восприятие молодыми поколениями материальных и нематериальных объектов историко-культур-

ного наследия Китая, основываясь на результатах социологического опроса (890 китайских респондентов, 2023 г.). В статье рассматривается влияние историко-культурного наследия Китая на формирование национального самосознания, а также его роль в развитии туристической отрасли.

Ключевые слова: историко-культурное наследие; традиционные ценности; историческая память; национальная идентичность; туризм; Китай.

The historical and cultural heritage of China plays a key role in preserving traditional values and historical memory of the Chinese people. In the context of globalization and transformation, national identity and cultural heritage are becoming important elements of sustainable development of society. The author analyzes the perception of tangible and intangible objects of China's historical and cultural heritage by younger generations, based on the results of a sociological survey (890 respondents, 2023). This article examines the influence of China's historical and cultural heritage on the formation of national identity, as well as its role in the development of the tourism industry.

Keywords: historical and cultural heritage; traditional values; historical memory; national identity; tourism; China.

В современных условиях обращение к традиционным ценностям и исторической памяти является актуальным и значимым вопросом, так как в условиях трансформаций в функционировании разных стран происходят процессы переосмысления картины мира и национальные традиции остаются фундаментальной опорой для многих государств. Китайский народ является хранителем своей богатейшей истории, которая создавалась веками, и богатства которой сохранились до сегодняшнего дня. Историко-культурное наследие Китая как уникальный ресурс страны, отличающейся от других стран большим разнообразием природных ресурсов, региональных и локальных особенностей в этническом и языковом отношении, имеет ценностное значение.

Опыт сохранения наследия и приобщения к данному бесценному достоянию является важным и для Беларуси, так как в современных условиях межкультурные связи и межстрановые контакты между странами вышли на высокий уровень дипломатических отношений. Построение позитивных межстрановых контактов рассматриваются государствами как новый уровень взаимодействий и обмена опытом. Вопросы привлечения молодежи для обеспечения включенности историко-культурного наследия в туристическую отрасль обеих стран является важнейшей стратегией современного этапа.

Историко-культурное наследие обладает рядом значимых функций, необходимых для продвижения его объектов. Однако, приоритетными функциями являются функция воспроизводства «живой культуры» через поддержание народного творчества и промыслов, их развитие и обновление, а также функция исторической памяти, которая обеспечивает сохранность объектов материальной и духовной культуры и их продвижение как ценности для местного сообщества, так и для внешних аудиторий.

Историко-культурное наследие Китая составляют архитектурные, археологические, этнографические, фольклорные объекты и памятники, во Всемирный список наследия Международной организации ЮНЕСКО внесено 59 единиц [1]. Все наследие классифицируется по критерию «культура»: материальная, духовная и социальная культура. Историко-культурное наследие включает как материальные, так и нематериальные объекты. К материальным объектам отнесены такие известные памятники как Великая Китайская стена, Летний императорский дворец и Гробница Цинь Шихуана, Древние архитектурные сооружения в горах Уданшань, Дворец Потала, Сучжоуские сады и Каменные пещеры Могао и др. К нематериальным такие как китайская каллиграфия, способ резки бумаги, пекинская опера, праздник лодок-драконов и др.

В данной статье рассмотрены вопросы отношения к историко-культурному наследию молодого поколения китайцев как целевой аудитории потребителей туристических услуг, так как наследие является существенным ресурсом для развития сферы туризма. Цель: дать анализ восприятию молодыми поколениями материальных и нематериальных объектов историко-культурного наследия и представить мнение данной целевой группы в формировании имиджа Китая. Для достижения цели были использованы такие методы исследования как анализ теоретических концепций и нормативно-правовых документов, был проведен онлайн-опрос китайской молодежи (890 человек, 2023 г.). Респонденты – это обучающаяся молодежь (88 %), это молодые специалисты, представляющие разные сферы занятости (12 %), это городские жители (56 %), сельские жители – 44 %.

Историко-культурное наследие – это «вид общественных ресурсов, общественные блага, уникальный историко-культурный носитель и свидетель развития человеческой истории» [2; 3; 4; 5, с. 15]. Российские исследователи Ю. А. Сибирцева и Т. А. Кильдяшова пишут о том, что историко-культурное наследие обладает мощным символическим и информационным потенциалом, необходимым для развития и передачи будущим поколениям его ценностей [6, с. 120].

Такие авторы, как Н. В. Медведева, А. С. Стоналова, К. Е. Рыбак, рассматривают ИКН с функциональной точки зрения, наследие, по их мнению – как набор функций [7]. К ним отнесены такие функции, как функция преемственности, образовательная, просветительская, эстетическая, социоинтегративная, аккумулирующая и др.

Е. В. Медведев считает важнейшей функцию государства по защите историко-культурного наследия, тем самым высказывает мнение о необходимости упорядочения направлений работы с потенциалом наследия [8, с. 128–139]. Д. С. Лихачев, Лю Куйли, А. А. Копсергенова отмечают значение историко-культурного наследия как канала коммуникации между поколениями, тем самым авторы подчеркивают фундаментальные смыслы

наследия [2; 3; 4]. И. Н. Ротанова, Н. Ф. Харламова показывают значение историко-культурного наследия в контексте его значения как рекреационно-ресурса [9, с. 19].

В результате социологического опроса китайских респондентов было выявлено, что в их понимании Китай является страной древнейшей цивилизации и культуры, где были открыты новые сферы знания – философия, медицина, практики оказания помощи человеку, это страна, обладающая большим и богатым потенциалом в наличии и сохранности историко-культурного наследия. Большая часть опрошенных уверены в том, что историко-культурное наследие Китая оказывает большое влияние на формирование представлений молодежи о своей стране. Самыми узнаваемыми материальными объектами историко-культурного наследия Китая, по мнению респондентов, участников опроса, являются Великая китайская стена (94 %), Императорский дворец «Гугун» (92 %), Летний императорский дворец (55 %) и Гробница Цинь Шихуана (53 %).

Столь высокий уровень узнавания обеспечивается тем, что в ходе изучения истории, культуры Китая школьники в обязательном порядке знакомятся с достопримечательностями. Изучая историю Китая, невозможно не упомянуть, например, про Великую китайскую стену, которая является самым монументальным сооружением в мире, а также про Гробницу Цинь Шихуана, где покоится первый император династии Цинь.

Наименее известными для опрошенных стали такие объекты наследия, как Древние архитектурные сооружения в горах Уданшань, Дворец Потала и Сучжоуские сады, Каменные пещеры Могао. Этот факт, конечно, подтверждает важнейшую задачу, которую необходимо решать в ближайшей перспективе в работе со школьниками и молодежью, привлекая их к познанию и изучению наследия, включению материалов по данным памятникам в различные формы инициатив и проектов.

В последние годы заметно активизировался интерес к величайшему памятнику китайской культуры и градостроительства – Великой китайской стене. Великая китайская стена представляет собой крупнейшее оборонительное сооружение в мире, которое находится на территории провинции Ганьсу. Строительство Стены началось в III в. до н. э. и продолжалось на протяжении многих столетий, при этом стена претерпела несколько периодов активного расширения и укрепления. На сегодняшний день объект простирается на длину более 21 тыс. километров, имеет множество башен, крепостей и иных оборонительных сооружений. Стена была построена из камня, кирпича, земли и дерева, что делает его образцом инженерного искусства. Однако на сегодняшний день историки, культурологи, а также исследователи из других областей раскрывают новые аспекты истории этого сооружения, что, в свою очередь, поддерживает интерес к этому сооружению [10, с. 312].

Обширную группу нематериальных объектов историко-культурного наследия составляют праздники, музыкальное искусство, художественная культура, технологии и инновации, народная медицина и др. По мнению опрошенных, нематериальное наследие – это величайшее богатство китайского народа, в котором запечатлены коды народа, его представления о ценностях окружающего мира во всем разнообразии красок. Наиболее узнаваемыми элементами нематериального культурного наследия Китая респондентами названы китайская каллиграфия (83 %), китайский способ резки бумаги (77 %), пекинская опера 68 %), праздник лодок-драконов (60 %).

Наименее узнаваемыми нематериальными объектами являются искусство гравировки китайской печати и шелководство, традиционные ремесленные техники изготовления бумаги сюань, элементы традиционной китайской медицины, знание времен и практики, полученные благодаря наблюдению за годовым движением солнца.

Обратимся к наиболее узнаваемым элементам нематериального историко-культурного наследия Китая. Каллиграфия – это искусство письма, имеющее глубокие корни в культуре и истории Китая. В качестве одного из четырех классических искусств, к которым относятся каллиграфия, живопись, шахматы и музыка, каллиграфия играла важную роль в древнем Китае. Обучение этому виду искусства привлекало внимание интеллектуалов, и множество талантливых каллиграфов. Они создавали произведения в разные эпохи династий, начиная с Цинь и Хань. Произведения каллиграфии сохранились в различных формах, например, в письмах, поэтических рукописях, эпитафиях, табличках и даже внутренних убранствах помещений. Текстовое содержание и художественная привлекательность каллиграфии дополняют друг друга, делая ее важным элементом культуры. Китайская каллиграфия тесно взаимодействует с другими видами искусства, такими как живопись, гравюры, танцы и музыка. Китайская версия искусства письма оказывала влияние на развитие каллиграфии в других странах, таких как Япония и Южная Корея и др.

По мнению исследователя Фэн Ш., в основе искусства каллиграфии лежит даосская философия. Основной идеей этого философского течения является стремление к естественности. В каллиграфии, в свою очередь, естественность также является наивысшим стандартом. Таким образом, даосская философия и каллиграфия преследуют одну цель. Внутренние законы каллиграфии также основаны на даосском мышлении [11, с. 217–220].

Китайский способ резки бумаги – это традиционное народное искусство, при котором узоры вырезаются из бумаги с помощью ножниц или ножей. Это искусство используется для украшения предметов быта или в сочетании с другими традиционными занятиями. В Китае вырезание из бумаги является очень популярным видом занятий, его любят и взрослые

и дети, данный вид занятий выполняет функцию проведения совместного досуга родителей и детей.

Огромную ценность для мировой культуры представляет искусство Пекинской оперы. Этот вид искусства стал популярен благодаря длительной практике в различных сферах, таких как литература, исполнительское искусство, музыка, вокал, ударные инструменты, нанесение грима и др. [11; 12; 13].

Исполнительское искусство Пекинской оперы стремится сочетать виртуальные и реальные методы выразительности, преодолевая ограничения сценического пространства и времени. Для этого используются виртуальные эффекты, рисунки, что позволяет достичь высокого художественного совершенства в передаче основных идей пения. К исполнителям и актерам предъявляются такие требования: в выступлениях должна присутствовать изящность и деликатность, все аспекты мастерства должны быть драматичными, а само пение – мелодичным, эмоциональным. В оперном искусстве используется сочетание боевых искусств, литературы и вокала [13, с. 161–165].

Развитие туризма и отдыха как сферы, где используется богатство разнообразных практик китайского народа в современных условиях – неотъемлемый компонент функционирования страны. Отметим, что популяризация национальной культуры и праздников охотно воспринимается китайской молодежью, опрос респондентов показывает, что праздники – это любимый вид отдыха (74,2 %). Поэтому участие в таких праздниках – это способ вовлеченности молодежи в конкретные инициативы по продвижению национального наследия страны.

Фестиваль лодок-драконов часто приводится молодежью в качестве главного события в их жизни. Этот праздник является знаковым событием не только для молодежи, но и объединяет все поколения китайцев, именно благодаря тому, что он включает множество традиционных обрядов и церемоний, признается и старшими и младшими поколениями как ценный. В этот день люди собираются вместе для выполнения следующих обрядов: поклонение богам, молитва о благословениях, изгнание злых духов.

В культурную программу фестиваля также входят различные виды увлечений и гастрономические конкурсы и проекты. В фестивальную программу включают греблю на лодках-драконах, акцию поклонения драконам, сбор лекарственных трав и украшение ими жилищ, ритуалы почитания предков, купание, ужин из риса и рисовых пельменей, запуск воздушных змеев и др. [14, с. 78–80].

Праздник проводится в середине лета, когда звезда Цанлун Цису достигает своего пика, что согласно древним текстам символизирует восхождение дракона к небесам. Считалось, что, когда дракон взмывал в небеса, это было благоприятным временем для проведения ритуалов и молитв,

направленных на благословение и защиту от злых сил. Фестиваль лодок-драконов отражает богатое наследие культуры и традиций Китая, а также глубокие исторические и культурные переживания, связанные с древними представлениями о драконах и связанных с ними обрядами [15, с. 153–157].

Показательным примером популяризации национальной культуры является проект «Празднование Нового года в древних городах».

Проект «Празднование Нового года в древних городах» был осуществлен под руководством Департамента нематериального культурного наследия Министерства культуры и туризма Китая. Департамент мобилизовал различные регионы, чтобы они, опираясь на свои локальные обычаи и традиции, совместно создали национальный бренд, посвященный празднованию Нового года. В проект были включены народные песни, танцы, вырезание из бумаги, лаковая живопись, чайное искусство, народная кухня и др. [16].

Специалистами разрабатываются новые туристические маршруты, которые включают как отдельные объекты материального историко-культурного наследия, так и объекты духовной и социальной культуры китайского народа. Примером может быть тур под названием «Путешествие мастеров нематериального культурного наследия» от туристического агентства «Traveltrade». Маршрут состоит из следующих пунктов остановки туристов: это города Чжунцян, Пекин и Фусян Хутун. Демонстрация нематериальных объектов культуры происходит в городах Пекин и Фусян Хутун. В Пекине туристам предлагается посетить Пекинский музей искусств складных вееров. Здесь они имеют возможность обучиться искусству работы со складным веером. В городе Фусян Хутун китайские туристы могут посетить парк культуры «Пекин Цзинжэнь». Здесь туристы привлекаются к народным ремеслам: они могут обучиться китайскому способу резки бумаги [17].

Таким образом, историко-культурное наследие Китая выполняет функцию сохранения культурного генофонда и обеспечивает преемственную связь поколений. Историко-культурное наследие формирует и фиксирует индивидуальную и коллективную идентичность, играет роль фактора поддержания стабильности территории, формирует социальный капитал и, соответственно, является базисом для конструирования национального бренда.

Результаты проведенного опроса показали, что китайская молодежь проявляет интерес к развитию индустрии туризма и созданию новых туристических маршрутов как на локальном, региональном, так и на страновом уровнях. Они считают, что объекты историко-культурного наследия страны, воплощенные в разных формах и видах жизнедеятельности китайского общества укрепляют связь с прошлым, поддерживают традиционные ценности и историческую память.

Из всего многообразия форм презентации историко-культурного наследия, молодежь отдает предпочтение китайским праздникам, которые,

по мнению китайцев, наиболее сильно привлекают внимание к стране. Молодёжь не только предпочитает быть участником праздничных событий в своем городе, регионе, но и признает важность постоянного освоения разнообразия традиций всего китайского народа. И видит значительные возможности для решения вопросов посредством интернет-платформ. В частности, обращается внимание на социальную сеть «WeChat», так как именно она объединяет большинство молодых людей в интернет-пространстве.

При этом отметим, что совсем небольшая часть молодежи Китая пользуется возможностями информационных технологий для получения новой информации и обучения истории собственной страны (16,2 %). Для решения этой проблемы можно использовать различные форматы предоставления археологических, исторических и культурных фактов, расширять возможности онлайн-курсов по освоению традиционных сфер искусства Китая (например, применять новые образовательные стратегии в преподавании материала). В целом, стоит отметить целесообразность использования возможностей информационных технологий для распространения знаний об историческом и культурном наследии страны как фундаментальной основе традиционной культуры китайского народа.

Список использованных источников

1. 世界文化遗产名录. [Список всемирного наследия]. – URL: <https://whc.unesco.org/zh/list/?iso=cn&search=&> (дата обращения: 18.02.2025).

2. *Лихачев, Д. С.* Декларация прав культуры / Д. С. Лихачев // Официальный сайт Д. С. Лихачева. – 2022. – URL: <http://www.lihachev.ru/lihachev/deklaratsiya/123/> (дата обращения: 18.02.2025).

3. 十一届全国人大常委会专题讲座第十七讲. 我国非物质文化遗产保护的若干问题. 刘魁立. 浏览字号: 大 中 小来源: 中国人大网 2010 [Лю Куйли. Семнадцатая лекция специальной лекции Постоянного комитета одиннадцатого Всекитайского собрания народных представителей. Некоторые проблемы с охраной нематериального культурного наследия моей страны // Всекитайское собрание народных представителей. – 2010]. – 2022. – URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c541/201009/4175021a9194472d888f86c5f47c8638.shtml/> (дата обращения: 18.02.2025).

4. *Копсергенова, А. А.* Культурное наследие: философские аспекты анализа: дис. канд. философ. наук: 09.00.13 / А. А. Копсергенова. – Ставрополь, 2008. – 184 с.

5. *Калита, С. П.* Культурное наследие: трансляция и интерпретация / С. П. Калита // Вестник РУДН. – 2007. – № 4. – С. 14–20.

6. *Сибирцева, Ю. А.* Культурные ресурсы территории: стратегии развития / Ю. А. Сибирцева, Т. А. Кильдяшова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 120–124.

7. *Медведева, Н. В.* Понятие «культурное наследие» и основные теоретические подходы к его изучению / Н. В. Медведева, А. С. Стоналова, К. Е. Рыбак // *Материалы Афанасьевских чтений*. – 2016. – № 3 (16) // *Киберленинка*. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kulturnoe-nasledie-i-osnovnye-teoreticheskie-podhody-k-ego-izucheniyu> (дата обращения: 18.02.2025).

8. *Медведев, Е. В.* Культурные ценности как предмет государственноправового регулирования / Е. В. Медведев // *Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК»*. – 2004. – С. 128–139.

9. *Ротанова, И. Н.* Подходы к разработке системы показателей оценки историко-культурного наследия в модели кадастра туристских ресурсов / И. Н. Ротанова, Н. Ф. Харламова // *Наука и туризм: стратегии взаимодействия*. – 2014. – № 1. – С. 19.

10. *Пронькина, О. Ф.* Краткий обзор культурно-исторических памятников коридора Хэси / О. Ф. Пронькина // *ORIENSS*. – 2022. – № 26. – С. 311–315.

11. *Фэн, Ш.* Развитие китайской каллиграфии: историко-культурный аспект / Ш. Фэн // *Общество: философия, история и культура*. – 2023. – № 8 (112). – С. 217–220.

12. 赵辰昕. 唱响非物质文化遗产保护专家访谈录 / 赵辰昕. – 北京: 中国发展出版社, 2012. – 295–296 [Чжао Чэньсинь. Интервью с экспертами по охране нематериального культурного наследия / Чжао Чэньсинь. – Пекин: China Development Press, 2012. – С. 295–296].

13. *Лукинский, Н. А.* Пекинская опера: происхождение и эволюция / Н. А. Лукинский, Л. И. Шерстова // *Вест. Том. гос. ун-та*. – 2018. – № 54. – С. 161–165.

14. *Дудышев, Д. А.* Охрана нематериального культурного наследия: правовой опыт Китайской Народной Республики / Д. А. Дудышев // *Океанский менеджмент*. – 2023. – № 1 (19). – С. 78–80.

15. *Зиеба, Я.* Событийный туризм в Китайской Народной Республике: суть и его развитие / Я. Зиеба // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2022. – № 6–3. – С. 153–157.

16. 古城古韵年味浓 非遗陪你过大年 – 2024年“古城过大年”活动持续开展 [Древняя мелодия древнего города несет в себе сильный привкус нового года, а нематериальное культурное наследие будет сопровождать вас в праздновании Нового года – “Новый год Древнего города” продолжится и в 2024 году]. – URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/bnsj/fwzwhyys/202402/t20240204_951169.html (дата обращения: 18.02.2025).

17. 非遗匠人之旅 [Путешествие мастера по нематериальному культурному наследию]. – URL: <https://productcatalogue.traveltrade.visitbeijing.com.cn/product/info/b51aa0b> (дата обращения: 18.02.2025).

(Дата подачи: 26.02.2025 г.)

У. Ю. Камінскі

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

U. Kaminski

National Institute For Higher Education, Minsk

УДК 93/94(476)

**«ЗЛУЧЭННЕ ПАМІЖ ЦАРКВОЮ... АДЛОГАМ ЛЯЖАЛА»:
ФЛАРЭНТЫЙСКИ УНІЙНЫ ПРАЕКТ НА БЕЛАРУСКИХ
ЗЕМЛЯХ ВКЛ НАПЯРЭДАДНІ БЕРАСЦЕЙСКОЙ УНІІ**

**«THE UNITY OF THE CHURCH... WAS LIKE A FALLOW
GROUND»: THE FLORENTINE UNION PROJECT
IN THE BELARUSIAN LANDS OF THE GRAND DUCHY
OF LITHUANIA ON THE EVE OF THE UNION OF BREST**

У артыкуле апісваюцца спробы рэалізацыі Фларэнтыйскай царкоўнай уніі (1439) у ВКЛ. Ажыццяўленню фларэнтыйскага праекту перашкодзілі палітычныя абставіны ў час вялікага князя Казіміра (1440–1494), які ў 1467 г. пагадзіўся з пераходам уніяцкай Кіеўскай мітраполіі пад юрысдыкцыю праваслаўнага канстанцінопальскага патрыярха. Крытычна разглядаецца гістарыяграфічная традыцыя бачыць адначасовую лучнасць Кіеўскай мітраполіі з Канстанцінопалем і Рымам. Фларэнтыйскі унійны праект, адрэдагаваны пастановамі Трыдэнцкага сабору, быў канчаткова рэалізаваны толькі ў 1596 г. у Берасці.

Ключавыя словы: Фларэнтыйская унія; Берасцейская унія; Вялікае княства Літоўскае; Кіеўская мітраполія.

The article describes attempts to implement the Florentine Church Union (1439) in the Grand Duchy of Lithuania. The implementation of the Florentine union project was hindered by the political circumstances of the time of Grand Duke Casimir (1440–1494), who in 1467 agreed with the transition of the Uniate Kiev Metropolis under the jurisdiction of the Orthodox Patriarch of Constantinople. The historiographical tradition of seeing the simultaneous unity of the Kiev Metropolis with Constantinople and Rome is critically examined. The Florentine union project, edited by the decisions of the Council of Trent, was finally realized only in 1596 at Brest.

Keywords: Union of Florence; Union of Brest; Grand Duchy of Lithuania; iMetropolitanate of Kiev.

Берасцейская унія 1596 г. – адна з вызначальных падзей не толькі ў гісторыі Беларусі, але і ўсёй Цэнтральна-Ўсходняй Еўропы. Яна аказала ўплыў на далейшую хаду гісторыі рэгіёну, наклала адбітак на развіццё культуры і агаліла актуальныя па сённяшні дзень праблемы чалавечага грамадства: свабоды сумлення, веравызнання і рэлігійнага міру.

Заклучэнне Берасцейскай уніі паклала пачатак узнікненню манументальнай царкоўнай гістарыяграфіі і фармаванню гісторыі царквы як навуковай дысцыпліны. Неабходнасць апелываць да царкоўнай мінуўшчыны ў рэлігійных спрэчках выклікала небывалы інтарэс да гісторыі царквы сярод адукаваных вернікаў усіх канфесій Рэчы Паспалітай. Для асэнса-

вання падзеі, што адбылася ў Берасці, неабходна зразумець яе генезіс, бо падрыхтоўка да гэтага праекту заняла некалькі стагоддзяў. У гістарычным працэсе, які зрабіў рэальным абвяшчэнне уніі, неабходна вызначыць ключавыя моманты, якія наклалі адбітак на характар берасцейскага пагаднення, і балючыя кропкі міжканфесійных стасункаў, што не дазвалялі сціхнуць палеміцы. Традыцыйную палемічнасць гістарыяграфіі царкоўнай уніі XVII–XX стст. не ўдаецца пераадолець цалкам нават у пач. XXI ст., што сведчыць пра актуальнасць даследавання такога гістарычнага феномену, як Берасцейская унія.

Імкненне да царкоўнай еднасці, натуральнае для ўсіх хрысціянскіх канфесій, было асабліва актуальным у падзеленай канфесійна Рэчы Паспалітай. Аднак у рэальнасці імкненне да адзінства заставалася ідэалістычным, бо прадстаўнікі розных канфесій мелі розныя ўяўленні пра тое, што такое Царква, царкоўнае адзінства і якім чынам яно павінна рэалізоўвацца. Такіх розных людзей, што шчыра імкнуліся да царкоўнай еднасці – А. Курбскага, П. Скаргу, К. К. Астрожскага, І. Пацея, – немагчыма назваць аднадумцамі.

Адной з асноўных тэм уніяцка-праваслаўнай палемікі было сцвярдзенне таго, што унія ў Берасці стала ўсяго толькі лакальнай рэалізацыяй універсальнай уніі Каталіцкага касцёла са старажытнымі цэрквамі, адноўленай на саборы ў Фларэнцыі ў 1439 г. Сапраўды, у Берасці была фактычна адноўлена Фларэнтыўская унія, толькі моцна адрэдагаваная контррэфармацыйнымі пастановамі Трыдэнцкага сабору і абмежаваная тэрыторыяй Рэчы Паспалітай. Базавы падыход да справы царкоўнай еднасці палягаў у патрабаванні вызнання «схізматыкамі» каталіцкай веры і папскага прымату. Грэчаска-лацінскія дагматычныя разыходжанні абвяшчаліся ўсяго толькі тэрміналагічнай варыянтнасцю пры выкладанні супольнай хрысціянскай веры.

Паседжанні Фэрара-Фларэнтыўскага сабору (1438 – каля 1447) адкрыў папа Яўген IV (1431–1447). У саборы ў складзе візантыйскай дэлегацыі браў удзел кіеўскі мітрапаліт Ісідар (1436–1458). Ён хутка перайшоў на бок прыхільнікаў уніі, цалкам пагадзіўшыся з каталіцкай аргументацыяй. Чакаючы як мага хутчэй вайсковай дапамогі ад еўрапейскіх дзяржаў для адпору асманскай пагрозы, усе дэлегаты, апроч аднаго, пагадзіліся на новую унію з Рымам. Яна была афіцыйна абвешчана 5 ліпеня 1439 г. [1, с. 48–57].

Аднак, на беларускіх землях ВКЛ рэалізацыя пастановаў Фларэнтыўскага сабору сутыкнулася з праблемай. Вялікі князь Казімір (1440–1492) следам за сваім апекуном, кракаўскім біскупам З. Алясніцкім, падтрымаў антыпапу Фелікса V (1440–1449), абранага каталіцкай апазіцыяй на саборы ў Базэлі (1431–1449). Базэльскія апазіцыянеры вельмі строга ставіліся да ўсходніх «схізматыкаў» і не прызнавалі права ўніятаў на сваю абраднасць і ўласную іерархічную структуру, дазволена ў Фларэнцыі. Польскія біскупы, не прызнаючы сапраўднасці хросту праваслаўных, у дачыненнях з імі заставаліся

вернымі сваёй традыцыйнай лініі паводзін да Трыдэнцкага сабору (1545–1563), пастановы якога Польшча прыняла ў поўным аб’ёме, калі практыка хрышчэння і канверсіі была прыведзена ў згоду з агульнакаталіцкай. Дагэтуль з канвертамі, што прымалі каталіцтва на фларэнтыйскіх умовах, маглі адбывацца прыкрыя здарэнні, як, напрыклад, з прадстаўніком магнацкага роду Солтанам Аляксандравічам, якога далучыў да касцёла сам папа Павел II (1464–1471). Нягледзячы на папскі аўтарытэт, у касцёле ў Вільні Солтан з амбону быў названы няхрышчаным сабакам і выгнаны [2, с. 44].

Такіх уніятаў, як Солтан, не пакідалі без духоўнага пагранавання францішкане-абсерванты, якіх ва Ўсходняй Еўропе называлі бернардынцамі па імені ордэнскага рэфарматара Бернардына Сіенскага (1380–1444), удзельніка сабору ў Фларэнцыі. Будучы прыхільнікамі уніі, манахі прызнавалі хрост па візантыйскім абрадзе і не перахрышчвалі канвертаў з праваслаўя. Яны не адмаўлялі ўніятам у споведзі і прычасці, не баючыся канфлікту з абсалютнай каталіцкай большасцю ВКЛ, што прытрымлівалася процілеглай пазіцыі. Адсутнасць боязі перад большасцю лучыла бернардынцаў з караём Казімірам, запрасіўшым іх у сваю дзяржаву.

Баронячы свае дзяржаўныя інтарэсы, Казімір смела ўступаў у канфлікт з рымскімі папамі і быў двойчы экскамунікаваны (адлучаны ад прычасця). З-за перыпетый актыўнай палітычнай дзейнасці караля лёс Фларэнтыйскай уніі на беларускіх землях ВКЛ аказаўся пакручастым. 14 лютага 1467 г. праваслаўны канстанцінопальскі патрыярх Дыянісі I (1467–1471/72, 1488–1490) даў станоўчы адказ на просьбу ўніяцкага кіеўскага мітрапаліта Грыгора II Балгарына, прызнаўшы яго праваслаўным мітрапалітам Кіеўскім і ўсяе Русі (1467–1472/73) з маскоўскай тэрыторыяй уключна [3, с. 145–147]. Кананічную ўладу Грыгора меліся прызнаць у Ноўгарадзе, што сталася б дыпламатычнай перамогай Казіміра, які яшчэ ў 1461 г. дамогся ханскага ярлыку на гэты важны палітычны цэнтр. Але ў 1471 г. Ноўгарад скарыў вайсковай сілай маскоўскі князь Іван III (1462–1505). Казімір не здолеў дапамагчы свайму хаўрусніку, будучы заняты ўладкаваннем сына ўладзіслава на чэшскі трон (1471–1516) і вайной з Венгрыяй. Маскоўскі князь забараніў прымаць мітрапалітавых паслоў на тэрыторыі маскоўскай дзяржавы, дэзынфармуючы адрасатаў пра ўніяцтва Грыгора і непрызнанне яго патрыярхам. З гэтай пары пачаўся перыяд маскоўскай схізмы, які завяршыўся толькі ў 1560 г. [4, с. 82].

У канфесійнай уніяцкай гістарыяграфіі XVII–XVIII стст., пачынаючы з першага арыгінальнага царкоўнагістарычнага твору «Obrona jedności serkiewne» (1617) Льва Крэўзы, аўтарства якога часам прыпісвалі Я. Кунцэвічу, і працягваючы творами Я. Дубовіча і І. Сцябельскага, замацавалася традыцыя бачыць сярод большасці кіеўскіх мітрапалітаў альбо ўніятаў, альбо прыхільнікаў уніі [5, стб. 234–238]. Водгалас гэтай традыцыі дайшоў да нашага часу ў працах Б. Бучынскага, О. Галецкага, І. Мончака, Ю. Ма-

рошэка, Г. Кіркене, А. Семянчук, Н. Заторскага і інш. Асаблівую крытыку ў прыхільнікаў гэтай традыцыі выклікаў факт неабходнасці вырачэння уніі пры вяртанні пад уладу праваслаўнага патрыярха. Сцвярджалася, што кіеўская мітраполія перабывала ў адначасовай лучнасці з антыўніяцкім Канстанцінопалем і каталіцкім Рымам [6, с. 200]. У пацвярджэнне гэтай думкі прыводзіліся ўскосныя факты павелічэння ў гэты час колькасці студэнтаў-русінаў у еўрапейскіх універсітэтах, стварэння візантыйска-рускіх фрэсак у Супраслі, Малым Мажэйкаве і Сынкавічах [8, с. 162], асабістых канверсій у унію прадстаўнікоў знатных родаў ВКЛ і інш. Сцвярджэнне ж адваротнай думкі дэкларавалася як канфесійна заангажаванае [9, с. 27].

Насамрэч, сітуацыя, хутчэй, адваротная. Канстанцінопальскаму патрыярху Дыянісію цяжка прыпісаць эклезіялагічны індыферэнтызм. Ён меў высокі аўтарытэт у вачах антаганістаў уніі. Дыянісі быў вучнем лідара антыўніяцкага супраціву Марка Эўгеніка (δ Ευγενικός; 1394–1445), архіепіскапа Эфескага, выбітнага багаслова, спікера сабора ў Фларэнцыі, які адзін не падпісаў пастановы аб уніі. Дыянісі двойчы абіраўся на трон патрыярха ў якасці крызіснага менеджара і двойчы сыходзіў адтуль па асабістай волі. Яшчэ пры яго жыцці, але ўжо пад старшынствам пераемніка, у 1484 г. у Канстанцінопалі адбыўся сабор, які разгледзеў працэдуру прымання былых уніятаў і пастанавіў, што для гэтага дастаткова вырачыся ерасі і быць мірапамазаным (канфірмаваным), бо дагэтуль каталікоў часта хрысцілі. Рымскае каталіцтва ідэнтыфікавалася як ерась і таму царкоўнае права разглядала немагчымым інтэркамуніён (супольнае прычасце) з уніятамі.

З 15 мітрапалітаў, якія займалі пасады ў перыяд паміж Фларэнтыйскай і Берасцейскай уніямі, толькі пра дваіх (Язэпа II Балгарыновіча (1500 – каля 1501) і Міхаіла III Рагозу (1589–1599) дакументальна вядома, што яны выяўлялі ўніяцкую пазіцыю. У іх ліку няма аўтара знакамітага звароту да папы Сікста IV (1471–1484) смаленскага епіскапа Місаіла (1451–1480/81), якога Казімір пасля смерці Грыгора хацеў бачыць мітрапалітам, прычым зноў уніяцкім, але той так і не быў інтранізаваны ні папам ні патрыярхам. Усе мітрапаліты пасля смерці Місаіла з каралеўскай згоды ставіліся на пасады канстанцінопальскімі патрыярхамі [10, с. 71]. Ужо пасля прызнання Канстанцінопалем Грыгора, Казімір 15 лютага 1469 г. выдаў дэкрэт перамышлеўскаму «Вонку ўладыку» [11, с. 117] (епіскапу Ёну ці Яну), якім вызваляў духавенства епархіі з-пад юрысдыкцыі свецкай улады. У дакуменце (на які звярнуў увагу навуковага таварыства Б. Н. Флора) сказана, што дэкрэт выдадзены з спадзевам на будучую унію («*spe future unionis semper*»). Гэта сведчанне пра спыненне дзейнасці уніі ў тых гадах ў Перамышлеўскай епархіі як мінімум.

У ВКЛ з часоў Вітаўта (1392–1430) дзейнічала забарона будаваць і аднаўляць мураваныя праваслаўныя цэрквы. Такую ініцыятыву Вітаўту

прыпісвалі польскія біскупы на Лэнчыцкім сінодзе 1527 г. Яны абураліся шматлікімі парушэннямі закону і патрабавалі аднавіць яго дзейнасць, а ўсе новазбудаваныя царквы разбурыць [12, с. 428, 443]. Іх абурэнне выклікала будаўніцтва некалькіх мураваных храмаў з элементамі готыкі ў пачатку XVI ст.

У 1504 г. вялікі князь Аляксандр (1492–1506) асабіста інфармаваў патрыярха Якіма I (1498–1502, 1504) пра заснаванне магнатам А. Хадкевічам новага Супрасльскага манастыра, і патрыярх даслаў сваё благаслаўленне. Гэта была падзея міжнароднага маштабу, патронам манастыра з’яўляўся аблашчаны вялікім князем мітрапаліт Язэп III Солтан (1509–1522) і таму ігумен звярнуўся да караля Жыгімонта (1506–1548), каб той дазволіў «царкву і манастыр будаваці» з каменю. У 1510 г. кароль даў прывілей на будаўніцтва, і праз шэсць гадоў яно было скончана. Мітрапаліт у 1514 г. выдаў манастыру грамату, якой падпарадкоўваў яго сваёй непасрэднай юрысдыкцыі з санкцыі патрыярха Пахома I (1502–1503, 1504–1513) у асобе патрыярхавага прадстаўніка ераманаха грэка Філіпаса. Сярод манастырскага кнігазбору ў Супраслі заўважны адсотак складала палемічная літаратура, скіраваная супраць каталіцтва [13, с. 94].

Прыкладна ў гэты ж час былі пабудаваны царквы ў Сынкавічах і Мэлым Мажэйкаве. Пасля аршанскай перамогі 1514 г. кароль дазволіў гетману К. Астрожскаму збудаваць у Вільні мураваную Траецкую царкву і перабудаваць царкву св. Мікалая. Маштабнае праваслаўнае будаўніцтва ў сталіцы Вялікага княства выклікала абурэнне каталіцкага боку і павінна было спыніцца. Верагодна, у гэтым трэба бачыць прычыну (з увагай да патрабавання Лэнчыцкага сіноду 1527 г.) разбурэння царквы ў Анікштах у 1529 г., якую пабудоваў каталік Г. Осцік [14, с. 31]. З улікам усіх абставін, лічыць Супрасльскі манастыр унііным і бачыць у будаўніцтве мураваных храмаў фларэнтыйскі след падаецца не карэктным.

Пра спыненне праекту Фларэнтыйскай уніі аўтарытэтна сведчыў сам ініцыятар яе аднаўлення ў Берасці мітрапаліт Іпаці Пацей (1599–1613). Яшчэ ў час да яе таёмнай падрыхтоўкі Пацей пісаў князю К. К. Астрожскаму, што здзейсненае ў Фларэнцыі з’яднанне царквы амаль 150 гадоў «адлогам ляжала» (неаранай зямлэй пад парам) [15, с. 281], а ў перадсмяротным тастаманце з ліку кіеўскіх мітрапалітаў назваў толькі дваіх сваіх «продаў»: Ісідара і Міхаіла Рагозу [16, с. 230].

Тым не менш, саму унію ні ў ВКЛ, ні ў Рыме не забывалі. Каталіцтва заставалася прыярытэтным веравызнаннем і ўвесь час адбываўся павольны працэс канверсіі праваслаўных. Гэты працэс на невялікі час спыніла Рэфармацыя, але ўрэшце яна стала каталізатарам імклівага навярнення былой праваслаўнай шляхты ў лацінскі абрад. Калі з боку польскага духавенства назіралася даволі ганарлівае стаўленне да «схізматыкаў» і грэбаванне іх царкоўнай традыцыяй, то з боку каралёў і місіянераў-бернардынцаў

выяўлялася занепакоенасць сапраўдным з'яднаннем праваслаўных жыхароў краю з касцёлам. Вялікую дапамогу ў гэтым кірунку ім аказалі езуіты, запрошаныя ў ВКЛ у 1569 г. віленскім біскупам В. Пратасевічам для барацьбы з Рэфармацыяй.

Рэфармацыя выклікала магутны крызіс у абедзвюх канфесіях. Пра яго ўзровень можна меркаваць па данясенні папскага нунцыя А. Балянецці ў 1583 г. з Берасця, які не змог знайсці ў горадзе ніводнага касцёла ці царквы і быў вымушаны служыць імшу ў лазні [17, с. 50]. Магчыма, у гэтым становішчы трэба шукаць прычыну антыпратэстанцкай пазіцыі І. Пацея і шукання ім паратунку для царквы ў заключэнні уніі. Крызіс ахапіў царкву на ўсёй тэрыторыі ВКЛ. Так, П. Скарга нагадаў праваслаўным, што ў Наваградскім ваяводстве з больш чым 600 праваслаўных шляхецкіх родаў у сваёй канфесіі засталіся толькі 16 і стаяць пустымі 650 цэркваў [18, с. 399]. Нават калі гэтыя лічбы ў палемічных мэтах завышаны, яны паказваюць вялікі ўзровень канфесійнага крызісу.

Езуіты праз выдатна пастаўленую сістэму адукацыі, жорсткую метадку дыспутаў, місіянерскія метады, выпрацавання ў місіях Амерыкі, Азіі і Афрыкі, даволі хутка перамаглі ідэі Рэфармацыі ў свядомасці шляхты і аднавілі моц Каталіцкага касцёла ва ўсёй Рэчы Паспалітай. Як дасведчаныя місіянеры езуіты звярнулі ўвагу на вялікую колькасць усходніх «схізматыкаў» у краіне і актуалізавалі ў грамадстве памяць пра Фларэнтыйскую унію. Дзякуючы ім, тэма уніі ў канцы XVI ст. зноў стала прадметам гарачых дыскусій.

Эфект разарванай бомбы ў 1577 г. выклікала выдадзеная ў Вільні кніга П. Скаргі «*O jedności Kościoła Bożego pod jednym pastierzem i o greckim od tej jedności odstąpieniu*» з заклікам да праваслаўных сабрацца на соймкі і самім дамовіцца аб прыняцці Фларэнтыйскай уніі. Але, будучы пад моцным уплывам пастаноў Трыдэнцкага сабору, езуіцкія місіянеры лічылі неабходным правесці тэалагічна-кананічную рэвізію грэчаскай абраднасці. Так, Б. Гэрбэст (Herbest), які адным з першых нагадаў каталікам пра унію, наогул перайшоў да рыгарыстычнай пазіцыі патрабавання ад канвертаў з праваслаўя адмовіцца ад сваёй абраднасці. У 1586 г. ён выдаў такую агрэсіўна палемічную брашуру супраць праваслаўных, што яе забараніла кіраўніцтва езуіцкага ордэну. Скарга налічыў у веры русінаў 19 аблудаў, а папскі нунцы А. Пасевіна дэталізаваў 11 уласна русінскіх і яшчэ 19 аблудаў, пазычаных у грэкаў [19, с. 152]. Такі дыскрымінацыйны рэвізіянізм выклікаў хвалю літаратурных адказаў і стымуляваў працэс перакладу і друкавання багаслоўскай літаратуры праваслаўнымі апанентамі.

Кніга Скаргі выйшла ў адзін год з адкрыццём у Рыме Грэчаскага калегіюму, у якім меліся вучыцца каталіцкія святары-ўніята і місіянеры, што сведчыла пра падтрымку папскім тронам новых высілак па прасоўванні ідэі уніі ва Ўсходняй Еўропе. Тады ж упершыню была апублікавана «Апалогія

Фларэнтыйскага сабору», прыпісваемая ўдзельніку гэтага сабору Георгію Схалару, які пазней змяніў сваю пазіцыю на антыўніяцкую і стаў першым праваслаўным канстанцінопальскім патрыярхам з іменем Генадзь II (1454–1456, 1463, 1464–1465) пасля асманскай заваёвы і ўцэкаў патрыярха-ўніята. «Апалогія» лічылася тагачасным палемічным бестселерам, выбраныя цытаты з яе выдалі асобнай кніжкай у 1581 г. у Вільні, а ў 1586 г. выйшаў поўны польскі пераклад, здзейснены Станіславам Радзівілам.

Праваслаўныя контраргументавалі трактатам на трактат, рабілі новыя пераклады з лаціны, а «Апалогіі» супрацьпаставілі рукапісную «Гісторыю пра Лістрыйскі, гэта значыць разбойніцкі Фэарарскі ці Фларэнтыйскі сабор, каротка, але справядліва напісаную», надрукаваную толькі ў 1598 г.

Актуальная як ніколі раней тэма Фларэнтыйскай уніі пасля 1582 г. часова сцішылася на карысць новай палемічнай нагоды – каляндарнай рэформы папы Грыгора XIII (1572–1585). Рэформа пачалася ў другое патрыярства Ерамея II Транаса (1572–1579, 1580–1584, 1587–1595), з якім папская курыя звязала такія вялікія царкоўна-палітычныя спадзевы, што на пэўны час перастала цікавіцца ідэяй лакальнай уніі ў ВКЛ. Пасля няўдачы пагаднення з патрыярхам ідэя лакальнай уніі стала дамінаваць, што ўрэшце прывяло да падарожжа дваіх епіскапаў кіеўскай мітраполіі ў Рым і абвясчэння прынятай там уніі ў Берасці.

Такім чынам, Фларэнтыйская царкоўная унія 1439 г. з-за абставін свецкай і царкоўнай палітыкі так і не змагла цалкам рэалізавацца на тэрыторыі ВКЛ, праіснаваўшы на яе тэрыторыі да 1467 г. Спробы вялікіх князёў літоўскіх аднавіць уніяцкую царкоўную структуру не мелі станоўчага выніку. У пачатку XVI ст. унійны праект амаль забыўся, аднак контрэфармацыйная дзейнасць езуітаў у другой палове стагоддзя з новай сілай актуалізавала ідэю уніі. Праект новай лакальнай уніі ўжо не мог быць заключаны на ўмовах сабору ў Фларэнцыі без уліку пострыдэнцкага досведу, што прывяло да новага праекту, абвешчанага ў 1596 г. у Берасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Буллы Папы Рымскага Еўгенія IV // Символ. – 2019. – № 71. – С. 48–149.
2. *Флоря, Б. Н.* Попытка осуществления церковной унии в Великом княжестве Литовском в последней четверти XV–начале XVI века / Б. Н. Флоря // Славяне и их соседи. – 1999. – Вып. 7. – С. 40–81.
3. Лист Дионисия патриарха Константинопольского до Москвы писанны // Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики; сост. Я. Н. Щапов; АН СССР. Ин-т истории СССР. Рукописи собраний Варшавы и Кракова (№№ 1–93) / 26 см. – Москва, 1976. – 161 с.
4. *Лурье, В. М.* Русское православие между Киевом и Москвой / В. М. Лурье. – Москва: Три квадрата, 2009. – 288 с.

5. Оборона Унии. Сочинение виленского униатского архимандрита Льва Кревзы 1617 года // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 4: Памятники полемической литературы в Западной Руси / [под редакцией П. Гильдебрандта]. – Санкт-Петербург: 1878. – Кн. 1. – Стб. 147–312.

6. *Mončak, J.* Florentine ecumenism in the Kyivan church / J. Mončak. – Rome, 1987. – 376 p.

7. *Бучинський, Б.* Студії з історії церковної унії. II. Митрополит Григорій / Б. Бучинський // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1909. – Т. 88. – С. 5–22.

8. *Семянчук, А. А.* Распаўсюджанне ідэй Фларэнцкай уніі ў Вялікім княстве Літоўскім у канцы XV – пачатку XVI ст. / А. А. Семянчук // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зборнік навуковых артыкулаў: у 2 ч. / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы». – Гродна, 2009. – Ч. 1. – С. 158–166.

9. *Заторський, Н.* «Послання Мисаїла до папи Сикста IV» 1476 року: реконструкція архетипу / Н. Заторський. – Львів: УКУ, 2018. – 588 с. – (серія “Київське християнство”, т. 15).

10. *Гудзяк, Б.* Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії / Б. Гудзяк. – Львів: Інститут історії церкви Львівської богословської академії, 2000. – XVI с. – 426 с.

11. W Przemysłu 15. Lutego 1469 r. Kazimierz Jagiellończyk uwalnia duchowieństwo ruskie władcyta przemyskiego z pod juruzdykeyi świeckiej // Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej: z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacyi śp. Alexandra hr. Stadnickiego. – Lwów, 1878. – Т. 7. – Р. 117–118.

12. *Флоря, Б. Н.* Комментарии / Б. Н. Флоря // Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. – Москва: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. 5. – С. 421–492.

13. *Миронович, А. В.* Супрасльскі в честь Благовешення Пресвятой Богородицы монастырь / А. В. Миронович // Православная Энциклопедия. – Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». – 2022. – Т. 67. – С. 91–97.

14. *Кіркене, Г.* Інтэграцыйныя працэсы ў Вялікім Княстве Літоўскім: царкоўная унія / Г. Кіркене // Беларускі гістарычны агляд. – 2005. – Т. 12, сш. 1–2. – С. 21–34.

15. Послание Владимиро-Волынского и Брестского епископа Ипатия Потее к князю Константину Острожскому, с убеждением его к принятию Унии // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Санкт-Петербург, 1863. – Т. 1. 1361–1598. – С. 280–289.

16. Духовное завещание униатского митрополита Ипатия Потея // Археологический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Вильна, 1874. – Т. 10. – С. 229–232.

17. Яковенко, С. Г. Православная иерархия Речи Посполитой и планы церковной унии в 1590–1594 гг. / С. Г. Яковенко // Славяне и их соседи. – Москва, 1991. – Вып. 3. – С. 41–58.

18. Макарий. История Русской Церкви / Макарий (Булгаков). – Москва: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. 5. – 560 с.

19. Krajcar, J. Jesuits and the genesis of the Union of Brest / J. Krajcar // *Orientalia christiana periodica*. – 1978. – V. 44. – P. 131–153.

(Дата подачи: 26.02.2025 г.)

К. Н. Карпович

Республиканский институт высшей школы, Минск

K. N. Karpovich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 930.34

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ (1860–1914 ГГ.)

PERIODIZATION OF THE DEVELOPMENT OF PRELIMINARY INVESTIGATIONS IN THE BELARUSIAN PROVINCES (1860–1914)

В статье обосновывается периодизация становления института предварительного следствия в белорусских губерниях. В её основу положены полномочия, организационная структура и кадровая политика, регламентировавшие различные аспекты деятельности следователей. На основании этого выделены три этапа развития следствия. Организационный период с 1860 по 1863 г. Этап подготовки введения положений судебной реформы с 1864 по 1883 г. В 1883 г. были введены судебные уставы. Это изменило организационную структуру судебных органов в крае, и теперь следователи стали состоять в штате создававшихся окружных судов.

Ключевые слова: судебный следователь; периоды развития; местные особенности; законы.

The article substantiates the periodization of the formation of the institute of preliminary investigation in the Belarusian provinces. It is based on the powers, organizational structure and personnel policy that regulated various aspects of the investigators activities. Based on this, three stages of investigation development are identified. The organizational period from 1860 to 1863. The stage of preparation for the introduction of the provisions of judicial reform from 1864 to 1883. In 1883, judicial charters were introduced. This changed the organizational structure

of the judicial bodies in the region and now investigators began to be on the staff of the created district courts.

Keywords: forensic investigator; periods of development; local peculiarities; laws.

Периодизация предварительного следствия позволяет обобщить основные изменения в становлении этого института, выделив хронологически этапы в его развитии. С момента создания в 1860 г. и до 1914 г. было законодательно внедрено большое количество нововведений, которые во многом пересматривали первоначальные задумки его создателей. Это вынуждает осмыслить особенности этих событий для создания целостной картины изучаемого явления. В отечественной историографии данный вопрос не рассматривался ввиду отсутствия специализированных исследований в этой области. В российской науке ряд исследователей предлагали собственное видение разграничения этапов. Например, А. А. Волчкова в диссертационном исследовании «Институт судебных следователей в дореволюционной России (историко-правовой анализ)» в основу периодизации положила изменение взглядов законодателя на институт судебных следователей. Это выражалось в интерпретации законодателем вводимых или, напротив, отменяемых правовых актов. Автор выделяет три периода: дореформенный; с 1860 по 1864 г., с 1864 до 1917 г. [1]. В монографии «История следствия в России» рассматривался процесс развития органов следствия в различные годы существования российского государства. Время функционирования института судебных следователей с 1860 по 1917 г. было интерпретировано через призму изучения правоприменения законов в разные периоды. Первый период включал в себя время с момента рассмотрения первых проектов по преобразованию предварительного следствия до законодательного введения судебных уставов в 1864 г. Далее автор выделяет этап с 1864 по 1917 г., параллельно рассматривая особенности проведения судебной реформы в разных губерниях империи [2].

Для системного понимания рассматриваемой проблемы необходимо выделить основные этапы становления предварительного следствия в белорусских губерниях. Это позволяет указать на ключевые моменты в развитии явления, которые коренным образом повлияли на институт судебных следователей. В основу отличительных признаков периодов положены изменения, происходившие с институтом на протяжении его существования. В законодательных актах прописывались следующие вопросы: организации деятельности чиновников, кадровой политики и практики проведения следственных мероприятий. Базовая составляющая его деятельности была регламентирована законоположениями, разрабатываемыми чиновниками высших государственных органов власти. Как правило, они либо отменяли предыдущую сущность функционировавшего правила, либо дополняли и совершенствовали его.

Начиная с 1860 г. предварительное следствие в белорусских губерниях вводилось на общеимперских правилах. Этот период характеризовался ор-

ганизационным оформлением деятельности судебных следователей в крае. На практике обрабатывались сложные моменты, сопровождавшие переход от старого порядка производства следствия к новому. 8 июня 1860 г. по указу Александра II предварительное следствие было выведено из юрисдикции полиции. За полицейскими оставалось производство дел по незначительным преступлениям. Итогом реформы стало создание нового института судебных следователей, входившего в ведомство Министерства юстиции. В этом законе прописывались полномочия следователей и указывалась их роль в системе правоохранительных органов [3]. Создание нового института стало важным шагом на пути либерализации не только следствия, но и всей системы судопроизводства. Ю. В. Рошина писала, что следователи приводились к присяге, установленной для судей, являлись носителем судебной власти и были причислены к судейскому званию [4, с. 42–43]. Однако, несмотря на прогрессивные моменты, сохранялись рычаги воздействия со стороны административной власти в лице губернатора на фигуру следователя.

К 1864 г. руководство империи приняло идею о том, что для более эффективного изменения судебной системы необходимо проводить полноценную реформу, которая затронула бы все её структурные элементы. И. С. Фоминых отмечал, что практически все положения реформы 1860 г. были включены в судебные уставы [5, с. 89]. Однако произошли и некоторые изменения. Следователь стал входить в штат не уездного, а окружного суда; ст. 202 Учреждения судебных установлений требовала от них наличия высшего образования; согласно ст. 212 этого же учреждения следователи наделялись судейской несменяемостью; уставы повысили служебный статус чиновника по отношению к 1860 г. с VIII до VI класса [2, с. 76–77]. В ходе реформы был создан институт кандидатов на судебные должности. Они были обязаны исполнять канцелярские функции, а при особом усердии и обязанности следователей [2, с. 122]. К сожалению, в белорусских губерниях из-за событий восстания 1863–1864 гг. введение судебных уставов в полной мере было отложено на неопределённый срок. В других регионах империи в силу местной специфики это было сделано ещё позже. Например, в Сибири и на Дальнем Востоке первые следователи появились в 1885 г., причём органы местной полиции не лишались права проведения следствия [2, с. 89]. Одним из последствий восстания стали ограничительные меры для чиновников польского происхождения при трудоустройстве. Для их замещения привлекались на службу служащие православного вероисповедания из внутренних губерний Российской империи. При переезде в край им гарантировались денежные дотации и преференции при прохождении службы в будущем. А. Д. Кузьмин отмечал, что эта практика находила полную поддержку в лице местных руководителей, хотя это и не всегда приносило позитивный результат в области исполнения профессиональных обязан-

ностей [6, с. 82]. Основным правовым документом, утвержденным в ходе реформы, стал Устав уголовного судопроизводства. Он дополнил основные положения закона 1860 г., показав место и роль следователя в системе созданных окружных судов [7]. 19 октября 1865 г. было утверждено положение о введении в действие уставов 20 ноября 1864 г. Законодатель предполагал вводить новые правила судоустройства начиная с 1866 г. в губерниях, управляемых по общему губернскому учреждению [8]. Из-за создания института мировых судей все маловажные дела следователей должны были быть переданы судьям. Все начатые следствия завершались в установленном порядке. В белорусских губерниях он был введен по указу от 23 июня 1871 г. на основании судебных уставов 1864 г. и положения от 19 октября 1865 г. [9]. В уголовном судопроизводстве ведению судей лежали преступления, за которые предусматривались следующие виды наказаний: выговоры, замечания и штрафы до 300 руб., арест до 3 месяцев. В их число входили: правонарушения, при совершении которых было возможно примирение сторон; кражи и порубки леса. В гражданском судопроизводстве рассматривались денежные иски до 500 руб. [10, с. 400]. Учитывая рост антиправительственных и революционных настроений в обществе, постепенно начался пересмотр первоначальных задумок законодателей в области понимания функциональности судебной системы. Так, с 19 мая 1871 г. судебным следователям было запрещено расследовать политические преступления, которые теперь подлежали рассмотрению офицерами Корпуса жандармов. Это было связано с недоверием административной власти к институту, который не мог обеспечить нужный уровень безопасности и правопорядка, так как требовалось более оперативно раскрывать преступления в этой области [11]. А. А. Волчкова считала, что это было связано с недоверием административной власти к следователям ввиду их относительной независимости и опасения, что в их среде могли появиться неблагонадежные лица [1, с. 144].

9 ноября 1882 г. было утверждено решение Государственного совета о сроке введения общих судебных установлений в северо-западных губерниях. В Витебской, Гродненской, Минской и Могилёвской губерниях предполагалось, что окружные суды начнут работу в течение последней четверти 1883 г. на основании Судебных уставов 20 ноября 1864 г. [12]. В связи с этим функционально-организационная роль следователей изменилась. Сейчас фактически основным руководителем следствия стали прокурор окружного суда и его товарищи, а роль административной власти юридически была ослаблена. Благодаря созданию окружных судов в крае были введены должности судебных следователей по важнейшим делам, полномочия которых простирались на площади всех следственных участков. В это время произошли изменения и в области прав лиц католического вероисповедания. 17 апреля 1905 г. был принят указ об укреплении начал веротерпимости. Он гарантировал свободу вероисповедания различных направлений христи-

анства. В частности, отречение от православия не должно было влиять на гражданский статус человека [13]. В ходе заседаний Комитета министров по делу о порядке выполнения седьмого пункта именного указа от 12 декабря 1904 г. в отношении девяти западных губерний говорилось, что политика усиления русского влияния в Западном крае должна продолжаться, однако не все лица католического вероисповедания должны преследоваться. Вопрос о замещении должностей необходимо сообразовывать исходя из пользы государственной службы и оставаться в компетенции главных начальников ведомств. Комитет, ссылаясь на действующие законы о гражданской службе, отмечал, что там не были прописаны какие-либо ограничения для поляков при приёме на работу. Начальникам на местах предписывалось специально не замещать вакантные места поляками, но и не ограничивать их при трудоустройстве. Сенатор С. С. Манухин считал, что по ведомству Министерства юстиции не следовало назначать лиц польского происхождения на прокурорские должности в силу большого количества дел политической направленности, производившихся в крае. Помимо этого, в число таких должностей входили: старший председатель, председатель департамента судебной палаты и председатели окружных судов. Однако, это правило распространялось только на Виленскую, Гродненскую и Ковенскую губернии. Витебская, Минская и Могилёвская губернии в это число не входили. В этом правиле судебные следователи не были упомянуты, следовательно лица католического вероисповедания могли свободно исполнять их обязанности [14, с. 307–370]. 1 мая 1905 г. это положение было утверждено законодательно [15]. 18 марта 1906 г. было издано мнение Государственного совета о мерах по сокращению времени производства наиболее важных уголовных дел. В законе лаконично упоминалось о том, что дела о государственных преступлениях проводились окружными судами, судебными палатами, особым присутствием правительствующего сената и верховным уголовным судом. Дела о должностных правонарушениях были подведомственны окружным судам, судебным палатам, кассационному департаменту сената и верховному уголовному суду. Деятельность следователей в законе детально не прописывалась [16]. 15 июня 1912 г. был принят закон о преобразовании местного суда, который в основном затрагивал компетенции мировых судей. Относительно судебных следователей указывалось, что по просьбе обвиняемого, заключаемого под стражу, следователь сообщал полиции о принятии мер по охране его имущества и попечении о малолетних детях, если они оставались без присмотра. Это свидетельствует о прогрессивном и либеральном взгляде законодателя на вопрос о правах граждан, несмотря на вызовы постреволюционного времени [17].

Таким образом, за более чем полувековое развитие следствия в белорусских губерниях с 1860 по 1914 г. институт претерпел значительные трансформации. В основе периодизации изучаемого явления лежат полно-

мочия, организационная структура и кадровая политика, которые регламентировали различные аспекты деятельности следователей. Этап с 1860 по 1863 г. был связан с организационным оформлением деятельности следователей и отработкой новых законодательных положений на практике. Период с 1864 по 1883 г. характеризовался внедрением в повседневную работу положений судебной реформы и дальнейшим их дополнением. В 1883 г. в крае были введены судебные уставы, что повлекло за собой изменение организационной структуры деятельности следователей, которые состояли в штате созданных окружных судов. В 1905 г. по отношению к представителям польской национальности были смягчены ограничительные меры при поступлении на государственную службу, в том числе снимался запрет на исполнение католиками должности судебных следователей в белорусских губерниях. Крайней границей данного этапа можно условно считать начало Первой мировой войны, поскольку эвакуация чиновников в 1915 г., особый правовой режим в прифронтовых губерниях и расширение обязанностей внесли существенные изменения в деятельность следователей.

Список использованных источников

1. *Волчкова, А. А.* Институт судебных следователей в дореволюционной России: Историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. А. Волчкова. – Н. Новгород., 2013. – 207 л.
2. История следствия в России / А. К. Аверченко, Е. В. Акельев, Б. Я. Гаврилов, Т. Н. Ильина; под общ. ред. Д. О. Серова. – Москва: Юрлитинформ., 2017. – 280 с.
3. Высочайше утверждённое учреждение судебных следователей // ПСЗРИ. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1862. – 2-е собр. – Т. XXXV. – № 35890.
4. *Рощина, Ю. В.* Судебный следователь в уголовном процессе дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю. В. Рощина. – Москва, 2006. – 152 л.
5. *Фоминых, И. С.* Становление института предварительного следствия в России в 1860–1864 годах (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И. С. Фоминых. – Томск., 1998. – 182 л.
6. *Кузьмин, А. Д.* Конфессиональный и национальный состав чиновничества белорусских губерний в 1863–1864 гг. / А. Д. Кузьмин // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2018. – № 1. – С. 81–88.
7. Высочайшее утверждённый устав уголовного судопроизводства // ПСЗРИ. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1864. – 2-е собр. – Т. XXXIX. – № 41476.
8. Высочайше утвержденное положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года // ПСЗРИ. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1867. – 2-е собр. – Т. XL. – № 42587.

9. Высочайше утверждение временные правила об устройстве мировых судебных установлений в губерниях: Виленской, Ковенской, Гродненской, Киевской, Волынской, Подольской, Минской, Витебской и Могилевской, впредь до введения земских учреждений // ПСЗРИ. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1874. – 2-е собр. – Т. XLVI. – № 49750.

10. *Загорнов, А. А.* Мировой суд в Беларуси во второй половине XIX в.: формирование правового положения / А. А. Загорнов // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце: зб. навук. арт. / БДУ, Цэнтр. юрыдычны факультэт; уклад. С. А. Балашэнка; рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.), С. А. Калінін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 397–404.

11. Высочайше утвержденные правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследования преступлений // ПСЗРИ. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1874. – 2-е собр. – Т. XLVI. – № 49615.

12. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о сроке введения общих судебных установлений в Северо-западных губерниях // ПСЗРИ. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1886. – 3-е собр. – Т. II. – № 1166.

13. Именной высочайший указ данный Сенату об укреплении начал веротерпимости // ПСЗРИ. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1908. – 3-е собр. – Т. XXV. – № 26125.

14. Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г. – Санкт-Петербург: Издание Канцелярии Комитета министров, 1905. – 522 с.

15. Высочайше утвержденное положение Комитета министров о порядке выполнения седьмого пункта Именного указа 12 декабря 1904 г. в отношении девяти Западных губерний // ПСЗРИ. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1908. – 3-е собр. – Т. XXV. – № 26163.

16. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о мерах к сокращению времени производства наиболее важных уголовных дел // ПСЗРИ. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1909. – 3-е собр. – Т. XXVI. – № 27575.

17. Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной думой закон о преобразовании местного суда // ПСЗРИ. – Пг.: Гос. тип., 1915. – 3-е собр. – Т. XXXII. – № 37328.

(Дата подачи: 25.02.2025 г.)

Д. Н. Кирдик

Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка, Минск

D. N. Kirdzik

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk

УДК 94

РАЗРАБОТКА И ПРИНЯТИЕ ПЕРВОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ

DEVELOPMENT AND ADOPTION OF THE FIRST ENVIRONMENTAL PROGRAM OF THE FEDERAL GOVERNMENT OF GERMANY

В статье представлена история создания первой Экологической программы правительства ФРГ, положившей начало государственной экологической политике. Выявлены предпосылки и условия разработки документа, дана характеристика его основных положений. Автор приходит к выводу, что Экологическая программа 1971 г. позволила решить проблему координации и полномочий в области охраны окружающей среды и, как результат, выстроить в Федеративной Республике вполне эффективную систему природоохранного законодательства и мер по сокращению вредного воздействия человека на атмосферу, растительный и животный мир.

Ключевые слова: Федеративная Республика Германия (ФРГ); экологическая политика; охрана окружающей среды; Экологическая программа (1971); федеральное правительство; экологическое законодательство.

The article presents the history of the creation of the first Environmental Program of the German government, which initiated the state environmental policy. The prerequisites and conditions for the development of the document are identified, and the characteristics of its main provisions are given. The author concludes that the Environmental Program of 1971 made it possible to solve the problem of coordination and authority in the field of environmental protection and, as a result, to build in the Federal Republic a completely effective system of environmental legislation and measures to reduce the harmful effects of humans on the atmosphere, flora and fauna.

Keywords: Federal Republic of Germany (FRG); environmental policy; environmental protection; environmental program (1971); federal government; environmental legislation.

Ключевым документом, заложившим основы государственной экологической политики в ФРГ, стала программа федерального правительства 1971 г. [1]. Данный источник представляет научный интерес не только в плане изучения истории природоохранной деятельности в Германии, но также может быть полезен в контексте реализации экологической политики в Республике Беларусь. Ряд положений документа вполне применим и к белорусской действительности. Разумеется, в рамках представленной статьи рассмотрены лишь наиболее важные из них, однако источник обладает

большим потенциалом в плане дальнейшего изучения, дает наглядное понимание механизмов формирования эффективной экологической политики.

В процессе работы над статьей использовались ресурсы сайтов немецкого Бундестага и Федерального министерства окружающей среды, охраны природы, ядерной безопасности и защиты прав потребителей, где размещены многочисленные документы и материалы по теме исследования [1; 2]. Также автор обращался к материалам периодической печати, в частности электронной версии газеты «Зюддойче Цайтунг» (*Süddeutsche Zeitung*) [3].

Немецкая историография проблемы довольно обширна. В той или иной степени положения программы рассмотрены в большинстве трудов, посвященных истории экологической политики в ФРГ. Такое внимание к источнику объясняется тем, что он является основополагающим документом последующей череды законодательных актов и мероприятий экологической направленности. Одна из важнейших аналитических работ в данной области – это книга Клауса-Георга Вея «Экологическая политика в Германии» [4]. В ней раскрыты основные вехи становления и развития экологической политики в Федеративной Республике с 1900 по конец 1970-х гг. Отдельные аспекты Экологической программы 1971 г. затронуты в статье Кристины Фрон «Либералы и истоки немецкой экологической политики», в частности, рассмотрен контекст принятия документа, а также мероприятия по его реализации [5]. Дитер Ринк в своем исследовании «Окружающая среда» уделяет внимание не только предыстории принятия федеральной программы, но и документам, принятым в дальнейшем [6].

В работе Гриты Мартинес и Ника Стельеса «Анализ Экологической программы 1971 года и связанного с ней сборника материалов», опубликованной в 2022 г., рассмотрены политические аспекты принятия федеральной программы, включая сам текст документа [7]. Проблематика экологического законодательства ФРГ нашла также отражение в исследовании Михаэля Клоэпфера «Экологическое право в Германии» [8]. Влияние программы 1971 г. на процесс формирования природоохранной деятельности изучал Михаэль Баухмиюллер [3].

В отечественном научном дискурсе работы, посвященные анализу истоков экологической политики в ФРГ, на данный момент отсутствуют. Краткие упоминания Экологической программы 1971 г. можно встретить лишь у российских исследователей, в частности у А. Л. Стеблова в учебном пособии «Экологическое право ЕС и РФ», изданном в 2010 г., и в коллективной статье С. В. Лонской, В. В. Пономаревой и А. Е. Чернышева «Экологическое законодательство Федеративной Республики Германия в кон. 60-х – нач. 2000 гг.» [9; 10]. Исходя из вышесказанного, автор поставил своей целью выявить предпосылки и условия принятия первой федеральной Экологической программы правительства Германии и охарактеризовать ее ключевые положения.

Как отмечалось ранее, процесс становления и развития немецкой экологической политики имеет долгую историю. Начало первых мероприятий правительства по охране природы относятся еще к имперскому периоду, конкретнее к 1900-м гг. [4]. Тем не менее, лишь после Второй мировой войны можно говорить о целенаправленном движении в сторону построения природоохранной деятельности как самостоятельным явлением. Период второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. характеризуется восстановлением Западной Германии во всех аспектах ее общественной жизни: экономика, социальная сфера, политическая система и т. д. В это время шло постепенное переосмысление предыдущего исторического опыта страны. Немецкое общество пыталось адаптироваться к новым демократическим институтам после долгих лет господства нацизма. В контексте вышесказанного была активизирована и природоохранная деятельность [4, s. 152].

Характерной чертой первых послевоенных лет стало возвращение к формам и методам защиты окружающей среды 1920-х гг. Первый этап экологической политики (1945–1959) был отмечен ситуационными действиями в области охраны природы. Основной закон (Конституция) ФРГ 1949 г. институционально не регулировал вопросы экологии. Государство лишь восстановило старые институты, но они оказались малоэффективными в новых обстоятельствах быстрого индустриального роста, а значит и увеличения нагрузки на окружающую среду. Пожалуй, самая большая трудность заключалась в том, что общество, государство и отдельные инициативы (гражданские, научные) никак не координировались между собой [4, s. 153]. К таким инициативам можно отнести создание в 1952 г. Межпарламентского рабочего сообщества по экономике, основанной на природе¹ (*Interparlamentarische Arbeitsgemeinschaft für naturgemäße Wirtschaft*) [11].

Немецкий ученый К.-Г. Вей выделяет четыре ключевых принципа, которые сформировались на данном этапе становления экологической политики: *первый* относился к всеобъемлющей работе внутри партий и партийных групп; *второй* предполагал рост международного сотрудничества, в особенности с США; для *третьего* характерно привлечение широких исследовательских ресурсов; *четвертый* подразумевал объединение усилий правительства и различных ассоциаций, к примеру Ассоциации немецких инженеров, а также привлечение научных организаций к выработке устойчивой экологической политики [4, s. 153–154]. Все это помогло заложить прочную основу для разработки и внедрения в жизнь как Экологической программы правительства, так и в целом его политики.

В этой связи следует сказать, что с 1945 по 1969 г. ни одна западногерманская политическая партия в своих программах не ставила задачей реше-

¹ Данное сообщество (ИРА) представляло собой объединение депутатов Бундестага и ландтагов, которое – после возникновения угрожающих последствий смога – с середины 1950-х гг. проводило кампанию за принятие законодательного акта о контроле за загрязнением воздуха.

ние экологических проблем. Считалось, что в обществе нет четкого запроса на данную деятельность, да и каких-либо острых экологических проблем не наблюдалось [5].

Возвращаясь к анализу ситуации накануне принятия Экологической программы, отметим, что начало второго этапа становления экологической политики относится к 1961 г., точнее говоря, к избирательной кампании этого года. На фоне общей политизации населения Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) выдвинула лозунг «Чистое небо над Руром!». Активизировалась работа средств массовой информации, а также международных организаций, к примеру Всемирной организации здравоохранения¹. Кроме того, ряд законодательных инициатив предлагали Бундестаг и ландтаги [4, s. 154]. Таким образом, проблематика охраны окружающей среды была четко обозначена.

Именно с 1961 г. начинается проработка различных вариантов по внедрению экологической политики в политическую систему ФРГ. Уже в 1962 г. был создан Совет по заботе о земле (*Deutsche Rat für Landespflge*). Впрочем, это не означало единой и стройной системы мероприятий. Решались отдельные вопросы, например, был принят Федеральный закон о землепользовании, но по-прежнему отсутствовал центральный институт, отвечающий за экологическую политику [4, s. 154]. Отметим также, что заинтересованность экологической проблематикой в этот период была характерна не только для ФРГ, но и для других стран Запада [6].

Невозможность долгое время принять решительные меры в вопросе экологической политики объясняется внутренними противоречиями как в среде федерального правительства, так и на уровне земель. Политические партии зачастую использовали площадку Бундестага не для решения общегосударственных задач, а для противодействия друг другу. Имелись вопросы и в плане распределения компетенций между центральным правительством, правительствами земель и коммунами [4, s. 155].

К 1969 г., т. е. началу третьего этапа, Западная Германия подошла с осознанием проблемы отсутствия экологической политики. Тем не менее, на выборах только СДПГ заявила в своей программе о необходимости построения экологической политики как единой, общегосударственной системы мер [5]. Осенью того же года был создан департамент в составе Министерства внутренних дел, отвечающий за управление водными ресурсами, поддержку чистоты воздуха и борьбу с шумом [5]. Первый шаг на пути построения экологической политики был сделан 3 апреля 1971 г. с принятием Закона о защите от авиационного шума [5]. Спустя некоторое время появилась первая Экологическая программа федерального правительства Германии (далее – ЭП) – краеугольный камень построения национальной экологиче-

¹ Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) была основана 7 апреля 1948 г. и занимается деятельностью в области охраны здоровья.

ской политики [6]. Принятие вышеназванных документов, а также создание департамента явилось заслугой трех государственных деятелей: канцлера В. Брандта, министра внутренних дел Г. Д. Геншера и государственного секретаря Г. Харткопфа [7, s. 5].

Экологическая программа, в разработке которой участвовали комиссия в составе более 450 экспертов и признанные в данной области специалисты из США, представляла собой документ объемом 65 страниц. Его первая часть включает в себя предисловие федерального канцлера, представление федерального министра внутренних дел, содержание, список сокращений и краткие тезисы. Далее идет текст документа, которой мы рассмотрим более подробно [7, s. 6].

Первый раздел ЭП посвящен определению базовых вопросов экологической политики. В его вводной части говорится о недопустимости использования ресурсов «до последнего». Авторы признают, что масштаб проблем, связанных с экологией, был недооценен, что, собственно, и предопределило появление программы [1, s. 7].

Далее следует краткий экскурс в историю проблемы. Отмечается, что, хотя ситуация с экологией в стране вызывает беспокойство, традиции охраны окружающей среды, заложенные в более ранние периоды, выступали примером и образцом для других стран. Кроме того, федеральное правительство признало важность экологической политики наряду с иными государственными вопросами [1, s. 7]. В качестве негативного аспекта упоминается недостаток координации, несовершенство и непоследовательность законодательства, а также отсутствие должного внимания со стороны руководства ФРГ к предостережениям ученых. Как следствие, авторы отмечают, что реализация экологической политики предусматривает тесное сотрудничество с научным сообществом и использование технических достижений [1, s. 7–8].

Часть «А» программы содержит основные принципы экологической политики, рассчитанной на «долгосрочную перспективу» [1, s. 9]. Часть «В» является, по сути, планом действий кабинета министров в отдельных сферах защиты окружающей среды. В тексте указано, что не все предложения вошли в окончательный вариант документа, однако были отобраны необходимые инструменты для реализации экологической политики [1, s. 9]. Такой комментарий свидетельствует о высоком уровне дискуссии в ходе разработки ЭП.

В программе 1971 г. есть раздел, посвященный стратегическим целям. Таких целей пять: *первая* – экологическое планирование в долгосрочной перспективе за счет различных средств, к примеру, экологического права, процедур консультирования по правовым вопросам и т. д.; *вторая* – соблюдение «принципа причинения вреда». Это означает, что тот, кто наносит вред окружающей среде, должен возместить нанесенный ущерб; *третья* –

внедрение экологически чистых технологий; *четвертая* – укрепление «экологической осведомленности» населения; *пятая* цель предлагает развивать более широкое международное взаимодействие [1, s. 9].

Далее следуют разделы, конкретизирующие отдельные вопросы. Первым из них является *экологическое планирование*. В нем федеральное правительство брало на себя обязательства по систематическому прогнозированию и планированию природоохранной деятельности и последствий таковой. Здесь также конкретизируется вопрос о научных консультациях, которые «должны способствовать постоянному совершенствованию экологической политики». Еще одним регулируемым аспектом стала *экологическая статистика*. Программа обязала правительство дополнить собранные ранее научные данные актуальными материалами и разработать соответствующую нормативную правовую базу [1, s. 10]. В заключительной части раздела заявлено о намерении создать институт, который будет заниматься «систематической оценкой многочисленных результатов измерений, статистических данных, отчетов об исследованиях и других материалов, важных для экологического планирования» [1, s. 10].

Следующие разделы посвящены принципу *причинения вреда* с подробным его описанием, а также охране окружающей среды и экономике. В последнем регулировались основные направления деятельности экономических субъектов в рамках хозяйственной политики [1, s. 10–12]. Еще одним «регулируемым вопросом» называлась *экологичность в инфраструктурной политике*, в частности, в жилищном строительстве, сфере городского планирования и т. д. с учетом экологических требований [1, s. 12–13].

Отдельно была прописана *финансовая и налоговая политика*. Исходя из принципа загрязненности, основную финансовую нагрузку, согласно документу, «несет тот, кто наносит вред экологии». Тем не менее, имело место четкое понимание того, что возможность полного покрытия расходов на реализацию экологической политики за счет загрязняющих природу субъектов остается частичным решением. Государство брало на себя обязательства по финансированию экологической политики. При этом финансовые полномочия распределялись между федеральным правительством, правительствами земель, коммунами и общественными организациями [1, s. 13]. Такой способ ответственности позволял минимизировать нагрузку на государственный бюджет и вовлечь в решение экологических проблем максимально широкие слои населения.

Следует отметить, что в новых условиях налоговая политика ФРГ приобретала определенные особенности. В связи с принятием Экологической программы была реализована налоговая реформа, ключевые положения которой обуславливались все тем же документом. Согласно ЭП, предусматривались налоговые льготы для автотранспорта без выхлопной системы. Также предлагалось ввести льготы для предприятий, как старых, так и новых,

которые примут во внимание и будут реализовывать принципы экологизма [1, s. 14].

Раздел программы «Наука и техника» был посвящен привлечению научных и технических возможностей для решения экологических проблем. Речь шла об использовании научных знаний не только для роста производства, а, следовательно, и воздействия на окружающую среду, но и для разработки и внедрения новых методов защиты окружающей среды от этого воздействия. ЭП делала акцент на том, что между научными учреждениями, как государственными, так и частными, должна произойти координация действий в сфере экологии [1, s. 15]. В программе содержался перечень органов власти и учреждений, работающих в области охраны окружающей среды, и обзор научно-исследовательских институтов, финансируемых из федерального бюджета [1, s. 16–19].

Пристальное внимание в документе уделялось вопросам образования и обучения. Авторы предлагали создание специализированного направления в образовании, посвященного экологии, разработку программ, основываясь на важности принципа междисциплинарности; отмечалась необходимость экологического образования и воспитания на всех уровнях обучения. Отдельно прописывалось, что образование должно касаться не только детей, но и взрослых. Ставилась задача по разработке и внедрению соответствующей нормативной и правовой базы [1, s. 20]. Учитывая программный характер документа, его положения вполне логично дополнялись и регулировались законодательными актами, принятыми позднее¹.

В части «В» были прописаны конкретные шаги по реализации ЭП. Приоритетными направлениями объявлялись природа и ландшафт, ликвидация отходов, [1, s. 27, 29]. Уделялось внимание также экологическим химикатам и биоцидам [1, s. 33]. По каждому направлению были предложены конкретные пути решения проблем. Экологическую программу завершает «Справочник технических терминов и сокращений» [1, s. 56].

Таким образом, Экологическая программа федерального правительства Германии, принятая в 1971 г., стала плодом долгого и упорного труда сотен специалистов из различных сфер общественной жизни, осознававших важность экологических вызовов, стоящих как перед страной, так и человечеством в целом. Документ был проработан настолько тщательно, насколько позволяли политические и социально-экономические условия того времени. В нем содержалось подробное описание экологической ситуации в ФРГ, равно как и пути и средства решения возникших проблем. В сущности, программа позволила решить проблему координации и полномочий в области охраны окружающей среды, дав старт эффективной государствен-

¹ Закон об утилизации отходов (1972), Закон о защите от авиационного шума (1972), Закон о защите окружающей среды от вредного воздействия, вызванного загрязнением воздуха, шумом, вибрацией и подобными процессами (1974) и др. [12–14].

ной экологической политике. Причем своей актуальности данный документ не утратил и по сей день, в том числе для государств, находящихся на пути формирования собственной экологической политики. На базе ЭП Федеративная Республика смогла выстроить вполне эффективную систему природоохранного законодательства и мер по сокращению вредного воздействия человека на окружающую среду. Дальнейшие шаги по укреплению этого направления лишь свидетельствовали о желании не только накапливать опыт, но и совершенствовать внедренные механизмы.

Список использованных источников

1. Umweltprogramm der Bundesregierung // dserver.bundestag.de. – Zugriffsmodus: <https://dserver.bundestag.de/btd/06/027/0602710.pdf> (zugriffsdatum: 05.01.2025).

2. 50 Jahre Umweltprogramm // bmu.de. – Zugriffsmodus: <https://www.bmu.de/ministerium/geschichte/50-jahre-umweltprogramm> (zugriffsdatum: 05.01.2025).

3. *Bauchmüller, M.* Lange vor den Grünen: die Geburtsstunde der Umweltpolitik / M. Bauchmüller // Süddeutsche Zeitung. – Zugriffsmodus: <https://www.sueddeutsche.de/politik/bundesregierung-umweltprogramm-50-jahre-1.5419286> (zugriffsdatum: 05.01.2025).

4. *Wey, K.* Umweltpolitik in Deutschland. Kurze Geschichte des Umweltschutzes in Deutschland seit 1900 / K. Wey. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1982. – 254 S.

5. *Frohn, C.* Gamechanger: Die Liberalen und die Anfänge der deutschen Umweltpolitik / C. Frohn // freiheit.org. – Zugriffsmodus: <https://www.freiheit.org/de/gamechanger-die-liberalen-und-die-anfaenge-der-deutschen-umweltpolitik> (zugriffsdatum: 05.01.2025).

6. *Rink, D.* Umwelt / D. Rink // bpb.de. – Zugriffsmodus: <https://www.bpb.de/themen/deutsche-einheit/lange-wege-der-deutschen-einheit/47350/umwelt/> (zugriffsdatum: 05.01.2025).

7. *Martinez, G.* Analyse des Umweltprogramms von 1971 und dazugehörigem Materialband / G. Martinez, N. Stelljes. – Ecologic institute, 2022. – 51 S. // ecologic.eu. – Zugriffsmodus: <https://www.ecologic.eu/19002> (Zugriffsdatum: 05.01.2025).

8. *Kloepfer, M.* Umweltrecht in Deutschland / M. Kloepfer // kas.de – Zugriffsmodus: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=45c5f490-f212-96fb-8894-84c2fee510dd&groupId=252038 (zugriffsdatum: 05.01.2025).

9. *Стеблов, А. Л.* Экологическое право РФ и ЕС / А. Л. Стеблов // be5.biz. – URL: <https://be5.biz/pravo/e005/10.html> (дата обращения: 05.01.2025).

10. *Лонская, С. В.* Экологическое законодательство Федеративной Республики Германия в кон. 60-х – нач. 2000 гг. / С. В. Лонская, В. В. Пономарева, А. Е. Чернышев // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/ekologicheskoe-zakonodatelstvo-federativnoy-respubliki-germanii-v-kon-1960-h-nach-2000-gg/viewer (дата обращения: 05.01.2025).

11. Die Grundlagen des Umweltrechts in Deutschland // vorest-ag.com. – Zugriffsmodus: <https://www.vorest-ag.com/Umweltmanagement-ISO-14001/Wissen/Umweltrecht-Deutschland> (zugriffsdatum: 17.01.2025).

12. Gesetz über die Beseitigung von Abfällen // bgbl.de. – Zugriffsmodus: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/text.xav?SID=&tf=xaver.component.Text_0&toctf=&qmf=&hlf=xaver.component.Hitlist_0&bk=bgbl&start=%2F%2F*%5B%40node_id%3D%27977703%27%5D&skin=pdf&tlevel=-2&nohist=1&sinst=DC281077 (zugriffsdatum: 22.01.2025).

13. Gesetz zum Schutz gegen Fluglärm // gesetze-in-internet.de. – Zugriffsmodus: https://www.gesetze-im-internet.de/flul_rmg/index.html (zugriffsdatum: 22.01.2025).

14. Gesetz zum Schutz vor schädlichen Umwelteinwirkungen durch Luftverunreinigungen, Geräusche, Erschütterungen und ähnliche Vorgänge // gesetze-in-internet.de. – Zugriffsmodus: <https://www.gesetze-im-internet.de/bimsg/BImSchG.pdf> (zugriffsdatum: 22.01.2025).

(Дата подачи: 26.02.2025 г.)

A. A. Киселёв

Белорусский государственный экономический университет, Минск

A. A. Kiselev

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 94(476):351.745+331.108.2

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПО КОМПЛЕКТОВАНИЮ ПОЛИЦИИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ: ОТ СЕКРЕТНОГО ЦИРКУЛЯРА 2 ФЕВРАЛЯ 1855 Г. ДО ЕГО ОТМЕНЫ (1855–1857 ГГ.)

PERSONNEL POLICY ON STAFFING POLICE IN BELARUSIAN PROVINCES: FROM THE SECRET CIRCULAR OF 2 FEBRUARY 1855 TO ITS CANCELLATION (1855–1857)

В статье показывается, что вследствие отношения литовского митрополита Семашко 2 февраля 1855 г. император Николай I отдал секретное распоряжение о замещении полицейских чиновников белорусских губерний уроженцами великороссийских губерний, введении десятилетнего срока службы чиновников-католиков во внутренних губерниях. Однако механизм и ресурсы исполнения этого секретного решения не были проработаны. Это привело к тому, что Комитет министров в марте 1855 г. преду-

сматривал вариант только постепенной реализации этого решения. В августе 1856 г. секретное постановление было отменено де-юре, а 2 апреля 1857 г. на заседании Комитета министров – де-факто.

Ключевые слова: полиция; кадровая политика; белорусские губернии; Министерство внутренних дел.

The article shows that due to the attitude of the Lithuanian Metropolitan Semashko, on 2 February 1855 Emperor Nicholas I issued a secret order to replace the police officers of the Belarusian provinces with natives of the Great Russian provinces and to introduce a ten-year term of service for Catholic officials in the internal provinces. However, the mechanism and means for the implementation of this secret decision were not worked out. This led the Committee of Ministers in March 1855 to consider the possibility of implementing the decision only gradually. In August 1856, the secret decision was abolished de jure, and on 2 April 1857, at a meeting of the Committee of Ministers, it was abolished de facto.

Keywords: police; personnel policy; Belarusian provinces; Ministry of Internal Affairs.

В современной историографии изучение кадровой политики российско-го правительства в западных губерниях в контексте внутренней политики в области польского вопроса при Николае I разрабатывалось Л. Е. Горизонтовым [1, с. 37–46]. Об отмене особых правил при прохождении гражданской службы в крае в начале правления Александра II писала А. А. Комзолова [2, с. 21]. Однако предметом анализа историков не становились циркуляры Николая I от 26 октября 1850 г. о назначении городничих и от 20 января 1851 г. об условиях назначения исправников из католиков в Виленской, Гродненской и Минской губерниях [3, с. 113]. Вместе с тем это оказались не последние меры императора Николая I по изменению принципов кадровой политики в отношении комплектования чиновников, в том числе служащих полиции, в белорусских губерниях.

Поводом для очередной попытки скорректировать кадровую политику в белорусских губерниях стало конфиденциальное отношение литовского митрополита И. Семашко на имя обер-прокурора Св. Синода графа Н. А. Протасова от 10 января 1855 г. В историографии реакция, вызванная этим письмом, не рассматривалась, в том числе возможно потому, что сам автор письма считал, что оно «осталось без последствий» [4, с. 234]. Вместе с тем это не совсем так, поскольку текст отношения стал предметом секретного заседания Комитета министров 26 января 1855 г., которое завершилось попыткой пересмотреть кадровую политику в регионе, в том числе и в отношении чиновников городской и земской полиции [5, л. 126–133]. Более того, секретное распоряжение императора Николая I по итогам этого заседания было опубликовано в 1900 г. на страницах «Русской старины», но публикатор признал, что не может установить время создания этого документа и ошибочно определил его делопроизводственный характер [6, с. 217–218]. Это не позволило связать факт обращения к обер-прокурору митрополита И. Семашко и появление императорского распоряжения.

По итогам обсуждения записки Комитет министров 26 января 1855 г. решил, что «принятие крутых и решительных мер было бы еще более неудобно и неуместно в настоящее время, при теперешних политических обстоятельствах» [7, л. 466]. Однако по тем же политическим причинам Комитет считал «совершенно необходимым ... принять неотложные меры к замещению из русских должностей полицейских, так как лица сии имеют ближайшие соотношения с местными жителями и наблюдая за всеми неблагонамеренными или зловерными действиями, обязаны доносить правительству о всем, что в крае делается» [7, л. 466–466 об.]. В виде временной меры предлагалось ввести «средних полицейских чиновников, в качестве военных начальников» [7, л. 467] для более эффективного управления полицией. К этому решению было добавлено напоминание о необходимости следовать решениям 1831 г. о замещении по возможности всех ключевых должностей русскими чиновниками.

Однако это постановление Комитета министров подверглось радикальной правке со стороны императора Николая I и приняло вид «весьма секретного циркуляра» [7, л. 474] от 2 февраля 1855 г., который через председателя Комитета министров кн. А. И. Чернышева был разослан всем заинтересованным лицам, в том числе министру внутренних дел Д. Г. Бибикову. Согласно циркуляру генерал-губернаторам западных губерний приказывалось, чтобы «все должности по полициям: земской, городской и ведомства государственных имуществ, были непременно замещены чиновниками из русских» [8, л. 1]. В случае нехватки кадров допускалось назначение на эти должности лиц, которые были бы хорошо им известны и в чьей благонадежности они не сомневались. Речь шла не только о полицейских чиновниках Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ, но и о прочих должностных лицах этих ведомств и других министерств. Так, напоминалось о распоряжении 1831 г. и необходимости комплектовать русскими чиновниками посты губернаторов, вице-губернаторов, прочих губернских присутственных мест, губернских прокуроров и уездных стряпчих, почтмейстеров. Всем министерствам приказывалось постепенно вести дело «к замещению и прочих должностей в тех губерниях чиновниками из русских и переводу туземцев в великороссийские губернии» [8, л. 1 об.]. При этом назначение на должности в западных, в том числе белорусских, губерниях чиновников-католиков разрешалось только после десятилетнего служебного стажа в великороссийских губерниях на гражданской службе или в офицерских званиях при условии их политической лояльности. Это требование не распространялось на уроженцев западных губерний, «исповедующих православную веру» [8, л. 2 об.]. Кроме того, предлагалось по необходимости восстановить должности военно-уездных начальников.

Уже 6 февраля 1855 г. виленский генерал-губернатор И. Г. Бибиков получил от министра распоряжение по замене полицейских чиновников на

русских и соблюдении при назначении чиновников-католиков десятилетнего стажа. Кроме того, ему предлагалось представить свои соображения на предмет того, как он собирается осуществлять постепенную замену чиновников. Начальнику края рекомендовалось для переписки отобрать специального чиновника из русских в целях предотвращения утечки информации. Уже 19 февраля 1855 г. виленский генерал-губернатор представил свой ответ. Начав свои рассуждения с того, что в генерал-губернаторстве выполняются требования на предмет городничих и земских исправников из католиков, И. Г. Бибиков отметил, что за исключением отдельных городничих и исправников «все прочие должности по земской и городской полиции, а также по всем здешним присутственным местам, преимущественно заняты чиновниками из уроженцев края» [8, л. 7]. В этой связи быстрая замена такого значительного числа чиновников на русских «представляется чрезвычайно затруднительным, что бы не сказать даже невозможным» [8, л. 7] делом, особенно в текущих «обстоятельствах», под которыми генерал-губернатор явно имел в виду Крымскую войну. Неисполнимость поставленной задачи объяснялась целым рядом соображений. Во-первых, невозможностью массово отстранить от службы такое значительное число чиновников «без видимой причины» [8, л. 7], что не будет иметь «хоть вид справедливости» [8, л. 7 об.]. Во-вторых, совершенно непонятно, что делать с отстраняемыми чиновниками, для которых перевод во внутренние губернии без существенной поддержки со стороны правительства был бы «в особенности для семейных и недостаточных людей» тяжелым. Генерал-губернатор предполагал, что они скорее всего предпочтут переводу увольнение со службы и тем самым пополнят ряды недовольных. Тем более, что «многие из местных уроженцев прослужили здесь в разных должностях долгое время с усердием и не дали ни малейшего повода сомневаться в их благонадежности» [8, л. 8]. В-третьих, поскольку деловые качества чиновника не зависели от «происхождения и исповедания», то возникала проблема привлечения на службу в край способных русских чиновников. Никаких преимуществ на данный момент, кроме выплат прогонных, им не представлялось, что очевидно ставило под вопрос их готовность «пожертвовать выгодами, родством и связями, какие они имеют на своей родине» [8, л. 8] ради службы в крае. Если профессионального чиновника замотивировать на перевод представлялось маловероятным, то появление некомпетентных или нечистых на руку служащих было более ожидаемым. Однако по политическим условиям в белорусских губерниях следует «особенно обращать внимание на то, чтобы определенные в должности чиновники из русских были во всех отношениях достойные и могли приобрести со стороны местных жителей доверие и уважение к себе и к русскому имени» [8, л. 9]. Наконец, требование, согласно которому генерал-губернатору разрешалось назначить чиновника-католика из местных уроженцев при условии личной осведом-

ленности о лояльности последнего, вызвало негативную реакцию И. Г. Бибикова. На страницах своего донесения он заявил, что не может «подчинить себя такого рода обязательству и принять на себя ручательство за будущие действия подчиненных мне лиц» [8, л. 9 об.]. В завершении генерал-губернатор, не отрицая пользы от замещения местных уроженцев на выходцев из великорусских губерний, высказывал глубокое сомнение в возможности сделать это «даже по городской и земской полиции» [8, л. 10 об.] в текущих условиях с соблюдением секретности без провоцирования недовольства и при имеющихся в распоряжении администрации средствах. И. Г. Бибиков сомневался в положительном эффекте от кардинального обновления полицейского корпуса, задаваясь вопросом о том «сколько должно будет пройти времени, пока они, изучив язык польский и обычаи края, ознакомясь с местными обстоятельствами и жителями, и, наконец с самими делами, будут в состоянии действовать с пользой» [8, л. 11 об.]. Это неизбежно приведет к временной дезорганизации управления. Более того, в текущих условиях при той лояльности, которую демонстрирует дворянство, подобные меры вызвали бы резкий протест среди населения края. Единственным методом выполнения высочайшей воли виделось постепенное «только исподволь» [8, л. 13] при должном финансовом обеспечении замещение местных католиков русскими чиновниками.

В следующем своем ответе от 24 февраля 1855 г. генерал-губернатор отозвался на предложение о введении должностей военно-уездных начальников. Поскольку обязанности трех военно-уездных начальников в Ковенской губернии вполне могли бы исполнять местные земские исправники, то начальник края не видел особой необходимости расширять их число. С учетом обстоятельств Крымской войны «в видах предосторожности» [8, л. 29 об.] И. Г. Бибиков соглашался на введение военно-уездного начальника в Трокском уезде Виленской губернии и одного начальника на три уезда Гродненской губернии для присмотра за границей с Царством Польским и предотвращения конфликтов между населением и войсками.

В целом отрицательное заключение виленского генерал-губернатора стало предметом обсуждения на заседаниях Комитета министров 22 марта и 5 апреля 1855 г. В этот раз акценты были расставлены иначе, поскольку И. Г. Бибикову указывали на непонимание им точного смысла циркуляра императора Николая I. Так, утверждалось, что к немедленному исполнению следовало брать лишь указание о введении дополнительных военно-уездных начальников. Применительно же к замене местных чиновников, в том числе полиции, на уроженцев великороссийских губерний «отноудь не сказано, чтобы меры сии были приведены в исполнение вдруг или даже в скорости, так как подобное распоряжение, по самому существу дела, совершенно невозможно» [8, л. 32]. Напротив, смысл циркуляра заключался в том, что чиновников следовало замещать постепенно, а при отсутствии

подходящей кандидатуры из великорусских чиновников «в отношении должностей по полициям» их можно было замещать местными «лицами, ему вполне известными, и за благонадежность коих он должен отвечать» [8, л. 33]. 5 апреля 1855 г. император Александр II одобрил данное разъяснение Комитета министров. 9 апреля 1855 г. министр внутренних дел сообщил решение виленскому генерал-губернатору. В ответ 22 апреля 1855 г. начальник края сформулировал два вопроса. Поскольку полицейских чиновников назначают губернаторы, а при буквальном толковании циркуляра за благонадежность чиновников отвечает генерал-губернатор, то в таком случае, по мнению И. Г. Бибикова, не стоило ли закрепить за ним право на утверждение всех кандидатов на полицейские должности. В свою очередь требование о десятилетнем служебном стаже во внутренних губерниях поставит администрацию перед невозможностью укомплектовать почти все должности по полиции, за исключением исправников и городничих. В этой связи И. Г. Бибиков спрашивал «по крайнему недостатку в здешнем крае русских чиновников» [8, л. 41] права определять «на разные канцелярские должности и туземных чиновников, за коих местные начальники примут на себя ручательство хотя бы они и не прослужили в великороссийских губерниях 10-ти лет» [8, л. 41 об.].

16 апреля 1855 г. витебский генерал-губернатор кн. М. А. Урусов обратился в Министерство внутренних дел с просьбой о разъяснении его действий на предмет комплектования земской и городской полиции. В ответ 30 апреля 1855 г. министр внутренних дел Д. Г. Бибиков указал на необходимость «все должности по полициям земской и городской» замещать «чиновниками из русских», а если таковых не окажется, то лицами в чьей благонадежности нет никаких сомнений. По возможности рекомендовалось следовать данному принципу при назначениях на другие должности по губерниям. К местным чиновникам-католикам следовало применять требование о десятилетней служебной выслуге в великорусских губерниях в гражданской службе или в армии на офицерских должностях. Как и в случае виленского генерал-губернатора, переписку приказывалось вести через доверенного чиновника русского происхождения.

13 мая 1855 г. министр внутренних дел Д. Г. Бибиков внес в Комитет министров проект, в котором предлагалось ответственность за благонадежность назначаемых чиновников-католиков возложить на губернаторов. В Комитете министров этот запрос и соображения виленского генерал-губернатора слушались 17 и 31 мая 1855 г. В результате было принято решение об утверждении предложений министра. 3 июня 1855 г. данное решение было доведено до виленского и витебского генерал-губернаторов.

На степень секретности происходящего указывает тот факт, что новый виленский генерал-губернатор В. И. Назимов получил 15 декабря 1855 г. от московского митрополита Филарета письмо, к которому прилагалась за-

писки литовского митрополита И. Семашко от 21 января 1855 г. и ставился вопрос о том, известно ли ее содержание молодому императору. Однако В. И. Назимов, судя по документам дела о замещении должностей в западных губерниях, в отличие от своего предшественника предпочел воздержаться от каких-либо инициатив по данному вопросу. Напротив, возмутителем спокойствия выступил киевский генерал-губернатор кн. И. И. Васильчиков, который представил 15 января 1856 г. министру внутренних дел С. С. Ланскому ряд предложений по исполнению секретного циркуляра от 2 февраля 1855 г. В частности, он рекомендовал давать субсидии переезжающим на службу в край русским чиновникам, переводить местных чиновников в великороссийские губернии под предлогом их повышения по службе или наказания за проступки, направлять в западные губернии выпускников университетов, лицеев; не обращать внимания на класс чина и должности при назначении и пересмотреть существующие штаты государственных учреждений. Этот проект обсуждался министрами на протяжении нескольких месяцев, но не привел к какому-то конкретному решению.

Финальная точка в истории секретного циркуляра была поставлена указом Александра II от 26 августа 1856 г., согласно которому отменялось введенное в 1837 г. требование об обязательной пятилетней службе во внутренних губерниях для уроженцев западных губерний, желающих служить по гражданскому ведомству. Теперь при поступлении на службу и переводе из одного ведомства в другое следовало «наблюдать в точности лишь те общие правила, которые в сем отношении постановлены для всех имеющих право вступать в гражданскую службу подданных наших прочих губерний и областей» [9, с. 806]. В результате при последнем обсуждении записки киевского генерал-губернатора кн. И. И. Васильчикова в Комитете министров 2 апреля 1857 г. было утверждено мнение министра внутренних дел С. С. Ланского. Согласно его предложению, секретное распоряжение от 2 февраля 1855 г. противоречило смыслу принятого в августе 1856 г. Александром II указа, поэтому «особые меры, относительно замещения должностей в западных губерниях, уже не должны иметь силы и действия» [8, л. 159 об.]. В этой связи не было никакой необходимости обсуждать предложения киевского генерал-губернатора. Император Александр II утвердил решение Комитета министров, но с оговоркой о том, что «привлечение русских благонадежных чиновников, для службы в сих губерниях, считаю весьма полезным и теперь» [8, л. 161 об.]. Однако это замечание императора являлось ни к чему не обязывающей ремаркой. Единственным следствием этого примечания стал указ от 5 июня 1857 г., по которому виленскому и киевскому генерал-губернаторам назначалась из казны ежегодная сумма в размере 11 022,5 руб. и 14 295 руб. соответственно «для выдачи пособий и наград и на возвышение окладов отличнейшим и особенно полезным чиновникам в крае, как полицейского, так и всех других местных управлений» [10, с. 496]. Данный указ восстанавливал

отмененную в целях экономии в 1852 г. меру по привлечению «на службу в западные губернии способных русских чиновников», которая была введена по решению от 14 мая 1839 г. Комитетом Западных губерний [11, с. 329–330].

Таким образом, секретный циркуляр императора Николая I от 2 февраля 1855 г. был реакцией на записку литовского митрополита И. Семашко. Распоряжение требовало в обязательном порядке сменить состав городской и земской полиции в западных губерниях на служащих из внутренних губерний, постепенно заменить состав чиновников других ведомств и ввести десятилетний служебный ценз в великороссийских губерниях для чиновников-католиков. Эта идея с самого начала встретила критическое отношение. Виленский генерал-губернатор И. Г. Бибиков небезосновательно указал на невозможность ее реализации в существующих условиях. Несмотря на формальную критику его соображений, Комитет министров в марте 1855 г. в основном встал на его позицию и своим толкованием, во-первых, пояснил, что речь может идти исключительно о постепенном выполнении распоряжения покойного императора и, во-вторых, акцентировал возможность назначения католиков под личную ответственность местной администрации в случае отсутствия кандидатур из православных чиновников. Вместе с тем сохранялось требование о десятилетнем цензе, которое противоречило действующему законодательству и сохраняло свой строго секретный характер. Однако после издания императором Александром II указа от 26 августа 1856 г. секретный циркуляр от 2 февраля 1855 г. утратил свою силу де-юре, а 2 апреля 1857 г. был отменен решением Комитета министров. Только чрезвычайные обстоятельства польского восстания 1863 г. позволили вернуться к кадровой политике в белорусских губерниях в духе секретного распоряжения от 2 февраля 1855 г.

Список использованных источников

1. *Горизонтов, Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) / Л. Е. Горизонтов. – Москва: Индик, 1999. – 272 с.

2. *Комзолова, А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А. А. Комзолова. – Москва: Наука, 2005. – 383 с.

3. *Киселев, А. А.* Конфессиональные аспекты кадровой политики в правление Николая I в общей полиции белорусских губерний / А. А. Киселев // Россия и славянские народы в XIX–XXI вв. Православие на славянских землях: история и вызовы современности. Сборник статей: материалы междунар. науч. конф. (г. Новозыбков, Брянская область, 22 октября 2022 г.) / под ред. В. В. Мищенко, Т. А. Мищенко, С. П. Куркина. – Брянск: ООО «Аверс», 2023. – С. 105–114.

4. Записки Иосифа, митрополита литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: в 3 т. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1883. – Т. 1. – 1883. – 745 с.

5. Журналы Комитетов министров. Январь. Приложения. 1855 год // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2472.

6. Записка князя А. И. Чернышева // Русская старина. 1900. – Т. 102, № 4. – С. 217–218.

7. Журналы Комитетов министров. Январь. Журналы. № 1-93. 1855 год // РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2471.

8. Канцелярия министра внутренних дел. Дело о замещении должностей в Западных губерниях лицами русской национальности // РГИА. – Ф. 1282. Оп. 2. Д. 330.

9. О распространении на уроженцев западных губерний империи общих правил касательно приема на службу по гражданской части и перемещения из одного места в другое // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 2-е. – 1857. – Т. XXXI. – № 30885.

10. Об отпуске в распоряжение Киевского и Виленского генерал-губернаторов денежных сумм для выдачи пособий и наград и на возвышение окладов отличнейшим чиновникам как полицейского, так и других местных управлений // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – 1858. – Т. XXXII. – № 31926.

11. Журналы Комитета Западных губерний. Т. 2: 1836–1840 гг. / Санкт-Петербургский институт истории РАН, РГИА; сост.: Т. В. Андреева [и др.]; ред. Е. А. Гольдич. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2021. – 800 с.

(Дата подачи: 17.02.2025 г.)

В. А. Кравченко

Институт истории, Национальная академия наук Беларуси, Минск

U. Krauchanka

Institute of History of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

УДК [94+322:27-64/-67](4157)»1829/1869»

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИРЛАНДИИ В 1829–1869 ГГ.

THE CONFSSIONAL ISSUE OF THE SOCIO-POLITICAL LIFE OF IRELAND IN 1829–1869

В статье характеризуется положение основных религиозных деноминаций Ирландии между принятием Акта об эмансипации католиков 1829 г. и реализацией Акта об Ирландской церкви 1869 г. Автор рассматривает специфику реализации электоральных реформ в Ирландии, проблему межконфессиональных отношений и вопрос о статусе Церкви Ир-

ландии как института религиозного меньшинства. Сделан вывод, что власти Соединённого королевства Великобритании и Ирландии, стремясь сохранить шаткий религиозный статус-кво, не выработали политику по интеграции существующих конфессий.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь; Церковь Ирландии; англиканство; пресвитерианство; избирательные реформы.

The paper examines the status of the main religious denominations in Ireland between the adoption of the Catholic Relief Act of 1829 and the implementation of the Irish Church Act of 1869. The author specifies the implementation of electoral reforms in Ireland, the problem of inter-confessional relations and the status of the Church of Ireland as an institution of a religious minority. It is concluded that the authorities of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, in an effort to keep the religious status quo, have not developed a policy to integrate existing denominations.

Keywords: Roman Catholic Church; Church of Ireland; Anglicanism; Presbyterianism; electoral reforms.

Религия примерно с 1970-х гг. стала рассматриваться в социально-гуманитарном познании, и, в частности, в исследованиях по новой и новейшей истории, в качестве отдельного фактора исторического процесса [1, с. 58]. В контексте исследований истории Ирландии актуальность этой составляющей и интерес учёных к анализу истоков феномена ирландского национализма существенно возросли в рамках общественного запроса, возникшего на фоне длительного этноконфессионального конфликта в Северной Ирландии в 1969–1998 гг. Его действующие лица самоопределялись через противопоставление «католик – протестант» и вытекающую из этого оппозицию «республиканец – лоялист», где именно конфессия индивида являлась определяющим фактором группой самоидентификации и политических взглядов. Положение Римско-католической церкви в Ирландии рассматривалось Э. Ларкином, культурные отличия между католиками и протестантами в сравнительном разрезе – Д. Х. Акенсоном [2; 3]. Специфика формирования коллективной памяти в среде ирландских протестантов выявлена в монографии Г. Бейнера, ирландского национализма в исторической перспективе – в работах О. МакДонаха и Р. Инглиша [4–6]. Поскольку религия была одним из определяющих факторов общественных настроений в британской партийной политике XIX в., так как она прямо коррелировала с личными чувствами и мироощущением англикан, католиков и нонконформистов, стремившихся внедрить свои особые взгляды в законодательство, то стоит отметить исследования К. Т. Хоппена, посвящённые политической культуре и проведению электоральных реформ в Ирландии в рамках Соединённого королевства [7, р. 20; 8–10]. Вместе с тем, в работах исследователей с постсоветского пространства Ирландия в составе Соединённого королевства чаще всего выступает как проблемный вопрос, достойной упоминания лишь в качестве дестабилизирующего государство фактора, только в силу своего резонанса возникающего в повестке парламентских обсуждений между тори и вигами [11].

Принятие Акта об эмансипации католиков 1829 г. создало легальную возможность для состоятельных ирландских католиков участвовать в пу-

бличной политике [12]. Согласно данным о конфессиональной принадлежности населения Ирландии 1834 г., католики составляли абсолютное большинство населения – 80,9 %, в связи с чем формальный допуск их элиты к системе власти Соединённого королевства как государства англикан, определяемой формулой «king-in-parliament», воспринимался инициаторами законопроекта как тактическая уступка с целью замирения возглавляемой Д. О’Коннеллом Католической ассоциации. В краткосрочной перспективе это действительно привело к укреплению порядка и минимизации допуска к участию в политической жизни католических избирателей и их представителей в Палате общин: до 1829 г. количество ирландских избирателей только в сельских округах составляло 216 тыс. человек, в то время как в 1833 г. их суммарное количество составило 90 тыс. при ста пяти местах в парламенте [8, р. 1; 9 р. 110]. Таким образом, число выборщиков в городах в это время было сопоставимо с другим субъектам королевства, в отличие от их соотношения в графствах, где католики были в подавляющем большинстве: 1 выборщик на 116 жителей в Ирландии, в протестантских Англии и Уэльсе – 1 к 24 [8, р. 2].

Вместе с тем, факт уравнивания католиков в политических правах с англиканами изменил настроения протестантов Ирландии. Решение о создании унии Великобритании и Ирландии в 1800 г. подавалась протестантской «нации» последней, до того обладавшей монополией на власть как защитой от «кровавой жакерии» [5, р. 16]. Англикане и представители неконформистских деноминаций противопоставляли католиков себе в качестве «иных», так называемых папистов, создавая этим условную общность протестантов двух островов и превращая свою малочисленность в большинство в масштабе всего королевства. Принятие Акта об эмансипации 1829 г. стало прецедентом того, что, несмотря на проявления ирландскими протестантами верности королю и закону, ради сохранения стабильности в Ирландии большинство в Вестминстере было готово поступиться их интересами. Любые попытки расширения законодательной независимости Ирландии от Великобритании, и, соответственно, отрыва от опеки единоверцев, усиливали опасения пресвитериан и англикан за свою безопасность. На массовом собрании 30 октября 1834 г. в графстве Даун, собравшем 60 тыс. человек, преподобный Дж. Г. Кук озвучил мысль о том, что разногласия между протестантскими конфессиями Ирландии должны быть отложены в сторону ради «согласия в великих истинах, разделяемых пресвитерианами и англиканами» [4, pp. 254–255]. По этой же причине начал преумножать своё влияние «Оранжевый орден» – юнионистское политическое объединение, созданное в конце XVIII в. для защиты прав ирландских протестантов [4, pp. 254–255].

Параллельно с этим, в 1830–1840-х гг. Д. О’Коннелл разворачивал публичную кампанию за упразднение политической унии Великобритании и Ирландии. Обозначенные выше причины привели к тому, что, в отличие от борьбы за эмансипацию католиков, поддержанной частью протестан-

тов и опиравшейся в том числе на распространение идей Просвещения и рост религиозной терпимости конца XVIII–XIX в., движение за отмену союза было поддержано в массе своей лишь католиками [6, р. 131]. Помимо этого, Д. О’Коннелл лишился содействия Римско-католической церкви, в 1834 г. запретившей духовенству использовать свои приходы для агитации и участвовать ему в политической деятельности [2, р. 97]. Столкнувшись с противодействием правительства и парламентского большинства, ненавистная кампания за упразднение унии Великобритании и Ирландии потерпела крах. Разочарованные в легальных методах борьбы сторонники Д. О’Коннелла формировали революционные организации, такие как «Молодая Ирландия» (1842 г.) и Ирландское республиканское братство (1858 г.), придав ирландскому национализму середины XIX в. подпольный характер.

В электоральном разрезе Акт об эмансипации католиков 1829 г. рассматривается как часть процесса борьбы за проведение первой избирательной реформы в Соединённом королевстве в 1828–1832 гг. [11, с. 266–268; 13]. Однако, дальнейшие электоральные реформы в Ирландии и других субъектах Соединённого королевства заметно отличались. В Англии и Уэльсе количество избирателей росло последовательно, составив 344 тыс., 620 тыс. и 2,5 млн в 1831, 1834 и 1867 гг. соответственно [11, с. 269, 283]. Расширение избирательных прав в Ирландии регулировалось отдельными актами. Так, Акт об избирательных правах 1850 г. был принят не из-за общественного давления или энтузиазма чиновников, а только потому, что Великий голод 1845–1849 гг. настолько сократил число ирландских избирателей, что просто «необходимо было что-то предпринять» [10, р. 238]. В начале 1850-х гг. число ирландских избирателей составило всего 45 тыс. человек: вдвое меньше, чем в 1833 г., и кратно ниже числа уровня первой четверти XIX в. [8, р. 17]. Акт о реформе в Ирландии 1868 г., фактически дублировавший аналогичный английский закон 1867 г., увеличил количество ирландских выборщиков всего на 14,5 тыс. человек [8, р. 17].

В социальной сфере сохранялась межконфессиональная напряжённость. В государственной системе образования, созданной в 1831 г., ключевым принципом должно было стать раздельное религиозное преподавание, учитывавшее интересы представителей всех деноминаций [14, pp. 9–10]. Вместе с тем, Совет уполномоченных по национальному образованию строил свои конфессионально-смешанные школы, и предполагалось, что именно им или аналогичным учреждениям будет отдаваться предпочтение при распределении господдержки [14, р. 17]. На практике, однако, фактически сохранялся конфессиональный характер учреждений образования, обретших возможность получать государственное финансирование. Клир, особенно римско-католический, не одобрял обучение детей своей веры духовенством прочих деноминаций, исходя из разницы в преподавании основ веры, которые протестантам подавались через прочтение избранных отрывков из

Библии, а католикам – через составленные по форме «вопрос-ответ» катехизисы. Например, к концу 1834 г. финансовая поддержка школам была выделена в ответ на 140, 180, 1397 запросов англиканских, пресвитерианских и римско-католических священнослужителей соответственно, что коррелирует с демографическими данными: англикане, пресвитериане и католики составляли 10,7 %, 8,1 % и 80,9 % населения Ирландии соответственно [15, р. 3; 16, р. 23]. Даже в отношении смешанных школ управляющим предлагалось организовывать образовательный процесс с учётом раздельного религиозного обучения, согласовывая преподавателя с опекунами и выделяя под него удобное нерабочее время [17, pp. 5–6].

Особенностью государственной социальной политики также являлась её инертность в отношении института семьи. Положения комплекса правовых актов, называемых «карательным законодательством», в отношении смешанных браков католиков и протестантов были отменены к концу XVIII в. В то же время до 1833 г. продолжали действовать штрафные санкции в отношении католических священников, венчавших смешанные браки: в 1820–1832 гг. так были осуждены шесть духовников. Акт, согласно которому государством не признавались браки, заключённые католическим клиром, был отменён только в 1870 г. [3, р. 111]. В свою очередь, Римско-католическая церковь в Ирландии, также руководствовалась принципом непризнания браков, заключённых не католическими сановниками. Помимо этого, Римско-католический синод в г. Тёрлс в 1850 г. выступил однозначно против факта заключения смешанных браков между католиками и протестантами [3, р. 112].

Вышеуказанные примеры свидетельствуют, что позиция государства и церкви только укрепляла существующую конфессиональную поляризацию. Лишь немногие законодательные инициативы были призваны исправить такое положение вещей: Актом о королевских колледжах 1845 г. учреждались смешанные университеты в Белфасте, Корке и Уэксфорде, Актом о Мейнотском колледже 1845 г. втрое увеличивалось государственное финансирование местной римско-католической семинарии, но указанные меры были направлены лишь на образованное состоятельное меньшинство ирландского общества [19; 20]. После очередного столкновения католиков и протестантов в графстве Даун в 1849 г. парламент принял акт, во избежание новых погромов запрещающий проведение любых массовых религиозных мероприятий [21].

Тенденция к сегрегированию прослеживалась и на локальном уровне. Так, в 1843 г. в г. Баллинаслоу возник скандал из-за поведения англиканского капеллана, который угощал сидельцев рабочего дома чаем, апельсинами и табаком, что вызвало многочисленные жалобы католического клира как на мнимое оказание «чрезмерного влияния и акт прозелитизма» [22, р. 164]. В 1862 г. в г. Туам графства Голуэй в ответ на запрос о выделении земли

под кладбище, сделанный местным советом попечителей по закону о бедных, римско-католический епископ ответил, что «готов передать акр под кладбище только для захоронения католиков», а правление больницы при работном доме распорядилось помещать пациентов разных вероисповеданий в отдельные палаты [23, р. 49; 24, р. 368]. Членами правления такие жалобы зачастую поддерживались во избежание эскалации конфликта.

Существенное влияние на религиозную ситуацию в Ирландии оказал Великий голод 1845–1849 гг. Для населения острова, в особенности ирландцев-католиков, это стало трагедией: из 8,5 млн человек около 1 млн погибло, ещё столько же жителей эмигрировали [25, р. 132]. Как следствие, в конце 1850 – начале 1860 гг. выходят первые публикации, заложившие основы исторического нарратива о голоде как злонамеренном истреблении ирландцев англичанами [26]. Кроме того, постулируется тезис об индифферентности государственной бюрократии к бедам подданных. Это связано с тем, что бедствие в Ирландии воспринималась британцами как проблема «иных»: в протестантском мировоззрении благополучие считалось выражением «божьей благодати», т. е. ирландская трагедия интерпретировалась как «дело рук Бога» и наказание католиков за лень [27, р. 19]. В то же время в течение 20 лет – с 1841 по 1861 г. – население большей части Ольстера оставалось стабильным, а в его центре г. Белфаст и вовсе наблюдался быстрый демографический рост. В сравнении с другими регионами Ирландии Голод оказал на населенную протестантами восточную часть Ольстера крайне незначительное воздействие и не оставил значимого следа в их памяти [16, pp. 140–141].

Предметом общественно-политической дискуссии во второй трети XIX в. стал статус англиканской Церкви Ирландии, возглавляемой британским монархом. Основой для публичной критики было то, что государственная церковь на острове была институтом меньшинства, в пользу которого взималась десятина со всего населения, но фактическими прихожанами которой в среднем являлся только один человек из девяти. Французский политический мыслитель А. де Токвиль, посетивший Ирландию летом 1835 г., проезжая один из небольших городов и сравнивая состояние одновременно существовавших в нём римско-католического и англиканского приходов, отметил парадокс, казавшийся несправедливым внешнему наблюдателю: «... пять тысяч католиков обязаны платить двадцать тысяч франков налогов, чтобы поддерживать религию сорока протестантов» [29, р. 11]. Приведённое замечание справедливо лишь отчасти, поскольку десятину в пользу церкви, которую не считали своей, выплачивали не только католики, но и протестанты-нонконформисты, что было одной из основных причин их массового недовольства [4, р. 255]. Более того, именно возмущение диссентеров, а не римских католиков, долгое время вызывало беспокойство правительства.

Инициативы по реформированию церковной десятины во второй трети XIX в. встречали неприятие со стороны англикан: они считали церковный налог основополагающим принципом протестантской политико-правовой общности, символизирующий поддержку официальной религии со стороны населения [29, pp. 239–241]. Отмена налога как одного из атрибутов британской политической культуры могла превратить один из её важнейших институтов в формальную организацию, и эта позиция преобладала при парламентских обсуждениях до 1860-х гг. Лишь негативные социально-экономические тенденции в Ирландии середины XIX в. и рост деструктивной активности тайных сообществ в 1860-х гг. поставили в повестку дня вопрос проведения коренных реформ на острове.

Инициатором реформ выступило либеральное правительство, возглавляемое У. Гладстоном в 1868–1874 гг. Премьер-министр был намерен реализовать политическую программу, утверждавшую справедливое положение дел в Ирландии, и первым шагом на этом пути он видел установление религиозного равноправия [30, p. 233]. Положения проекта, представленного им 1 марта 1869 г. в Палате общин, были смелыми для своего времени, поскольку напрямую затрагивали пятый пункт Актов о союзе 1800 г., постановившего объединение англиканских Церкви Англии и Церкви Ирландии в единую организацию [31]. У. Гладстон предлагал пересмотреть это, обратившись к разделению Церкви Англии и Ирландии и лишить последнюю статуса государственной, финансирования и части материальных прав [32]. После долгих обсуждений в ходе парламентских чтений Акт о Церкви Ирландии 1869 г. был принят и подписан 26 июля 1869 г. королевой Викторией [33]. С 1 января 1871 г. Церковь Ирландии получала синодальное самоуправление, а её главой вместо британского монарха становился архиепископ Армы как старший представитель в иерархии местного англиканского клира.

Подводя итог проведённому исследованию, можно выделить несколько тенденций, характерных для периода 1829–1869 гг. Во-первых, власти Соединённого королевства в целом продолжили курс на утверждение справедливости в вопросе прав и обязанностей ирландцев разных вероисповеданий, стремясь сохранить в настоящем религиозный мир, но не выработали политику интеграции существующих религиозных деноминаций, в отношениях между которыми сохранялась высокая социальная напряжённость. Во-вторых, расширение избирательных прав в Ирландии указанного периода проводилось без учёта отличий в социальной структуре местного общества и сложной конфессиональной ситуации. В-третьих, произошёл распад единой политико-правовой общности протестантов Соединённого королевства Великобритании и Ирландии, символически подчёркнутый Актом о Церкви Ирландии 1869 г., разделившим две англиканские институции и не предложившим ирландским протестантам ничего взамен.

Список использованных источников

1. *Космач, П. Г.* К вопросу о научной актуальности изучения религиозного фактора в истории США / П. Г. Космач. – Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2024. – № 1. – С. 56–62.
2. *Larkin, E.* The Historical Dimensions of Irish Catholicism / E. Larkin. – Washington, D. C.: The Catholic University of America Press, 1984. – 139 pp.
3. *Akenson, D. H.* Small Differences: Irish Catholics and Irish Protestants, 1815–1922 / D. H. Akenson. – Dublin: McGill-Queen's University Press, 1988. – 237 pp.
4. *Beiner, G.* Forgetful Remembrance: Social Forgetting and Vernacular Historiography of a Rebellion in Ulster / G. Beiner. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2018. – 709 pp.
5. *MacDonagh, O.* Ireland: The Union and Its Aftermath / O. MacDonagh. – London: George Allen & Unwin, 1977. – 184 pp.
6. *English, R.* Irish Freedom: The History of Nationalism in Ireland / R. English. – London: Pan Books, 2008. – 625 pp.
7. *Boyce, D. G.* The Irish Question and British Politics, 1868–1986 / D. G. Boyce. – New York: Macmillan Education UK, 1988. – 157 pp.
8. *Hoppen, K. T.* Elections, Politics and Society in Ireland, 1832–1885 / K. T. Hoppen. – New York: Oxford University Press, 1984. – 569 pp.
9. *Hoppen, K. T.* Governing Hibernia: British Politicians and Ireland, 1800–1921 / K. T. Hoppen. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 337 pp.
10. *Hoppen, K. T.* The Mid-Victorian Generation, 1846–1886 / K. T. Hoppen. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1998. – 748 pp.
11. Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Наука, 2019. – Т. 5: Мир в XIX веке: На пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В. С. Мирзеханов. – 2019. – 943 с.
12. Roman Catholic Relief Act, 1829 / The Statutes of The United Kingdom of Great Britain and Ireland, 10 Geo IV, 1829. – London: HM Statute and Law Printers, 1829. – Pp. 49–59.
13. *Стецкевич, М. С.* Парламентская реформа 1832 г. и Церковь Англии / М. С. Стецкевич // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. – 2014. – № 13. – С. 59–72.
14. Essays in the History of Irish Education / ed. B. Walsh. – London: Palgrave Macmillan UK, 2016. – 393 pp.
15. Commissioners of National Education in Ireland: second report, with appendix. – London: W. Clowes and Sons, 1835. – 71 pp. – URL: <https://archive.org/details/op1245195-1001> (date of access: 13.12.2024).
16. Troubled Geographies: A Spatial History of Religion and Society in Ireland / I. N. Gregory, N. A. Cunningham [et al.]. – Bloomington: Indiana University press, 2013. – 243 pp.

17. Commissioners of National Education in Ireland: third report, with appendix. – London: W. Clowes and Sons, 1836. – 19 pp. – URL: <https://archive.org/details/op1245318-1001/page/n17/mode/2up?view=theater> (date of access: 13.12.2024).
18. Commissioners of National Education in Ireland: fourth report, with appendix. – London: W. Clowes and Sons, 1837. – 31 pp. – URL: <https://archive.org/details/op1245453-1001/mode/2up> (date of access: 13.12.2024).
19. Queen's Colleges (Ireland) (№ 2) Act 1845. – URL: <https://vlex.co.uk/vid/queen-s-colleges-ireland-861222932> (date of access: 31.12.2024).
20. Maynooth College Act 1845. – URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/1845/act/25/enacted/en/html> (date of access: 31.12.2024).
21. Bill to restrain Party Processions in Ireland 1850. – URL: <https://archive.org/details/op1246928-1001/page/n1/mode/2up> (date of access: 31.12.2024).
22. Galway County Council Archives. – G00-5. C. 1.
23. Galway County Council Archives. – GPL5. C. 24.
24. Galway County Council Archives. – GPL5. C. 36.
25. *Cullen, L.* An Economic History of Ireland since 1660 / L. Cullen. – London: B.T. Batsford, 1987. – 208 pp.
26. *Mitchel, J.* The Last Conquest of Ireland / J. Mitchel. – Glasgow: R. & T. Washbourne, 1861. – 220 pp.
27. *Kinealy, C.* The Great Irish Famine: Impact, Ideology and Rebellion / C. Kinealy. – Basingstoke: Macmillan Education UK, 2002. – 268 pp.
28. *de Tocqueville, A.* Alexis de Tocqueville's journey in Ireland, July-August, 1835 / A. de Tocqueville, E. Larkin. – Washington D. C.: The Catholic University of America Press, 1990. – 157 pp.
29. *Ellens, J. P.* Lord John Russell and the Church Rate Conflict: The Struggle for a Broad Church, 1834–1868 / J. P. Ellens // *Journal of British Studies*. – 1987. – Vol. 26, № 2. – Pp. 232–257.
30. The Course of Irish History / T. W. Moody, F. X. Martin [et al.]. – Lanham: Roberts Rinehart Publishers. – 542 pp.
31. An Act for the Union of Great Britain and Ireland. – URL: <https://rahbarnes.co.uk/union/the-united-kingdom-of-union-1800/union-with-ireland-act-1800/> (date of access: 31.12.2024).
32. Established Church (Ireland). Committee of 1 March 1869. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1869/mar/01/committee> (date of access: 31.12.2024).
33. Irish Church Act 1869. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1869/42/enacted> (date of access: 31.12.2024).

(Дата подачи: 12.02.2025 г.)

Ю. Г. Крепский

Республиканский институт высшей школы, Минск

Yu. G. Krepsky

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 37(476)(091)»19»

ВКЛЮЧЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ОБЩЕРОССИЙСКУЮ СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ (1824–1863 ГГ.)

INCLUSION OF DOMESTIC EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE ALL-RUSSIAN EDUCATION SYSTEM (1824–1863)

Представленная статья посвящена проблеме включения отечественных учебных заведений в общероссийскую систему образования в период 1824–1863 гг. Особое внимание акцентируется на проблеме функционирования Виленского и Белорусского учебных округов в структуре общегосударственной системы образования. Осуществляется анализ деятельности отдельных учреждений, содержания учебных программ и организации учебно-воспитательного процесса как отражения специфики реализации государственной образовательной политики в крае. Автором делается вывод относительно влияния представленной политики на процессы интеграции отечественной школы в общероссийскую систему образования.

Ключевые слова: Система образования; учебная программа; народные училища; Виленский учебный округ; Белорусский учебный округ; школьный устав; монашеские школы.

The presented article is devoted to the problem of inclusion of domestic educational institutions in the all-Russian education system of the second third of the 19th century. Particular attention is focused on the problem of functioning of the Vilnius and Belarusian educational districts in the structure of the national education system. The analysis of the activities of individual institutions, the content of educational programs and the organization of the educational process as a reflection of the specifics of the implementation of state educational policy in the region is carried out. The author draws a conclusion regarding the influence of the presented policy on the processes of integration of the domestic school into the all-Russian education system.

Key words: Education system; curriculum; public schools; Vilnius educational district; Belarusian educational district; school regulations; monastic schools.

Специфика процесса включения отечественных учебных заведений в общероссийскую систему образования в период второй половины 1820-х – начала 1860-х гг. раскрывает сущность интеграции отечественного школьного дела в российскую культурно-образовательную среду. Рассматриваемое явление обладало рядом особенностей, которые проявлялись в зависимости от изменений государственной политики в области народного просвещения в западных губерниях.

Отдельные проблемы функционирования отечественных учебных заведений и специфика государственной политики в сфере образования рассматриваемого периода уже становились предметом исследования в исто-

риографии. Особого внимания заслуживают работы дореволюционных авторов – С. Рождественского и Ю. Крачковского [1; 2]. В них акцентировано внимание на отдельных аспектах государственной политики в сфере народного просвещения, специфике ее реализации в Виленском учебном округе. Также к представленному кругу историографических источников следует отнести работу Е. Орловского, посвященную истории Гродненской гимназии, и труд А. Миловидова, раскрывающий проблему участия молодежи западных губерний в восстании 1863–1864 гг. [3; 4].

Тема включения отечественного образования рассматриваемого периода в общероссийскую систему народного просвещения нашла отражение и в советской историографии. Здесь особого внимания заслуживает работа В. Поссе, хронологически охватывающая первую половину XIX в. В ней автор, опираясь на широкую источниковую базу, характеризует особенности осуществления государственной политики в сфере образования в западных губерниях [5].

Рассматриваемая проблема нашла отражение и в работах современных отечественных исследователей. Различные аспекты государственной политики в области образования данного периода становились предметом исследования А. Самусика, А. Кузнецовой, Л. Игнатовец и др. [6–8].

В процессе изучения проблемы становления государственной политики в деле народного просвещения в западных губерниях, заслуживают внимания опубликованные исторические источники, отражающие специфику развития системы образования представленного периода. К таковым, прежде всего, необходимо отнести трехтомный Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения и Полное собрание законов Российской империи [9; 10].

Представленная исследовательская тема располагает широкой базой архивных источников. При подготовке данной статьи использовались материалы фондов Национального исторического архива Беларуси в Минске и Гродно.

Несмотря на значительное количество опубликованных работ, посвященных проблеме развития народного просвещения рассматриваемого периода, вопрос выделения и определения специфики различных этапов интеграции отечественного школьного дела в общероссийскую систему образования в представленный период еще не становился отдельным предметом исследования. Данное обстоятельство определяет актуальность предложенной работы.

Начиная со второй половины 1820-х гг. положение отечественных учебных заведений в общегосударственной образовательной системе Российской империи претерпевает значительные изменения. На смену полонизации местной школьной среды, осуществляемой в начале XIX в., приходит

усиление культурных и образовательных традиций, ориентированных на укрепление самодержавной политики в регионе. Так, в 1824 г. Попечителем Виленского учебного округа был назначен Н. Н. Новосильцев, сменивший на этой должности Адама Чарторыйского. Новое руководство округа усиливало полицейский надзор за учебными заведениями, стремилось осуществлять преобразования, направленные на ликвидацию относительной автономности учебных заведений округа. Осуществлялась корректировка учебных планов гимназий, увеличивался объём преподавания русского языка [11, с. 35]. В октябре 1824 г. учебные заведения Могилевской и Витебской губерний были подчинены Петербургскому учебному округу. Данное решение было принято после доклада генерал-губернатора Н. Хованского, содержавшего критику состояния школьного дела в регионе. Чиновник отмечал недостаточный уровень владения русским языком как выпускников, так и преподавателей учебных заведений [7, с. 136]. Тем не менее, видится необходимым отметить, что официальное присоединение Витебской и Могилевской губерний к Петербургскому учебному округу еще не свидетельствовало об полной унификации отечественного школьного дела и завершении интеграции в общероссийскую систему образования. Учебные заведения востока Беларуси на практике получили полную независимость от Петербурга и фактически подчинялись местным администрациям. Министерство народного просвещения, тем не менее, планировало сохранить свое влияние на местные училища, которое становилось особенно необходимым после принятия в декабре 1828 г. нового школьного устава. Действие представленного документа первоначально не распространялось на Виленский и Дерптский учебные округа [12, л. 2–13].

Для реализации основных положений нового школьного устава на местах была необходима централизованная система управления училищами. С целью выполнения данной задачи, 17 января 1829 г. был образован отдельный Белорусский учебный округ [9, с. 271–273]. В подчинение округу вошли учебные заведения Могилевской и Витебской губерний, а в 1831 г. его состав включались заведения Минской губернии. Указом от 3 августа 1829 г. попечителем Белорусского учебного округа был назначен статский советник Г. И. Карташевский. Руководство учебного округа осуществляло комплексные мероприятия, направленные на устранение специфических черт функционирования местных учебных заведений, усилило контроль над монашескими школами [8, с. 15; 6, с. 13].

Негативное отношение Попечителя нового учебного округа к монашескому образованию в крае проявилось сразу после вступления в должность. В одном из первых своих рапортов, он категорично заявлял о необходимости коренной реорганизации данных школ или даже их полной ликвидации, так как монахам «государственная польза чужда» [13, л. 9]. Тем не менее, осуществить задуманное Г. И. Карташевский планировал постепенно, учи-

тывая объективные обстоятельства сложившиеся в системе школьного образования в это время. Такое решение было принято ввиду нехватки светских преподавателей и средств для содержания альтернативных монашеским учебным заведениям. Первоначально школы духовных орденов должны были изменить свои образовательные программы – согласно с курсами светских школ соответственного типа [14, л. 1–5]. Цель подобного проекта была очевидна – правительственные власти не ликвидировали монашеские школы ввиду отсутствия подходящей альтернативы. Функционирование последних не удовлетворяло администрацию новообразованного учебного округа, но виделось возможным при условии организации жесткого контроля над их деятельностью [15, л. 13].

Важную роль в реорганизации местной системы просвещения имел императорский указ «Об устройстве Белорусских училищ» от 9 сентября 1830 г. В соответствии с представленным документом местные уездные училища объявлялись отделениями гимназий, воспитанники которых могли поступать в университет, а при гимназиях создавались пансионы для шляхты, что должно было повысить их престиж в сравнении с монашескими школами. Помимо этого предусматривалась замена местных учебных пособий на присланные из России, для чего выделялись соответствующие средства [13, л. 4–20]. Отдельное внимание руководство Белорусского учебного округа уделяло начальному образованию, которое планировалось целиком перевести на русский язык с более широким внедрением ланкастерского метода обучения [16, л. 3–4]. Тем не менее, осуществление предложенных мер по реорганизации учебных заведений Белорусского учебного округа сталкивалось с рядом существенных проблем. Особенно четко представленное обстоятельство проявилось в начале 1831 г., когда в структуру учебного округа была включена Минская губерния. Средства, необходимые для перестройки учебного процесса, выделялись из казны нерегулярно. Помимо этого, существенной проблемой для администрации округа являлся вопрос поиска лояльных преподавателей, которых в западных губерниях не хватало [1, с. 197; 5, с. 14].

Представленные выше проекты реорганизации отечественного школьного дела, в большинстве своем, так и не будут реализованы ввиду начала восстания 1830–1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси. Его начало наглядно продемонстрировало правительству, что принятые в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. мероприятия по трансформации отечественных учебных заведений и структуры управления над ними недостаточны и нуждаются в существенной корректировке. Так, царские власти предприняли попытку усиления репрессивной политики в местной образовательной среде. Уже в ноябре 1830 г. вводился запрет на въезд на территорию Царства Польского для студентов Виленского университета, а также жителям Гродненской губернии запрещалось отправлять своих детей для учебы в Варшаву [17, л. 2–4; 18, л. 1–2]. Помимо этого устанавливался полицейский надзор

за студентами и воспитанниками гимназий, которые отправлялись на рождественские каникулы. Несмотря на принятые меры, студенты Виленского университета, учащиеся гимназий и уездных училищ вместе со своими преподавателями присоединялись к повстанцам, а иногда и формировали отдельные отряды [19, л. 27–55].

Очевидно, что изложенные выше обстоятельства коренным образом повлияли на взгляды представителей российского правительства на вопрос поиска путей реформирования системы образования в западных губерниях. Идея о ее постепенной реорганизации с учетом местных особенностей была отвергнута, укрепилась концепция полной интеграции отечественной системы народного просвещения в общегосударственную образовательную модель в сочетании с ускоренной деполонизацией. Исходя из представленной позиции, в марте 1831 г. император потребовал от Министерства народного просвещения начать упразднение монашеских учебных заведений, а также перевести преподавание во всех школах Белорусского учебного округа на русский язык [3, с. 271; 9, с. 425–426; 10, с. 514–527].

Новые подходы властей к вопросу организации народного просвещения в западных губерниях окончательно утвердили указы от 1 мая 1832 г., которые провозгласили ликвидацию Виленского учебного округа, закрытие университета и значительной части монашеских учебных заведений [9, с. 475–478]. Место упраздненных учебных заведений должны были занять светские учреждения образования, создаваемые за счет конфискованного имущества орденских школ.

Следующим шагом властей стало введение, согласно указу от 3 января 1834 г., Школьного устава 1828 г. в учебных заведениях Виленской, Гродненской и Минской губерний. Представленный документ фактически нивелировал многие особенности местного школьного образования, открывал путь к ускоренной интеграции отечественного просветительского дела в общероссийскую систему образования [20, с. 482–491].

В свою очередь, что касается польского языка, то его преподавание сохранилось только в Центральной и Западной Беларуси, где на его изучение в гимназиях и уездных училищах отводилось 16 часов в неделю, а в начальных классах предусматривалось чтение на польском языке. На востоке Беларуси 14 октября 1836 г. был утвержден отдельный школьный устав, который и вовсе не предусматривал должность преподавателя польского языка в местных учебных заведениях.

В конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. учебные заведения на белорусских землях, в соответствии с мнением властей, практически не отличались от школ в других регионах Российской империи. Так, министр народного просвещения С. Уваров в докладной записке Николаю I утверждал, что вопрос утверждения русского языка в образовательной среде западных губерний фактически решен [21, с. 38].

Начало правления Александра II привнесло новые веяния в отечественную систему народного просвещения. В западных губерниях открывались новые гимназии, был сделан шаг для расширения начального образования среди крестьян. Так, к 1860 г. на белорусских землях было основано более сотни новых школ для крестьянских детей [22, с. 192]. Усилился интерес и к профессиональному образованию – в гимназиях открывались специализированные агрономические и землемерно-таксаторские классы. Плодотворно работал Горы-Горецкий земледельческий институт, организованный в 1848 г. на базе созданной ранее земледельческой школы. Представленное заведение привлекало на учебу молодежь со всей империи. Земледельческий институт, безусловно, не мог в полной мере компенсировать отсутствие в регионе такого многопрофильного учебного заведения как университет. После закрытия Виленского университета местные жители вынуждены были получать образование в высших учебных заведениях Москвы и Петербурга, реже – за границей. Данное обстоятельство положило начало оттоку из региона лучших интеллектуальных сил, в том числе и научных.

Тем не менее, не смотря на правительственные усилия в деле интеграции отечественной системы просвещения в общегосударственную модель, которые осуществлялись в соответствии с принципами «самодержавия, православия, народности», полной ликвидации антироссийских настроений среди учащихся добиться не удалось. Свидетельством этого станет активное участие воспитанников различных заведений в восстании 1863–1864 гг. Так, в течение 1863 г. из учебных заведений края будет отчислено более двух тысяч человек. При этом в школах отмечались волнения, которые препятствовали осуществлению учебного процесса [4, с. 9–11]. После подавления основных очагов восстания процесс русификации отечественного школьного дела значительно усилился. Были предприняты действия по изменению национального и конфессионального состава штата преподавателей в западных губерниях, что на практике будет осуществляться через привлечение педагогических кадров из центральной России. Существенные изменения претерпел и характер обучения. Так, руководством учебного округа перед местными руководителями гимназий и училищ ставилась задача: «Стремиться с неуклонным постоянством и участием к тому, чтобы русский элемент занял по праву принадлежащее ему место и стал господствующим не номинально, но на самом деле» [3, с. 67].

Таким образом, рассматриваемый период истории отечественного образования отличался значительным ускорением его интеграции в общегосударственную систему народного просвещения. Анализируемый процесс имел свои характерные особенности в зависимости от периода и внутренней политической конъюнктуры. Так, вторая половина 1820-х гг. отличалась поступательной деполонизацией местной системы образования, осуществ-

ваемой с учетом текущих реалий. Восстание 1830–1831 гг. вынудило правительство ускорить данный процесс, прибегая к кардинальным мерам, что нашло отражение в принятии решений о ликвидации Виленского учебного округа, закрытии университета и постепенном упразднении монашеских учебных заведений. Выстраиваемая в западных губерниях образовательная модель подверглась унификации и к концу 1830-х – началу 1840-х гг. практически не отличалась от общероссийской.

Образовательный процесс, осуществляемый в учебных заведениях на белорусских землях в 1840–1850-х гг., был ориентирован на воспитание подрастающего поколения в духе верности самодержавию и в полном соответствии идеологии триединства. В рассматриваемый временной период расширилась сеть начальных учебных заведений, ориентированных на детей из низших сословий. Активизировалось развитие профессионального образования, что проявилось в открытии специализированных классов при гимназиях и деятельности отдельного земледельческого института.

Интеграция отечественного школьного дела в общероссийскую систему образования вступит в завершающую стадию после подавления восстания 1863–1864 гг. Представленный период отличался ужесточением государственного контроля над сферой образования и продолжением политики русификации.

Список использованных источников

1. *Рождественский, С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802–1902 / С. В. Рождественский. – Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1902. – 788 с.

2. *Крачковский, Ю. Ф.* Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа. 1803–1903 / Ю. Ф. Крачковский. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1905. – 565 с.

3. *Орловский, Е. Ф.* Исторический очерк Гродненской гимназии / Е. Ф. Орловский. – Гродно: Тип. Губернского правления, 1901. – 120 с.

4. *Миловидов, А. И.* Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 года и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам) / А. И. Миловидов. – Вильна: Тип. «Русский почин», 1904. – 39 с.

5. *Поссе, В. С.* Просвещение в Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. С. Поссе // АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1963. – 20 с.

6. *Самусік А. Ф.* Развіццё сістэмы асветы на беларускіх землях у 70-х гадах XVIII – 30-х гадах XIX стагоддзяў: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. / НАН РБ. Ін-т гісторыі. – Мінск, 1998. – 18 с.

7. *Кузнецова, А. В.* Создание Белорусского учебного округа / А. В. Кузнецова // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2007. – С. 135–139.

8. *Игнатовец, Л. М.* Белорусский учебный округ: система управления / Л. М. Игнатовец // Ученые записки: сборник научных трудов / Министерство образования Республики Беларусь, УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». – 2011. – Т. 12. – С. 12–20.

9. Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения: в 3 т. – Санкт-Петербург: Тип. П. П. Сойкина, 1875–1876. – Т. 2. – 1875. – 1864 с.

10. Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Тип. 2-го отд. собственной его имп. величества канцелярии, 1867. – Т. 6. – 846 с.

11. *Крепский, Ю. Г.* Учебные округа на территории Беларуси в 1803–1864 гг. / Ю. Г. Крепский // Социально-гуманитарные знания: материалы XX Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов. – Минск: РИВШ, 2023. – С. 35–36.

12. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 320. Оп. 1. Д. 101.

13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3157. Оп. 1. Д. 9.

14. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3157. Оп. 1. Д. 102.

15. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3157. Оп. 1. Д. 84.

16. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2273. Оп. 1. Д. 5.

17. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ). – Ф. 1. Оп. 3. Д. 842.

18. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ). – Ф. 1. Оп. 3. Д. 991.

19. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ). – Ф. 4. Оп. 1. Д. 207.

20. Дополнения к сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. 1803–1864. – Санкт-Петербург: Тип. П. П. Сойкина, 1867. – 1096 с.

21. Десятилетие Министерства Народного Просвещения. 1833–1843. Докладная записка министра народного просвещения царю от 1843 года. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Академии Наук, 1864. – 161 с.

22. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г. / У. С. Пасэ, Г. Р. Сянкевіч, М. А. Ткачоў, А. В. Трухан [і інш.]; пад рэд. М. А. Лазарука [і інш.]. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.

(Дата подачи: 26.02.2025 г.)

М. А. Кривицкий

Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа,
Национальная академия наук Беларуси, Минск

M. A. Kryvitski

Central Scientific Library of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk

УДК [322(091)+277.4-9](476-89)«18/19»

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
В ОТНОШЕНИИ БАПТИЗМА
В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ
(ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА):
СУЩНОСТЬ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ИТОГИ**

**RUSSIAN GOVERNMENT POLICY TOWARDS BAPTISM
IN THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES
(LAST QUARTER OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY):
ESSENCE, CONTRADICTIONS AND RESULTS**

Статья посвящена политике российского правительства в отношении баптизма в белорусско-литовских губерниях до издания указа о веротерпимости. Сделан вывод о том, что данная политика носила ярко выраженный «противосектантский» характер. Ее цель заключалась в прекращении распространения баптистского учения и возвращении верующих в православие. Итоги «противосектантской» политики противоречивы. Баптистские общины были ослаблены, распространение баптизма замедлилось. Однако остановить данный процесс не удалось. Этому способствовала недостаточная эффективность мер по возрождению церковно-приходской жизни.

Ключевые слова: баптизм; штундизм; белорусско-литовские губернии; православное духовенство; неофит; миссионерская деятельность.

The article is devoted to the Russian government policy towards Baptism in the Belarusian-Lithuanian provinces before the issuance of the decree on religious tolerance. It is concluded that this policy had a clearly expressed «anti-sectarian» character. Its goal was to stop the spread of Baptism and return believers to Orthodoxy. The results of the «anti-sectarian» policy are contradictory. Baptist communities were weakened, the spread of Baptism slowed down. However, it was failed to stop this process. This was facilitated by the insufficient effectiveness of measures to revive church-parish life

Keywords: Baptism; Stundism; Belarusian-Lithuanian provinces; Orthodox clergy; neophyte; missionary activity.

Актуальность исследований по истории евангельских христиан-баптистов в Беларуси обусловлена заметной ролью данной деноминации в религиозной жизни нашей страны. Подобные исследования будут способствовать дальнейшему укреплению традиций межконфессионального мира и согласия, издревле присущих белорусскому народу.

Зарождение белорусского баптизма относится к последней четверти XIX – началу XX в. В это время здесь начинается миссионерская деятельность, основываются первые общины. Дореволюционный этап истории баптизма отражен в публикациях П. И. Асененко [1], А. А. Верещагиной (Гурко) [2], В. Н. Линкевича [3], Т. В. Лисовской [4], В. В. Табунова [5], А. В. Унучека [6], В. В. Яновской [7], С. Н. Савинского [8, с. 189–192]; в коллективных изданиях «Баптизм и баптисты (Социологический очерк)» [9, с. 15–20, 23–24], «История евангельских христиан-баптистов в СССР» [10, с. 381–384], «Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі» [11, с. 157–159, 209, 212–213] и др. Из последних работ следует отметить статью А. В. Унучека [6]. Исследователь детально раскрыл зарождение евангельско-баптистского движения на Гомельщине, а также реакцию на данное явление правительства и православного духовенства.

Большинство публикаций носят обзорный характер и кратко, подчас фрагментарно, освещают следующие вопросы: пути и факторы распространения баптизма; миссионерская деятельность, зарождение первых общин; отношение к баптизму власти и православного духовенства. Вышеперечисленные аспекты требуют более глубокого исследования. Практически игнорируются такие предпосылки распространения баптизма, как системный кризис православия и феномен народного богоискательства в эпоху перемен. Лишь первые шаги сделаны в исследовании миссионерской деятельности баптистов. Отсутствуют и работы, специально посвященные влиянию политики правительства на распространение нового вероучения. *Цель* статьи – историческая реконструкция политики российского правительства в отношении баптистов белорусско-литовских губерний до издания в 1905 г. указа о веротерпимости.

В Российской империи баптизм зародился на основе так называемого штундизма – религиозного движения среди крестьян украинских губерний. К началу 80-х гг. XIX в. большинство штундистских общин приняли баптистское вероучение. Чиновники и православное духовенство продолжали называть их «штундистами», «штундобаптистами», относя к «сектантам».

Вероятно, первым баптистом в Могилевской губернии (и вообще на территории Беларуси) являлся крестьянин, уроженец д. Николаевка Краснобудской волости (ныне Добрушский район Гомельской области) Дмитрий Павлович Семенцов. Новое учение он принял на заработках в Одессе. В 1877 г. началась проповедь Д. Семенцова на родине. Вскоре его последователями стали не только односельчане, но и Иван Ильиченко из слободы Дубовый Лог – торговец, часто посещавший Николаевку. И. Ильиченко, в свою очередь, привлек в баптизм жителей Дубового Лога Семена Федорова, Захара Евстихиева, Алексея Головачева и отставного рядового Александра Андреева [9, с. 16].

Местные чиновники быстро отреагировали на появление не известного прежде учения, и 24 августа 1878 г. жители слободы Дубовый Лог были вынуждены письменно пообещать неуклонно соблюдать все «постановления» православной церкви «до конца жизни нашей». Однако всего год спустя баптизм здесь настолько окреп, что неопиты заявили об окончательном разрыве с православием: «Мы веры евангелической, принадлежим к новообращенному русскому братству, беседовать о другой вере не хотим, ... и данной подписки... исполнять не намерены» [12, лл. 14, 21 об].

Законодательный статус «штундизма» в это время был не ясен. Правда, юридического инструментария для борьбы с «сектантами» хватало. Переходы из православия в другие вероисповедания до 1905 г. были запрещены, а статьи 189 и 196 Уложения о наказаниях предусматривали суровые санкции за «совращение из православия» и кощунство. Однако в эпоху Александра II возбуждавшиеся против «штундистов» уголовные процессы зачастую заканчивались оправдательными или достаточно мягкими приговорами: штрафами, отдачей на поруки [13, с. 186, 188–190; 14, с. 79–92, 132]. А в 1879 г. проблема «штундизма», казалось, и вовсе была решена: 27 марта этого года правительство легализовало баптистское учение. Его последователи отныне обладали теми же правами, что и верующие терпимых инославных исповеданий: католичества, лютеранства и т. д. [15, с. 277].

Тем временем распространение баптизма в Гомельском уезде набирало обороты. В 1879 г. в д. Усохи последователями Д. Семенцова стали братья Ефим и Евсей Ляшко, а также Леонтий Приймаченко – в прошлом ревностный прихожанин православной церкви. Последний привлек в баптизм родных и впоследствии стал пресвитером усохской общины. В конце 1883 г. в Гомельском уезде проживали 115 «штундистов обоих полов»: 44 мужчины и 43 женщины суммарно в дд. Усохи и Николаевка, 16 мужчин и 11 женщин в слободе Дубовый Лог и 1 мужчина в с. Старый Крупец. Особенно быстрыми темпами росла усохская община: если в 1882 г. она насчитывала 25 верующих, то в 1885 г. – уже 95, а в 1887 г. – и вовсе 146 (из них 22 ребенка) [8, с. 190; 6, с. 158, 160]. Около 1883 г. баптистская проповедь началась в с. Уть. Пять лет спустя утевская община насчитывала 12 взрослых и 11 детей [6, с. 160].

В 1882 г. верующие евангельского направления появились в местечке Чечерск Рогачевского уезда Могилевской губернии, чему способствовала деятельность Е. И. Чертковой, известной по «петербургскому пробуждению». В Чечерске находилось имение ее отца, графа И. Г. Чернышевского-Кругликова. Евангельские христиане Петербурга помогали чечерским братьям по вере финансово, религиозной литературой [16, лл. 1–1 об.].

В 1883 г. баптистское учение проникает в Витебск. Здесь отставной солдат, мещанин Кузьма Яковлев со временем сумел создать небольшую общину, состоявшую из 9 человек [17, с. 956, 957, 959, 1026–1028, 1030].

Относительно «вольготные» условия для баптистов продлились совсем недолго. В 1880 г. Синод возглавил учитель законовещения будущего императора Александра III К. П. Победоносцев. Он считал, что православная церковь не способна в одиночку защитить свои интересы, а религиозные «разномыслие» подрывает национальное и политическое единство империи [18, с. 254]. Особенно К. П. Победоносцева беспокоил рост «сектантства».

С воцарением Александра III позиции нового обер-прокурора усилились. К. П. Победоносцев активно участвует в разработке нового законодательства о «сектантах». В 1882 г. издается Министерство внутренних дел. Оно установило, что закон 1879 г. о баптистах относится к иностранным подданным; лицам, перешедшим в баптизм до принятия русского подданства; тем, кто до перехода исповедовал неправославную веру [19, с. 278].

3 мая 1883 г. вышло «Мнение государственного Совета о даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб». Действие этого закона распространялось на «раскольников всех сект» – в том числе и на «штундистов». Молитвенные собрания закон разрешал, однако запретил «штундистам» проповедовать свое учение среди православных [20, с. 220]. Вскоре относительно мягкая, непоследовательная политика в отношении баптистов, характерная для 60-х – 70-х гг. XIX в., сменится систематическими гонениями по всей империи.

В Гомельском уезде православное духовенство поначалу попыталось справиться с баптизмом своими силами. В 1880 г. сюда был направлен «противосектантский» миссионер, священник В. Гольнец. Он констатировал плачевное состояние местных православных приходов: церкви «пустуют и пустеют», богослужения проводятся крайне небрежно. Православное духовенство предприняло ряд мер. Крестьян уезда освободили от плат за церковные обряды. Планировалось в кратчайшие сроки открыть церковно-приходские школы и прислать туда хорошо подготовленных учителей. Устраивались религиозные собеседования, сопровождаемые пением. В с. Уть молодой и активный священник Петр Барцевич из Рогачева сменил престарелого священника Гавриила Трусевича [6, с. 157, 160].

Тем не менее, численность баптистских общин по-прежнему росла. В Гомельском уезде активно распространялась «сектантская» литература. В феврале 1883 г. могилевский губернатор А. Дембовецкий получил распоряжение Министерства внутренних дел «остановить распространение штунды». По его приказу полиция запретила молитвенные собрания баптистов. В 1885–1886 гг. на не подчинившихся верующих были составлены административные протоколы. Мировой судья 4-го Гомельского участка оштрафовал «сектантов» на 10–25 рублей. К удивлению местной администрации, баптисты успешно обжаловали приговор о штрафах в Сенате, и решение впоследствии было отменено [6, с. 162–163].

Эта победа баптистов в судебных разбирательствах оказалась единственной. Уроженца Усох Л. Приймаченко несколько раз арестовывали

и отправляли под конвоем в Гомель. После очередного ареста в 1886 г. пресвитера усохской общины выслали на два года в г. Орск Оренбургской губернии. Пресвитером усохской общины стал Андрей Евстратенков [8, с. 190; 1, с. 128].

В сентябре 1887 г. жители Усох Е. и Е. Ляшко, Захар Гуля, Лазарь и Мина Евстратенковы и Иван Будниченко из Дубового Лога были приговорены к лишению всех прав состояния и высылке на поселение в Закавказье. Еще двое верующих получили 6–8-месячные тюремные сроки. Громкий судебный процесс состоялся в Рогачеве, так как в Гомеле «не нашлось достаточно присяжных, которые отнеслись бы к делу должным образом». Экспертом обвинения выступил противосектантский миссионер В. Гольнец [6, с. 163–164, 165].

В феврале 1888 г. 25 баптистских семей покинули Усохи и выехали на Кубань, где жили в экономии одного из основателей «Союза русских баптистов Южной России и Кавказа» Дея Мазаева. Впоследствии большинство усохских баптистов перебрались в Сибирь, где сохранили свою церковь [1, с. 128].

За искоренение «сектантства» активно принимается и витебская губернская администрация. Еще в 1886 г. в Закавказье был выслан основатель витебской общины К. Яковлев. Православное духовенство собирало сведения о баптистах, пыталось проводить с ними беседы. От общения со священниками «сектанты» отказывались, и данные о них оказались в полиции. С 15 июля 1889 г. баптистами занялся следователь по особо важным делам. 16 мая 1890 г. состоялось судебное заседание, на котором в качестве ответчиков выступили Ефим, Василий и Матрена Корневские, Иван Довгялло, Михаил Буянов, Парфен Нагибов и Леонтий Куковенко. Суд оправдал лишь М. Корневскую и Л. Куковенко. М. Буянова и П. Нагибова приговорили к 6 месяцам тюремного заключения. Е. и В. Корневские, И. Довгялло были сосланы в Закавказье согласно статьям 189 и 196 Уложения наказаний как виновные в «соблазнении православных и богохульстве» [17, с. 1030–1031].

Преследования не смогли предотвратить дальнейшего распространения баптизма в Российской империи. На украинских землях число его последователей с 1884 по 1893 гг. выросло в 2,33 раза: с 2006 до 4670 чел. [8, с. 183]. Церковно-миссионерские круги во главе с К. П. Победоносцевым настаивали на ужесточении административно-полицейских мер в борьбе с «сектантской пропагандой».

4 июля 1894 г. Комитет министров объявил «штундизм» «особенно вредной» сектой и запретил молитвенные собрания «штундистов». Циркуляр Министерства внутренних дел от 3 сентября 1894 г. приписывал баптистам анархизм (отрицание власти, присяги и службы в армии) и социализм: требование имущественного равенства и т. п. [21, с. 339–340]. Парадоксально: православные миссионеры А. Дородницын и А. Ушинский детально изло-

жили вероучения украинских «штундистов». В этих текстах нет и намека на истинность подобных обвинений [22, с. 481; 23, с. 123]. О признании власти и молитвах за царя говорил первый витебский баптист К. Яковлев [17, с. 1098].

По данным православного духовенства, «противосектантская» политика принесла плоды. Численность баптистов в Гомельском уезде снизилась со 145 чел. в 1893 г. до 62 чел. в 1897 г. [24, с. 510; 25, с. 365]. Впрочем, эти сведения вызывают сомнения. Многие верующие вернулись в православие лишь формально. В 1897 г. «ярыми» баптистами проявили себя жители с. Уть и д. Иваки [26, с. 433–434]. В 1906 г. миссионер Я. Журавский сообщал, что в уезде насчитывается 500 «явных» баптистов и немало тайных [27, с. 295]. Таким образом, даже в условиях гонений баптистская проповедь имела успех. С изданием в 1905 г. указа о веротерпимости ее активность резко возрастет.

В конце XIX – начале XX в. баптизм сохранился и в Витебской губернии. Православное духовенство признавало: несмотря на разгром в 1889–1890 гг. витебской общины, в городе еще оставались «преданные штундизму лица» [17, с. 1098]. Небольшая баптистская община в это время образовалась и в Люцинском уезде. Ее члены являлись переселенцами из Островского уезда соседней Псковской губернии. В Пылденской волости Люцинского уезда они приобрели фольварок Зили (130 дес. земли). Аресты, нападки православных и регулярные беседы с противосектантским миссионером П. Лепиным не повлияли на решимость люцинских баптистов сохранить свою веру [28, с. 72–73, 369–370]. Отдельные баптисты проживали также в гг. Двинск (ныне г. Динабург, Латвия) и Режица (г. Резекне, Латвия) [29, с. 350; 30, с. 767]. По данным на конец 1903 г., в Витебской губернии насчитывалось 40 баптистов [31, с. 404].

Важными направлениями в борьбе с распространением баптизма являлись оживление приходской жизни, улучшение церковно-приходского образования. Однако в 1897 г. выяснилось, что Ивакский приход Гомельского уезда, где проживали «ярые» баптисты, находился в плачевном состоянии: отсутствовало церковно-приходское попечительство, причтовые здания являлись ветхими и гнилыми. Местная церковно-приходская школа была «обставлена неудовлетворительно». Учителем в ней состоял крестьянин, получивший домашнее образование. Священник Сороколетов, «нерадивый и по временам больной», посещал школу редко. Это проявилось в «безответности» учащихся на экзамене по Закону Божию. В итоге Сороколетов был переведен на другой приход с меньшим жалованием [26, с. 434–435].

Ивакский приход ярко иллюстрирует внутреннюю противоречивость «противосектантской» политики. Жесткие меры – аресты, тюремные заключения, ссылка в Закавказье – использовались для борьбы со следствием. Таковыми являлись уже сформировавшиеся баптистские общины. Перво-

причиной же успеха баптистской проповеди во многом являлся упадок приходской жизни. В первой половине 80-х гг. XIX в. православное духовенство сообщало о значительных успехах по ее оживлению. Но, видимо, переломить негативную тенденцию было не так просто.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. В последней четверти XIX – начале XX в. политика российского правительства в отношении баптистов носила ярко выраженный «противосектантский» характер. Законодательная база для ее проведения была усилена постановлениями 1882–1883 гг. и, особенно, 1894 г. Активное (а подчас и решающее) участие в реализации данной политики принимало православное духовенство. Священники и миссионеры собирали сведения о баптистах, вели с ними беседы, участвовали экспертами обвинения в судебных процессах. Результативность данной политики видится противоречивой. Высылка ведущих проповедников и закрепление нелегального статуса общин нанесли евангельско-баптистскому движению значительный урон. Однако предотвратить дальнейшее распространение баптизма власти не удалось. Мероприятия по оживлению местной церковно-приходской жизни оказались недостаточно эффективны.

Список использованных источников

1. *Асененка, П.* Пачаткі евангельскага прабуждэння на Гомельшчыне (канец XIX – пачатак XX стст.) / П. Асененка // Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць. Выпуск II (да 500-годдзя Мікалая Радзівіла Чорнага): зборнік матэрыялаў II Міжнар. нав.-практ. канф. (Мінск, 5 снеж. 2015 г.) / уклад.: А. І. Бокун [і інш.]; рэдкал.: П. І. Асененка [і інш.]. – Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2016. – С. 126–130.

2. *Верещагина, А. В.* Зарождение и развитие протестантских сект на территории Белоруссии во второй половине XIX – начале XX в. / А. В. Верещагина // Матэрыялы міжнар. навук. канф. «Царква і культура народаў Вялікага Княства Літоўскага і Беларусі XIII – пач. XX стст.», Гродна, 28 верас. – 1 кастрыч. 1993 г. – Гродна, 1993. – С. 659–671.

3. *Линкевич, В. Н.* Новые течения протестантизма в Белоруссии во II пол. XIX – нач. XX вв. / В. Н. Линкевич // Новая экономика. – 2016. – № 1. – С. 198–205.

4. *Лисовская, Т. В.* Зарождение позднепротестантского движения в Беларуси в конце XIX – начале XX в. / Т. В. Лисовская // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2022. – Т. 9, № 1 (33). – С. 7–18.

5. *Табунов, В. В.* Активизация деятельности религиозных организаций протестантского толка на белорусских землях после указа 17 апреля 1905 г. / В. В. Табунов // Актуальныя праблемы сацыяльнай гісторыі Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.): да 90-годдзя Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г.: матэрыялы рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 23 лют. 2007 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя Максіма Танка; навук. рэд. А. П. Жытко. – Мінск: БДПУ, 2007. – С. 260–262.

6. Унучак, А. Прабуджэнне на Гомельшчыне як складовая частка Беларускага эвангельскага прабуджэння апошняй чвэрці XIX – пачатку XX ст. / А. Унучак // *Эвангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць*. Вып. 3. (да 470-годдзя Рэфармацыі ў Беларусі): зборнік матэрыялаў / уклад.: А. І. Бокун, А. У. Унучак, Ю. А. Бачышча. – Мінск: Саюз ЕХБ у Рэспубліцы Беларусь, 2024. – С. 154–197.

7. Яноўская, В. Эвангельскія дэнамінацыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / В. Яноўская // *Эвангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць*. Вып. II (да 500-годдзя Мікалая Радзівіла Чорнага): зборнік матэрыялаў II Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 5 сн. 2015 г.) / уклад.: А. І. Бокун [і інш.]; рэдкал.: П. І. Асененка [і інш.]. – Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2016. – С. 103–125.

8. *Савинский, С. Н.* История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917) / С. Н. Савинский. – Санкт-Петербург: Библия для всех, 1999. – 425 с.

9. *Баптизм и баптисты: социолог. очерк* / АН БССР, Ин-т философии и права. – Минск: Наука и техника, 1969. – 316 с.

10. *История евангельских христиан-баптистов в СССР*. – Москва: ВСЕХБ, 1989. – 645 с.

11. *Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.)* / В. В. Яноўская [і інш.]; навук. рэд. В. В. Яноўская; Нац. Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 496 с.

12. *Российский государственный исторический архив (далее – РГИА)*. – Ф. 1284. – Оп. 220. – Д. 12. Дело по отношению моголевского губернатора о появившейся в слободе Дубовом Лесе (Логге) Вылевской волости Гомельского уезда между православным населением секты штунд. – 03.04.1878.

13. *Дородницын, А. Я.* Южнорусский необаптизм, известный под именем штунды (по офиц. документам) / А. Я. Дородницын. – Ставрополь-Кавказский: типо-лит. Т. М. Тимофеева, 1903. – 268, II с.

14. *Рождественский, А.* Южнорусский штундизм / А. Рождественский. – Санкт-Петербург: тип. Департ. Уделов, 1889. – 295 с.

15. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е*. – Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. Тип. Т. 55 и Общ. алф. указ.: Гос. тип. – Т. 54: 1879 по 18 февраля 1880 г. – 1881. – [2] 562 с.

16. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 163. – Д. 1775. Дело по рапорту преосвященно-го Моголевского о появлении в местечке Чечерске Рогачевского уезда секты пашковцев. – 04.12.1882.

17. *Зубовский, П.* Штундизм в Полоцкой епархии / П. Зубовский // *Полоцкие епархиальные ведомости*. – 1890. – № 22 (часть неофициальная). – С. 952–962; № 23 (часть неофициальная). – С. 1023–1031; № 24 (часть неофициальная). – С. 1079–1099.

18. *Полунов, А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России / А. Ю. Полунов. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 374 с.

19. *Дородницын, А. Я.* Религиозно-рационалистическое движение на Юге России во второй половине XIX-го столетия / А. Я. Дородницын. – Казань: Центр. тип., 1909. – 510 с.

20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е: [с 1-го марта 1881 г.]. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1885–1916. – Тип. Т. 7 не указана. – Т. 3: 1883: от № 1293–1933 и дополнения. – 1886. – 979 с.

21. *Скворцов, В. М.* Деяния 3-го Всероссийского миссионерского съезда в Казани, по вопросам внутренней миссии и расколосектанства: с приложениями: постановлений 2-го Миссионерского съезда в Москве, правил о миссии, мнения Комитета министров о штунде и кассационного решения Сената о запрещенных сектантских собраниях / В. М. Скворцов. – Изд. неофиц. – Киев: тип. И. И. Чоколова, 1897. – 2, VI, 342 с.

22. *Дородницын, А. Я.* Материалы для истории религиозно-рационалистического движения на юге России во второй половине XIX столетия / А. Я. Дородницын. – Казань: Центр. тип., 1908. – 686 с.

23. *Ушинский, А. Д.* Вероучение малорусских штундистов, разобранное на основании Священного Писания в беседах православного мирянина с сектантами / А. Д. Ушинский. – Киев: тип. А. С. Ивановой, 1883. – [2], X, 142, 68 с.

24. Могилевская епархия в минувшем 1893 году // Могилевские епархиальные ведомости. – 1894. – № 20 (часть неофициальная). – С. 509–511.

25. Могилевская епархия в 1897 году // Могилевские епархиальные ведомости. – 1898. – № 25 (часть неофициальная). – С. 363–365.

26. Путевые заметки при обозрении церковью Могилевской епархии Пресвященнейшим Мисаилом, Епископом Могилевским и Мстиславским, в текущем 1897 году // Могилевские епархиальные ведомости. – 1897. – № 32 (часть неофициальная). – С. 431–436.

27. Положение сектантства в пределах Могилевской епархии и меры для борьбы с ним (из рапорта Епархиального миссионера на имя Его Преосвященства) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1906. – № 8 (часть неофициальная). – С. 294–304.

28. *Никонович, Ф.* Опыт миссионерского дневника. (Выпись из миссионерского дневника причта Люцинского градского собора) / Ф. Никонович // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1904. – № 3 (часть неофициальная). – С. 72–74. – № 12 (часть неофициальная). – С. 368–373.

29. По епархии. (Миссионерская хроника). Двинск // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1903. – № 9 (часть неофициальная). – С. 350–351.

30. По епархии. (Миссионерская хроника). Режица. (Беседа с сектантами) // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1903. – № 20 (часть неофициальная). – С. 765–768.

31. *Беляев, В.* Миссия в епархии в 1903 году / В. Беляев // Полоцкие епархиальные ведомости. – № 12 (часть неофициальная). – С. 373–380; – 1904. – № 13–14 (часть неофициальная). – С. 399–408.

(Дата подачи: 25.02.2024)

Л. В. Ландина

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
Минск

L. V. Landina

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk

УДК 94(470+571):37»16»

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНИНА В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИКИ ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ

FORMATION OF A CITIZEN IN THE DISCOURSE OF THE POLICY OF ENLIGHTENED ABSOLUTISM IN RUSSIA

Масштабное реформирование системы образования было обязательным компонентом политики просвещенного абсолютизма. Ярким подтверждением этому служат мероприятия Екатерины II, целью которых провозглашалось воспитание образованных, сознательных, нравственных граждан, призванных приносить пользу государству. Однако какое содержание вкладывалось в то время в понятие «гражданин»? Какими компетенциями он должен был обладать? Каким образом на практике реализовывалось формирование гражданина? В статье даются ответы на поставленные вопросы посредством обращения к документам эпохи, в частности, материалам, относящимся к деятельности Императорского шляхетского сухопутного кадетского корпуса.

Ключевые слова: эпоха Просвещения; просвещенный абсолютизм; Екатерина II; образование; воспитание; гражданин; государство; политическая культура; Императорский шляхетский сухопутный кадетский корпус.

Large-scale reform of the education system was a mandatory component of the policy of enlightened absolutism. A vivid confirmation of this is the events of Catherine II, the purpose of which was to educate educated, conscious, moral citizens, designed to benefit the state. However, what content was put into the concept of «citizen» at that time? What competencies should he have? How was the formation of a citizen implemented in practice? The article answers the questions posed by referring to documents of the era, in particular, materials related to the activities of the Imperial gentry land cadet corps.

Keywords: Age of Enlightenment; enlightened absolutism; Catherine II; education; parenting; citizen; the state; political culture; Imperial gentry land cadet corps.

Просвещенный абсолютизм – это политика, имевшая место во второй половине XVIII в. практически во всех европейских государствах и осно-

ванная на идеях Просвещения, адаптируемых и применяемых европейскими монархами с различной степенью результативности. Как политическая практика просвещенный абсолютизм включал всестороннее реформирование с целью адаптации к новым экономическим и социокультурным реалиям развития буржуазного общества. Непременным компонентом реформ были меры в области образования, науки и культуры. Это обстоятельство легко объяснимо – в дискурсе эпохи Просвещения именно воспитание, образование, улучшение нравов и общественных отношений выступали универсальным средством достижения идеала «общего блага», т. е. построения гармоничного общества для «блаженства всех и каждого». Во главе государства, основанного на совершенных и обязательных для всех законах, должен стоять просвещенный монарх-философ, являющийся также эстетом, интеллектуалом и покровителем наук и искусств. Австрия, Пруссия и Россия, Дания и Швеция, Испания и Португалия, Неаполь и Тоскана – список государств, правители которых с разной степенью успешности реализовывали указанные идеи, может быть расширен и за счет включения Речи Посполитой и Франции. Несмотря на то, что в Речи Посполитой не было абсолютизма, а Франция пришла к революции, реформирование осуществлялось и в этих государствах. В отношении Англии вести разговор о политике просвещенного абсолютизма вряд ли правомерно. В Англии, на родине Просвещения, в результате событий 1640 и 1688 гг., к середине XVIII в. уже были установлены конституционная монархия, двухпартийная парламентская система и обеспечены условия для буржуазного развития.

Наиболее масштабными правителями эпохи просвещенного абсолютизма традиционно считаются Фридрих II, Иосиф II и Екатерина II. Научная рефлексия политики просвещенного абсолютизма в России насчитывает сотни работ, и их осмысление и оценка уже являются отдельным историографическим сюжетом [1]. В свою очередь, практически в каждом обобщающем нарративе о правлении Екатерины II рассматриваются мероприятия императрицы в области просвещения, этот же сюжет занял прочное место в работах, посвященных истории образования, педагогики и культуры. Многогранность и широта указанной проблематики получили отражение в материалах конференций и коллективных монографиях [2; 3]. Вместе с тем, обозначенную в названии статьи проблему возможно рассмотреть более объемно – как пример взаимопроникновения политической культуры, властной пропаганды и конкретных мероприятий.

Понятие «гражданин», выражающее взаимоотношение личности и государства, приобрело широкое распространение в дискурсе екатерининской политики. Однако в России оно имело особые коннотации. Е. Н. Марасинова, исследующая общественное сознание дворянства времен Екатерины, указывает на то, что в законодательных актах этого периода соотношение слов «гражданин» и «подданный» выглядит как 1 к 100 [4, с. 285]. Сло-

во «гражданин», широко вошедшее в употребление во второй половине XVIII в., было обаяно своей популярностью в первую очередь «Наказу» Екатерины, созданному на основе трудов просветителей. Оно обозначало «абстрактный образ “гражданина”, имеющего, в отличие от “ревностного российского подданного”, не только обязанности, но и права» [4, с. 285]. «Юридические штудии» императрицы с идеями о правах подданных оказывали воздействие на сознание образованной части общества, но, тем не менее, в русском политическом языке отсутствовало противопоставление понятий «гражданин» и «подданный» [4, с. 287].

В Западной Европе, однако, ситуация выглядела по другому. Марасинова обращает внимание на то, что во Франции понятие «гражданин» существовало задолго до революции и приводит слова Ж. де Местра, цитирующего строфу Луи Расина: «При короле-гражданине / каждый гражданин-король». Чтобы подчеркнуть патриотизм француза, его называли великим гражданином. Во время Французской революции слово «гражданин» вытеснило слово «подданный» [4, с. 288–289]. В Англии признавалось безусловным благом, если страной правит король-патриот, выступающий в качестве отца своего народа. Однако патриотизм не связывался напрямую с любовью к монарху: «Громко выступать против Двора либо за двор не является доказательством патриотизма» [5, с. 805]. Более того, для британской политической системы, включающей в качестве важнейших элементов парламент и борьбу в нем тори и вигов, справедливо и такое замечание: «Патриот вряд ли пожелал бы, чтобы в государстве не было противовеса» [5, с. 807].

В России же появившееся при Петре I понятие «патриотизм» строилось вокруг представления о монархе как «Отце Отечества». Для «сына Отечества» служба «царю, Богу и Отечеству» была неразделима и связана с «любовью к Отечеству» и «общим благом» [5, с. 811]. Патерналистскую политическую культуру России ярко иллюстрирует имевшее огромную популярность и неоднократно переиздаваемое «Юности честное зеркало» [6]. Правило шестое отношений между родителями и детьми предписывает следующее: «Когда родители или кто другой их (детей. – Л. Л.) спросят [позовут], то должны они к ним отозваться и ответить точчас, как голос слышат... И не дерзостно отвечать... но сказать: «Так, мой государь; слышу, государь. Я вразумел, государь, учиню так, как вы, государь, приказали» [6, с. 4–5]. Нужно также учитывать, что «Зерцало» было предназначено в первую очередь для дворянской аудитории. Крестьяне упоминаются в нем лишь эпизодически, в качестве негативных примеров, между тем как нередки обращения к «кавалеру», «младому шляхтичу», который, обладая определенным набором качеств, может «прямым придворным человеком быть» [6, с. 10–13]. Таким образом, в официальном дискурсе императорской власти, обращенной к внутренней аудитории, понятие «гражданин» напрямую связывалось с понятием «подданный» и в первую очередь адресовалось

дворянам не только как наиболее грамотной, но и социально близкой части общества.

Опирающийся на совершенные законы просвещенный монарх бессилён без нравственных и образованных граждан/подданных, призванных служить на благо общества, правителя и государства. Образование и воспитание не просто считались жизненно необходимыми и актуальными в парадигме эпохи Просвещения – они должны были проходить под руководством государства, а точнее – самого правителя, который, как считалось, лучше всех знает, что необходимо его подданным. По этому поводу емко выразился младший современник Екатерины II – австрийский император Иосиф II; ««Дети рождаются членами государства, а потому воспитание их – дело правительства, которое имеет неотчуждаемое и всегданнее право учить и поучать своих членов... Я повторяю: государь руководит воспитанием своих подданных...» [7, с. 10–13]. Масштабное реформирование в области образования и воспитания, формирование «новой породы людей», людей «третьего чина» должно было иметь максимально широкий социальный охват и в итоге создать грамотных и нравственных граждан империи, работающих и служащих на благо государства.

Среди учебных заведений для дворянства ведущее место принадлежало созданному еще в 1732 г. Императорскому сухопутному шляхетскому корпусу. Первоначально задуманный для подготовки только военных, Корпус, ввиду нехватки квалифицированных гражданских чиновников, осуществлял и их подготовку. В 1766 г. Корпус возглавил И. И. Бецкой – личный секретарь Екатерины II, президент Императорской Академии художеств, инициатор создания в 1764 г. Смольного института благородных девиц.

Устав Корпуса начинается с манифеста и указа Екатерины II. Отметив, что до сих пор в Кадетском корпусе «попечение было» только об «обучении без первоположных правил», императрица поставила перед Корпусом новую цель. Она состояла в том, чтобы «учредить сей Корпус так, чтобы наущению в нем военной и гражданской науки по самый выпуск кадета... всегда сопутствовало воспитание, пристойное его званию и добродетельное, а сверх того и плоды прочих наших учреждений соответствовали плодам сего в новый порядок приведенного установления...» [8, с. 2]. Таким образом, в формировании «благородного юношества» обучение наукам и воспитание признавались в равной степени важными. Более того, именно усиление воспитательного компонента было названо основной причиной реорганизации деятельности корпуса.

Анализируя Устав корпуса, нужно иметь в виду, что документ раскрывал идеальное, должное состояние вещей, практика и итоги, безусловно, отличались и вносили коррективы. Тем не менее, Устав отражает в парадигме просвещенного абсолютизма требования, предъявляемые к воспитанию и обучению образцового подданного / гражданина Российской империи.

В Корпус принимались дети дворян с 5–6 лет, обучение велось в течение 15 лет, воспитанники были разделены на пять возрастов, при этом предусматривалась подготовка специалистов для военной и гражданской службы. В Уставе, в частности, указывалось «без достаточного доказательства о дворянстве представляемого отрока... в Корпус не определять» [8, с. 9]. Однако государству нужны были квалифицированные специалисты, самому Корпусу были необходимы учителя-профессионалы. В Корпус стали принимать детей разночинцев. Каждый возраст учащихся состоял из пяти отделений, где учились кадеты (дворяне) и гимназисты (разночинцы). Из гимназистов планировалось готовить учителей для Корпуса, они должны были на равных учиться и общаться с кадетами. Этим самым Бецкой намеревался сблизить молодое поколение разных сословий [9].

Идеи Просвещения в области воспитания не только провозглашали формирование «нового типа людей», но и указывали на необходимость изоляции ребенка от семьи и воспитание в идеальных условиях, чтобы на него не оказывалось возможное негативное влияние. Соответственно, на все годы обучения в Корпусе кадеты не имели права его покидать. При определении ребенка в Корпус родители давали расписку о том, что не будут требовать даже временного отпуска детей. Свидания воспитанников с родственниками проходили по воскресеньям в присутствии офицеров Корпуса. Однако практика показала, что изъятые из семьи дети не только скорее подвергались плохому влиянию, – их характер и психическое состояние изменялись не в лучшую сторону. По этой причине режим был смягчен. Воспитанников стали по праздникам отпускать домой, один день в неделю был выделен на посещение родителей, а кадетам, родители которых жили достаточно близко, позволялось регулярно бывать дома [10, с. 225].

Воспитательный компонент и огромная важность в формировании ребенка личного примера педагога подчеркивалась императрицей, указывавшей на «величайшее благоволение наше ко всем тем, коих нравы, а наипаче примеры похвальной жизни произведут в юношестве желаемые успехи» [8, с. 3]. Для контроля за воспитанниками в Корпусе вводилась должность цензора, которому надлежало «с кротостью, учтивостью, поступать со всеми, особливо с питомцами...» [8, с. 6]. Результаты обучения в воспитании в Корпусе были сформулированы в требованиях, предъявляемых для кадетов пятого возраста, т. е. юношей 18–21 года. Главное из них для молодого человека – «зрело рассуждать, какое себе избрать состояние в обществе на великом театре света... [и] ведать... что *будущая его участь зависит от его наук, поведения и нравов*» (курсив мой. – Л. Л.) [8, с. 18].

Набор дисциплин, изучавшихся в Корпусе, варьировался на протяжении его истории в зависимости от целей и результатов обучения. При основании Корпуса соратником Петра I П. И. Ягужинским были взяты программы военных учебных заведений Дании и Пруссии [10, с. 226]. Тем не менее,

набор изучаемых дисциплин демонстрирует комплексный подход и формирование в итоге гармоничной личности. «Расписание наук» для кадетов всех пяти возрастов включало дисциплины четырех категорий. Первая категория – «науки, руководствующие к познанию прочих наук». Это логика, начальные основания математики, красноречие, физика общая и особенная, история священная и светская, география и хронология, языки, математика, механика. Вторую категорию дисциплин составляли «предпочтительно нужные гражданскому званию» «нравоучение», право естественное, «всенародное», государственное и «экономия государственная». Третьей категорией дисциплин были «полезные», каковыми считались «генеральная и экспериментальная физика», астрономия, география, «навтика, или сведения о морском искусстве», натуральная история, воинское искусство, фортификация и артиллерия, химия. В четвертую категорию входили «искусства» – рисование, живопись, гравирование, «изваяние», «делание статуй», архитектура, музыка, «танцованье», фехтование [8, с. 8]. На протяжении 15 лет обучения соотношение этих дисциплин корректировалось в зависимости от возраста кадетов и целей обучения. Тем не менее, перечисленный набор «наук» показывает не только идеал гармоничной образованной личности, но и систему научных знаний и учебных предметов, характерную для эпохи Просвещения.

Не менее информативными для понимания существующих в то время задач воспитания идеального гражданина и подданного служат «Философические рассуждения о воспитании...», составленные Н. Г. Леклерком – французским медиком, историком, Иностранном членом Императорской Академии наук, врачом и директором наук в Корпусе [11]. «Философические рассуждения...» представляют собой широко распространенный в то время жанр научного трактата, и в печатном издании дополняются речью Леклерка, обращенной к кадетам Корпуса в 1773 г. [12].

В «Философических рассуждениях...» можно отметить по крайней мере три показательных в контексте данной статьи моменты. Первый – подчеркивание пагубности невежества, что было общим местом в риторике эпохи Просвещения. «Где только науки и художества неизвестны, – указывает Леклерк, – или в небрежении пребывают, там люди погружены в глубоком сне невежества или бродят наподобие пресмыкающихся в нестройстве и беспорядке за бесчисленным множеством свойственных варварам предрассудков...» [12, с. 4]. Второй момент в трактате Леклерка демонстрирует его охранительную позицию и неприятие радикальных философских идей эпохи Просвещения. Леклерк сетует на «развращенный образ установленный и способов, употребляемых в Европе при учении и просвещении нашего разума...» [12, с. 5]. Отмечая, что «упражнение в науках было до сего времени так сказать лавированием, коего запутанный темный путь не мог служить нам ни к малейшей пользе» [12, с. 5], Леклерк, что совершенно по-

нятно, демонстрирует свое видение обучения и воспитания, позиционируя себя как компетентного и профессионального деятеля, трудящегося на благо Российской империи. Образовательный идеал Леклерк видит в необходимости «общенародного учения, коего предмет составляет основания наук полезных и нужных каждого состояния людям... так и всеобщее наставление, которое ничто иное есть, как приведение в совершенство рассуждения и разума...» [12, с. 10–11].

Таким образом, формирование гражданина и идеального подданного екатерининской эпохи закономерно имело основанием патерналистскую культуру российского просвещенного абсолютизма, основывалось на адаптации европейских образовательных стандартов и практической их реализации на российской почве, а также было включено в общий социокультурный и идеологический контекст эпохи Просвещения.

Список использованных источников

1. *Ландина, Л. В.* Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начале XXI в. / Л. В. Ландина; под науч. ред. В. С. Кошелева. – Минск: Энциклопедикс, 2020. – 816 с.

2. Екатерина Великая: эпоха российской истории: в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729–1796) (к 275-летию Академии наук): тезисы докладов междунар. конф., Санкт-Петербург, 6–9 авг. 1996 г. / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – Санкт-Петербург: СПбНЦ, 1996. – 327 с.

3. «Культура духа» vs «Культура разума» – интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках: коллективная монография под общ. ред. Л. П. Репиной. – Москва: Аквилон, 2022. – 1080 с.

4. *Марасинова, Е. Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века / Е. Н. Марасинова; отв. ред. Л. В. Милов; Науч. совет РАН «История мировой культуры»: Институт российской истории РАН. – Москва: Наука, 2008. – 460 с.

5. *Репина, Л. П.* Образы патриота в России и Британии / Л. П. Репина // «Культура духа» vs «Культура разума» – интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках: коллективная монография / под общ. ред. Л. П. Репиной. – Москва: Аквилон, 2022. – С. 803–820.

6. Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению. Собранное от разных авторов. Напеч. повел. Царского Величества в Санкт-Петербурге лета 1717... – Санкт-Петербург: Б. и., 1717. – 120 с.

7. *Митрофанов, П.* Политическая деятельность Иосифа II, ея сторонники и ея враги (1780–1790) / П. Митрофанов. – Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – [2], VI, [2], 784 с.

8. *Бецкой, И. И.* Устав Императорскаго Шляхетнаго сухопутнаго кадетскаго корпуса: Устав Императорскаго Шляхетнаго сухопутнаго кадетскаго

корпуса: [Дан в Санкт Петербурге сентября 11 дня, 1766 года] / И. И. Бецкой. – Санкт-Петербург: [Сенатская тип.], 1766. – [4], 24 с.

9. Сухопутный шляхетский кадетский корпус: 29 июня 1731 года был принят указ о создании Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. – URL: <http://www.ruscadet.ru/library/01-books/school-of-rusjff/p2-1-sshkk.htm> (дата обращения: 28. 02. 2025).

10. *Стародубцев, М. П.* Сухопутный шляхетский кадетский корпус как универсальное учебное заведение XVIII века / М. П. Стародубцев // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2016. – № 1. – С. 223–228.

11. *Сомов, В. А.* Николя-Габриель Леклерк – участник и пропагандист образовательных реформ Екатерины II / В. А. Сомов // Французский ежегодник. – 2011. – Т. 43. Франкоязычные гувернеры в Европе XVII – XIX вв. – Москва. – С. 200–217.

12. *Леклерк Н. Г.* Философические разсуждения о воспитании, какоу должны быть для произведения желаемых плодов, приписанныя его сиятельству, Государственной Адмиралтейств коллегии господину вице-президенту, над галерным флотом и портом главному командиру действительному камергеру и разных орденов кавалеру графу Ивану Григорьевичу Чернышеву / с французскаго перевел Семен Сулима. – Санкт-Петербург: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1773. – 67, 1 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

О. В. Лепеш

Белорусский национальный технический университет, Минск

O. V. Lepesh

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 621.431.73

СОЗДАТЕЛЬ АВТОМОБИЛЬНЫХ «ЗУБРОВ»

Г. М. КОКИН: ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО

АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ

В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

THE CREATOR OF THE AUTOMOBILE «ZUBR»

G. M. KOKIN: FROM THE HISTORY

OF THE BELARUSIAN AUTOMOTIVE INDUSTRY

IN THE FIRST POST-WAR DECADE

В статье рассматривается история создания первых послевоенных автомобилей «Зубр» на Минском автомобильном заводе, внедрение которых связано с результатами работы главного конструктора завода Г. М. Кокина. Также затрагивается научная, пе-

дагогическая стороны жизни Г. М. Кокина, трудовая деятельность которого была связана не только с производством автомобилей, но и с наукой, преподаванием, административной работой в стенах Белорусского политехнического института.

Ключевые слова: Г. М. Кокин; автомобилестроение; «Зубр»; Минский автомобильный завод; Белорусский политехнический институт.

The article examines the history of the creation of the first post-war Zubr cars at the Minsk Automobile Plant, the introduction of which is associated with the results of the work of the plant's general designer G.M. Kokin. The article also touches upon the scientific and pedagogical aspects of the life of G.M. Kokin, whose career was connected not only with the production of cars, but also with science, teaching, and administrative work at the Belarusian Polytechnic Institute.

Keywords: G. M. Kokin; automotive industry; «Zubr»; Minsk Automobile Plant; Belarusian Polytechnic Institute.

Комплексное исследование о становлении и развитии научных знаний и высшего образования в Беларуси – это первостепенная задача современной исторической науки, решение которой сегодня выполняется, в том числе, посредством изучения истории высших учебных заведений силами тех историков, которые занимаются преподавательской деятельностью в стенах исследуемых институтов. Данная статья – не исключение. Здесь речь пойдет об основателе автомобилестроения в БССР, главном конструкторе Минского автомобильного завода (далее – МАЗ), одном из ректоров Белорусского политехнического института (далее – БПИ) – Георгии Михайловиче Кокине, человеке незаурядных способностей, настоящем ученом-практике, умелом администраторе и, судя по воспоминаниям современников, человеке высокой морали и нравственности. Все сведения о Г. М. Кокина, его достижениях, его личные воспоминания и заметки, фотодокументы были взяты из его личного фонда в Белорусском государственном архиве научно-технической документации (далее – БГАНТД).

Георгий Михайлович Кокин, родившийся 31 января 1907 г. в с. Курба Ярославской области, окончил в 1927 г. индустриальный техникум в Ярославле. Из свидетельства об окончании техникума следует, что он был «признан вполне достойным квалификации техника по теплотехнике», освоил значительное количество технических предметов (из 17 предметов, изученных выпускником, только 3 составляли гуманитарные предметы – родной язык, немецкий язык и обществоведение) [1, л. 1]. После окончания техникума в 1927–1928 гг. работал теплотехником по эксплуатации двигателей внутреннего сгорания на фабрике «Красный перекоп» в г. Ярославле, а в 1928 г. был принят на Ярославский автомобильный завод (далее – ЯАЗ), на котором началась его карьера от чертежника до главного конструктора (был назначен в 1942 г.). Уже в 1933 г. 25-летнему парню на заводе доверили самостоятельный проект: создание первого советского трехосного городского автобуса. В его реализации непосредственное участие принимал участие еще один талантливый изобретатель – В. В. Осепчугов, ставший главным

конструктором на ЯАЗ после откомандирования Г. М. Кокина в Минск в 1945 г. Всего было создано два подобных автобуса на 100 пассажиров, курсировавших в Ленинграде. Следующие проекты Кокина также были передовыми. Он создал первый советский самосвал (1935 г.), первый советский дизельный грузовик (1935 г.) и первый массовый троллейбус (1936 г.). За участие в создании ряда новых машин, в том числе и первого советского троллейбуса, в 1938 г. Г. М. Кокину было присвоено звание «Передовой конструктор советского машиностроения» [2, с. 2].

После начала Великой Отечественной войны Г. М. Кокин уже как главный конструктор ЯАЗ получил задание по организации массового производства стрелкового оружия – автоматов и минометов. Вся автомобильная промышленность СССР была призвана обеспечивать фронт оружием массового производства. В связи с эвакуацией ряда заводов на Восток и переводом их на производство вооружения выпуск автомобилей был резко сокращен. Однако на ЯАЗ была продолжена работа по разработке конструкций гусеничных артиллерийских тягачей. За их создание в 1944 г. Г. М. Кокин был награжден орденом Ленина. В 1944 г. ЯАЗ получил задание организовать разработку и выпуск тяжелых дизельных грузовиков. По воспоминаниям Георгия Михайловича старые работники ЯАЗ в течение шести месяцев не уходили с завода, спали возле станков и практически вручную, без штампов, на фрезерном станке изготовили все оперение и переднюю ось заветной машины. После заводских испытаний грузовик представили в Кремле, где он получил высокую оценку. Этот грузовик был снабжен двухтактным двигателем, сложность производства которого стала причиной того, что в Ярославле планировалось ставить на поток выпуск подобных двигателей, а в Минске – открыть автомобильный завод. Данное постановление было принято 25 июня 1945 г., как писал Г. М. Кокин, эту дату можно считать официальным решением по открытию Минского автомобильного завода (далее – МАЗ) [3, л. 6].

В СССР автомобильные заводы до войны были построены в Ярославле, Москве и Горьком. К 1940 г. в СССР был накоплен уже достаточный опыт по конструированию, производству и эксплуатации автомобилей, выросли кадры квалифицированных рабочих, конструкторов, технологов, эксплуатационников. Была создана передовая советская наука автомобилестроения. К этому времени сложились предпосылки для коренного пересмотра конструкции и техники производства отечественных автомобилей. Однако продолжению развернувшихся работ по созданию новых конструкций автомобилей и новых производственных процессов помешала война.

В сентябре 1945 г. Г. М. Кокин был вызван в Москву, где ему сообщили о переезде в Минск и определили место будущей работы – главного конструктора Минского автомобильного завода (далее – МАЗ). Сначала ему трудно было принять эту новость. Вспоминая это время, Георгий Михайло-

вич писал, что он осмелился возразить наркому промышленности, сказав, что не может покинуть родной завод в Ярославле, где он вырос в зрелого специалиста. Однако руководство убедило его в том, что в Ярославле есть слаженный опытный коллектив, способный справиться с послевоенными задачами в области автомобилестроения, а в Минске таких людей вовсе нет, там практически с нуля нужно внедрять данную отрасль, и задача Кокина – создать работоспособный коллектив конструкторов и экспериментальщиков, оказать помощь в организации завода. Так, 20 ноября 1945 г. Г. М. Кокин приехал в Минск, его судьба отныне будет связано с БССР. Из его мемуаров можно воссоздать «образ» послевоенной Беларуси: «Пасмурный, ветренный, осенний день. Тяжелые впечатления от разрушенных железнодорожных станций, от сожженных сел на дороге усугублялось видом разрушенного города» [4, л. 7].

Основная проблема, которую на месте нужно было срочно решать главному конструктору МАЗ, – это срочный поиск кадров на новый завод, а также их обучение и комплектование в рабочих, мастеров, работников технического склада и т. д. Было решено привлечь контингент из союзных республик, прежде всего из РСФСР, а также помощь в разрешении кадровой проблемы существенно оказал комсомол Беларуси: призвал из колхозов 6 тысяч комсомольцев для работы на строительстве и производстве завода с последующим обучением. Г. М. Кокин писал о трудностях в адаптации сельской молодежи к городской жизни. В частности, о постоянных нарушениях ими трудовой дисциплины: опоздании на работу и самовольном ее оставлении. К августу 1946 г. на заводе было зафиксировано более 500 протоколов о прогулах, что подлежало преследованию по закону. Однако разбрасываться кадрами руководство завода тогда не имело возможности, и, понимая всю сложность ситуации, оно выбрало профилактику в решении данной проблемы, что привело к положительным результатам [5, л. 10].

Первая продукция МАЗ – упрощенные трехтонные автоприцепы, в которых очень нуждалось народное хозяйство Беларуси. В 1946 г. был отстроен инженерный корпус МАЗ, что обозначало превращение завода в самостоятельную единицу автомобилестроения СССР, способную разрабатывать и внедрять в производство передовые машины, а не быть лишь вспомогательным элементом ЯАЗ. К слову, создание самостоятельного конструкторского бюро – это реализованный проект Г. М. Кокина, первоначально не нашедший поддержки у курирующих властей.

После запуска автозавода в Минске произошло разделение сфер производства между ЯАЗ и МАЗ. Ярославский завод сконцентрировался на выпуске бортовых автомобилей общетранспортного назначения ЯАЗ-200 и двигателей с коробкой передач. Минский завод – на выпуске автомобилей-самосвалов МАЗ-205, а также передних и задних мостов, рулевых управлений, карданных валов, рам и др. Между заводами возникла взаим-

ная кооперация в поставке агрегатов, литья, крупных штамповок и т. д. Общую сборку машин заводы производили самостоятельно. В части ведения конструкции и документации каждый завод был самостоятельным по тем машинам и агрегатам, которые производил. Первый автомобиль-самосвал МАЗ-205 был выпущен к 7 ноября 1947 г., он возглавил автоколонну на параде. В 1948 г. МАЗ выпустил отладочную партию таких автосамосвалов. Они приобрели огромную популярность, прочно вошли в комплекс необходимых машин, используемых в строительных и горных работах. Уже в 1949 г. МАЗ принял первый государственный план выпуска автомобилей-самосвалов МАЗ-205 [6, л. 14], которые активно впоследствии эксплуатировались при строительстве, например, Минского метрополитена, плотины Рыбинского водохранилища. За большой вклад в дело восстановления промышленности Беларуси Г. М. Кокин получил орден Трудового Красного Знамени. А в 1952 г. за создание и организацию поставок МАЗ строителям Волго-Донского канала машин для землеройных работ Г. М. Кокин был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени. Удалось скорректировать и кадровую проблему: коллектив завода пополнился молодыми выпускниками БПИ, а впоследствии – выпускниками автомеханического техникума, созданного при МАЗе.

Ярославских грузовиков ЯАЗ-200 выпустили немного – 1 745 единиц. Также 121 самосвал ЯАЗ-205 и 54 седельных тягача ЯАЗ-200В. На этом производство дизельных двухосных машин в Ярославле свернули, завод переориентировали на выпуск трехосных автомобилей большей грузоподъемностью и двигателей. Производство двухосных дизельных тягеловозов под маркой МАЗ передали в Минск. Внешне ярославскую и минскую машины легко было отличить по облицовке радиатора (у ЯАЗа она была с горизонтальными брусками, у МАЗ – с вертикальными) и эмблеме. Эмблемой ярославских автомобилей стал медведь на капоте. Эмблему для МАЗ-200 Г. М. Кокин придумал после просмотра фильма «Беловежская пуца». Ею стал зубр – главный житель пуци. По его мнению, именно зубр мог подчеркнуть мощь и динамику минского автомобиля и завода в целом. Выполнить фигуру зубра автоконструкторам помог Белорусский дом народного творчества, пригласив для этого краснодеревщика – мастера ремесленного училища из Бреста. В целях экономии средств было решено стилизованную фигуру зубра ставить на радиатор только на выставочных и подарочных экспонатах, на автомобилях массового выпуска – на боковинах капота барельеф зубра.

В столице Беларуси грузовик МАЗ-200 стоял на конвейере до 1965 г. и стал прототипом многочисленных модификаций, среди которых армейский полноприводный грузовик МАЗ-502, лесовоз МАЗ-501, седельный тягач МАЗ-200В и различные спецавтомобили – от пожарных автокранов до бензоаправщиков, молоковозов и поливомоечных машин. Многие из них

сохранились до наших дней, некоторые до сих пор находятся в рабочем состоянии. В 1949 г. за создание этого семейства Георгий Михайлович Кокин был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР [7].

В послевоенное время Г. М. Кокин, несмотря на награды, премии, всеобщее признание, продолжил учиться. В 1952 г. он заочно закончил Московский автомеханический институт по специальности автомобили [8, л. 1]. А с 1954 г. началась педагогическая деятельность Г. М. Кокина в БПИ, где он был избран профессором кафедры автомобилей «с целью усиления научных кадров». В 1956 г. ВАК СССР Г. М. Кокину присвоил звание профессора [9, л. 1].

В БПИ Г. М. Кокин быстро рос по служебной лестнице, что было понятно: не многие в институте могли похвастаться внедрением в жизнь 25 типов автомобилей и тяжелых прицепов. Думаю, что богатый опыт руководителя, организаторские способности, умение находить с подчиненными общий язык стали залогом быстрого продвижения в политехническом институте. Так, в 1959–1960 гг. Г. М. Кокин исполнял обязанности, а в 1965–1973 гг. являлся деканом автотракторного факультета БПИ. В 1959–1962 гг. был ректором института. В 1962 г. Г. М. Кокин организовал в БПИ на автотракторном факультете кафедру «Двигатели внутреннего сгорания», став ее первым заведующим до 1977 г. Учреждение такой кафедры в стенах высшего технического вуза он считал самой большой своей победой. Столкнувшись в момент открытия МАЗ с дефицитом кадров, Г. М. Кокин понимал, что подготовка высококвалифицированных специалистов – это залог будущей успешной работы автомобильной промышленности в Беларуси.

В преподавательской деятельности Г. М. Кокин отдавал предпочтение практике, нежели теории. Пройдя непростой, но интересный, изобретательский путь он, по сути, первоначально до всего доходил практическими методами, теоретическая подготовка стала немаловажной, но все же дополнительной частью его образования. Его учебно-методические работы по организации и проведению производственных практик на автотракторном факультете, изданные в период его деканства и заведования кафедрой, указывают на важность данного сегмента в процессе обучения. Так, в разработанной им программе и методических указаниях по первой технологической практике для студентов специальности «Двигатели внутреннего сгорания» в 1976 г. говорилось, что практика должна была проводиться в конце второго семестра и была рассчитана на четыре недели, из которых первая неделя посвящалась изучению структуры завода, его основных показателей, а остальные три студент работал как рабочий или дублер-ученик на главном конвейере сборки или в испытательном цеху [10, л. 2]. На рабочем месте студент должен был работать полный рабочий день, на него распространялся порядок и все правила, относившиеся к рабочим данного участка. Важно, что в отчете по практике необходимо было особое место уделить анализу

качества изготавливаемой заводом продукции, уровню работы завода и конкретного участка, а также внести, по возможности, рационализаторское предложение о повышении производительности и выполняемых операциях [11, л. 4]. Скрупулезно составленная программа производит впечатление ответственного подхода высшего учебного заведения к организации практики и отсутствия формального подхода в ее реализации на местах.

В период работы Г. М. Кокина на автотракторном факультете наблюдалось тесное сотрудничество с подобными институтами в государствах, входивших в группу дружеских стран. В 1970 г. Г. М. Кокин с группой сотрудников БПИ посетил Словацкий политехнический институт и даже был временно введен в состав ученого совета для участия в процессе защиты кандидатской диссертации [12, л. 3]. Ознакомившись с результатами функционирования Словацкого политехнического института, делегация из БПИ была поражена тем, что только 30 % из числа поступавших его заканчивали. Причины этого коллеги из белорусского политехнического института усмотрели в отсутствии конкурса на инженерные специальности и в низком образовательном уровне контингента, а также в отсутствии строго контроля за посещением занятий со стороны руководства словацкого вуза [13, л. 7]. Значительную часть времени Г. М. Кокин уделил обмену опытом в области ведения научных исследований на кафедре «Двигатели внутреннего сгорания» Словацкого политехнического института [14, л. 13]. Данная кафедра Словацкого политеха анализировала работу всасывающего тракта бензинового двигателя, а в БПИ на такой же кафедре под руководством Г. М. Кокина изучали работу всасывающего тракта дизельного двигателя. Поэтому было важно обменяться промежуточными результатами и сделать соответствующие выводы.

В БПИ неоднократно устраивали вечера в честь Г. М. Кокина по случаю его юбилейных дат, очень ценили его вклад в развитие института. За работы по повышению уровня подготовки молодых специалистов и научных исследований Г. М. Кокин был награжден третьим орденом Трудового Красного Знамени, золотой медалью ВДНХ СССР, имел Почетные грамоты Верховного Совета БССР (в 1957 и в 1977 гг.), почетное звание «Заслуженный работник Высшей школы Белорусской ССР».

Таким образом, Г. М. Кокин, родившийся на Ярославской земле, стал одним из основоположников автомобилестроения в БССР, занимая должность главного конструктора МАЗ с момента его основания. Под руководством Кокина на МАЗе выросли выдающиеся советские автоконструкторы – М. С. Высоцкий, З. Л. Сироткин, Н. А. Сидоров, В. Н. Барун. Значительная часть жизни Г. М. Кокина была также посвящена преподавательской, административной работе БПИ, где он являлся основателем кафедры двигателей внутреннего сгорания, деканом автотракторного факультета БПИ, ректором БПИ.

Список использованных источников

1. БГАНТД. – Ф. 180. Оп. 1. Д. 20.
2. *Высоцкий, М.* Первый конструктор / М. Высоцкий // Автозаводец. – 31 янв. 1987 г.
3. БГАНТД. – Ф. 180. Оп. 1. Д. 15.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. БГАНТД. – Ф. 180. Оп. 1. Д. 40.
8. БГАНТД. – Ф. 180. Оп. 1. Д. 24.
9. БГАНТД. – Ф. 180. Оп. 1. Д. 25.
10. БГАНТД. – Ф. 180. Оп. 1. Д. 8.
11. Там же.
12. БГАНТД. – Ф. 180. Оп. 1. Д. 30.
13. Там же.
14. Там же.

(Дата подачи: 24.02.2025 г.)

Т. В. Лисовская

Белорусский государственный университет, Минск

T. Lisouskaya

Belarusian State University, Minsk

УДК 72.1

ПРОТЕСТАНТИЗМ И МИССИОНЕРСТВО СРЕДИ ЕВРЕЕВ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

PROTESTANTISM AND MISSIONARY AMONG THE JEWS: TRADITION AND MODERNITY

В статье анализируется участие протестантских конфессий в Беларуси в распространении христианства среди еврейского населения со второй половины XIX в. и до сегодняшнего дня. Отмечено, что в конце XIX – в первой половине XX в. основную миссионерскую работу осуществляли традиционные протестантские конфессии, а также позднепротестантские организации. Проанализированы сущность и методы организации миссионерской работы среди евреев и выявлены особенности: в конце XIX – первой половине XX в. – культурно-религиозная ассимиляция обращенных иудеев в протестантские общины, с 1991 г. наблюдается тенденция к сохранению национальной и культурной идентичности обращенных иудеев.

Ключевые слова: миссионерство; мессианский иудаизм; протестантизм; поздний протестантизм; Беларусь.

The article analyzes the participation of Protestant denominations in Belarus in the spread of Christianity among the Jewish population from the second half of the 19th century to the pre-

sent day. It is noted that in the late 19th – first half of the 20th century, the main missionary work was carried out by traditional Protestant denominations, as well as evangelical denominations. The essence and methods of organizing missionary work among Jews are analyzed, and the features of missionary work are revealed: in the late 19th – first half of the 20th century – cultural and religious assimilation of converted Jews into Protestant communities, since 1991 there has been a tendency to preserve the national and cultural identity of converted Jews.

Keywords: missionary work; Messianic Judaism; protestantism; Evangelism; Belarus.

Вопрос обращения евреев в христианство стоял издавна перед христианскими церквями, и на протяжении веков эта работа осуществлялась разными методами и способами как церковными, так и светскими организациями, в том числе принудительными методами. Результаты этой работы зависели прежде всего от внерелигиозных факторов, от того правового положения, в котором оказались евреи в стране своего проживания. Зачастую крещение в христианскую веру было для евреев возможностью избежания преследования и получения равных прав с остальными гражданами государства – правовой эмансипацией.

Белорусские земли в конце XIX – начале XX в. были одними из наиболее населенных евреями территориями Российской империи. По переписи 1897 г. в губерниях Северо-Западного края проживало 1414,2 тыс. носителей языка идиш [28, с. 82] и иудейское меньшинство влилось в традиционную для белорусских земель полирелигиозную и поликультурную среду. Этноконфессиональные и религиозно-философские трансформации XIX в. активизировали работу по обращению иудеев в христианство. В XIX в. оформляется религиозный концепт миссионерской работы среди евреев, который выходит за рамки традиционной задачи распространения христианства.

Целью данной статьи является выявление сущности и методов деятельности протестантских деноминаций в Беларуси по вопросу обращения иудеев в христианство со второй половины XIX в. и до сегодняшнего дня.

Миссионерская деятельность протестантских организаций среди евреев в Беларуси (конец XIX – первая половина XX в.)

Начало активной миссионерской деятельности среди евреев в Европе было положено в начале XIX в. в англиканской среде, где в этот период под воздействием хилиастических идей оформилось убеждение в том, что скорому концу света должно предшествовать обращение всех евреев в христианство [56, р. 13–15]. В 1809 г. в рамках Англиканского костела было создано Лондонское Товарищество распространения христианства среди евреев (London Society for Promotion Christianity amongst the Jews), которое с 1821 г. начало деятельность в Российской империи (Варшава, Люблин, Ченстохов, Радом). В середине XIX в. работу пришлось прекратить по причине запрета российскими властями деятельности иностранных миссионерских организаций, в 1875 г. деятельность Товарищества была восстановлена, был организован филиал во Львове [53; 54, р. 398–399]. С момента регистрации в 1875 г. Лондонское общество неоднократно ходатайствовало о праве миссионерской

деятельность в губерниях, входящих в черту постоянной еврейской оседлости, в том числе в Северо-западном крае. В 1889 и 1908 гг. ходатайства англиканского пастора Г. Фридмана о праве миссионерской работы среди евреев в Северо-Западном крае были отклонены [37; 38; 39, с. 25].

В 1831 г. была основана Базельская миссия среди евреев (*Die Baseler Mission unter der Juden*) лютеранского костела. На территории Российской империи миссия начала работу с 1903 г. и была известна как Миссионерское товарищество среди евреев, или Базельская миссия [55, с. 401].

В рамках кальвинистского костела в 1876 г. была создана миссия для работы среди евреев «*Mildmay Mission to the Jews*» и ещё до Первой мировой войны обратила своё внимание на российские территории, в том числе на белорусские губернии, однако отделения Миссии были организованы в Одессе и Бердичеве.

Позднепротестантские движения с момента их появления на белорусских землях во второй половине XIX в. (шундисты, баптисты, евангельские христиане, с начала XX в. – пятидесятники) – среди основных задач миссионерской работы также ставили задачу распространения христианства среди евреев. На отношении зарождающегося позднего протестантизма к еврейскому населению и вопросу обращения иудеев в христианство в Российской империи в целом и на белорусских землях в частности оказали большое влияние поиски христианского идеала в интеллектуальной среде второй половины XIX в. – идеи Л. Н. Толстого и деятельность графа В. Черткова. Тем более, что белорусские общины д. Чечерск Рогачевского уезда, Усохи и Дубовый Лог Гомельского уезда имели непосредственные контакты с петербургской общиной пашковцев и поддерживались графиней Л. Чертковой и В. А. Пашковым [35, с. 1–4; 36, с. 26]. Так, идеи дружбы и братства, уважения, социального равенства и справедливости, общинности, религиозного просвещения на основе евангельских заповедей выводили межэтнические и межконфессиональные коммуникации за пределы существующих рамок и границ, разрушая устоявшиеся стереотипы «свои-чужие» в отношениях христиан и иудеев, формируя лояльное отношение к евреям в среде позднепротестантских общин Беларуси.

Религиозно-философской основой миссионерской работы среди евреев также являлись хилиастические ожидания адвентистов, малеванцев и ряда других евангельских движений на белорусских землях во второй половине XIX – первой половине XX в. Так, в концепции адвентизма была закреплена идея о необходимости принятия всеми евреями Иисуса Христа как Спасителя [44, с. 578]. Община малеванцев в Рачканах Минской губернии [37, с. 203] придерживалась идеи об обращении евреев ко Христу перед наступлением второго пришествия Христа. Тезис о принятии евреями христианства как необходимого условия наступления тысячелетнего Царства Христа акцентировал внимание на активном миссионерстве среди евреев.

Часть верующих, принимая новые религиозно-философские идеи, приходили к идее синтеза иудаизма и христианства. Проявления этого синтеза можно наблюдать, во-первых, в появлении в Российской империи движения «новозаветных евреев» в конце XIX – начале XX вв. Общины евангельской направленности, состоящие преимущественно из обращенных иудеев, были созданы на юге Российской империи, в Одессе, Екатеринославле, Елисаветграде и в ряде других мест [27, с. 210], однако в белорусских губерниях общины «новозаветных евреев» до 1917 г. не были созданы. Во-вторых, в среде позднего протестантизма формируется уважительное отношение к еврейскому народу как к избранному народу Божьему, народу Священного Писания (как отмечается в работах одного из столпов баптизма И. В. Каргеля [29]), и закрепляется концепция миссионерской работы среди евреев как средства достижения Царства Божьего. Также следует отметить, что утверждение идеи обращения иудеев в протестантской среде способствовало тому, что позднепротестантские движения не проявляли участия в проявляющемся в Российской империи антисемитизме [27, с. 210].

До 1917 г. активная миссионерская работа среди евреев протестантскими организациями была значительно ограничена. Евангельские христиане, адвентисты, баптисты в начале XX в. находились только в начале пути по созданию институционализированного движения с развитой системой служений и были сильно ограничены в объеме своих правомочий. Начавшаяся Первая мировая война и прифронтовое положение белорусских губерний привели к значительному ограничению деятельности всех иностранных миссий в белорусских губерниях включая религиозные [38, с. 29].

Активизация миссионерской работы среди евреев наступила по окончании Первой мировой и Советско-польской войны исключительно территории Западной Беларуси. В БССР в связи с ограничением работы иностранных миссий и начавшейся с конца 20-х гг. активной антирелигиозной кампании миссионерская работа была запрещена.

Миссионерскую работу среди евреев в Польше и в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. проводили прежде всего традиционные протестантские конфессии – Евангельско-Аугсбургский (лютеранский) и Евангельско-Реформированный (кальвинистский) костелы, а также позднепротестантские организации. Так, в 1921–1939 гг. под патронатом Евангельско-Реформированного костела в Западной Беларуси действовало «Британское товарищество пропаганды Евангелия среди евреев» (The British Society for the propagation of the Gospel among the Jews). Миссия кальвинистского костела «Mildmay Mission to the Jews» после создания миссионерского отделения в Вильно стала активно действовать в Западной Беларуси в сотрудничестве с баптистами [54, с. 120; 54, с. 399].

Базельская миссия с 1921 г. действовала как «Товарищество друзей Израиля для распространения христианства среди евреев» [55, с. 453] через

два миссионерских пункта в Лодзи и в Вильно [22, л. 251; 50, с. 145]. Основными методами деятельности виленского отделения Товарищества были организация библиотеки и читальни в Вильно, распространение листовок и другой религиозной литературы, чтение лекций и проповедей для обращённых евреев, опека над больными и бесплатные медицинские консультации. Для детей проводились курсы вышивания и рукоделия, а также были организованы летние лагеря в Черном Бору [49, с. 1396]. Миссия находилась под духовным патронатом англиканского костёла, пресвитеры которого и проводили крещения евреев [55, с. 401].

Активной работой по обращению иудеев в христианство также занимались евангельские христиане-дарбисты. В 20–30-е гг. XX в. на территории Полесья работали миссионеры-дарбисты А. Мульцман и Л. Розенберг из Лодзи, англичане С. Хайн (S. K. Hine), Д. Гриффитс (D. T. Griffiths), А. Макгрегор (A. McGregor) [18, с. 22]. С 1933 г. в Полесском воеводстве было открыто представительство лондонского центра дарбистов под руководством баптиста М. Вошука [21, с. 53], с конца 1934 г. были открыты два миссионерских центра – в Кобрине и Пинске – под его руководством [11, л. 25]. Из Варшавы в Кобрин была перенесена типография «Издательства бесплатной религиозной литературы», где с английского на идиш и русский язык переводилась, издавалась и распространялась литература («*Pokarki dla Dzetak Bożjich ze składnicy Bożej Prawdy*», «Свет Слова Божьего» [21, л. 53]). По пятницам в Кобрине были организованы богослужения для евреев [21, л. 53; 14, л. 176]. В 1937 г. М. Вошук переехал в Вильно, где открыл склад издательства [21, л. 54]. Одновременно в Пинске начало действовать миссионерское товарищество «*Beth-el*», под руководством А. Тыльцмана. Центр открыл читальню для евреев, проводил религиозные лекции [11, л. 25; 14, л. 177]. Так, в декабре 1934 г. товарищество организовало лекции «Христос и исполнение пророчеств Ветхого Завета» Л. Розенберга из Лодзи, на которых присутствовало 38 человек [14, л. 177].

Работу по обращению иудеев на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. также осуществляла Барбиканская миссия (The Barbican Mission for the Jews), созданная в 1898 г. в Лондоне [54, с. 119; 15 л. 56]. Будучи под патронатом Евангельско-Реформированного костёла в Вильно [9, л. 12], основное внимание Миссия уделяла работе на восточных воеводствах Польши – в Белостоцком, Виленском, Полесском, Новогрудском и Волынском. Были открыты миссионерские пункты в Белостоке, Бресте, Гродно, Люблине, Ровно и в Вильно. Центром Миссии был Белосток, возглавлял организацию суперинтендант пресвитер П. Городищ [7, л. 70; 10, л. 14]. В Белостоке Миссия открыла госпиталь, построила костел (освящен в 1936 г.), типографию, издавала ежемесячный журнал на идише «*Dos Wort*», на польском «*Świąty*» [13, л. 1]. С 1928 г. был организован миссионерский пункт в Бресте с читальней для евреев. По воскресениям и празд-

никам организовывались в Бресте проводились богослужения, по субботам – диспуты на религиозные темы [24, л. 50; 19, л. 85]. На 1939 г. брестское отделение Миссии насчитывало 10 человек. С 1928 по 1936 г. работал миссионерский пункт в Гродно под руководством Н. Крола [54, с. 120; 50 л. 70], работала читальня для евреев [16, л. 86]. Душепастырскую работу в Гродно осуществляли служители Евагельско-Аугсбургского костела [54, с. 122].

С 1933 г. община обращенных евреев в Белостоке под патронатом Барбиканской миссии вошла в состав Евагельско-Реформированного костела в Вильно в качестве автономного «Отделения Виленского Евагельско-Реформированного костела в Вильно англиканского обряда с центром в Белостоке». В него вошли все миссионерские пункты Барбиканской миссии в Белостоке, Бресте, Гродно, Люблине, Вильно и Ровно. Руководитель Миссии П. Городищ был ординован Виленским Синодом Евагельско-Реформированного костела в Вильно в качестве пастора [54, с. 127].

В структуре евагельско-баптистских организаций Польши и Западной Беларуси для миссионерской работы среди евреев были созданы специальные отделы – «миссии для евреев», – общины проводили богослужения на иврите [12, л. 23], читали проповеди для евреев [17, л. 95], раздавали религиозную литературу. В 1929 г. в Брестском и Пружанском поветах проводил евангелизационную работу доктор Энгельштерн (dr. Engelsztern) – миссионер общины евагельских христиан в Вильно. Он выступал в молитвенных домах местных баптистов, раздавал брошюры и книги «В чём моя вера», изданные в типографии Тенненбаума в Бресте [9, л. 6–4].

Евагельские общины активно сотрудничали также с евагельскими христианами – дарбистами. В марте 1931 г. в Пружанах, Шерешове и Сельце И. Пуховский (пресвитер общины баптистов в Пружанах) и М. Гитлин (руководитель Миссии дарбистов) организовали специальные богослужения для евреев в молитвенных домах баптистов [21, л. 84]. В 1931 г. в молитвенном доме евагельских христиан в Кобрине читали лекции на идише «Иисус как образ Божий» дарбисты из Варшавы А. Колаков и А. Жегал [12, л. 23–25]. В январе 1931 г. М. Гитлин провел в общине баптистов д. Антополь Кобринского повета миссионерское собрание [52, л. 31].

Результативность миссионерской работы среди иудеев во второй половине XIX – начале XX в. была незначительной. Число переходов иудеев в христианство было небольшим: на протяжении всего XIX в. в России было отмечено 69,4 тыс. переходов иудеев в православие, около 20 тыс. – в католицизм (в основном в Царстве Польском) и около 4 тыс. – в протестантизм [48]. Согласно переписи 1897 г. в пяти губерниях Северо-Западного края и в Ковенской губернии лиц с родным языком идиш среди православного населения – 321 человек, среди римо-католиков – 460. Среди прихожан Евагельско-Аугсбургского костела в Гродненской губернии было 7 чело-

век с родным языком идиш, в Виленской – 10, в Витебской – 9, в Минской – 2 человека [32].

Несомненно, мотивация переходов иудеев в христианство в XIX – начале XX в. была разная. Как отмечает В. А. Трусов, часть крещений в этот период была совершена принудительно [43, с. 34]. Но также следует принимать во внимание мотивацию к ассимиляции в христианском обществе и стремление приобрести правовую эмансипацию в Российской империи, особенно в ходе усиления давления на евреев после 1881 г.

В условиях изменения правового положения еврейского населения в 1921–1939 гг. в Западной Беларуси их правовое и экономическое положение укрепились. Это в свою очередь оказало влияние на мотивацию к обращению в христианство иудеев и их отношение к миссионерской деятельности христианских организаций. С одной стороны, на лекциях приезжих миссионеров присутствовало немало евреев, преимущественно молодежи. Так, на лекции в молитвенном доме евангельских христиан в Кобрине присутствовало 180 представителей еврейской молодёжи [12, л. 23–25], в декабре 1934 г. в Пинске на лекции миссионерского товарищества «Beth-El» «Христос и исполнение пророчеств Ветхого Завета» Л. Розенберга из Лодзи присутствовало 38 иудеев [14, л. 177], в январе 1931 г. в д. Антополь Кобринского повета на религиозном собрании в баптистской общине с участием дарбиста М. Гитлина присутствовало 30 иудеев и 10 православных жителей. Читальню Барбиканской миссии в Гродно в 1929 г. ежедневно посещали 20 человек из еврейской молодёжи [23, л. 86]. В Бресте в организованных Барбиканской миссией диспутах на религиозные темы принимали участие до 100 человек из еврейской молодёжи [24, л. 50, 92; 19, л. 85]. При этом статистика крещений евреев в христианство не свидетельствует о массовости изменения вероисповедной принадлежности, несмотря на активную миссионерскую работу. Барбиканская миссия в конце 30-х гг. насчитывала около 200 обращенных евреев, Лондонское товарищество в 1919–1922 гг. провело 25 крещений и 27 конфирмаций по всей Польше [54, с. 123].

С другой стороны, попытки обращения иудеев в христианство вызывали активное неприятие ортодоксальной части иудеев. Так, во время проповеди баптистского пресвитера на иврите в Столбцах в июле 1929 г. евреи выкрикивали угрозы в его адрес и только присутствие полиции не дало перейти от угроз к действию [15, л. 95]. Во время миссионерской поездки Барбиканской миссии в Гродно в 1929 г. миссионеры были побиты евреями, в Столине и Давид-Городке раввины пригрозили проклятием тем иудеям, кто примет от миссионеров христианскую литературу. Факт крещения двух евреев баптистским пресвитером Л. Декуць-Малеем в 1923 г. в Бресте настолько возмутил иудейское сообщество, что раввин в синагоге проклял миссионеров-баптистов и предупредил, чтобы те, кто стремится

ко спасению, не слушали баптистов и не интересовались их деятельностью [20, л. 45].

Следует отметить, что в конце XIX – первой половине XX в. обращенные в христианство евреи в Беларуси были интегрированы в существующую христианскую структуру и не создавали отдельных еврейских христианских общин. В 20–30-е гг. XX в. в БССР крещеные евреи также присоединялись к существующим общинам евангельских христиан, баптистов, пятидесятников, лютеран, кальвинистов. Всего в Советском союзе в конце 1920-х гг. существовало только пять общин евреев-христиан: одна в Кишиневе, три в УССР (Одесса, Киев и Екатеринослав), одна в с. Ачикулак и 3 незарегистрированные группы евреев-христиан Дагестанской АССР [31, с. 179].

Концепция мессианства и мессианские протестантские церкви в 1990-е – 2000-е гг.

В послевоенный период несмотря на относительную религиозную либерализацию в СССР и БССР, легализацию деятельности религиозных организаций и общин, публичная сфера для религии осталась закрытой. Советское законодательство ограничивало деятельность религиозных общин, в особенности под запретом было распространение вероучения. В связи с этим целенаправленная системная миссионерская работа, в том числе среди еврейского населения, не проводилась.

Однако в богословии протестантских церквей СССР и БССР сохранился концепт особого отношения к еврейскому народу как к народу Бога. В религиозной публицистике Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) рассматривались вопросы иудейской культуры и отношения к еврейскому народу. Так, в 1948 г. в период провозглашения государства Израиль в журнале «Братский вестник» была размещена статья об истории израильского народа [1, с. 53–56].

В 60–70-е гг. XX в. возникает новая тенденция в концепте христианизации евреев – «мессианское» движение (от евр. «Машиах», или «Мессия») – мессианский иудаизм, концептуально связанное с движением иудео-христиан конца XIX в. Это движение возникает в США среди евреев-христиан, сторонников сохранения еврейской национальной и культурной идентичности внутри христианских церквей. Мессианские иудеи признают ценность Устной Торы, определяют себя как евреев не только по национальности, но и в религиозно-культурном плане, при этом придерживаются христианского концепта о том, что Иисус Христос – Мессия и Сын Божий. Культурно-религиозная принадлежность мессианских евреев выражается в сохранении еврейских и иудейских традиций: они продолжают отмечать еврейские праздники, выделяют Шаббат, некоторые носят кипы и делают мальчикам обрезание [6, с. 708; 26, с. 128].

В БССР и СССР в 1960-х гг. тенденции развития мессианского иудаизма отмечаются в рамках усиления внимания к иудейской культуре и ев-

рейскому народу. На страницах журнала ВСЕХБ «Братский вестник» активно публикуются статьи об истории израильского народа [3, с. 53–62]; описываются и анализируются иудейские обычаи и традиции [3, с. 53–62; 4, с. 24–31]; акцентируется внимание на том, что первые христианские общины соблюдали все нравы и обычаи иудейского народа [2, с. 38]; отмечается особое место еврейского народа перед Богом и благословение всем народам через Израиль [5, с. 36].

В советский период образование отдельных общин мессианских евреев в БССР было невозможно в связи с регистрацией общин только в составе ВСЕХБ. Отмечается наличие одной общины в Москве в 1970–1980-е гг., скорее всего в рамках пятидесятнического движения, которая соблюдала иудейские традиции [31, с. 178].

Демократические процессы в суверенной Беларуси привели активизации религиозной жизни, в том числе к активной миссионерской работе среди евреев. С 1990-х гг. в Республике Беларусь миссионерскую работу среди евреев преимущественно осуществляли иностранные миссии («Евреи за Иисуса», «Авайнсанома», «Свет на Востоке» и др.). Они устраивали специальные богослужения для евреев, распространяли переводную религиозную литературу по тематике мессианства, например, с акцентом на значимости еврейского народа для мира, с критикой антисемитизма [33], о необходимости принятия Иисуса Христа еврейским народом [30], а также о проблемах еврейской идентичности внутри христианства [41].

Постепенно в рамках белорусских позднепротестантских общин (евангельских христиан и баптистов, христиан веры евангельской) начали появляться еврейские группы (служения). В 1995 г. в Республике Беларусь была образована первая мессианская община «Брит Хадаша» (Новый Завет) в Минске. На 1 января 2024 г. в Республике Беларусь зарегистрированы три мессианские общины: одна в Брестской и две в Гомельской областях [39].

В большинстве мессианских общин Беларуси культовая практика основана на сочетании традиций какой-либо протестантской церкви (баптистской, пятидесятнической) и воспроизведении в той или иной степени еврейских традиций и обрядности, богословия, церковной структуры. Следует отметить, что в богословии современного протестантизма Беларуси сохраняется концепт избранности еврейского народа богом, его особой роли в будущем Тысячелетнем Царстве и необходимости принятия иудеями Иисуса Христа как Мессии. В протестантских общинах популярны еврейские праздники (Жатва, Сукот и др.), в служениях могут использоваться еврейские песни и музыка.

Как мы видим, распространение христианства среди еврейского населения в протестантских церквях Беларуси имеет давние традиции и основано на богословских концептах богоизбранности еврейского народа и его особой роли в установлении тысячелетнего царства. В конце XIX – первой

половине XX в. основную миссионерскую работу на территории Беларуси осуществляли традиционные протестантские конфессии – лютеранский и кальвинистский костелы посредством миссий и организаций, специально созданных для распространения христианства среди евреев. По мере институционального становления поздних протестантских деноминаций (евангельских христиан и баптистов, христиан веры евангельской) и стабилизации политико-правового положения, в 1921–1939 гг. они подключились к активной миссионерской работе среди евреев на территории Западной Беларуси, при этом осуществляя сотрудничество с лютеранскими и кальвинистскими миссиями.

Особенностью миссионерской работы в конце XIX – первой половине XX в. была интеграция обращенных в христианство евреев в протестантские общины, их культурно-религиозная ассимиляция. В связи с появлением с 1960-х гг. XX в. мессианского движения в религиозном дискурсе евангельско-баптистского движения расширился мессианский дискурс, но к активной миссионерской работе среди евреев общины перешли только с начала 1990-х гг. при поддержке иностранных миссионерских организаций. Миссионерская работа среди евреев на современном этапе характеризуется тенденцией к интеграции иудейских традиций в социокультурное поле белорусских протестантских церквей и стремлением к сохранению еврейской национальной и культурной идентичности обращенных иудеев внутри христианских церквей.

Список использованных источников

1. Братский вестник. – 1948. – № 2.
2. Братский вестник. – 1960. – № 1.
3. Братский вестник. – 1960. – № 3.
4. Братский вестник. – 1965. – № 1.
5. Братский вестник. – 1965. – № 2.
6. Введение в мессианский иудаизм: церковный контекст и библейские основы. – Гранд-Рапидс: Зондерван, 2013 г.
7. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Фонд 1. Оп. 10. Д. 2205.
8. ГАБр. – Фонд 1. Оп. 10. Д. 2282.
9. ГАБр. – Фонд 1. Оп. 10. Д. 2282.
10. ГАБр. – Фонд 1. Оп. 10. Д. 2289.
11. ГАБр. – Фонд 1. Оп. 10. Д. 2313.
12. ГАБр. – Фонд 1. Оп. 10. Д. 2314.
13. ГАБр. – Фонд 1. Оп. 10. Д. 2837.
14. ГАБр. – Фонд 67. Оп. 1. Д. 1230.
15. ГАБр. – Фонд 67. Оп. 1. Д. 1235.
16. ГАБр. – Фонд 67. Оп. 1. Д. 1247.
17. ГАБр. – Фонд 67. Оп. 1. Д. 1252.

18. ГАБр. – Фонд 67. Оп. 1. Д. 1569.
19. ГАБр. – Фонд 67. Оп. 1. Д. 1808
20. ГАБр. – Фонд 67. Оп. 1. Д. 344.
21. ГАБр. – Фонд 67. Оп. 1. Д. 365.
22. ГАБр. – Фонд 67. Оп. 1. Д. 951.
23. ГАБр. – Фонд 67. Оп. 1. Д. 952.
24. ГАБр. – Фонд 67. Оп. 1. Д. 965.
25. ГАБр. – Фонд 95. Оп. 1. Д. 365.
26. *Гольдберг, Л.* Бог, Тора, Мессия: Мессианское еврейское богословие доктора Луиса Гольдберга, ред. Ричард А. Робинсон / Л. Гольдберг. – Сан-Франциско: Purple Pomegranate, 2009. – С. 128.
27. *Жук, С. И.* В поисках иудеохристианского идеала библии: российские евреи и украинские крестьяне в пореформенной Российской империи / С. И. Жук // Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы; под ред. М. В. Дмитриева. – Москва: Индрик, 2011. – С. 206–227.
28. *Кабузан, В. М.* Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX вв. (1719–1917 гг.) / В. М. Кабузан. – Москва: Институт российской истории РАН, 2008. – 270 с.
29. *Каргель, И. В.* Руфь моавитянка или межги мои прошли по прекрасным местам / И. В. Каргель. – Израиль: Керен Ахва мешихит, 2001. – 94 с.
30. *Мелдоу, Ф. Д.* Мессия в Ветхом и Новом Завете / Ф. Д. Мелдоу. – США, 1990. – 110 с.
31. *Никольская, Т. К.* Евреи в русском протестантизме / Т. К. Никольская // Иудаика и востоковедение: материалы научной конференции по иудаике, гебраистике и востоковедению / отв. ред. К. А. Битнер, Л. А. Лукинцова; Петербургский ин-т иудаики. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 172–181.
32. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 89 кн. / под ред. Н. А. Тройницкого; Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1899–1905. 23 книга «Могилевская губерния». – URL: <https://www.prlib.ru/item/436646>.
33. *Принс, Д.* Будущее Израиля и Церкви / Д. Принс. – Санкт-Петербург: Служение Деревя Принса, 1993. – 144 с.
34. *Браун, М.* Наши руки запятнаны кровью / М. Браун. – Москва: Изд. центр «Золотые страницы», 2012. – 266 с.
35. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. Оп. 163. Д. 1775.
36. РГИА. – Ф. 796. Оп. 164. Д. 1415.
37. РГИА. – Ф. 821. Оп. 133. Д. 106.
38. РГИА. – Ф. 821. Оп. 133. Д. 3142.
39. РГИА. – Ф. 821. Оп. 5. Д. 1044. Л. 25, 37–39

40. Религиозные общины в Республике Беларусь // Уполномоченный по делам религий и национальностей. – URL: <https://belarus21.by/Articles/kolichestvo-religioznych-obshhin-v-respublike-belarus-na-1-yanvarya-2019-g> (дата обращения: 12.11.2024).

41. *Стерн, Д.* Мессианский еврейский манифест / Д. Стерн. – Москва: Силоам, 2005. – 262 с.

42. *Кьер-Хансен, К.* Иосиф Рабинович и мессианское движение / К. Кьер-Хансен. – Санкт-Петербург: Библия для всех, 1997. – 160 с.

43. *Трусов, В. А.* Евреи Северо-Западного края Российской империи в конце XVIII – начале XX века: основные тенденции этнической истории / В. А. Трусов // Наука. Общество. Оборона. – 2024. – Т. 12. – № 4 (41). – С. 34–34.

44. *Уайт, Е.* Рукопись 95, Евангелизм / Е. Уайт. – 1906. – С. 578.

45. *Фрухтенбаум, А.* Иисус был еврей / А. Фрухтенбаум. – Санкт-Петербург: Библия для всех, 1997. – 158 с.

46. *Хукендайк, Б.* Двенадцать евреев находят Мессию / Б. Хукендайк. – Финляндия, 1994. – 124 с.

47. *Экман, У.* Евреи – народ будущего / У. Экман. – Санкт-Петербург: Изд. центр «Золотые страницы», 1993. – 208 с.

48. Электронная Еврейская энциклопедия. Россия. Демография еврейского населения Российской империи (1772–1917). – URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/general/15443/> (дата обращения: 12.10.2024).

49. *Якобсон, С.* Дважды избранные / С. Якобсон. – Заокский: Источник Жизни, 1997.

50. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich (MWRiOP). Sygnatura (Sygn.) 385.

51. AAN. – MWRiOP. Sygn. 1396.

52. AAN. – Urząd Wojewódski Poleski. Sygn.13.

53. AAN. – Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Sygn. 2885.

54. *Alabrudzińska, E.* Misje chrześcijańskie wśród żydów w Polsce w latach 1918–1939. / E. Alabrudzińska // Studia Judaica 5: 2002/2003. – № 1–2. – S. 117–129.

55. *Grelewski, S.* Wyznanie protestanckie / S. Grelewski. – Warszawa, 1939. – 886 s.

56. *Nowak, Z. N.* Sprawa emancypacji Żydów w prusach Zachodnich w pierwszej połowie XIX wieku / Z. N. Nowak // Emancypacja – asymilacja – antysemitizm. Żydzi na Pomorzu w XIX i XX wieku; pod red. Z. N. Nowak. – Toruń, 1992. – S. 13–15.

(Дата подачи: 21.04.2025 г.)

Ю. И. Литвиновская

Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Минск

Yu. I. Litvinovskaya

Belarusian State University of Informatics
and Radioelectronics, Minsk

УДК 93/94

ЭРФУРТСКАЯ ВСТРЕЧА ИМПЕРАТОРОВ

ERFURT MEETING OF THE EMPERORS

В статье представлен процесс налаживания русско-французских отношений после относительно продолжительного периода противостояния в рамках крупнейшего конфликта эпохи – вначале борьбы с революционной, а затем наполеоновской Францией. Подписание 7 июля 1807 г. Тильзитских соглашений открывало новую страницу в отношениях двух стран. Россия признавала все французские завоевания в Европе, а Наполеона императором, вступала в союз с Францией и присоединялась к континентальной блокаде.

Ключевые слова: Эрфурт; обсуждение; императоры; Австрия; война.

The article presents the process of establishing Russian-French relations after a relatively long period of confrontation within the largest conflict of the era – first the struggle with revolutionary and then Napoleonic France. The signing of the Tilsit Agreements on July 7, 1807 opened a new page in the relations between the two countries. Russia recognized all French conquests in Europe and Napoleon as emperor, entered into an alliance with France and joined the continental blockade.

Keywords: Erfurt; discussion; emperors; Austria; war.

Тильзитские соглашения между Россией и Францией открывали принципиально новую страницу в европейской истории нового времени. На континенте оставались только две великие державы которые могли принимать судьбоносные решения в жизни Европы. В силу этого между ними периодически мог возникать вопрос взаимного доверия и необходимости согласования позиций. По замыслу императоров этому должны были способствовать периодические встречи монархов. Первую из них Наполеон и Александр I условились провести в городе Эрфурт в Тюрингии. Период между подписанием тильзитских документов (июль 1807 г.) и встречей в Эрфурте (сентябрь 1807 г.) был непродолжительным по времени, но непростым по сути (простых вопросов в отношениях России с наполеоновской Францией никогда не было) и насыщен таким множеством событий, которые позволяют сделать вывод о том, что каждая из сторон стремилась максимально использовать открывшееся в Тильзите окно возможностей.

Центральным событием 1808 г. в русско-французских отношениях была встреча двух императоров в Эрфурте. Заинтересованность в ее проведении была у каждой из сторон. За непродолжительное время, истекшее после

Тильзита, между союзниками обнаружилось достаточное количество разногласий. Каждая из империй стремилась опереться на Тильзитский союз для выгодного решения собственных внешнеполитических проблем. Император французов в условиях нарастающего в Европе недовольства его политической намеревался продемонстрировать Англии и Австрии прочность союза с Россией. Не менее весомые аргументы для встречи были и у Александра I. Важнейшие среди них: добиться согласия Наполеона на укрепление территориальных приобретений в войне с Турцией и не допустить войны между Австрией и Францией. Австрия усиленно вооружалась и активно готовилась к войне. Понимая неизбежность ее разгрома в этом противостоянии Александр I стремился не допустить фатального развития событий для своего друга, австрийского императора.

Идея встречи двух императоров исходила от Наполеона, который в письме Александру I от 21 января (2 февраля) 1808 г. написал: «...взаимная выгода обоих наших государств должна быть рассчитана и взвешена. Это может состояться только при свидании с вашим в-вом...» [1, с. 457].

Поднятые в письме Наполеона вопросы, прежде всего «восточный», были весьма интересны для России, и Александр I поручил министру иностранных дел графу Н. П. Румянцеву заняться их изучением и вступить в переговоры с французским послом в Петербурге А. О. де Коленкурором. Точка зрения царя была изложена в составленной Румянцевым записке «Общий взгляд на Турцию», которая и была вручена французскому послу [2, с. 45].

Ключевым положением документа было обладание Россией черноморскими проливами. Александр I связал свою поездку в Эрфурт с достижением согласия по этому вопросу. Переговоры с Коленкурором шли длительный период времени, вплоть до марта 1808 г., и ни к какому положительному результату не привели. В отличие от дружеских разговоров между императорами в Тильзите, к которым часто апеллировал Александр I, потому что высказываемые Наполеоном мысли ему очень импонировали, в других обстоятельствах, когда вопрос касался реальной политики, суждения Наполеона носили уже другой, порой полностью противоположный смысл. Так было и с крайне болезненным для России вопросом завладения берегами черноморских проливов. В секретной инструкции направляющемуся в Петербург французскому послу Арману де Коленкуру говорилось: «Император очень далек от мысли о разделе Турецкой империи и считает эту меру пагубной, но не желает, чтобы вы при объяснении с русским императором и его министром безусловно отвергали ее, и вам предписывается всеми силами доказывать мотивы, по которым необходимо отсрочить время приведения ее в исполнение» [3, с. 560]. Главная причина всех проволочек заключалась в том, что Стамбул все более и более сближался с Францией. Как писал великий князь Николай Михайлович: «Турки были единственным

барьером, противостоящим огромному увеличению этой и без того безграничной империи (Российской империи. – Ю. Л.)» [4, с. 7, 13, 24].

Уступая России Босфор, Наполеон стремился закрепить за Францией Дарданеллы. Для России это не являлось решением «восточного вопроса». Взаимное недоверие между Александром I и Наполеоном сделало достижение соглашения между ними невозможным [2, с. 48, 51].

Александр I согласился в конечном итоге на свидание в Эрфурте без всяких условий. В Петербурге пришли к выводу, что раздел Турции не в интересах Российской империи и обсуждать его на встрече императоров нецелесообразно. В правительственных кабинетах возобладало мнение, что «...завоевание Константинополя и падение всей Оттоманской империи привело бы неизбежным образом к мировой катастрофе, окончательный исход которой никак нельзя было предвидеть. Во всяком случае, такая катастрофа отвлекла бы все военные силы России на берега Черного моря и заставила бы императора Александра оставить на произвол судьбы всю Западную Европу» [2, с. 57].

Решительным противником двусторонней встречи в Эрфурте была императрица-мать Мария Федоровна. Именно через нее придворная оппозиция тильзитскому курсу царя пыталась выразить свое недовольство и повлиять на политику правительства. Мария Федоровна трижды встречалась с императором, имела с ним продолжительные разговоры, пыталась остановить Александра I в реализации своих намерений. 25 августа (6 сентября) императрица-мать написала царствующему сыну пространное письмо, где изложила свои опасения. Она была уверена, что сотрудничество с Францией самым негативным образом отражается на ситуации в России. «Бросьте взгляд на наше внутреннее положение, мы увидим там всеобщее недовольство, смешанное с негодованием, отвращение к французам, погубленную торговлю...» Наполеон, по ее словам, вмешивается повсюду, даже в отношении России с другими странами, а целью Эрфуртской встречи является связать судьбу России с судьбой Наполеона. Мария Федоровна предвидит самые пагубные последствия этого свидания и призывает сына остановиться на краю пропасти: «Ради бога, Александр, уклонитесь от этого свидания; уважение народа утрачивается легко, но не столь же легко завоевывается обратно. Вы потеряете его через это свидание и вы потеряете вашу империю и вашу семью: остановитесь, еще есть время, послушайте голоса чести, просьб, молений вашей матери...» [2, с. 58–61].

Император не мог оставить это письмо без ответа и буквально на следующий же день, 26 августа (7 сентября), собственноручно написал его [3, с. 330]. Александр I энергично защищал свою политику после Тильзитского договора. «После несчастной борьбы, которую мы вели против Франции, последняя осталась наиболее сильною из трех еще существующих континентальных держав, и, по своему положению, по своим средствам, она мо-

жет одержать верх не только над каждой из них в отдельности, но даже над обеими, взятыми вместе.

Не является ли в интересах России быть в хороших отношениях с этим страшным колоссом, с этим врагом, поистине опасным, которого Россия может встретить на своем пути.

Нужно было убедить Францию, что ее политические интересы могут сочетаться с политическими интересами России. В таком случае она всегда предпочтет дружбу и союз с Россией вражде с нею. Между тем мир на континенте европейском может быть поддерживаем только союзом между Россией и Францией» [2, с. 62–63].

Мирные отношения с Францией, отмечал Александр, Россия должна использовать для того, чтобы «увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства, наши силы. Но мы должны работать над этим среди глубочайшей тишины, а не разглашая на площадях о наших вооружениях, наших приготовлениях и не гремя публично против того, к кому мы питаем недоверие».

Уклониться от свидания с Наполеоном невозможно, писал Александр, ибо в двусторонних отношениях есть много нерешенных вопросов, «которые Наполеон не желает покончить при помощи посредников или письменным путем».

Свою миссию Александр также видел в том, чтобы спасти Австрию от неминуемого разгрома в назревающем конфликте с Францией «и сохранить ее силы для подходящего момента» [2, с. 63].

В письме царь отвечает и критикам своего внешнеполитического курса: «Я удовольствуюсь сказать, что было бы преступно с моей стороны, если бы я приостановился осуществлением того, что считаю полезным для интересов империи, под влиянием разговоров, которые позволяют себе в обществе, без малейшего знания дела, не углубляясь в сущность обстоятельств, не желая даже узнать побудительных причин моего образа действия. ... Признаюсь, что мне тяжело видеть, что в то время, когда я имею в виду лишь интересы России, чувства, руководящие моим образом действий, могут быть так превратно понимаемы» [2, с. 64].

Александр I энергично протестовал против некоторых утверждений, имевшихся в письме матери, о том, что он очарован Наполеоном и находится в значительной мере в плену его влияния. В этом плане весьма примечательными являются строки из его письма сестре, великой княгине Екатерине Павловне, написанном перед самым отъездом в Эрфурт: «Bonaparte думает, что я больше ничего как дурак. *Смеется хорошо тот, кто смеется последним.* Я же полагаюсь вполне на бога» [2, с. 65].

Эрфуртская встреча двух императоров проходила с 15(27) сентября по 30 сентября (12 октября) 1808 г. На ней был затронут широкий круг вопросов: война с Англией, отношения с Австрией, прусские и турецкие дела.

Несмотря на подписание 30 сентября (12 октября) согласованной союзной конвенции, встреча проходила в условиях острых разногласий и столкновений по большинству вопросов. Александру удалось добиться отказа Франции от посредничества при заключении мира с Турцией, признания южных границ России, «перенесенными до Дуная». В условиях необыкновенного напряжения обсуждался австрийский вопрос. Александр I не поддержал требование Наполеона о разоружении Австрии. Россия ограничилась обязательством объявить войну Австрии, если последняя начнет ее с Францией. Но Александру I пришлось уступить в вопросе о выводе французских войск из Пруссии и герцогства Варшавского. Наполеон только согласился на 20 млн франков сократить контрибуцию с Пруссии [3, с. 361–363, 647].

В день подписания союзной декларации Александр I и Наполеон обратились к английскому королю Георгу III с предложением «безотлагательного примирения Англии с Россией и Францией, отвечая, что прекращение морской торговли является причиной бедствий всех держав Европы» [3, с. 363].

На это предложение английское правительство официально ответило нотой от 28 октября. Из ноты и сопроводительных к ней документов следовало, что Англия может пойти на переговоры только лишь при условии признания Францией испанского правительства – короля Фердинанда VII – «как участвующую сторону любых переговоров» [3, с. 377, 653].

А 16 декабря 1808 г. в издающейся в Париже газете «*Courrier d'Angleterre*» была опубликована декларация английского короля, в которой отмечалось, что «продолжение мнимых переговоров ... может быть выгодно только неприятелю». Англия окончательно отказывалась от мирных переговоров [5, с. 650].

Не был решен в Эрфурте и другой важнейший вопрос, ради которого Наполеон инициировал эту встречу, – добиться франко-русского единства в надвигающейся войне с Австрией. Александр I был убежденным сторонником того, что Австрия как великое государство необходима для сохранения политического и военного равновесия в Европе. И когда между сторонами возник конфликт, он отклонил французские предложения о предъявлении Австрии совместного ультиматума.

Наполеон открыто высказывал свое неудовлетворение результатами Эрфуртской встречи, ибо начатый в Тильзите процесс не получил своего продолжения. Что же касается Александра I, то он, напротив, имел все основания быть довольным результатами свидания, ибо практически все сделанные Россией завоевания были признаны и не было подписано по итогам встречи никаких неудобных для царя обязательств [2, с. 68].

Австро-французская война началась 9 апреля 1809 г. Александр I, выполняя тильзитские соглашения, был вынужден поддержать Францию.

22 мая (3 июня) русские войска в составе трех дивизий (32 тыс. человек) под командованием князя С. Ф. Голицына переправились на левый берег Западного Буга и вступили в Галицию. Несмотря на то, что в апреле-июне 1809 г. Александр I неоднократно обращался к Наполеону с личными письмами, в которых сообщал об отношении России к войне и заверял в своей верности франко-русскому союзу, активных боевых действий на этом участке войны не было. Наполеон был недоволен медлительностью русских войск в Галиции. А 2 июня министр иностранных дел Франции Ж. Б. де Шампаньи предупредил своего посла в Петербурге Коленкура, что Наполеон утратил доверие к союзу с Россией [6, с. 655, 665].

Пассивная позиция России в этой войне показала Наполеону несостоятельность его расчетов использовать союз с Россией исключительно в собственных целях. Александр I также уклонился от принятия предложения Наполеона прислать русских представителей в Вену в октябре 1809 г. на переговоры о мире с Австрией для того, чтобы совместными усилиями оказать на нее давление и заставить склониться к нужному Наполеону решению. Здесь следует отметить, что франко-австрийские переговоры шли трудно, Австрия не считала себя побежденной и не соглашалась принять требования Франции [6, с. 679].

В начале апреля 1809 г. в руки русского посла в Париже князя А. Б. Куракина попала записка (он ее отправил Александру I), составленная французским дипломатом графом Ж. де Монгайаром, которая была передана генералу Ж. Дюроку для Наполеона. В ней говорилось о том, что все выгоды от русско-французского союза, имелось ввиду от ситуации, сложившейся после Тильзита, достались России, которая пользуется этим для своего территориального расширения и в то же время тайно подстрекает Австрию против Франции. В записке отмечалось, что интересы сохранения французского господства в Европе требуют восстановить Польшу и лишить Россию «политического влияния по сю сторону Двины и Днепра» [6, с. 23–24, 651].

Записка свидетельствовала о том, что противоречия между Парижем и Петербургом усиливались. Оба императора подозрительно относились ко всем действиям своего партнера по союзу. Что же касается Наполеона, то он все свои просчеты в русской политике относил на счет недостаточных усилий на дипломатическом поприще французского посла в Петербурге. А. О. де Коленкур, почувствовав, что теряет доверие императора, ходатайствует о том, чтобы его отозвали в Париж. 19 мая 1811 г. Наполеон заменил его на этом посту генералом Ж. Пористоном [3, с. 682]. В русско-французских отношениях появились элементы недоверия.

Список использованных источников

1. Сборник Императорского русского исторического общества. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. 88. – 725 с.

2. *Мартенс, Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Ф. Мартенс. – Санкт-Петербург: Типография А. Бенке, 1905. – Т. XIV. Трактаты с Францией. – 1807–1820. – 433 с.

3. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. – Москва: Политиздат, 1967. – Том четвертый. Июль 1807 г. – март 1809 г. – 782 с.

4. Николай Михайлович, Великий князь. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Императора Александра и Наполеона. 1808–1812. В 7 т. Т. VII. – Санкт-Петербург: Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг, 1914. – XVI, 439 с.

5. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1902. – 548 с.

6. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. – Москва: Политиздат, 1967. – Т. V. Апрель 1809 г. – январь 1811 г. – 784 с.

(Дата подачи: 11.02.2025 г.)

А. М. Лукашевич

Белорусский государственный университет, Минск

A. M. Lukashevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)“1812/1813”

**ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННЫХ ДОРОГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА РОССИЙСКОЙ АРМИИ
И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ
(ДЕКАБРЬ 1812 – АПРЕЛЬ 1813 Г.)**

**ORGANIZATION OF MILITARY ROADS TO SUPPORT
THE FOREIGN CAMPAIGN OF THE RUSSIAN ARMY
AND THEIR FUNCTIONING
IN THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES
(DECEMBER 1812 – APRIL 1813)**

Рассматриваются вопросы организации и функционирования военных дорог, предназначенных для обеспечения заграничного похода российской армии в 1813 г. Показано, что четыре военные дороги, учрежденные в западных губерниях Российской империи, находились в ведении управляющего Военным министерством князя А. И. Горчакова. В то же время две «заграничные» военные дороги первоначально поступили в ведение «главноуправляющего интендантской частью при всех армиях» В. С. Ланского, а затем – генерал-интенданта Е. Ф. Канкрин. Сделан вывод, что в связи с нехваткой денежных средств

у Провиантского департамента в белорусско-литовских губерниях сбор провианта и фуража осуществлялся на реквизиционной основе.

Ключевые слова: военные дороги; провиантское обеспечение; белорусско-литовские губернии; заграничный поход российской армии 1813–1815 гг.; М. И. Кутузов; А. И. Горчаков.

The article examines the issues of organization and functioning of military roads intended to support the foreign campaign of the Russian army in 1813. It is shown that four military roads established in the western provinces of the Russian Empire were under the jurisdiction of the manager of the Ministry of War; Prince A. I. Gorchakov. At the same time, two «foreign» military roads initially came under the jurisdiction of the «chief manager of the quartermaster unit for all armies» V. S. Lansky, and then – quartermaster general E. F. Kankrin. It is concluded that due to the lack of funds in the Provisions Department in the Belarusian-Lithuanian provinces, the collection of provisions and forage was carried out on a requisition basis.

Keywords: military roads; provisions; Belarusian-Lithuanian provinces; foreign campaign of the Russian army 1813–1815; M. I. Kutuzov; A. I. Gorchakov.

Организация военных дорог. В конце 1812 г. в связи с предстоящим переносом военных действий на Европейский театр перед российским командованием возник вопрос о тыловом обеспечении операций. При этом большое внимание уделялось организации подхода резервов. С целью «удобнейшего приводе к армии всех военных команд, кавалерийских и артиллерийских ремонтов и всякого рода других запасов и аммуничных комиссариатских вещей» учреждались военные дороги, которые вели от линии рек Западная Двина – Днепр к западной границе [1, с. 142].

В начале XIX в. в Российской империи под «военной дорогой» понималась полоса земли шириной до 28 верст вдоль почтовой или проселочной дороги, специально обустроенная для передвижения войск (с почтовыми станциями, провиантскими магазинами (складами), госпиталями и др.). Общие правила о военных дорогах были изложены в 6-м отделе 2-й главы 3-й части «Учреждения для управления Большой действующей армии». В нем определялись четыре вида военных дорог, а также излагались обязанности должностных лиц по их организации и управлению [2, с. 116–118].

К июню 1812 г. в Российской империи было обустроено 8 военных дорог [3, л. 1–4]. Все они обеспечивали сосредоточение армий, действующих на западном направлении, в зависимости от вероятного хода военных событий [4, с. 121–144]. Однако к моменту изгнания Великой армии большинство из них уже не функционировало [5; 6].

18 января 1813 г. главнокомандующий всеми российскими армиями светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский (далее – М. И. Кутузов) отдал предписание об учреждении военных дорог специальному уполномоченному по приведению в порядок тыла армии генерал-лейтенанту М. М. Бороздину [1, с. 56; 7, л. 18]. Еще в ноябре 1812 г. этому генералу было поручено «водворение устройства в губерниях Смоленской, Могилёвской и Минской и открытие путей военным транспортам», затем район

его ответственности был расширен: «начиная от Смоленской до Виленской губернии» [1, с. 164].

В письме М. И. Кутузова указывалось, что на военных дорогах следовало учредить средних размеров путевые магазины (склады), предназначенные для проходящих команд. Запасы в них следовало непрерывно пополнять [1, с. 142]. В приложенных к письму «Маршрутах военных дорог» [8, л. 316–317 об.; 9, с. 107–110] указывались три вида сборных мест и шесть военных дорог.

В качестве отправных пунктов для создания этих дорог использовались места дислокации военных госпиталей. В них создавались первоначальные сборные пункты: Полоцк (в него собирались военнослужащие из Сокольников), Ольшаны (из Сморгони, Ошмян и Воложина), Борисов (из Дубровны, Орши, Копыси и Шклова), Могилев. «Вторые сборные места» назначались в: Динабурге (из Острова и Люцына), Вильно (из Полоцка), Лида (из Ольшан), Минск (из Борисова и Могилева), Меречь (из Вильно и Оран). «Третьи, или главные, сборные места» определялись в Ковно (здесь планировалось собирать команды из Динабурга и Вильно для последующей отправки к армии графа П. Х. Витгенштейна); и Гродно (собирались команды из Минска, Лиды, Меречи и Вильно и далее отправлялись к Главной армии и к армии адмирала П. В. Чичагова) [1, с. 143].

Исходя из сборных мест в пределах Российской империи учреждались четыре военные дороги: 1-я – от С.-Петербурга до Ковно (через Псков, Остров, Люцын, Динабург, Вилькомир); 2-я – от Полоцка до Ковно (через Глубокое и Вильно); 3-я – от Могилева и Орши до Гродно (через Минск, Койданово, Свержень, Новогрудок); 4-я – от Киева до Пулав (через Житомир, Луцк, Владимир) [1, с. 143]. Поскольку города Гродно и Ковно устанавливались как главные сборные места, от них учреждались две новые военные дороги, следующие непосредственно к армии через Пруссию и Княжество (Герцогство) Варшавское. Первая из них учреждалась от Ковно до Мариенвердера (через Вильковишки, Гумбинен, Шипенбейл, Гейльсберг, За(а)л(ь)фельд, Ризенберг); вторая – от Гродно до Пултуска (через Белосток, Тыкочин, Ломжу, Остроленку) [1, с. 143]. Впоследствии эти дороги планировалось продлить до Калиша.

Для шести военных дорог определялись 14 маршрутов, по которым сборные команды планировалось отправлять к действующей армии. В них устанавливались начальная и конечная точка движения, расстояние между переходами, места растахов (привалов), дислокации госпиталей и магазинов. Маршруты были следующими: 1-й – от Полоцка до Вильно; 2-й – от Динабурга до Ковно; 3-й – от Вильно до Ковно; 4-й – от Могилева до Минска; 5-й – от Орши до Борисова; 6-й – от Борисова до Минска; 7-й – от Минска до Гродно; 8-й – от Воложина до Лиды; 9-й – от Ольшан до Лиды; 10-й – от Вильно до Меречи; 11-й – от Меречи до Гродно; 12-й –

от Гродно до Пултуска; 13-й – от Ковно до Мариенвердера; 14-й – от Киева до Пулав [1, с. 144–145].

Описание военных дорог с подробными маршрутами М. И. Кутузов представил Александру I, который их утвердил. После этого главнокомандующий препроводил эти документы управляющему Военным министерством и поручил принять необходимые меры [1, с. 173]. Кроме того, 21 января 1813 г. М. И. Кутузов отдал распоряжения князю А. И. Горчакову (далее – А. И. Горчаков) относительно функционирования военных дорог в пределах империи. Они состояли из пяти пунктов.

1. На сборные пункты, где не было комендантов, поручалось определить «вроде оных чиновников из ополчения, исправных и расторопных, для наблюдения за порядком при переходе команд, за гошпиталями и магазейнами и для доставления точных сведений о числе и времени переходящих команд» [1, с. 173].

2. Приказывалось отдать распоряжения об учреждении магазинов и гошпиталей на военных дорогах в пределах империи в определенных для этого пунктах [1, с. 173].

3. В магазинах предписывалось иметь не только провиант для людей, но и фураж для лошадей (для обеспечения движения транспортов). В случае недостатка запасов эти магазины должны были незамедлительно пополняться. М. И. Кутузов потребовал «снестись с министром полиции», чтобы на эти дороги местное начальство обращало особое внимание в плане «исправного содержания оных, починки и постройки, где нужно новых мостов, так и касательно преподания воинским командам всякой помощи» [1, с. 173].

4. Предписывалась издать описание дорог в необходимом количестве и разослать его всем заинтересованным лицам. В обязательном порядке печатные экземпляры следовало доставить комендантам и чиновникам из ополчения и на дистанции (от одного сборного пункта до другого). В свою очередь печатными маршрутами приказывалось снабжать команды, которые совершали переходы (для отметки времени их прохождения) [1, с. 173].

5. Предписывалось, чтобы комендантам и чиновникам из ополчения поставить «в непрременную и точную обязанность» следить за тем, чтобы «ни одна команда и ни один транспорт не прошел без того, чтоб начальник или офицер, команду или транспорт препровождающий, не явился у них» [1, с. 173–174]. Для этого следовало снабдить комендантов особыми наставлениями: о порядке осмотра команд и транспортов; о помощи, которую они в случае необходимости должны им оказывать; а также о наблюдении за содержанием гошпиталей и магазинов. Они же должны были доставлять начальнику Главного штаба армии генерал-адъютанту князю П. М. Волконскому (далее – П. М. Волконский) семидневные ведомости [1, с. 173–174].

В свою очередь, в предписании В. С. Ланскому от 25 января 1813 г. М. И. Кутузов возложил на «главноуправляющего интендантской частью при всех армиях» ответственность за устройство заграничных военных дорог в тылу действующей армии [1, с. 173–175]. Он должен был принять распоряжения «на всех пунктах в герцогстве Варшавском и в Пруссии». В документе дублировались указания по организации военных дорог. При этом В. С. Ланскому предписывалось «требовать содействия и вспоможения», а также «исполнения скорого и беспрекословного от мест и чинов», ему подчиненных [1, с. 174–175]. Особое внимание он должен был уделить учреждению на дорогах магазинов и госпиталей.

Впоследствии порядок сбора и формирования воинских команд был уточнен. Для них устанавливались три района сбора: до Днепра; от Днепра до Немана и от Немана до действующей армии. Сбор команд в первом районе (они поступали во вновь формируемые полки и эскадроны) М. И. Кутузов возложил на генералов князя Д. И. Лобанова-Ростовского и А. С. Кологривова; во втором – на А. И. Горчакова, в третьем – на В. С. Ланского [1, с. 164–165].

Помимо общих предписаний, М. И. Кутузов отдал ряд частных указаний генералам и чиновникам по организации военных дорог или их участков. Так, 23 января 1813 г. он приказал М. М. Бороздину представить управляющему Военным министерством отчет о мероприятиях по устройству тыла [1, с. 164–165; 10, л. 116–116 об.]. Генералу поручалось «поспешить к армии», чтобы «устроить здесь новой военной тракт с неразлучным на нем учреждением магазейнов и гошпиталей, начиная оные от берегов Немана до места пребывания армии» [1, с. 165].

Кроме того, 26 января 1813 г. М. И. Кутузов отдал приказание советнику Белостокского областного правления А. Ф. Врубелю [11, с. 527] об устройстве участка военной дороги от Гродно до Белостока (через Кузницу, Сокольно) [1, с. 185–186]. Поэтому до принятия мер со стороны управляющего Военным министерством А. Ф. Врубелю поручалось привести данную дорогу «в такую исправность, дабы при проходе воинских команд и транспортов не могло бы происходить никакой остановки», и они «не могли встретить какого-либо затруднения и недостатка в продовольствии до того времени, пока от воинского департамента устроены будут по оной дороге гошпитали и магазейны для путевого продовольствия» [1, с. 186].

Обеспечение переправ на пограничных реках и прикрытие мостов.

Поскольку граница Российской империи проходила по большим рекам (Неман, Западный Буг, Нарев), то для обеспечения функционирования военных дорог необходимо было построить мосты и прикрыть их предмостными укреплениями (тет-де-понами).

В связи с этим 19 февраля 1813 г. М. И. Кутузов через П. М. Волконского отдал секретное предписание литовскому военному губернатору

А. М. Римскому-Корсакову о постройке мостов «при городах Гродно и Ковно» [1, с. 293–293]. Эти мосты следовало возвести не позднее весны 1813 г. и затем начать строительство тет-де-понов. Для скорого выполнения этого поручения А. М. Римскому-Корсакову следовало отдать предписания, чтобы «по требованиям инженеров к построению сих мостов и тет-де-понов рабочие немедленно и без малейшего отлагательства времени были наряжены», а в местах обнаружения необходимых материалов и припасов, чтобы «беспрепятственно было бы позволяемо взять их под квитанции» [1, с. 294]. После окончания работ мосты и тет-де-поны должны были поступить в ведение гродненского и ковенского комендантов (для охраны сооружений они выставляли воинский караул). В то же время содержание и ремонт этих объектов возлагались «на обязанности городов Гродно и Ковно» [1, с. 294].

5 марта 1813 г. последовало новое предписание М. И. Кутузова А. М. Римскому-Корсакову. В нем еще раз напоминалось о необходимости постройки и содержания мостов и переправ на военных дорогах в пределах Виленской и Гродненской губерний [1, с. 364].

В дальнейшем велась работа по выбору мест для строительства мостов и тет-де-понов на военных дорогах в Княжестве Варшавском. С этой целью 12 марта 1813 г. руководитель Инженерного департамента Военного министерства К. И. Опперман представил М. И. Кутузову докладную записку. В ней в связи с учреждением военных дорог он просил уведомить о планах строительства предместных укреплений на р. Буг [12, л. 126–126 об.].

13 марта 1813 г. М. И. Кутузов сообщил К. И. Опперману о вероятных местах строительства тет-де-понов с учетом направления военных дорог [7, л. 106 об.–107; 1, с. 409–410]. В документе сообщалось, что учрежденные военные дороги идут: одна от Владимира к Калишу (через Устилуг, Хельм, Горы (до построения здесь моста она направлена через Варшаву); а вторая, от Гродно к Калишу (через Белосток, Тыкочин, Ломжу, Пултуск и Плоцк). В то же время на Гранно, о чем спрашивал военный инженер, не вела ни одна из этих дорог. В случае же, если К. И. Опперман изберет «удобные места для построения тет-де-понов на Буге», то главнокомандующий просил его об этом уведомить для изменения направления военных дорог. При этом М. И. Кутузов обращал внимание на то, чтобы предполагаемые укрепления были «не в дальнем расстоянии от учрежденной уже военной дороги для избежания неудобства при новом ее перемещении» [1, с. 409–410].

Поддержание военных дорог в исправности. Большое внимание М. И. Кутузов уделял поддержанию военных дорог в исправном состоянии. Не случайно 22 марта 1813 г. он отдал специальное предписание коменданту г. Ломжи подполковнику Христофорову (инициалы не установлены. – *Авт.*) относительно находящегося в его ведении участка военной дороги. В нем приказывалось содержать его в исправности. В случае же повреждения офицер должен был «настоять у местного начальства о скором и непре-

менном исправлении оных, донося тогда же и генерал-интенданту армии г. генерал-майору Канкрину» [1, с. 456].

Исходя из содержания этого документа можно заметить, что на 22 марта 1813 г. заграничные военные дороги перешли в ведение генерал-интенданта армии Е. Ф. Канкрин, поскольку В. С. Ланской 2 марта 1813 г. был назначен президентом Временного Верховного совета Княжества (Герцогства) Варшавского [1, с. 338].

23 марта 1813 г. М. И. Кутузов через П. М. Волконского отдал предписание П. Х. Витгенштейну об устройстве военных дорог в зоне действия подчиненных ему войск (в Восточной Пруссии) [1, с. 462–463]. Ему же сообщался текст «Инструкции гг. комендантам и начальникам, расположенным с командами для устройства по большой военной дороге», и утвержденные к ней формы. Генералу поручалось уведомить о распоряжениях по организации военной дороги «в крае, занимаемом вверенными вам войсками, и какие в ведение определенных тамо комендантов даны команды» [1, с. 462–463].

О том, насколько важное значение придавалось поддержанию в исправном состоянии военных дорог, свидетельствуют два предписания М. И. Кутузова от 4 апреля 1813 г. Первое было адресовано пултускому временному коменданту подполковнику И. Протопопову [1, с. 526]. «По уведомлению инженер-генерал-лейтенанта Оппермана о военной дороге, вверенной вашему высокоблагородию дистанции, – отмечалось в документе, – замечена она так неисправною, что при малейшей дождевой погоде невозможно будет чрез оную проезжать» [1, с. 526]. Поэтому главнокомандующий «поставил на вид» И. Протопопову и предписал «тотчас настоять у местного гражданского правительства о немедленной починке оной дороги, наблюдая, чтобы и впредь была она во всей исправности, под опасением строгого за упущение взыскания» [1, с. 526].

Второе предписание было адресовано могилевскому гражданскому губернатору графу Д. А. Толстому и касалось исправления переправ по военной дороге, проходившей через Оршанский повет [1, с. 528]. Поводом для это предписания послужил рапорт коменданта г. Орша подполковника Сафонова (инициалы не установлены. – *Авт.*) М. И. Кутузову. В нем отмечалось, что «по военной дороге, проведенной чрез Оршанский повет, <...> не построены на реках Днепре, Оршице и Одере переправы и проходящие к армиям команды и артиллерийские парки терпят крайнюю остановку» [1, с. 528].

Поэтому П. М. Волконский от имени главнокомандующего подтвердил гражданскому губернатору высочайшие предписания относительно содержания в порядке военных дорог и потребовал, чтобы «вышеупомянутые переправы построены были в самом кратчайшем времени и в надлежащей исправности» [1, с. 528]. Одновременно начальник Главного штаба армий

напомнил, что «неисполнение оных при нынешних военных обстоятельствах, <...> может приписано быть в вину начальника губернии и нанести иногда крайнее неудовольствие» [1, с. 528].

Организация провиантских магазинов на военных дорогах. Важной составляющей обеспечения бесперебойного функционирования военных дорог являлось создание путевых провиантских магазинов.

16 февраля 1813 г. А. И. Горчаков уведомил М. И. Кутузова о мерах, принятых к учреждению этих магазинов на военных дорогах в пределах империи. В качестве примера он установил в магазине 9-дневную норму провианта на 2500 человек и фуража на 1500 подъемных лошадей [1, с. 365].

5 марта 1813 г. М. И. Кутузов одобрил принятые А. И. Горчаковым меры и просил строжайше подтвердить ответственным лицам «о скорейшем устройении тех магазейнов и о содержании оных точно в том порядке» [1, с. 365]. В то же время главнокомандующий отметил, что до него доходят непрерывные «жалобы на недостаток продовольствия по военным дорогам, особливо в фураже, начиная от Смоленска до самой границы, отчего транспорты, к армии идущие, совершенно расстроиваются, лошади изнуряются и даже гибнут, а люди при транспортах разбегаются» [1, с. 365–366]. Пресечь подобные явления, по мнению М. И. Кутузова, можно было только «исправным содержанием на военных дорогах магазейнов», и поэтому он просил следить, чтобы «в каждом из них всегда была по крайней мере третья часть предположенной пропорции провианта и фуража в готовности» [1, с. 366].

Однако ситуация с провиантским обеспечением путевых магазинов в белорусско-литовских губерниях оставалась крайне сложной. Военному министерству не удавалось поддерживать в постоянной готовности и путевые, и запасные (армейские) провиантские магазины.

Как отмечал в рапорте А. И. Горчакову от 25 февраля 1813 г. генерал-провиантмейстер армии Н. О. Лаба, выполнение возложенных на Провиантский департамент обязанностей в западных губерниях осложнялось тем обстоятельством, что он не получал запланированного финансирования. Так, к 25 февраля не были выплачены суммы не только за первые два месяца 1813 г., но и за прошедшие два года (8 397 592 руб. 16 $\frac{1}{4}$ коп за 1811 г. и 7 019 244 руб. 18 $\frac{1}{4}$ коп за 1812 г.) [13, с. 276].

В частности, недостаток продовольствия испытывали артиллерийские роты и парки, отправленные из Вильно в действующую армию. На это обратил внимание инспектор всей артиллерии барон П. И. Меллер-Закомельский, и сообщил об этом императору. Александр I поручил графу А. А. Аракчееву разобраться, и 2 апреля 1813 г. тот написал М. И. Кутузову [14, л. 85].

5 апреля, незадолго до смерти, главнокомандующий уведомил об этом А. И. Горчакова и изложил свое видение проблемы с обеспечением воинских команд провиантом. «...По моему заключению неисправность продоволь-

ствия в пограничных губерниях происходит или от худого распоряжения и незаботливости комиссий провиантских, – говорилось в его письме, – или от того, что им не доставляются способы действовать по продовольствию так, как бы следовало» [1, с. 531]. При этом М. И. Кутузов обращал внимание, что вне зависимости от причины «расстройства продовольствия», оно «влечет за собою самые вредные для службы последствия как с той стороны, что войска не могут достигать пунктов, им назначенных, в определенное время, так и с той, что люди и лошади от дурного пропитания, прежде чем дойдут к армии, будут уже изнурены и сделаются бесполезными для службы» [1, с. 532].

Поэтому М. И. Кутузов просил А. И. Горчакова «обратить на сии обстоятельства строжайшее внимание». Причем, если «беспорядок в продовольствии происходит от нерачительности чиновников провиантских», то виновных приказывалось предать суду, а на их место назначить других, «на коих с большею уверенностию положиться можно» [1, с. 532]. В то же время, зная плачевное состояние дел в Провиантском департаменте, М. И. Кутузов просил изыскать на путевые магазины необходимые средства [1, с. 532].

Однако, как сообщал в марте 1813 г. могилевский гражданский губернатор Д. А. Толстой главнокомандующему, «хотя комиссия Витебского провиантского депо и требовала, дабы во уважение претерпенного жителями Могилевской губернии разорения прекращена была выдача войскам провианта и фуража от земли, но что по причине недоставления находящемуся там провиантскому комиссионеру достаточной на тот предмет суммы, обыватели и доселе обременяются от разных воинских команд требованиями о доставлении им продовольствия или под квитанции или заимообразно» [13 с. 283–284].

Поэтому 5 апреля 1813 г. М. И. Кутузов снова просил А. И. Горчакова «об учинении строгого подтверждения Провиантскому департаменту, дабы по Могилевской губернии заготовление продовольствия для воинских команд производимо было с должною исправностию и с упреждением необходимости обращаться командам, при неимении заготовленного от казны продовольствия, к жителям, весьма много и без того стесняемым разными воинскими требованиями» [13, с. 284].

Таким образом, для организации заграничного похода российской армии в 1813 г. по инициативе М. И. Кутузова было принято решение о создании четырех внутренних и двух зарубежных военных дорог. Их функционирование осуществлялось на основании Общих правил о военных дорогах, изложенных в «Учреждении для управления Большой действующей армии». Согласно документу, под «военной дорогой» понималась полоса земли шириной до 28 верст вдоль почтовой или проселочной дороги, специально обустроенная для передвижения войск (с почтовыми станциями, магазинами, госпиталями и др.).

По предложению М. И. Кутузова организация военных дорог в пределах Российской империи (от Днепра до Немана) с начала 1813 г. возлагалась на управляющего Военным министерством А. И. Горчакова. Он же отвечал за своевременное наполнение путевых провиантских магазинов, созданных на этих дорогах. В свою очередь, военные дороги, учрежденные в пределах Пруссии и Княжества Варшавского, первоначально находились в ведении «главноуправляющего интендантской частью при всех армиях» В. С. Ланского (до 2 марта 1813 г.), а затем – генерал-интенданта армии Е. Ф. Канкрин.

Несмотря на формальное разделение ответственности за обустройство военных дорог и различный механизм наполнения провиантских магазинов в пределах империи (за счет средств Военного министерства) и за границей (за счет Пруссии и на реквизиционной основе), этот порядок постоянно нарушался. В связи с нехваткой денежных средств у Провиантского департамента Военного министерства в белорусско-литовских губерниях сбор провианта и фуража, а также всего необходимого для функционирования военных дорог осуществлялся на реквизиционной основе. Все это тяжелым бременем ложилось на население Белорусско-Литовского края, разоренного в 1812 г. войной.

Список использованных источников

1. М. И. Кутузов: сб. док. и материалов / под ред. Л. Г. Бескровного: в 5 т. – Т. 5. – Москва: Военное издательство, 1956. XXXVI, [4], 827, [2] с. табл.

2. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – Т. 32. – Санкт-Петербург: Тип. 2-го отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. – 1109 с.

3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 412. Оп. 1. Д. 423.

4. Лукашевич, А. М. Белорусские земли как вероятный театр военных действий: изучение, инженерная и топографическая подготовка (70-е гг. XVIII в. – 1812 г.) / А. М. Лукашевич. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2010. – 319 с., 16 л. к.

5. Лукашевич, А. М. «В действиях моих имел я одну ту цель чтобы соблюдать пользу Отечества...»: следственное дело губернатора К. К. Лешерна о злоупотреблениях в провиантском обеспечении российской армии в 1812–1813 гг. / А. М. Лукашевич // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2023. – № 2. – С. 5–20.

6. Лукашевич, А. М. Политическая ситуация в западных (белорусских) губерниях накануне и в начале войны 1812 года в оценке российских служб контрразведки / А. М. Лукашевич // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XV Междунар. науч. конф., 9–11 сент. 2008 г. / ред.-изд. совет: А. В. Горбунов (пред.) [и др.]. – Можайск, 2009. – С. 54–70.

7. РГВИА. – Ф. 846. Оп. 16. Д. 3921.
8. РГВИА. – Ф. 846. Оп. 16. Д. 3844.
9. Война 1813 года: материалы Военно-ученого архива / Главного управления Генерального штаба: в 3 т. – Отд. 1: Переписка русских и союзных правительственных лиц и учреждений. – Т. 3. Военные действия в январе, феврале и марте месяцах. – Петроград: Изд-е отдела ген.-квартирмейстера Гл. управления Ген. штаба, 1917. – XI, 215 с.
10. РГВИА. – Ф. 846. Оп. 16. Д. 3453.
11. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1816: в 2 ч. – Санкт-Петербург: Имп. акад. наук, 1816. – Ч. 2. – 6, VIII, 542 с.
12. РГВИА. – Ф. 846. Оп. 16. Д. 3908.
13. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным: в 10 ч. – Ч. 9. – М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1905. – VI, 352 с.
14. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1409. Оп. 1. Д. 710. Ч. 2.

(Дата подачи: 06.02.2025 г.)

A. В. Любый

Белорусский государственный университет, Минск

A. Liuby

Belarusian State University, Minsk

УДК 930.1

**ПРОФЕССОР АЛЕКСАНДР ГЕЙШТОР
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИДЕИ ВЛАСТИ
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ
В ЭПОХУ ЯГЕЛЛОНОВ**

**PROFESSOR ALEKSANDER GIEYSZTOR
AS A RESEARCHER OF THE IDEA OF POWER
IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA
IN THE JAGIELLON AGE**

В статье рассмотрены основные тематические блоки в исследованиях профессора Александра Гейштора по проблеме власти на рубеже Средневековья и раннего Нового времени в Великом Княжестве Литовском, а также по политическим биографиям представителей династии Ягеллонов в Центральной и Восточной Европе. Уделено внимание конструированию биографий в историографии и выделен аспект опубликованности научного наследия историка относительно материалов по истории Великого Княжества Литовского XV–XVI вв.

Ключевые слова: Александр Гейштор; династия Ягеллонов; Великое Княжество Литовское; историография.

The article examines the main problematic blocks in the research of Professor Alexander Gieysztor on the problem of power at the turn of the Middle Ages and early modern times in the Grand Duchy of Lithuania, as well as the political biographies of representatives of the Jagiellonian dynasty in Central and Eastern Europe. Attention is paid to the construction of biographies in historiography and the aspect of the publication of the historian's scientific heritage in relation to materials on the history of the Grand Duchy of Lithuania in the 15th – 16th centuries is highlighted.

Keywords: Aleksander Gieysztor; Jagiellonian dynasty; Grand Duchy of Lithuania; Historiography.

В XX – начале XXI в. возможно выделить несколько ключевых личностей среди исследователей истории Великого Княжества Литовского эпохи Ягеллонов, деятельность которых повлияла на создание персональных либо институциональных научных школ. Их вклад в региональную историографическую традицию постепенно пересматривается благодаря активной работе с персональными архивами и публикаторской деятельностью научных школ и профильных центров. Среди таких знаковых фигур в историографии XX в. особое место занимает профессор Александр Гейштор.

Родился будущий историк в Москве в семье выходцев из минской шляхты Александра Гейштора и Варвары Попель в 1916 г., уже в 1920 г. вместе с семьёй эмигрировал сначала на территорию Центральной Беларуси (в Минск, затем в Клецк), и наконец переехал в Варшаву, в которой прожил до конца своей жизни в 1999 г. Выпускник Варшавского университета и Национальной школы хартий в Париже в послевоенный период работал в том числе директором института истории Варшавского университета и Музея Королевского замка в Варшаве. Долгие годы являлся репрезентантом польской исторической науки на международных конгрессах в 1960–1990-х гг. Принимал участие в создании учебных центров в Пултуске (Гуманитарная академия носит имя Профессора) и в Вильнюсе (проект 1990-х гг. под названием Коллегиум имени Стефана Батория). За плечами Александра Гейштора ряд стажировок в ведущих исследовательских центрах Франции, Англии, Италии.

На формирование Александра Гейштора как учёного в 1930-е гг. повлиял профессор Марцелий Хандельсман, а также продолжительная стажировка в одном из лучших специализированных центров по источниковедению – Национальная школа хартий в Париже (École nationale des chartes).

Знал лично и поддерживал научные контакты с такими специалистами новой европейской исторической науки, как Фернан Бродель, Перси Шрамм и др.

Во второй половине XX в. европейская историческая наука вступила в долгий путь гуманистического переворота и попала под шарм и влияние французской школы Новой истории («La Nouvelle Histoire»), которая декларировала и практически преобразовывала «нарратив-фиксацию событий» в «нарратив-идею». Работы Фернана Броделя и Жака Ле Гоффа кардинально

изменяют подход к изучению личности в истории и возвращают в исторический нарратив биографические исследования.

Социалистические национальные историографии на востоке Европы по своему воспринимали новации. В том числе и историческая наука Польской Народной Республики воспринимает методологию и французский опыт исследования «долгого Средневековья» и по-особенному горизонтальную перспективу развития контактов между учёными обоих государств, о чём хорошо рассказал в своей автобиографической книге Витольд Куля [1].

Исследования в жанре биографистики в гуманитарной науке обычно воспринимаются в качестве вспомогательного, фонового материала, для выяснения предполагаемой степени мотивации и ангажированности автора в той или иной проблематике. Историография среди исторических дисциплин наиболее зависима от соотнесения творчества автора и его жизненного пути, и в своём стремлении к систематизации нарративов зачастую недооценивает персональный вклад в контексте научных школ.

В современной традиции памяти о научных сообществах ведущую роль играют юбилейные даты, связанные преимущественно с деятельностью исследователя, либо с датой его рождения, реже смерти. В данные юбилейные циклы включаются научные мероприятия, которые конструируют память об учёном, а также издаются памятные сборники научных статей, переиздание творческого наследия или воспоминаний о личности Учителя от его учеников. Периодичность таких мероприятий конструирует пространство как научной школы, так и консолидирующих центров для исследователей одной проблематики.

К 100-летию юбилею профессора Александра Гейштора была проведена значительная работа по осмыслению его научного наследия [2], выпущено несколько юбилейных изданий, которые раскрывают многогранную личность в контексте и исторических событий XX в., и методологического роста самого историка [3]. Автором статьи была проделана исследовательская работа с рукописным наследием Александра Александровича Гейштора, его работами по истории биографий Ягеллонов и власти в Средневековье и раннее Новое время [4].

Также стоит отметить, что в 1982 г. историк и журналист Роберт Яроцкий публикует книгу эссе-воспоминаний о своих преподавателях «Видеть ясно без восторга» [5, с. 7–47], в которой попытался раскрыть особенности личности Профессора на пике его популярности в академической среде и повышенного к нему внимания общественности, в связи с завершением работ по открытию Музея Королевского замка. Уже в 2001 г. в сотрудничестве с самим Александром Гейштором Яроцкий создаёт книгу «История Александра Гейштора» в формате большого интервью [6]. Оба произведения заложили определённый канон в восприятии учёных, живых и влиятельных в кругах современной им интеллектуальной элиты. Создание подобных

интервью и рефлексий-воспоминаний позволяло, как в дневниках раннего Нового времени, оставлять о себе память для представителей исторического цеха, своей научной школы и будущих поколений. Впоследствии формат воспоминаний-интервью будут создаваться в различных центрах, историками, которые в той или иной степени занимались регионом Центральной и Восточной Европы эпох Средневековья и раннего Нового времени. Сама биография отходит от позитивистских канонов энциклопедических текстов и превращается в источник по истории эпохи, культуры, идейных, религиозных и других практик.

Под пером самого Александра Гейштора рождались биограммы как историков, так и личностей прошлого, в том числе монархов-Ягеллонов. При изложении биограмм для него характерным был формат изложения истории через осознание личности в истории, в культурных проявлениях выбранной эпохи. Конечно, это преимущественно влияние контактов с французской послевоенной исторической наукой, Фернаном Броделем и другими представителями сообщества, которое мы называем Школой Анналов [1], но также и другими исследовательскими центрами, например немецкими.

К изучению эпохи Ягеллонов Александр Гейштор шел несколько десятилетий. Его идеи и методология исследования текстов источников существенно повлияли на изменения польской историографии во второй половине XX в. Гейштор открыл для себя Ягеллонов через исследование государственной символики и идеологии власти на рубеже Средневековья и раннего Нового времени.

В 1950-е гг. Александр Гейштор уделяет много внимания именно роли династии в развитии государства, формировании символов власти и легитимности. Подобный путь поднимает Александра Гейштора на новый уровень исследования эволюции государственности.

Как сторонник идей французской школы новой истории Александр Гейштор обратил внимание на роль символов королевской власти в деле укрепления и объединения территорий государства и общества. Он обращает внимание на роль королевской короны и ее семиотическое значение для общества в Средневековье и раннее Новое время – *Corona Regni*.

Так называемые «*korona otwarta*» и «*korona zamknięta*» выступают в качестве образа *insignium*-знаков лично короля и одновременно всего королевства. С помощью короны происходит обозначение «суверенности» государства. Образы государства и монарха начинают совмещаться от времени правления Яна Ольбрехта и Александра, а уже при Жигимонте Августе используется только образ короны для всего государства [7; 8, с. 73–98]. Что требует дополнительного исследования в связи появлением возможности исследовать новые материальные источники, в связи с открытием в Королевской крипте кафедрального собора в Вильне в конце 2024 г. погребаль-

ных королевских инсигний эпохи Ягеллонов, в том числе погребальных инсигний великого князя Александра Ягеллончика.

Исследования символов власти, ритуалов и изменения государственной идеологии были проанализированы в публикациях Гейштора. Но большее количество идей было озвучено в выступлениях на научных конференциях и форумах в 1960–1970-х гг. [9; 10; 11].

Символика власти и государства помогли Александру Гейштору переосмыслить эпоху Ягеллонов как ключевую в развитии государственности в Центральной и Восточной Европе.

При Ягеллонах произошло объединение различных территорий в регионе, увеличилась роль шляхты в политических процессах. Во вступлении к каталогу выставки «Польша Ягеллонов. 1386–1572 годы» (Варшава, 1987 г.) Гейштор попытался выделить культурные процессы эпохи, показать изменения духовной и материальной культуры региона в переходный период от Средневековья к раннему Новому времени.

Сама же династия Ягеллонов и политические институты власти оказались на обочине исследовательских интересов Гейштора по нескольким причинам.

В 1970-е гг. историк больше интересуется *homo mediaevalis* (человеком, который может быть и святым, и монархом), восприятие *homo mediaevalis* в источниках [12, с. 30; 13, с. 25–27].

В этот момент впервые Гейштор обращает внимание на разницу в восприятии монарха и государства в Королевстве и в Великом княжестве. Для Польши Ягеллоны представляются как избранные монархи, для Великого Княжества Литовского – наследственные.

Профессор Александр Гейштор искал символическое расхождение между «короной королевской» и «митрой великокняжеской». Его внимание привлекли три эпохи – правление Владислава-Ягайлы, Казимира Ягеллончика (переходный 1447 г.) и правление Жигимонта Августа.

В фондах личного архива Александра Гейштора сохраняются отдельные биографии представителей династии Ягеллонов [14, с. 1–20, 21–35, 41–42]. Фонд «Ш-352» в Архиве Польской академии наук и фонд «Профессора Александра Гейштора» в Архиве Королевского замка в Варшаве хранят несколько текстов, посвященных персонам Владислава-Ягайло, Казимира Ягеллончика, Яна Ольбрахта и Александра, а также Жигимонта Августа.

Большинство из них не были завершены автором, являются набросками для выступлений на конференциях. Однако некоторые материалы удалось подготовить к изданию нашим коллегам из Музея Королевского замка в Варшаве, они размещены в Юбилейном издании, посвящённом профессору Гейштору «Власть – символы и ритуалы» («Władza – symbole i rytuały») [8].

Часть же материалов не была напечатана при жизни автора и по несколько раз переписывалась им самим. Гейштор искал аналогии с процессами

в других регионах Европы. Возможно, момент компаратива превалировал над исследованием региональных особенностей.

Биографы самого Александра Гейштора (например, Юлиуш Бардах, Марья Кочерска, Леонид Горизонтов) отмечают, что интерес Гейштора к биографиям Ягайло и Казимира, в первую очередь, был вызван исследованием такого источника, как «Анналы» Яна Длугоша [13, с. 26]. Гейштор пытался показать образ отдельных Ягеллонов сквозь взгляд краковского каноника.

Но очевидно, что Александра Гейштора больше интересовали культурная эпоха и ее составляющая – политическая культура, а также изменения в символике и презентации власти.

Под влиянием методологии австрийского исследователя Перси Шрамма Гейштор исследует королевский коронационный церемониал. В 1970–1980-е г. печатаются статьи, посвящённые коронации (королевской и великокняжеской, такой какой он ее мог себе представить на casus 1440 г.).

В 1970–1980-е гг. Гейштор выступает на международных конференциях в Италии и Франции, где проводит параллели между церемонией на востоке и западе Европы. Коренное изменение коронационного церемониала, по мнению Александра Гейштора, происходит из-за угасания в Короне и Великом Княжестве Литовском династии Ягеллонов и прихода к власти выборных королей – прежде всего Генриха Валуа.

Все это показывает, насколько сложным был путь Александра Гейштора к Ягеллонике в широком смысле. Изучение эпохи XV–XVI вв. в истории региона Центральной и Восточной Европы позволило Гейштору по-новому рассмотреть процессы в политике и искусстве, которые привели государство и общество к своему «золотому времени».

Исследования Александра Гейштора отразились на научных проектах его учеников и окружения Профессора в Варшавском университете и в Музее Королевского замка (Марья Кочерска, Уршуля Барковска, Войцэх Фальковский, Агнешка Янушек-Серадска, Рафал Яворски и др.). В 1990–2000-е гг. сформировалось целое направление по исследованию эпохи Ягеллонов, в основе которого находились изучения развития материальной и духовной культуры Центральной и Восточной Европы в XV–XVI вв. Оно реализовывалось в XXI в. как в сотрудничестве с международными научными проектами и исследовательскими центрами [15], так и в польских сериях изданий («Praelara stirps Jagiellonica», «Studia Jagiellonica», «Folia Jagellonica. Fontes»).

Пребывание в должности директора Музея Королевского замка в Варшаве, хорошие отношения с Национальным музеем (где долгое время работал его близкий друг и единомышленник Станислав Лоренц) позволили Александру Гейштору не только изучать наследие Ягеллонов, но и презентовать его широкой общественности в виде тематических выставок. Последними интегрированными выставками подобного типа по Ягеллонике

можно считать: в 2013 г. в Национальном музее в Варшаве, в 2024 г. в Музее Королевского замка Вавель в Кракове.

До 2016 г. творческое наследие Александра Гейштора пересматривалось не один раз, но его исследования Ягеллонов так и не были отрефлексированы в историографии, как не было выделено в направлении ягеллонских исследований (*Jagellonica*) и персональной научной школы Александра Гейштора. Хотя очевидно, что с ним связано возникновение научной школы Уршули Барковской, основанной на анализе материалов «Анналов» Яна Длугоша, сакральной культуре представителей династии Ягеллонов, их браков и брачной стратегии, проблемы изменения символов и ритуалов политической культуры.

Таким образом, профессор Александр Гейштор как интеллектуал и руководитель польской исторической науки второй половины XX в. смог реализовать несколько проектов по популяризации истории эпохи Ягеллонов, в том числе в Великом Княжестве Литовском: персональные исследования церемониала и идеологии власти, тематические выставки и специализированные монографии, собрание архивных коллекций, подготовка диссертаций учеников.

Однако долгое время Ягеллоника в исследованиях Александра Гейштора была связана преимущественно с Короной, а Княжество не значилось в опубликованном наследии. Однако изучение личного архива изменило наши представления. А анализ научного наследия позволит нам говорить о формировании целого направления в изучении эпохи Ягеллонов в конце XX – начале XXI в., оформленное под влиянием ученого.

Список использованных источников

1. *Kula, M. Mimo wszystko: bliżej Paryża niż Moskwy: książka o Francji, PRL i o nas, historykach / Marcin Kula. – Warszawa: WUW, 2010. – 724 s.*

2. *Spuścizna Aleksandra Gieysztora (1916–1999) w zbiorach Archiwum Polskiej Akademii Nauk / Hanna Szymczyk z zespołem; [opracowanie Anita Chodkowska, Katarzyna Słojkowska, Izabela Gass, Marian Kmita, Agata Łazowska, Barbara Wiktorowska] Warszawa: Polskie Towarzystwo Archiwalne, 2016. – 486 s.*

3. *Aleksander Gieysztor: człowiek i dzieło / pod redakcją naukową M. Koczerskiej, P. Węcowskiego. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. – 646 s.*

4. *Любы, А. Ул. Jagiellonica паміж Оскарарам Халецкім, Аляксандрам Гейштарам і Ежы Гедройцам: паняціённыя асновы сучаснай гістарыяграфіі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы / А. Ул. Любы // Studia Historica Europae Orientales – Исследования по истории Восточной Европы. – 2018. – Т. 11. – С. 206–220.*

5. *Jarocki, R. Widzieć jasno bez zachwytu / Robert Jarocki. – Warszawa, 1982. – 335 s.*

6. *Jarocki, R.* Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze / Robert Jarocki. – Warszawa: Respublica, 2001. – 358 s.

7. *Gieysztor, A.* “Nos habemus caesarem nisi regem”. Korona zamknięta królów polskich w końcu XV i w wieku XVI / A. Gieysztor // Muzeum i twórca. Studia z historii sztuki ku czci prof.dr. Stanisława Lorentza. – Warszawa, 1969. – S. 277–292.

8. *Gieysztor, A.* Władza. Symbole i rytuały / A. Gieysztor; redakcja P. Mrozowski, P. Tyszka, P. Węcowski. – Warszawa: Muzeum Zamek Królewski w Warszawie, 2016. – 375, [1] s.

9. *Gieysztor, A.* “Ornamenta regia”: Le gest dans la cérémonie du couronnement dans la Pologne médiévale / A. Gieysztor // Curia maior. Studia z dziejów kultury ofi arowane Andrzejowi Ciechanowieckiemu. – Warszawa, 1990. – S. 30–36.

10. *Gieysztor, A.* Przemiany ideologiczne państwa pierwszych Piastów a wprowadzenie chrześcijaństwa / A. Gieysztor // Początki państwa polskiego. Księga tysiąclecia / pod red. K. Tymienieckiego. – Poznań, 1962. – T. II. – S. 156–169.

11. *Gieysztor, A.* Spektakl i liturgia – polska koronacja królewska // Kultura elitarna i kultura masowa w Polsce późnego Średniowiecza (Materiały z sympozjum zorganizowanego przez IH PAN w Kazimierzu n. Wisłą w grudniu 1975) / pod red. B. Geremka. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978. – S. 9–23.

12. *Gieysztor, A.* Polski homo mediaevalis w oczach własnych / A. Gieysztor // Polaków portret własny. Praca zbiorowa / pod red. M. Rostworowskiego. – Kraków: Wydaw. Literackie, 1979. – S. 19–31.

13. *Koczerska, M.* Aleksander Gieysztor jako historyk dziejów Polski i powszechnych / M. Koczerska // Przegląd Historyczny. – 2000. – T. XCI. – Z. 1. – S. 19–40.

14. Archiwum Polskiej Akademii Nauk w Warszawie. – III-352: Materiały Aleksandra Gieysztorza. – № 86.

15. *Любы, А. Ул.* Ягелоніка XXI стагоддзя: макрапраекты па гісторыі дынастыі і рэгіёна ў еўрапейскай гістарыяграфіі / Ул. А. Любы // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические науки: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1. Вып. 15 / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск: РИВШ, 2015. – С. 110–117.

(Дата подачы: 24.02.2025 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бароўская В. М.</i> АСАБЛІВАСЦІ ЗАКЛЮЧЭННЯ САВЕЦКА-ПОЛЬСКАЙ КОНСУЛЬСКАЙ КАНВЕНЦЫ ДЛЯ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ ў 1923–1924 ГГ.	3
<i>Белозорович В. А.</i> ГЕНЕРАЦІЯ ПОКОЛЕНІЙ УЧЭНЫХ-ІСТОРИКОВ БЕЛАРУССКОЙ ССР.....	9
<i>Бохан Ф. Ю.</i> КРЫНІЦЫ І ІНСТРУМЕНТЫ ЗАБЕСПЯЧЭННЯ ўПЛЫВУ МАГНАТЭРЫІ Вялікага княства Літоўскага ў XVII–XVIII СТ.	15
<i>Бригадин Д. П.</i> ОСНОВНЫЕ ВИДЫ И ДИНАМИКА ГОРОДСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	23
<i>Брилева Т. И.</i> СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЛАРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ, ПРИБЫВШЕГО ИЗ ПОЛЬШИ В БССР В 1944–1947 ГГ.	32
<i>Волкава В. В.</i> НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ПАЛІТЫКА НЯМЕЦКІХ АКУПАЦЫЙНЫХ УЛАДАў АДНОСНА БЕЛАРУСАў У ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ	39
<i>Гавриленко К. Е.</i> СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ПО ИСТОРИИ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ.....	48
<i>Гавриловец Л. В.</i> ПОЛИТИКА ПНР ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ В 1955–1970 ГГ.: КРАТКИЙ ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	60
<i>Дежиц А. Д.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ МИСТИЧЕСКИХ И НАТУРФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ (VI–V ВВ. ДО Н. Э.)	69
<i>Довматович К. Д.</i> ПРИНЦИПЫ СЕЙМОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В КОНЦЕ XV – ВТОРОЙ ТРЕТИ XVI В.	77
<i>Довнар Л. А.</i> ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТОКАРНОГО ДЕЛА В БЕЛАРУСИ	86
<i>Дубатовка А. Г.</i> ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1804–1867 ГГ.)	93
<i>Елисеенко Е. В.</i> ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ОБЕЗБОЛИВАНИЯ И УСКОРЕНИЯ РОДОВ КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ОХРАНЫ РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ ЖЕНЩИНЫ В БССР 1930-Х ГГ.....	101
<i>Ерашэвіч А. У.</i> УДЗЕЛ ДЗЯРЖАВЫ ў ФІНАНСАВАЙ ПАДТРЫМЦЫ ДЗЕЙНАСЦІ ўНІЯЦКАЙ ЦАРКВЫ ў БЕЛАРУСКИХ ГУБЕРНЯХ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ (КАНЕЦ XVIII СТ. – 30-Я ГГ. XIX СТ.).....	108

<i>Жэнь Сюэ. ОТРАЖЕНИЕ КОНФУЦИАНСКИХ УСТАНОВОК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР</i>	119
<i>Забельникова О. В. ДИСКУССИИ СОВЕТСКИХ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТОВ ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ «ВСТРЕЧИ МИРОВ» НА АМЕРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ</i>	126
<i>Захарыч В. І. РАСХОДЫ КЛЯШТАРА Ў БЕЛАРУСІ Ў ХVІІІ СТ. У АДПАВЕДНАСЦІ З ДАМІНІКАНСКІМІ КНІГАМІ ВЫДАТКАЎ РЭЧЫЦЫ І ЗАСЛАЎЯ</i>	134
<i>Казак О. Г. ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В БЕЛАРУСИ В ДОКУМЕНТАХ КОМИССИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА БССР (1990–1991 ГГ.)</i>	141
<i>Калачёва И. И., Чжан Синь. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПРОДВИЖЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КИТАЙСКОГО НАРОДА: ВЗГЛЯД ИЗ БЕЛАРУСИ</i>	147
<i>Камінскі У. Ю. «ЗЛУЧЭННЕ ПАМІЖ ЦАРКВОЮ... АДЛОГАМ ЛЯЖАЛА»: ФЛАРЭНТЫЙСКІ УНІЙНЫ ПРАЕКТ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ ВКЛ НАПЯРЭДАДНІ БЕРАСЦЕЙСКАЙ УНІІ</i>	156
<i>Карпович К. Н. ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ (1860–1914 ГГ.)</i>	164
<i>Кирдик Д. Н. РАЗРАБОТКА И ПРИНЯТИЕ ПЕРВОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ</i>	171
<i>Киселёв А. А. КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПО КОМПЛЕКТОВАНИЮ ПОЛИЦИИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ: ОТ СЕКРЕТНОГО ЦИРКУЛЯРА 2 ФЕВРАЛЯ 1855 Г. ДО ЕГО ОТМЕНЫ (1855–1857 ГГ.)</i>	179
<i>Кравченко В. А. КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИРЛАНДИИ В 1829–1869 ГГ.</i>	187
<i>Крепский Ю. Г. ВКЛЮЧЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ОБЩЕРОССИЙСКУЮ СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ (1824–1863 ГГ.)</i>	196
<i>Кривицкий М. А. ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ БАПТИЗМА В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ ХІХ – НАЧАЛО ХХ В.): СУЩНОСТЬ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ИТОГИ</i>	204
<i>Ландина Л. В. ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНИНА В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИКИ ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ</i>	213

<i>Лепеш О. В.</i> СОЗДАТЕЛЬ АВТОМОБИЛЬНЫХ «ЗУБРОВ» Г. М. КОКИН: ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ	220
<i>Лисовская Т. В.</i> ПРОТЕСТАНТИЗМ И МИССИОНЕРСТВО СРЕДИ ЕВРЕЕВ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	227
<i>Литвиновская Ю. И.</i> ЭРФУРТСКАЯ ВСТРЕЧА ИМПЕРАТОРОВ	239
<i>Лукашевич А. М.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННЫХ ДОРОГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА РОССИЙСКОЙ АРМИИ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ (ДЕКАБРЬ 1812 – АПРЕЛЬ 1813 Г.).....	245
<i>Любый А. В.</i> ПРОФЕССОР АЛЕКСАНДР ГЕЙШТОР КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИДЕИ ВЛАСТИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В ЭПОХУ ЯГЕЛЛОНОВ.....	255

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 25

В 4 частях

Часть 1

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Компьютерная верстка *Я. И. Былинович*

Корректор *И. М. Подоматько*

Подписано в печать 01.08.2025. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 20,1. Тираж 38 экз. Заказ 65.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.